

Краснодарский университет МВД России

**УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА
И КУЛЬТУРА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ**

Материалы
Международной научно-практической конференции

(15 сентября 2017 г.)

Том II

Краснодар
2017

УДК 343
ББК 67.408
У26

Одобрено
редакционно-издательским советом
Краснодарского университета
МВД России

Редакционная коллегия:

К. В. Вишневский, доктор юридических наук, профессор (председатель);

И. А. Паршина, кандидат юридических наук, доцент
(заместитель председателя);

И. В. Танага, кандидат юридических наук (ответственный секретарь);

П. В. Максимов, кандидат юридических наук;

А. З. Хун, кандидат юридических наук, доцент

Уголовная политика и культура противодействия преступ-
ности : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 15 сент. 2017 г. :
в 2 т. / редкол.: К. В. Вишневский, И. А. Паршина, И. В. Танага,
П. В. Максимов, А. З. Хун. – Краснодар : Краснодарский универси-
тет МВД России, 2017. – Т. II. – 312 с.

ISBN 978-5-9266-1334-3 (т. II)

ISBN 978-5-9266-1283-4

В сборнике опубликованы материалы Международной научно-практической конференции «Уголовная политика и культура противодействия преступности», состоявшейся в Краснодарском университете МВД России 15 сентября 2017 г.

Для профессорско-преподавательского состава, докторантов, адъюнктов, курсантов, слушателей, студентов образовательных организаций и сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 343
ББК 67.408

ISBN 978-5-9266-1334-3 (т. II)
ISBN 978-5-9266-1283-4

© Краснодарский университет
МВД России, 2017

Савенко Ирина Алексеевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Особенности ответственности за провокацию взятки либо коммерческого подкупа

Борьба с коррупционными преступлениями и стремление повысить статистические данные о раскрываемости, зачастую толкает лицо к совершению провокационных действий, направленных на искусственное создание доказательств о якобы принятом предмете взятки. По данным ГИАЦ МВД РФ в России отсутствуют сведения о рассмотрении дел в суде по факту провокации взятки, предусмотренной ст. 304 УК РФ.

Как известно, провокация может быть там, где есть власть, точнее, где есть ее субъект в лице должностного лица, наделенного определенными правами и полномочиями, выполняющего перед обществом и государством установленные обязанности, а также лицо выполняющее управленческие функции в негосударственной сфере.

Коррупцированные чиновники, подрывая эффективность государственного управления и дискредитируя в глазах граждан достоинство и авторитет органов власти, представляют угрозу для безопасности Российского государства.

Уже много лет среди ученых и практических работников продолжается дискуссия относительно понятия «провокация», что, на наш взгляд, можно объяснить рядом причин: во-первых, не разрешен вопрос о степени общественной опасности провокационной деятельности; во-вторых, понятие провокации, которое содержится в ст. 304 УК РФ, не соответствует общеупотребительному смыслу данного слова в русском языке. Под провокацией понимается «предательское поведение, подстрекательство кого-либо к таким действиям, которые могут повлечь за собой тяжкие для него последствия»¹. Проблема оценки провокации преступления осложнена тем, что в теории уголовного права явно не в полной мере исследован вопрос о сущности действий лица, которые провоцируют совершение преступления.

Явление провокации взятки имеет глубокие исторические корни. Впервые упоминание об этом феномене появилось в Уголовном законодательстве 1922 года в статье 115, «как провокация предложения взятки». Данный вид преступлений совершался именно теми лицами, которые являлись взяточниками и провоцировали других лиц передавать им предмет

¹ Абдрашев Р.М. Провокация взятки или правомерное поведение? // ЕвразЮж. – 2010. – № 4 (23). – С. 21 – 22.

взятки и таким образом обеляли себя в глазах общества и государства. Затем учитывая низкий уровень раскрываемости и несовершенство нормы, в Уголовный кодекс 1961 года она не была включена и лишь в 1996 году получила право на жизнь и включила в себя провокацию коммерческого подкупа, аналога взятки.

С такой позицией законодателя не согласны многие авторы, к примеру, В. Бобреньев высказывался по данному поводу следующим образом: «Следуя логике законодателя, наверное, следовало бы ввести статьи за провокацию хищения, убийства, изнасилования и любого другого преступного деяния...»¹. С таким мнением согласен и А. Аникин, который указывал на то, что в действующем УК РФ предусмотрено более 250 видов составов преступлений и лишь по 2-м из них (взятка и коммерческий подкуп) устанавливается ответственность за провокацию этих преступлений². Выскажемся, что мы солидарны с указанными авторами, позиция законодателя по установлению ответственности только за два упомянутых выше вида преступления вызывает у нас непонимание.

В диспозиции статьи 304 УК РФ говорится о попытке передачи должностному лицу, иностранному должностному лицу, должностному лицу публичной международной организации либо лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческих или иных организациях без его согласия как бы взятки (предмета провокации) в виде денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания ему услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав в целях искусственного создания доказательств совершения преступления или шантажа. Следовательно, провокацией в буквальном смысле можно признать лишь такие действия, как подбрасывание предмета как бы взятки в кабинет (рабочий стол) должностного лица, иностранного должностного лица, должностного лица публичной международной организации либо иные манипуляции, которые будут направлены на то, чтобы «всучить» (путем обмана, насилия или введения в заблуждение) ему предмет как бы взятки в целях осуществления непосредственно за этим «задержания с поличным» и «разоблачения» потерпевшего. Напротив, нет оснований говорить о провокации в смысле ст. 304 УК РФ, если инициатива взятки исходила от самого проверяемого должностного лица, иностранного должностного лица, должностного лица публичной международной организации.

Заметим, что квалифицируя действия, которые указаны в ст. 304 УК РФ, проблем, как правило, у правоприменителей не возникает, если деятельность провокатора имеет направленность непосредственно на потенциальный субъект получения взятки либо коммерческого подкупа. В тоже время провокаторы могут использовать доверительные отношения с должност-

¹ Бобреньев В. А у нас взятки гладки // Социальная защита. – 1997. - № 1. – С.197-201.

² Аникин А. Ответственность за взяточничество по новому УК РФ // Законность. – 1997 – № 6. – С. 32-35

ным лицом, либо с лицом, которое выполняет управленческие функции в коммерческой или иной организации, либо с его близкими, действовать при помощи убеждений о преимуществе получения взятки за выполнение им действия либо бездействия, и очень часто их старания достигают желаемого результата. Как следствие, возникает ряд сложностей при квалификации и привлечении к уголовной ответственности действий провокаторов и лиц, которые спровоцированы к получению и даче взятки. Ряд ученых, например, А.А. Жижиленко, А.Н. Трайнин, А. Гюнтер, считали, что взяткодатель и взяткополучатель, которые являются спровоцированными к соответствующему преступному деянию, уголовной ответственности не должны подлежать¹. Немного другая позиция у А.Я. Эстрина, который считал, что частные лица, которые были спровоцированы на дачу взятки, не должны подвергаться уголовной ответственности, а должностные лица, иностранные должностные лица, должностные лица публичной международной организации в свою очередь, которые допустили себя спровоцировать на получение взятки, должны нести уголовную ответственность за это преступное деяние². Разъяснения по данному вопросу можно найти в постановлении Пленума Верховного суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», в котором хоть и не содержится понятия провокации, в тоже время указано, что ответственность за провокацию взятки либо коммерческого подкупа наступает лишь в случае, когда попытка передачи денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав осуществлялась с целью искусственного формирования доказательств совершения преступления или шантажа и должностное лицо, иностранное должностное лицо, должностное лицо публичной международной организации либо лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, заведомо для виновного не совершало действия, свидетельствующие о его согласии принять взятку либо предмет коммерческого подкупа, или отказалось их принять³.

Действующий Уголовный кодекс РФ не предусмотрел специальных норм об ответственности за провокацию дачи взятки, хотя данные действия имеют не малую общественную опасность. К примеру, когда чиновники (или другие должностные лица), пользуясь зависимостью и правовой неосведомленностью граждан, могут спровоцировать их на совершение преступлений. В таких случаях важно верно разграничивать понятия вы-

¹ Абдрашев Р.М. Провокация взятки или правомерное поведение? // ЕврАзЮж. – 2010. – № 4 (23). – С. 21 – 22.

² Назаров А.Д. Провокация в оперативно-розыскной деятельности: учеб.пособие. – М.: Юрлитинформ, 2010. – С. 112–113.

³ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 03.12.2013) // Российская газета. – 2013. – № 6255 (279). – 11 декабря.

могательства как квалифицирующего признака состава получения взятки и провокации к даче взятки. Если должностное лицо имеет нацеленность на получение взятки, своими действиями вынуждает взяткодателя к соответствующему поведению, такие действия должны быть квалифицированы как вымогательство. И наоборот, когда чиновник или сотрудник правоохранительных органов инициирует действия зависимого лица с целью выявления взятки при помощи создания искусственных условий, подталкивающих лицо к совершению преступления, такие действия чиновника являются провокационными¹.

Б.В. Волженкин считает, что действия должностного лица, который умышленно создал обстановку и условия с целью вызвать предложение дать ему взятку, склоняющего, намекающего на необходимость дачи взятки, чтобы в последующем изобличить взяткодателя, неверно квалифицировать как приготовление к получению взятки или покушение на получение взятки, так как у должностного лица в действительности отсутствовал умысел на взяточничество.

В действующем в настоящее время уголовном законе уголовная ответственность предусмотрена за провокацию двух видов преступления – «провокацию взятки либо коммерческого подкупа» (ст. 304 УК РФ).

Провокация взятки либо коммерческого подкупа по законодательству Российской Федерации определена как «попытка передачи должностному лицу, иностранному должностному лицу, должностному лицу публичной международной организации либо лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческих или иных организациях, без его согласия денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания ему услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав в целях искусственного создания доказательств совершения преступления либо шантажа» (ст. 304 УК РФ).

Составляя уродливую форму борьбы со взяточничеством или одну из форм сведения личных счетов, провокация взятки либо коммерческого подкупа представляет собой серьезную общественную опасность, которая, как нам видится, заключена в том, что подобными действиями не только происходит подрыв репутации должностного лица, иностранного должностного лица, должностного лица публичной международной организации либо лица, которое выполняет управленческие функции в коммерческих или иных организациях, но и главное, искусственным образом создается повод к возбуждению уголовного дела и его производству, тем самым происходит отвлечение силы и средств органов предварительного расследования от процессуальной деятельности по делам, по которым действи-

¹ Котин В.П. Провокация взятки (К проблеме совершенствования законодательства) // Государство и право. –1996. – № 2. – С. 82-87.

тельно было совершено преступление, тем самым грубейшим образом происходит нарушение принципов правосудия в Российской Федерации.

Если говорить о провокации вообще (от лат. *provocatio*), то следует отметить, что под данным понятием следует понимать подстрекательство, побуждение отдельных групп, организаций к действиям, которые влечет за собой тяжкие последствия¹, намеренное создание ситуации, которая подталкивает, вынуждает или способствует совершению тем или иным лицом выгодных провокатору (в том числе и преступных) действий. Абсолютно любая провокация противоречит принципу законности при производстве по уголовному делу (ст. 7 УПК РФ²), в тоже время, нельзя не сказать о том, что ни УПК РФ, ни ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»³ не дает правоохранительным органам и их должностным лицам права на использование мероприятий, которые бы носили провокационный характер⁴. Вне зависимости от значимости целей, к достижению которых стремится провокатор, провокационные методы всегда следует считать аморальными и антигуманными, и их использование в деле борьбы с преступностью способно нанести вред, не меньший, чем вред, причиняемый самой преступностью. По мнению К. А. Майера и А. Д. Назарова, «провокацию преступления образуют активные действия субъектов по умышленному побуждению лица, у которого первоначально нет преступного умысла, к совершению преступления»⁵. По мнению А.С. Горелика, под провокацией следует понимать «...побуждение кого-либо к вредным для него действиям»⁶. Б. В. Волженкин считает, что «сущность провокации преступного деяния состоит в том, что провокатор сам целеустремленно возбуждает у другого лица намерение совершить преступление, с тем чтобы в последующем изобличить или шантажировать лицо, поставить его в зависимое положение, вызвать иные неблагоприятные для него последствия»⁷. Употребительно к исследуемому составу провоцируется получение взятки или коммерческого подкупа⁸. Проводя сопоставление данного деяния с признака-

¹ Коррупция и антикоррупционная политика (Словарь) / под ред. П.А. Кабанова, Г.И. Райкова, Д.К. Чиркова. – М.: МедиаПресс, 2015. – С. 209.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 19.12.2016) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Майер К.А. Недопустимость провокаций в уголовном процессе / К.А. Майер, А.Д. Назаров // Следственная практика. – 2004. – № 4 (165). – С. 198.

⁵ Майер К.А. Недопустимость провокаций в уголовном процессе / К.А. Майер, А.Д. Назаров // Следственная практика. – 2004. – № 4 (165). – С. 257.

⁶ Курс российского уголовного права. Особенная часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М.: Юрист, 2002. – С. 741.

⁷ Волженкин Б.В. Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики. Изд. Доп. и пер. – М.: Юрист, 2014. – С. 309.

⁸ Комментарий к УК РФ / отв. ред. А. В. Наумов. – М.: Спарк, 2013. – С. 721.

ми объективной стороны других преступлений, например, ответственность за которые предусмотрена ст. 291 («Дача взятки») и ч. 1-4 ст. 204 УК РФ («Коммерческий подкуп»), заметим, что в данном случае речь идет не о даче взятки или передаче коммерческого подкупа, как таковых, а только лишь о попытке передачи денег, иных ценностей или услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав относящихся к предметам этих преступлений. Причем делается это без соответствующего волеизъявления принять указанные материальные ценности или услуги со стороны лица принимающего подкуп или взятку.

С.Н. Радачинский замечает, что по своей юридической природе провокация внешне имеет схожие черты с подстрекательством к совершению преступления. Однако о подстрекательстве и соучастии в данном случае говорить не уместно, так как «...каждый из участников этих действий пытается достичь самостоятельного, несовпадающего результата, более того, результата диаметрально противоположного»¹.

В практике встречаются случаи, когда одно лицо преследует цель искусственного создания доказательств принятия взятки либо подкупа, а другое лицо даже об этом не подозревает. О таких случаях говорят, что одно лицо «вслепую» использует второе лицо, осознанием которого охватывается причинение вреда общественным отношениям, поставленным УК РФ на охрану государственной власти и государственной службы, а также службы в органах местного самоуправления, но все же это лицо реализовывает свой преступный умысел. В данном случае имеет место фактическая ошибка в объекте посягательства.

«Не может такое деяние квалифицироваться и как оконченное посягательство на тот объект, которому вред был фактически причинен, так как такие действия не охватывались умыслом виновного лица, и потому вменение будет объективным».²

Исходя из общего правила квалификации в данном случае мы не можем не дать оценку признакам эксцесса исполнителя. В случае признания действий лица эксцессорными необходимо исключить возможность привлечения его к уголовной ответственности, но при этом нельзя не дать оценку его фактически совершенным действиям. Следовательно, исходя из субъективной стороны и поставленной цели, действия виновного должны квалифицироваться как покушение на провокацию взятки либо коммерческого подкупа.

Другая точка зрения сведена к тому, что при провокации взятки либо коммерческого подкупа фактически имеет место подстрекательство к совершению данных преступлений, в связи с чем применительно к провока-

¹ Радачинский С.Н. Ответственность за провокацию взятки либо коммерческого подкупа: дис...канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 1999. – С. 11-12.

² Коржанский Н.И. Объект посягательства и квалификация преступлений. Волгоград, С. 104 -105.

ции взятки состав преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ, по которому квалифицируются действия субъекта – «provokatora», следует рассматривать как привилегированный¹. Вместе с тем подстрекательство в своей основе предполагает, что другое лицо обязательно совершает преступление, к которому его склоняют, чего не требуется для признания рассматриваемого преступления оконченным (достаточно, чтобы была предпринята лишь попытка передачи взятки либо коммерческого подкупа).

Соответственно provokator несет в этом случае ответственность не за дачу взятки (коммерческий подкуп), а по ст. 304 УК РФ...»². В тоже время Б.В. Волженкин считает, что «...и спровоцированное должностное лицо (лицо, выполняющее управленческие функции) от ответственности... освобождаться не должно. Хотя и под влиянием provokatora оно имело намерение совершить преступление и выполнило ряд действий по реализации данного намерения. Это не просто обнаружение умысла, а действия, которые направлены на совершение преступления, то есть покушение на получение взятки (покушение на коммерческий подкуп)»³.

Нельзя не сказать, что provokatsiya взятки либо коммерческого подкупа по законодательству Российской Федерации имеет схожесть с некоторыми другими преступлениями против правосудия, прежде всего с заведомо ложным доносом и фальсификацией доказательств. Тем не менее, вызывает возражения мнение В. Н. Кудрявцева о том, что provokatsiya взятки либо коммерческого подкупа «...по существу, является частным случаем фальсификации доказательств»⁴. Представляется, что при установлении признаков фальсификации доказательств по делу о получении взятки или коммерческом подкупе со стороны дознавателя, следователя, прокурора или защитника должна наступать ответственность по ч. 2 или 3 ст. 303, а не по ст. 304 УК РФ.

¹ Горелик А.С. Преступления против правосудия. / А.С. Горелик, Л.В. Лобанова – С-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2005. – С. 110.

² Волженкин Б.В. Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики. – М.: Юридический центр Пресс, 2005. – С. 314.

³ Волженкин Б.В. Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики. – М.: Юридический центр Пресс, 2005. – С. 315.

⁴ Курс российского уголовного права. Особенная часть / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М.: Юрист, 2002. – С. 753.

Сичкаренко Александр Юрьевич,
кандидат юридических наук, доцент,
старший преподаватель Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

«Транспортное» хулиганство: особенности квалификации

Борьбе с грубым нарушением общественного порядка в нашем государстве всегда уделялось особое внимание. Не случайно, норма, предусматривающая уголовную ответственность за хулиганство, часто становилась предметом законодательного регулирования. История нормы об уголовной ответственности за хулиганство справедливо в науке уголовного права именуется «многострадальной»¹. При этом с момента действия УК РФ 1996 г. изменению подвергались не только отдельные признаки указанного состава, но и его законодательная конструкция. Диспозиция нормы о «классическом» хулиганстве, заключающееся в умышленных действиях, грубо нарушающих общественный порядок и выражающих явное неуважение к обществу, по воле законодателя сначала была дополнена указанием на «вооруженность» таких действий. Затем альтернативным признаком «вооруженности» хулиганства стал экстремистский мотив его совершения.

Однако на этом история совершенствования уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за хулиганство, не закончилась. Так, Федеральным законом от 03.04.2017 г. № 60-ФЗ² были внесены изменения в УК РФ, которые затронули и положения нормы, закрепленной в ст. 213 УК РФ. Указанный закон закрепил в качестве самостоятельного состава хулиганства грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также на любом ином транспорте общего пользования. Следует отметить, что проблема противодействия уголовно-правовыми средствами действиям в виде явного неуважения обществу, совершаемым на транспорте, возникла давно. Достаточно указать, что законопроект указанных изменений УК РФ был внесен на рассмотрение в законодательные органы еще в 2011 г. В пояснительной записке к законопроекту справедливо указывается, что «опасность, которой подвергаются пассажиры, находясь в транспортном средстве, и лица, им управляющие, выше по сравнению с опасностью, которой подвергались бы граждане в результате хулиганских действий, совершенных в других общественных местах». По мнению авторов закона, влияние на повышение степени опасности, которой подвергаются жизнь и здоровье

¹ Кибальник А., Соломоненко И. «Экстремистское» хулиганство - нонсенс уголовного закона // Законность. 2008. № 4.

² Собрание законодательства РФ, 10.04.2017, № 15 (Часть I), ст. 2135.

пассажиров и лиц, управляющих транспортными средствами, оказывает «замкнутость самого пространства»¹.

Криминализация хулиганства на транспорте, безусловно, будет играть положительную роль в предупреждении указанного противоправного поведения. Однако, для успешного применения закона на практике необходима четкость в понимании положений его норм, чего нельзя сказать о рассматриваемом деянии. Диспозиция нормы, закрепленной в п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ, не дает точного понимания признаков объективной стороны данного вида хулиганства. Так, законодательно не определен юридический момент начала совершения преступления. Резонно возникает вопрос, следует ли считать преступными хулиганские действия, совершенные хоть и на транспорте, но до начала его движения, либо необходимо обязательное установление их совершения только в процессе непосредственной эксплуатации транспорта? Соответственно, должен ли виновный осознавать эти обстоятельства при совершении грубого нарушения общественного порядка?

По общему правилу, при решении вопроса о моменте начала совершения преступных действий, образующих объективную сторону «транспортного» хулиганства, следует акцентировать внимание на социально-правовой обусловленности нормы, которую вкладывал законодатель в обоснование принятия Федерального закона от 03.04.2017 г. № 60-ФЗ.

В частности, в пояснительной записке к законопроекту его авторы указали, что «опасность, которой подвергаются пассажиры, находясь в транспортном средстве, и лица, им управляющие, выше по сравнению с опасностью, которой подвергались бы граждане в результате хулиганских действий, совершенных в других общественных местах». Различны по степени общественной опасности и «последствия от хулиганских действий, совершенных на улице в отношении граждан, от аналогичных действий, угрожающих безопасности эксплуатации транспортных средств, особенно воздушных судов»². По мнению авторов закона, влияние на повышение степени опасности, которой подвергаются жизнь и здоровье пассажиров и лиц, управляющих транспортными средствами, оказывает «замкнутость самого пространства транспортного средства»³. Эксплуатация же означает

¹ Паспорт проекта Федерального закона № 572517-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (в части установления ответственности за действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств)» // КонсультантПлюс.

² Паспорт проекта Федерального закона № 572517-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (в части установления ответственности за действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств)». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 20.08.2017).

³ Там же.

использование устройства по назначению, то есть для осуществления услуг перевозки пассажиров, грузов.

С учетом вышеизложенного следует заключить, что грубое нарушение общественного порядка, выраженное в явном неуважении к обществу, совершенное на транспорте общего пользования, применительно к положениям п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ, будет признаваться преступным лишь с момента начала движения транспортного средства до момента его остановки. Только при таких условиях будет повышаться степень общественной опасности хулиганских действий, а также создаваться угроза безопасности эксплуатации транспортного средства. Следовательно, при установлении субъективной стороны рассматриваемого состава преступления необходимо устанавливать осознание виновным не только факта грубого нарушения общественного порядка, выразившегося в явном неуважении к обществу, но и создание угрозы безопасности эксплуатации транспортного средства и лиц, на нем находящихся.

Отсутствие замкнутого пространства и способность лиц уклониться от действий виновного, а также отсутствие потенциальной угрозы для эксплуатации транспортных средств не позволяет говорить о наличии общественной опасности совершаемых действий, необходимой для признания их преступными.

Вместе с тем необходимо учитывать, что для различных видов транспорта остановка на незначительный промежуток времени еще не указывает на отсутствие потенциальной угрозы хулиганских действий для безопасности движения. В анализируемой норме законодательно не отражено, что угроза грубого нарушения общественного порядка должна представлять опасность исключительно тому транспорту общего пользования, на котором находится виновный. Не рассмотрены в качестве обязательных такие условия авторами законопроекта и в пояснительной записке. К примеру, задержка железнодорожного состава на станции во время непродолжительной стоянки из-за хулигана, демонстрирующего явное пренебрежение к окружающим и противопоставляющим себя обществу грубой форме, с учетом строгости соблюдения установленного для движения железнодорожных подвижных составов расписания автоматически создает опасность для движения других транспортных средств по данным железнодорожным путям. Задержка самолета на взлетной полосе аэропорта по тем же причинам создает опасность для другого воздушного судна, которые уже не сможет осуществить посадку на данную полосу. А если представить, что топливо такого воздушного транспортного средства будет на исходе, то характер и степень общественной опасности поведения виновного для безопасности движения пусть и иного транспорта, на наш взгляд, более чем очевидны.

Следовательно, юридический момент начала совершения «транспортного» хулиганства по общему правилу следует связывать не только с

началом совершения действий, выразившихся в грубом нарушении общественного порядка и явном неуважении к обществу, но с моментом начала движения транспортного средства и до момента его остановки. При этом остановка транспорта на незначительный промежуток времени в процессе совершения хулиганских действий, указывающая на отсутствие признака эксплуатации, не может выступать основанием для признания отсутствия состава преступления. Случаи, когда грубое нарушение общественного порядка происходит на транспорте общего пользования не во время его эксплуатации, однако эта остановка транспорта произошла из-за поведения виновного, что в свою очередь создало потенциальную опасность для безопасности движения иных транспортных средств, также подлежат квалификации по п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ.

Соболев Вячеслав Васильевич,
кандидат юридических наук, доцент
профессор кафедры уголовного права
Северо-Кавказского филиала
Российского государственного университета правосудия

Социально-правовой и социокультурный аспекты участия народа в отправлении правосудия

Различные правовые системы и государства по-разному решали и решают задачу вовлечения граждан в отправление правосудия. В историческом аспекте рассматриваемый институт зависел от целого ряда политических, экономических, культурных, правовых и иных условий жизнедеятельности общества. Однако при любых условиях и социально-правовом укладе общественной жизни участие народа в осуществлении судебной власти рассматривалось как признак демократии. Так, в качестве черты, присущей демократическому общественно-практическому устройству древнерусского государства, В.О. Ключевский отмечает «давнюю судебную практику» по Новгородской Судной грамоте, согласно которой «в суде с посадником и наместником или с их тиунами сидели 10 присяжных заседателей, по боярину и жить ему от каждого конца»¹. Говоря о древнерусских корнях понятия присяжных заседателей, нельзя не отметить не только его терминологическое соответствие, но и по содержанию оно отражало явные признаки демократии в отправлении правосудия.

Кроме демократии как принципа организации общественной жизни, участие представителей народа обеспечивает и такое важное качество пра-

¹ Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т.2. Курс русской истории. Ч.2. – М.: Мысль, 1987.С.67.

восудия, как соборность (коллегиальность), создающее уверенность в справедливости принимаемых судом решений. Приверженность соборности, коллективному принятию решений издревле присуща славянским народам особенно на примере их вечевого управления и суда. «Вече ведало всю область законодательства, а также суд по политическим и другим важнейшим преступлениям, соединенным с наиболее тяжкими наказаниями (поток и разграбление Русской Правды)».¹

В главе «О состоянии древней России» из истории государства Российского Н.М. Карамзин так отмечал некоторые «обыкновения», присущие нашим предкам: «Самый народ славянский, хотя и покорился князьям (первым чиновникам тогдашней России - С.В.), но сохранил обыкновения вольности и в делах важных сходил на общий совет... Сии народные собрания были древним обыкновением в городах российских, доказывали участие граждан в правлении и могли давать им смелость, неизвестную в державах строгого, неограниченного единовластия. Нестор упоминает еще о градских старейшинах, которые летами, разумом и честью заслужив доверенность, могли быть судиями в делах народных».²

Кроме названных многие другие источники свидетельствуют об исторических предпосылках естественного развития института участия представителей народа в осуществлении функций судебной власти в России. Поэтому характерным представляется тот факт, что из всех европейских государств, за исключением Англии – родины суда присяжных, только в России реально была введена эта наиболее демократичная форма участия народа в отправлении правосудия. В различные исторические периоды ее пытались применить и другие европейские государства, однако, по разным причинам она не привилась на европейской почве.

В России суд присяжных был введен более полутора века назад в результате реформы судопроизводства, проводимой Александром II Освободителем. Ни сами реформаторы, ни тем более император, не могли себе представить, что введение суда присяжных не только существенно реформирует суд, значительно скажется на общественной судебно-правовой культуре и изменит страну и народ, о чем скажут современники. Называя присяжных «судом общественной совести», А.Ф. Кони подчеркивал, что впервые рядовые граждане России смогли непосредственно защищать свои гражданские права, сидя в судейских креслах. «Суд присяжных укореняет и поддерживает в обществе представление о правде и справедливости как о реальных, а не отвлеченных понятиях».³

В этом отличие суда присяжных от суда профессионалов. Суд профессионалов не может не следовать закону, присяжные – могут, ибо их решение – это отражение общественного правосознания. Присяжные при-

¹ См.: там же. С. 64.

² Карамзин Н.М. Предания веков. – М.: Правда, 1989. С. 116-117.

³ Кони А.Ф. Избранные произведения. – М., 1956. С. 27.

званы ответить на главный вопрос, виновен ли подсудимый в том, что совершил преступление. И с учетом обстоятельств дела и личности подсудимого могут сказать «невиновен, хотя и совершил». Таким образом, представители народа – присяжные, независимые от формальных требований к принятию решения, раздвигают горизонт милосердия до пределов, недоступных профессиональному судье. Именно под таким дискурсивным знаком вводился в России суд присяжных как институт уголовного судопроизводства.

Однако отсутствие четкого понимания этого главного вопроса в его социально-правовом аспекте вызвало в то время бурю недовольства общественности и в определенных кругах императорского двора. Особым поводом для такой реакции могло тогда послужить широко известное дело Веры Засулич, которая была оправдана присяжными при полной доказанности совершенного ею покушения на градоначальника Трепова.

Эпизод, связанный с вердиктом присяжных заседателей по этому делу, рассмотренному под председательством известного русского юриста, ученого, литератора, крупного государственного и общественного деятеля А.Ф. Кони, так раскрыт в литературе. «После завершения судебного следствия по делу, обращаясь к старшине присяжных заседателей, А.Ф. Кони сказал: «Получите опросный лист. Обсудите дело спокойно и внимательно, и пусть в приговоре вашем скажется тот «дух правды», которым должны быть проникнуты все действия людей, исполняющих обязанности судьи». С этим напутствием присяжные ушли на совещание. Вскоре было сообщено, что они завершили свое совещание и готовы доложить его результаты... Наступила мертвая тишина... Все притаили дыхание. Прошло немного времени, и старшина присяжных заседателей дрожащей рукой подал председателю опросный лист. Против первого вопроса крупным почерком было написано: «Нет, не виновна.». Посмотрев опросный лист, А.Ф. Кони передал его старшине для оглашения. Тот только успел сказать: «Нет! Не вин...» и продолжать уже не мог. Крики несдержанной радости, истерические рыдания, отчаянные аплодисменты, топот ног, возгласы «Браво! Ура! Молодцы!» - все слилось в один треск, и стон, и вопль, все было возбуждено, все отдавалось какому-то бессознательному чувству радости. После того как зал стих, А.Ф. Кони объявил Засулич, что она оправдана»¹.

В своем гениальном труде «Нравственные начала в уголовном процессе» А.Ф. Кони, написал: «Никто не хотел понять, что, говоря «не виновен» присяжные вовсе не отрицали того, что она сделала, а лишь не вменяли ей это в вину»².

Современное понимание сущности вопроса о виновности подсудимого, применительно к суду присяжных как основного института участия

¹ См.: Смолярчук В.И. Анатолий Федорович Кони. Издательство «Наука». М., 1982. С. 105 – 106.

² Кони А.Ф. Избранные сочинения. Т.2. – М., 1976. С. 182.

народа в отправлении правосудия, выражено в Концепции судебной реформы в Российской Федерации. Последнее должно быть согласовано с пониманием того предназначения суда присяжных, которое отчетливо сформулировано в Концепции, а именно: «Суд присяжных выступает в качестве средства разрешения нестандартных ситуаций, где из-за тяжести возможных последствий опаснее погрешить против веления абстрактной правовой нормы... Суд присяжных, как концептуальное кредо участия народа в отправлении правосудия, способен испытывать правоту закона применительно к конкретному случаю»¹.

К сожалению, несмотря на полуторавековой опыт, считая от первоначального введения суда присяжных, многие профессиональные юристы до сих пор не имеют четкого представления о специфике этого суда и пределах его компетенции. Современная практика подтверждает вывод о необходимости профессиональным судьям уяснить наряду с социально-правовым также социокультурный аспект сущности вопроса о виновности подсудимого, ради ответа на который и призываются присяжные.

Эта проблема, как известно, стала камнем преткновения при оценке результатов деятельности суда присяжных, когда в первые годы после его возобновления в России оправдывалось свыше 30% подсудимых. Причем многие из оправданных были признаны совершившими преступления. Этому крайне негативную оценку суду присяжных в целом давали представители государственного обвинения. На уровне руководства органов прокуратуры вообще отрицалось право на существование суда присяжных, демонстрировалось неверие в духовные силы и здравый смысл рядовых избирателей, в их социально-правовую культуру.

Участие представителей народа в отправлении правосудия – это форма реализации суверенитета народа в осуществлении важнейшего вида государственной власти. Поэтому привлечение граждан к отправлению правосудия всегда рассматривалось как черта, присущая демократическому государству. Как справедливо отметил председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев: «Судебная реформа в России не могла обойти стороной такой важный элемент правосудия, как форма участия в нем народа. Более того, это стало одним из краеугольных камней реформы»².

Важно то, что самостоятельно, без участия профессионального судьи, присяжные согласно уголовно-процессуальному закону решают главные вопросы всякого уголовного дела: доказано ли, что преступление совершил подсудимый, и виновен ли подсудимый в его совершении. Это обеспечивается широкой коллегиальностью суда присяжных, их бесспорной независимостью, меньшим риском злоупотреблений и судебных оши-

¹ Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М.: Республика, 1992. С.80-81.

² Лебедев В.М. Становление и развитие судебной власти в Российской Федерации. М., 2000. С.183-184.

бок, привлечением в сферу юстиции житейского здравого смысла и народного правосознания. В этом парадигмальная сущность, феномен суда присяжных как уголовно-правового института, призванного обеспечить реальное участие народа в отправлении правосудия.

В сущности, роль профессионального судьи вторична, поскольку конкретный вид и размер уголовного наказания назначается судьей лишь при наличии соответствующего коллегиального решения - вердикта присяжных на основании и в соответствии с требованиями уголовного и уголовно-процессуального законов. Таким образом, обязательной предпосылкой вынесения судебного приговора и назначения наказания виновному служит обвинительный вердикт присяжных заседателей.

Возобновившие в России суд присяжных уголовно-процессуальный и уголовный законы вполне обеспечивают действенность данного института, несмотря на многочисленные их корректировки. Следует отметить, что необходимость таких корректировок, в частности, уголовного закона, в силу наличия противоречивых отдельных его положений, к сожалению, существует и в настоящее время. Так, представляется небесспорным указание в ч. 4 ст. 65 УК РФ на то, что при назначении наказания лицу, признанному вердиктом присяжных заседателей виновным в совершении преступления, но заслуживающим снисхождения, обстоятельства, отягчающие наказание, не учитываются. То есть суд не вправе ссылаться на любые в том числе особо отягчающие обстоятельства в приговоре, обосновывая свой выбор соответствующего наказания.

В отношении данного положения в юридической литературе высказаны критические замечания. Действительно, закон допускает наличие отягчающих обстоятельств в том числе свидетельствующих о повышенной опасности виновного, но учету они, тем не менее, не подлежат. Такой подход явно не отвечает принципам справедливости и индивидуализации уголовного наказания. В свое время А.Ф. Кони утверждал, что «из всех обстоятельств дела самое важное, без сомнения, - личность подсудимого с его добрыми и дурными свойствами, с его бедствиями, нравственными страданиями, испытаниями»¹.

Между тем, судебная практика показывает, что присяжные заседатели довольно часто выносят вердикты о снисхождении, в том числе и при осуждении за особо тяжкие преступления. К примеру, исследователями приводятся такие данные судебной статистики: вердикты о снисхождении были вынесены осужденным за убийство при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 105 УК РФ) - 29,0%; за бандитизм (ч.1 и ч. 2 ст. 209 УК РФ) - 93,1%;

¹ Кони А.Ф. Собрание сочинений. М., 1967. Т. 4. С. 56. См. также: Прохоров Л.А., Прохорова М.Л. Вердикт присяжных заседателей о снисхождении: актуальные вопросы назначения наказания (ст.65 УК РФ) /Эффективность права: проблемы теории и практики: матер-лы Междунар. науч.-практ.конф. Краснодар, 10-11 окт. 2014г.: КубГУ, 2014. С. 314-315; Миттермайер К. Европейские и американские суды присяжных. М 1869. С. 24.

за изнасилование при отягчающих и особо отягчающих обстоятельствах (ч. 2 и ч. 3 ст. 131 УК РФ) -71,4%; за посягательство на жизнь и здоровье представителей власти (ст. 317, 318 УК РФ) - 40,0%¹.

Имеет место и неточное применение ч. 1 ст. 65 УК без учета дифференцированного подхода к обязательному смягчению наказания в зависимости от вида преступления. Данное обстоятельство обуславливает необходимость внимательного изучения судом присяжных данные о личности подсудимого и учета всех смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств².

Надо сказать, что присяжные заседатели как в дореволюционной России, так и после возрождения данного института в отечественной правовой системе, нередко пользовались своим правом на вынесение оправдательного вердикта. В среднем по стране по уголовным делам, рассматриваемым судами с участием присяжных заседателей, выносятся оправдательные вердикты в том числе о признании невиновным примерно в отношении каждого 8-го - 10-го подсудимого. В отдельных регионах этот показатель значительно выше. К примеру, по уголовным делам, рассмотренным Ставропольским краевым судом с участием присяжных заседателей за 21 год (с 1994 по 2014гг), из 725 подсудимых в отношении 179 (или 24,7%), то есть в отношении почти каждого 4-го подсудимого вынесен оправдательный вердикт³. Для сравнения: по данным судебной статистики по делам, рассмотренным в общем порядке, т.е. не судом присяжных, подсудимые оправдываются лишь примерно в 0,02% случаев.

Здесь, как представляется явным, в выборе варианта – «виновен-не виновен» исключительную роль играет не только уголовно-правовой и уголовно-процессуальный, а социально-правовой и социокультурный аспекты. Хотя, следует отметить, что вина остается в том числе и для суда присяжных сугубо уголовно-правовым институтом.

В настоящее время законодатель заметно расширил сферу применения судами закона о судопроизводстве по уголовным делам с участием присяжных заседателей. Согласно Федеральному закону от 23.06.2016 г. № 190-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей» с середины 2018 года институт присяжных заседателей также будет введен в районных судах и гарнизонных военных судах, которые составляют основное звено системы судов общей юрисдикции Российской Федерации.

¹ Костылева Т.В. Назначение наказания судом с участием присяжных заседателей: общие начала и специальные нормы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2011. С. 21.

² Теймэн С. Постановка вопросов перед коллегией присяжных // Российская юстиция. 1996. №10. С.8-11.

³ См.: Стус Н.В. Доктринирование уголовно-судебного права России XII-XIXвв.: монография / Ставрополь, 2015. С. 206-207.

Так, с 1-го июня 2018г. лицам, обвиняемым в совершении особо тяжких преступлений против личности по делам подсудности судов районного звена, предоставляется право ходатайствовать о рассмотрении их дел коллегией в составе судьи и шести присяжных заседателей. Такие изменения должны создать необходимые условия для широкого привлечения граждан к отправлению правосудия. Этим должна быть обеспечена более полная реализация положений ст. 47 Конституции РФ о том, что в случаях, предусмотренных федеральным законом, судопроизводство осуществляется с участием присяжных заседателей.

К подсудности судов районного уровня с участием присяжных заседателей отнесены уголовные дела о преступлениях, предусмотренных в соответствующих статьях Особенной части УК РФ. В частности, к ним отнесены составы преступлений, предусмотренные ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство при отягчающих обстоятельствах), ст. 277 УК РФ (посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля), ст. 295 УК РФ (посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование), ст. 317 УК РФ (посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа) и ст. 357 УК РФ (геноцид). Однако названные составы отнесены к подсудности судов районного звена лишь в том случае, когда по этим преступлениям в качестве наиболее строгого вида наказания не могут быть назначены пожизненное лишение свободы или смертная казнь. Согласно ст.57 и ст.59 УК РФ эти виды наказания не назначаются женщинам, а также лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет, и мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора шестидесятипятилетнего возраста. Кроме того, суд присяжных будет рассматривать дела об убийствах без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 105 УК РФ) и умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшем по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ). То есть уголовные дела, которые и ранее были отнесены к подсудности судов районного звена.

Известно из опыта судов областного уровня, что на практике требуется особенно значительное время и намного больше персонала для организации формирования списков присяжных заседателей, отбора коллегий присяжных, не говоря уже о требованиях к залу судебного заседания, а также решения многих других проблем процессуального и организационного характера.

Соловьев Владислав Сергеевич,
кандидат юридических наук
старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Вопросы обеспечения криминологической безопасности социального сегмента сети Интернет

Нахождение огромного числа людей в виртуальном пространстве, количество времени, проводимого пользователями в социальных сетях, позволяет утверждать, что в социальном сегменте сети Интернет сформировалась особая социальная среда, частично схожая с неvirtуальной, но имеющая свои особенности. Взаимоотношения между людьми по самому разному спектру вопросов неминуемо «перекочевали» из реального мира в виртуальный. Виртуальный образ пользователя стал полноценным вторым (а для некоторых и первым) «Я».

Многообразие социальных отношений в социальном сегменте информационно-телекоммуникационной среды привело, в том числе, и к формированию социально негативных форм поведения и взаимодействия пользователей, в числе которых можно назвать и преступность. В связи с этим можно говорить о необходимости обеспечения криминологической безопасности социального сегмента сети Интернет.

По мнению С.Я. Лебедева, в широком смысле слова под криминологической безопасностью понимается состояние защищенности личности, общества, государства от преступлений, обеспечиваемое комплексом политических, экономических, идеологических, правовых, технических и иных мер, разрабатываемых и осуществляемых государственными и общественными структурами, самими гражданами, направленных на недопущение совершения преступных посягательств на права, свободы и интересы личности, общества, государства, а также минимизацию (устранение) их негативных последствий¹.

Д.А. Симоненко указывает, что криминологическая безопасность представляет собой объективное состояние защищенности прав, обязанностей, свобод, законных интересов личности, общества и государства от

¹ Лебедев С.Я. Криминологическое обеспечение региональной безопасности в республике Крым // Проблемы переходного периода: адаптация нормативно-правовых актов Крымского федерального округа к законодательству Российской Федерации: материалы Всероссийской научно-практической конференции, приуроченной к годовщине вхождения Республики Крым и города федерального значения Севастополя в состав Российской Федерации. Краснодарский университет МВД России, Крымский филиал, 2015. С. 55.

преступных посягательств и угроз таких посягательств, а также осознание людьми такой защищенности. При этом понятия «обеспечение криминологической безопасности» и «криминологическая безопасность» отражают, с одной стороны, специфику деятельности (функциональный критерий), с другой – цель и результат последней (оценочный критерий), коим является собственно состояние криминологической безопасности того или иного объекта (социального, территориального, отраслевого)¹.

Развивая указанную точку зрения, А.А. Лапин утверждает, что стратегия криминологической безопасности – это выработка основных критериев, отражающих социально приемлемое объективное состояние защищенности прав, обязанностей, свобод, законных интересов личности, общества и государства от преступных посягательств и угроз таких посягательств. При этом должны учитываться не только показатели, характеризующие социально приемлемую криминальную обстановку в тот или иной период времени, на той или иной территории, но и, самое главное, показатели, отражающие общественное мнение об этой обстановке, показывающие насколько население ощущает свою криминологическую безопасность, то есть свою защищенность от преступных посягательств и угроз таких посягательств².

Перечисленные понятия могут применяться для характеристики криминологической безопасности социального сегмента сети Интернет, но с некоторыми ограничениями. Большинство преступлений, совершаемых в социальном сегменте сети Интернет, в механизме которых присутствует жертва, совершается как раз из-за пренебрежения правилами безопасной работы в виртуальном пространстве этой самой жертвой. Такие преступления совершаются в разных сферах, начиная от незначительных хищений денежных средств и имущества, и заканчивая посягательствами на половую неприкосновенность несовершеннолетних. Происходит это во многом из-за ложного чувства защищенности от опасностей при работе в социальном сегменте сети Интернет.

Отсюда напрашивается следующий вывод: современная компетентность пользователей, их отношение к вопросам сетевой безопасности позволяет утверждать, что уровень криминологической безопасности социального сегмента сети Интернет будет выше в случаях, когда пользователи не будут чувствовать себя защищенными, а наоборот, будут иметь в виду, что «виртуальная жизнь» наполнена массой опасностей, в том числе криминальных. В противном случае формируется порочный круг: уверенность пользователей в безопасности внутрисетевого взаимодействия, являющаяся критерием криминологической безопасности, ведет к потере бдительности

¹ Симоненко Д.А. Криминологическая безопасность и ее обеспечение органами внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 7.

² Лапин А.А. Понятие стратегии обеспечения криминологической безопасности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 10. С. 134.

сти, что, в свою очередь, является криминогенным фактором, негативно влияющим на криминологическую безопасность.

Говорить о вопросах обеспечения высокого уровня криминологической безопасности в конкретной сфере можно только при наличии глубокой научной базы. К сожалению, криминологическая наука пока что не может похвастаться наличием значительного объема теоретической информации о криминализации социального сегмента сети Интернет.

В 2013 году В.А. Плешаковым перечислены более тридцати угроз криминологической безопасности, однако ни об одном аспекте криминализации информационного пространства сети Интернет речи не идет¹.

В пункте 22 Стратегии национальной безопасности РФ указано, что появляются новые формы противоправной деятельности, в частности с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий. Там же к числу основных угроз государственной и общественной безопасности отнесена деятельность, связанная с использованием информационных и коммуникационных технологий для распространения и пропаганды идеологии фашизма, экстремизма, терроризма и сепаратизма, нанесения ущерба гражданскому миру, политической и социальной стабильности в обществе².

Однако круг криминальных угроз значительно шире указанного в Стратегии. Преступления могут совершаться как непосредственно в виртуальном пространстве, так и в реальности, когда внутрисетевое взаимодействие становится элементом их подготовки.

Теория криминологической безопасности является частной теорией криминологии. Объект изучения теории криминологической безопасности – общественные отношения, складывающиеся в процессе деятельности по обеспечению безопасности личности, общества и государства от преступных посягательств. Эти отношения могут возникать и возникают практически во всех сферах жизнедеятельности общества, поскольку назрела насущная необходимость противостоять распространению преступности и ее проявлений, обеспечить криминологическую защиту жизненно важных интересов объектов криминологической безопасности. Где бы эти отношения ни возникали, их изучение, как правило, проходит в следующих направлениях: изучение преступности как явления, ее проявлений как основной угрозы криминологической безопасности; изучение личности преступника как субъекта криминальной угрозы; изучение криминогенных факторов – основного источника угроз криминологической безопасности; изучение процессов воздействия на криминальные угрозы

¹ Плешаков В.А. Угрозы криминологической безопасности: системный анализ современного состояния // Человек: преступление и наказание. 2013. №3 (82). С. 34 – 39.

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (часть II). Ст. 212.

(то есть предупреждения– профилактики, предотвращения и пресечения преступлений); изучение и выработка защитных механизмов от преступных посягательств, а именно криминологической защиты объектов преступного посягательства; изучение проблем, связанных с жертвой преступлений, то есть виктимологическая профилактика¹.

Теория криминологической безопасности должна сопровождать подготовку кадров для всех правоохранительных органов. В Федеральном законе «О полиции» и Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» подразумевается, что обеспечение безопасности граждан является важнейшей обязанностью полиции и всех иных органов, уполномоченных осуществлять оперативно-розыскную деятельность. Это предполагает безотлагательное принятие мер по предотвращению, устранению и снижению угрозы правам и свободам человека, создаваемой противоправными деяниями или общественно опасными событиями². Криминологические знания необходимы специалистам в области противодействия преступности вне зависимости от их специализации. В связи с этим спорным выглядит предложение о выделении самостоятельной специализации «Криминологическая безопасность» в рамках специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности» с целью специализированного обучения штатных криминологов для правоохранительных органов, к основным критериям подготовленности которых относится способность диагностировать криминальные и маргинальные явления в социальной сфере, дифференцировать их по возможной опасности для общества и граждан, творчески обеспечивать процесс разработки и принятия профилактических решений, организовывать их исполнение и контроль эффективности. По словам авторов, криминологические новации должны транслироваться в правоохранительную практику субъектами, имеющими специальную юридическую (криминологическую) подготовку на уровне магистратуры или специалитета, способными обеспечивать реализацию прикладных криминологических технологий в правоохранительной практике как с позиций процессов управления, так и с точки зрения теоретической и эмпирической составляющей³. Закономерно возникает ряд вопросов. Во-первых, кто и как должен готовить таких специалистов? Должны ли они являться специалистами во всех областях криминологического знания? Во-вторых, где и кем они

¹ Плешаков В.А. Теория криминологической безопасности как частная теория криминологии // Человек: преступление и наказание. 2011. №2 (73). С. 76.

² Ищук Я.Г. Оперативно-розыскная профилактика: проблемы законодательного регулирования // Проблемы применения уголовного закона при осуществлении оперативно-розыскной деятельности. Материалы Регионального круглого стола / под редакцией Е.Н. Билоуса, Г.С. Шкабина. 2015. С. 92.

³ Симоненко А.В., Грибанов Е.В. Уголовная политика и культура противодействия преступности в России: состояние и перспективы // Общество и право. 2017. №3 (61). С. 14.

должны работать? Не превратятся ли они в условиях современной структуры правоохранительных органов в очередных «штабных работников»?

С учетом достаточно скромной теоретической базы в области анализа преступлений, совершаемых в социальном сегменте сети Интернет, можно утверждать, что в настоящее время подготовка специалиста-криминолога для противодействия киберпреступности попросту невозможна.

Дополнительным доказательством тому является предложение создать центры, занимающиеся подготовкой и переподготовкой специалистов в области обеспечения безопасности сферы высоких технологий. По мнению авторов такой инициативы, выпускники подобных центров должны обладать следующими профессиональными качествами:

1) знать основы функционирования моделей современных высоких технологий;

2) обладать навыками общения в «компьютерных» кругах, понимать особенности этой среды, владеть используемой лексикой;

3) знать современные телекоммуникационные и операционные системы;

4) понимать механизмы взлома телекоммуникационных, операционных систем и методов противодействия им;

5) умение читать и анализировать сложные системные файлы;

6) владение аппаратными и программными средствами фиксации полученной информации и выявления подозрительных событий;

7) уметь доступно излагать в правовых документах и устно сложную техническую информацию.

8) осуществлять экспертную деятельность существующих угроз безопасности в сфере высоких технологий, а также научно-технических и инновационных проектов и их результатов¹.

В лучшем случае такие «специалисты» смогут вести работу, направленную на противодействие преступлениям в сфере компьютерной информации (ст. 159б, ст. 272 – 274 УК РФ), но никак не всей преступности в виртуальной среде.

Кроме того, минимум за пять лет подготовки специалиста-криминолога по программам магистратуры или специалитета существенным образом поменяется уровень информационных технологий, трансформируется преступность, квалифицированному правоохранителю понадобится во многом другой набор знаний, умений и навыков.

Отсюда напрашивается предложение представителям научного сообщества уделить максимальное внимание формированию массива криминологической информации как научного, так и учебного характера. Для

¹ Фоменко А.И., Кущев С.С. Криминологические проблемы обеспечения безопасности сферы высоких технологий: вопросы создания и развития региональных центров // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. 2015. № 1-5. С. 216.

специалистов в области криминологии не секрет, что в большинстве современных учебников дублируется материал конца 80-х – начала 90-х годов XX века. Следует развивать криминологию как науку и учебную дисциплину, все базовые элементы криминологической характеристики преступности (личность преступника и жертвы, факторы преступности) необходимо исследовать с учетом складывающейся криминальной ситуации.

Для обеспечения приемлемого уровня криминологической безопасности социального сегмента сети Интернет, а также для подготовки специалистов, которые смогут такой уровень обеспечивать, следует уделить внимание пополнению криминологического знания по следующим направлениям:

1. Оценка состояния, масштабов, особенностей киберпреступности, решение проблемы сбора статистической информации, необходимость введения соответствующих форм статистической отчетности. Изучение инструментов и инфраструктуры киберпреступников и киберпреступности.

2. Анализ личности киберпреступника, специфики ее формирования, киберсоциализации, вовлечения в совершение киберпреступлений и «реальных» преступлений при помощи информационно-телекоммуникационных технологий, механизма индивидуального преступного поведения.

3. Исследование личности жертвы, специфики ее киберсоциализации, особенностей виртуальной виктимизации.

4. Оценка факторов, способствующих совершению киберпреступлений.

5. Разработка мер общесоциальной и специально-криминологической профилактики киберпреступности, выработка адекватных путей развития информационного общества, повышения культуры сетевого взаимодействия. Правовые, организационные, технические меры противодействия киберпреступлениям. Выработка криминологического мышления правоохранителей, работающих в сфере противодействия киберпреступности. Криминологические технологии предупредительной деятельности в виртуальном пространстве.

Криминология должна исходить из того посыла, что современная информационно-телекоммуникационная среда – это не средство, не место и не технология совершения преступлений, это полноценная альтернативная реальность, куда корреспондированы практически все общественные отношения, поэтому научная основа обеспечения криминологической безопасности социального сегмента сети Интернет должна быть никак не уже научной основы обеспечения криминологической безопасности личности, общества и государства в реальной среде.

Стешич Елена Сергеевна,
кандидат юридических наук, доцент
ФГКОУ ВО «Ростовский юридический институт МВД России»

Факторы, влияющие на оценку уровня криминальной смертности

Эскалация криминального насилия в последние годы отражается не только в степени восприятия его населением, но и в весьма негативных последствиях, связанных прежде всего с гибелью десятков, а по некоторым сведениям и сотен тысяч российских граждан в авариях, катастрофах, в результате действий террористов, убийц, насильников и т.д. Только в новом тысячелетии (с 2000 г. по 2016 г.) согласно данным Росстата России от преступных посягательств погибло 861,1 тыс. человек¹, что в среднем составляет более 50,6 тыс. человек в год. Но даже эти данные, демонстрирующие удручающую статистику числа погибших, не отражают истинных размеров последствий преступности².

Так, в докладе Уполномоченного по правам человека отмечено, что за 2016 год в России число умерших неестественной смертью от внешних причин составило более 153,5 тыс. человек³. Федеральная служба государственной статистики представила несколько иную картину смертности в России за 2016 год (см. таблицу).

Смертность населения по причинам смерти в 2016 году

Шифр по МКБ-10	Причина смерти	тысяч человек
	Внешние причины смертности (травмы, отравления и другие последствия воздействия внешних факторов)	167,5
	В том числе:	
286-298	Повреждения с неопределенными намерениями	32,7
	Из них:	
290	Повешение, удушение и утопление	7,3
291	Погружение в воду и утопление	1,6
292	Повреждение в результате выстрела из огнестрельного оружия	0,7
293	Воздействие дымом, огнем и пламенем	1,0
294	Контакт с острым и тупым предметом	13,9
295	Падение, прыжок или столкновение с высоты	3,2
297	Уточненные и неуточненные повреждения с неопределенными намерениями	5,0
244	Смерть по неустановленным причинам	34,1

¹ http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/pravo/10-05.doc

² Корецкий Д.А., Стешич Е.С. Гомицид: преступления, связанные с убийством // Уголовное право. 2016. № 1. С. 93-98; Стешич Е.С. Гомицидальная преступность в аспекте Европейских стандартов защиты прав человека // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 5. С. 142-148.

³ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2016 год. // Российская газета - Федеральный выпуск №7270 (104).

Как видно из таблицы, число погибших с учетом внешних причин (травмы, отравления и другие последствия воздействия внешних факторов) составило 167,5 тыс. человек, где 32,7 тыс. человек погибли от «повреждений с неопределенными намерениями», а по 34,1 тыс. человек причины смерти так и не были установлены.

Оценка реального массива криминальной смертности затруднена многими обстоятельствами и факторами.

Во-первых, этому способствует такое свойство преступности как латентность, коэффициент которой применительно к рассматриваемым видам преступлений, связанных с убийством, за последние годы изменился, едва ли не на порядок. Так, ранее считалось, что убийства относятся к категории низколатентных преступлений, и их регистрация достаточно полно отражает действительное состояние¹. В последние годы ситуация существенно изменилась. Например, сотрудники отдела проблем латентной преступности и криминологического прогнозирования Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации под руководством профессора С.М. Иншакова подсчитали, что в 2009 году коэффициент латентности убийств составил примерно 2,54. Хотя несколькими годами ранее рассчитанный этими же специалистами показатель был меньше почти вдвое – 1,42.

Во-вторых, на объективность оценки уровня криминальной смертности оказывает влияние высокий удельный вес лиц, пропавших без вести. Имеющиеся в нашем распоряжении сведения о розыске без вести пропавших свидетельствуют о том, что в России в среднем за год попадает в розыск свыше 112 тыс. человек, больше половины из которых удается обнаружить к концу отчетного периода. Нарастающий вал числа пропавших граждан продолжался вплоть до 2006 года, достигнув отметки в 123 тыс. человек. К началу 2017 года пропавшими без вести числились 88,6 тыс. человек, что почти на 15% меньше показателя 2000 года и на 28% - показателя 2006 года.

Сопоставление сведений о безвести пропавших с данными, отражающими результаты деятельности правоохранительных органов в данном направлении, формирует негативную оценку криминологической ситуации. Во-первых, с 2004 по 2016 гг. практически в 2 раза выросло число разыскиваемых по уголовным делам. Во-вторых, эффективность розыска за последние годы критически ухудшилась: в 8 раз выросло число лиц, судьба которых так и осталась не установлена, но поиск окончен в связи с истечением сроков давности. Массовое же прекращение розыскных дел по указанным основаниям вскрывает существующие проблемы как в механизме, так и в организации розыска без вести пропавших граждан.

¹ Криминология. Учебник для юридических вузов / Под ред. проф. В.Н. Бурлакова, проф., академика В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1998. С. 267.

² Латентная преступность в Российской Федерации: 2001-2006: науч. издание / под ред. С.М. Иншакова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2007. С. 140.

Сведения о лицах, пропавших без вести

	Ф.030 ГИАЦ МВД РФ	2004	2006	2008	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
1	Всего разыски- валось	120446	122735	120784	115037	112343	101608	102721	93655	92598	88751
2	Осталось в розыске на конец от- четного периода	45713	49822	48937	47830	47553	47479	47751	45931	44422	42041
3	Осталось в розыске с возбужде- нием уго- ловного дела	7323	9432	10716	11820	12426	12664	13162	13384	13676	13682
4	Стали жертвами преступ- лений	1045	809	756	627	543	518	501	477	467	451
5	Розыск прекращен по истече- нию срока давности	278	605	1216	1798	1744	1703	1600	1942	2102	2248

Изложенное позволяет предположить, что сумма граф 4 и 5 таблицы это и есть число пострадавших от преступлений. Считаем, что более двух тысяч только разыскиваемых официально без вести пропавших ежегодно становятся жертвами преступлений.

В-третьих, эффективность розыска лиц, пропавших без вести, тесно взаимосвязана с идентификационной деятельностью на предмет опознания трупов и установления причин смерти, что также оказывает влияние на оценку достоверности данных о криминальных последствиях в виде насильственной смерти. Так, согласно данным МВД России в 2016 году была установлена личность более 5,9 тыс. неопознанных трупов граждан, однако результативность идентификационной работы составила всего 22,8% (2015 г. еще меньше - 16,8%). Вместе с тем, на конец года число найденных, но неопознанных трупов составило около 16 тысяч¹.

¹ Уточненный годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» за 2016 год. https://мвд.рф/upload/site1/document_file/godovoy_otchet_2016.pdf

В-четвертых, на уровень криминальной смертности оказывает влияние, так называемое медицинское насилие, которое нередко связано с недобросовестностью медицинского персонала и «врачебными ошибками». Согласно данным Следственного комитета Российской Федерации в 2015 году потерпевшими от ятрогенных преступлений признаны 888 человек, более 80% из которых (погибло 712 человек, в том числе 317 детей) явились следствием врачебных ошибок и ненадлежащего оказания медицинской помощи. В 2016 году из 352 погибших вследствие врачебных ошибок и ненадлежащего оказания медицинской помощи, 40,3% были детьми (142 ребенка)¹. К счастью, в современной России уже позабыты методы «карательной медицины» и «карательной психиатрии», которые использовались в качестве репрессивного средства против политических противников или «неблагонадежных» в тоталитарных государствах. Однако доказать факт случайной смерти пациента, ошибки врача или его злонамеренных действий также весьма непросто.

В-пятых, уровень криминального насилия зависит и от «географии» преступности. Существенные различия в условиях жизни, в возможностях удовлетворения жизненно необходимых потребностей, особенности демографического состава населения, наличие или отсутствие специфических форм социального контроля, влияние религиозных, этнических, клановых и иных факторов, с одной стороны могут удерживать людей от крайних проявлений насилия, а с другой – повышать его уровень. Так, например, в 2003 году в Чеченской Республике уровень убийств был в 5 раз выше общероссийского показателя (113,5 против 22,1 соответственно), однако общий уровень преступности (на 100 тыс. населения) в России был в 4 раза выше, чем в Чечне. В настоящее время ситуация изменилась. Наибольшее число убийств в 2016 году было зафиксировано в Московской области (501), Свердловской области (401), и в г. Москва (351), наименьшее – в Ненецком АО (7). На территории Южного федерального округа самый высокий показатель убийств в Краснодарском крае (280), самый низкий в Республике Адыгея (16). В Северо-Кавказских республиках по числу убийств «лидирует» Республика Сев. Осетия-Алания (34), а в Республике Ингушетии за анализируемый период было зарегистрировано всего 16 убийств².

В-шестых, остается крайне высоким показатель так называемого транспортного или «социального риска» от последствий дорожно-транспортных происшествий. Так, например, уровень смертности на всех дорогах ЕС составляет всего чуть более – 40 тыс. погибших. В России же показатели аварийности на автомобильном транспорте намного превышают европейские. Россия наряду с такими странами, как Китай, Индия, Бра-

¹ См.: Из-за врачебных ошибок в России гибнут сотни пациентов <http://politrussia.com/society/kak-byt-s-762/>

² См.: Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. http://crimestat.ru/offenses_rate

зилия, Камбоджа, Египет, Кения, Мексика, Турция и Вьетнам входит в группу Risky States-10, то есть в десятку стран с высоким уровнем транспортных рисков, на которую приходится более половины от общего числа смертей на дорогах мира. С учетом этого показателя Россия опережает по количеству ежегодно гибнущих в ДТП на каждые 10 тысяч автомобилей Великобританию и Швецию в 12 раз, Германию и Японию – в 9,4 раза, Австралию, Италию и Испанию – в 8,3 раза, США – в 5 раз¹. Тем не менее, гибель виновника аварии в соответствии со ст. 24 УПК РФ является основанием отказа в возбуждении уголовного дела или его прекращения.

В-седьмых, действительную картину преступлений, связанных с убийством, осложняет деятельность правоохранительных органов, которая опосредована и предопределена соответствующими показателями, вытекающими из программно-целевых документов, широко применяемых в нашей стране при планировании стратегических направлений развития общества и государства². На наш взгляд, они стали не столько ориентирами, сколько весьма важными целями, достижение которых необходимо добиться любой ценой, включая и ценой манипуляций. Так, Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года предусматривает среди прочих целей-индикаторов снижение уровня смертности от насильственных преступлений вдвое³.

Цель, безусловно, разумная и вполне очевидная, однако в условиях тотального социально-экономического кризиса, деградации моральных и нравственных устоев, низкого уровня жизни значительной массы людей, процветающей коррупции и иных детерминант современной преступности, решить такую задачу невозможно.

¹ Доклад о состоянии безопасности дорожного движения в мире 2013 г. file:///C:/Users/ser-a/Downloads/9789244564561_rus.pdf

² См.: Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года»; Постановление Правительства Российской Федерации от 3 октября 2013 г. № 864 г. Москва «О федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2013 - 2020 годах»; Постановление Правительства Российской Федерации от 31.03.2017 № 385 об утверждении «Государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» и др.

³ См.: Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 года № 1662-р (в редакции от 08.08.2009 года «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. 24.11.2008, № 47. Ст. 5489.

Стрилец Олег Валентинович,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса по предварительному следствию
в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России

Взаимосвязь принципов уголовного и уголовно-исполнительного права в рамках современной уголовной политики

Одним из факторов, влияющих на политику государства в России, нередко называют работу государственных органов по противодействию преступности. Деятельность государства в области криминализации и декриминализации деяний, профилактики преступности, исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера, социальной реабилитации лиц, отбывших наказание, базируется на основных принципах уголовно-правовой политики Российской Федерации.

В апреле 2017 года в Совет Федерации Федерального Собрания РФ, Центром стратегических разработок была представлена концепция уголовно-правовой политики на период до 2025 г. «Уголовная политика: дорожная карта (2017-2025 гг.)». Данный документ открывается тезисом: «Уголовная политика (и во многом синонимичные ей понятия, такие как уголовно-правовая политика, криминологическая политика, карательная [репрессивная] политика) представляет собой необходимую составляющую политики любого государства, поскольку преступность есть неизбежный спутник любого общества»¹.

В теории права наблюдается неоднозначный подход к пониманию уголовной политики. Так, Р.Р. Галиакбаров пишет: «Уголовная политика – это политика государства в сфере борьбы с преступностью. Она определяет задачи, основные направления, цели и средства борьбы с преступностью. При сопоставлении с уголовным правом как системой норм, уголовная политика предстает в виде руководящих идей, определяющих содержание уголовно-правовых норм и институтов, направление деятельности государственных структур и правоохранительных органов по их применению, использование общественных формирований и населения в сфере борьбы с преступностью и ее предупреждения»².

¹ Уголовная политика: дорожная карта (2017-2025 гг.) / Г.А. Есаков, Р.О. Долотов, М.А. Филатова, М.А. Редчиц, К.А. Цай. М.: Центр стратегических разработок, 2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://csr.ru/news/ugolovnaya-politika-dorozhnaya-karta-2017-2025-gg/> (дата обращения: 10.09.2017).

² Галиакбаров Р.Р. Уголовное право. Общая часть. Краснодар, 1999. С. 13.

Н. А. Беляев определяет, уголовную политику, как политику в области борьбы с преступностью при помощи уголовного наказания¹. Уголовная политика это такая форма «правоохранительной деятельности, содержанием которой выступает уголовная репрессия, реализуемая посредством закрепления уголовно-правового запрета и применения санкций в отношении виновных лиц»².

Н.А. Лопашенко считает, что содержание уголовной политики включает в себя: «1) определение принципов уголовно-правового воздействия на преступность, которые состоят из принципов уголовного права (в настоящее время они выражены в уголовном кодексе) и принципов правоприменительной деятельности (принципов неотвратимости ответственности, главенства деятельности по предупреждению преступлений, экономии мер уголовной репрессии); 2) установление круга преступных деяний путем выработки критериев преступного и наказуемого и исключение из круга преступных деяний с учетом этих критериев; 3) разработку общих правил назначения наказания и иных мер уголовно-правового характера, их применения и условий освобождения от уголовной ответственности и наказания; 4) реализацию индивидуализации уголовной ответственности»³.

Именно точное установление соотношения между принципами уголовной политики (уголовно-правового воздействия на преступность) и принципами уголовного права в значительной мере и обуславливает эффективность современной системы уголовного законодательства. И здесь нельзя не согласиться, с мнением Э. Ф. Побегайло, «Говоря о „тупиках” современной российской уголовной политики, следует, помимо игнорирования ею криминологических реалий, упомянуть также об отсутствии социальной обусловленности и научной обоснованности последних изменений в уголовном законодательстве, нестабильности последнего, рассогласовании с процессуальным законодательством („форма стала довлеть над содержанием”), выхолащивании предупредительной функции уголовного законодательства»⁴.

Ряд ученых, справедливо анализируют основные тенденции уголовной политики не только с позиции уголовного права, а рассматривают ее действенность с учетом институтов всего блока уголовно-правовой направленности. Уголовной политикой называют такое направление государственной «политики, в рамках которого формулируются исходные тре-

¹ См.: Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л., 1986. С. 23.

² Симоненко А.В., Грибанов Е.В. Уголовная политика и культура противодействия преступности в России: состояние и перспективы // Общество и право. 20017. № 3 (61). С. 10.

³ Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М. 2009. С. 32-33.

⁴ Цит. по: Уголовная политика: дорожная карта (2017-2025 гг.) / Г.А. Есаков, Р.О. Долотов, М.А. Филатова, М.А. Редчиц, К.А. Цай. М.: Центр стратегических разработок, 2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://csr.ru/news/ugolovnaya-politika-dorozhnaya-karta-2017-2025-gg/> (дата обращения: 10.09.2017).

бования борьбы с преступностью посредством разработки и осуществления широкого круга предупредительных мер, создания и применения правовых норм материального, процессуального и исполнительного уголовного права, устанавливающих криминализацию и пенализацию деяний, а когда нужно – декриминализацию и депенализацию деяний, а также посредством определения круга допустимых в борьбе с преступностью мер государственного принуждения. На базе общих положений о борьбе с преступностью (иными словами – положений уголовной политики в широком понимании смысла этих слов) формируется судебная и исправительно-трудовая (уголовно-исполнительная) политика»¹. А.И. Коробеев, А.В. Усс и Ю.В. Голик также считают, что основные направления уголовной политики должны быть сосредоточены на формировании эффективного уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права в целях улучшения качества их применения и выработки эффективных мер по предупреждению преступлений². «В качестве составных частей (отраслей, подсистем, направлений), – пишет Э.Ф. Побегайло, – единой политики в сфере борьбы с преступностью специалисты в ряде случаев выделяют уголовно-правовую, уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную (пенитенциарную), криминологическую (профилактическую), административно-правовую разновидности такой политики. Однако в реальной жизни борьба с преступностью осуществляется комплексно с использованием возможностей каждой из названных политик»³.

Принципы уголовного и уголовно-исполнительного права контактируют с политикой в сфере противодействия преступности на уровне их отражения в законодательстве. Точное отражение процессов нашего общества в содержании уголовного и уголовно-исполнительного законодательства возможно лишь через анализ общественного правосознания. Это может быть, прежде всего, потому, что общественное правосознание вмещает в себя такие общечеловеческие представления разумного устройства права, как справедливость и равенство, гуманизм и законность.

Данные общечеловеческие идеи, с учетом специфики отдельных отраслей права, и формируют то, что сейчас принято называть принципами права.

Таким образом, представляя правовую идеологию в сфере правосознания, уголовная политика посредством выявления содержания принципов права, уточнения их связей с социальной действительностью отчасти формирует и взгляды на эти принципы.

¹ Загородников Н.И., Стручков Н. А. Направления изучения советского уголовного права // Советское государство и право. 1981. № 7. С. 49.

² См.: Коробеев А.И., Усс А.В., Голик Ю.В. Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы. Красноярск, 1991. С. 7.

³ Побегайло Э.Ф. Кризис современной российской уголовной политики. [Электронный ресурс]. URL: [http://sartraccc.ru/print.php?print_file=Pub/pobegailo-1\(20-09-04\).htm](http://sartraccc.ru/print.php?print_file=Pub/pobegailo-1(20-09-04).htm) (дата обращения: 10.09.2017).

Решая вопрос о соотношении уголовно-правовой политики и одноименных принципов, отметим, что именно указанные принципы выступают основными критериями адекватности правовых норм их социальным реалиям и обеспечивают максимальные гарантии соблюдения действительных прав и интересов субъектов уголовно-правовых отношений при применении норм закона, то есть являются одними из эффективных и одновременно человеческих средств осуществления государственной политики на этапах применения уголовно-правовых норм. Принципы уголовного и уголовно-исполнительного права представляют «собой один из элементов юридического режима регулирования», таким образом, образуют ключевое звено в «совокупности методов и приемов осуществления государственной власти» в сфере противодействия преступности¹.

Принципы права, в силу своей социальной и юридической необходимости, должны закрепляться и формализовываться в законодательстве. «В отечественной юриспруденции, – отмечает А.И. Бойко, – сложилось практически однозначное понимание природы и назначения принципов как руководящих идей или начал, нормативных обобщений, характеризующих главное и основное в праве и его применении. Принципы цементируют частные предписания. Если отсутствие законов в обществе создает, по мнению социологов, состояние аномии, то отказ от генеральных директив в самом праве повлечет атрофию и законотворчества, и правоприменения»².

Впервые в российском уголовном законодательстве непосредственно в кодексе сформулированы основные принципы и как остальные нормы, включенные в данный нормативно-правовой акт, носят обязательный характер, для всех лиц которых вступают уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и уголовно-исполнительные правоотношения.

Законодатель в Уголовном кодексе РФ закрепил пять принципов: законности (ст. 3), равенства граждан перед законом (ст. 4), вины (ст. 5), справедливости (ст. 6), гуманизма (ст. 7).

Содержание принципа законности соответствует классической формуле «*nullum crimen, nullapoenasinelege*» – «нет преступления, нет наказания без закона» и дает возможность правоприменителю правильно и точно реализовать уголовно-правовые нормы. Принцип равенства граждан перед законом является детализацией конституционной нормы о равенстве человека и гражданина перед законом и судом, с учетом специфики предмета уголовного права. Принцип вины, устанавливая концептуальную идею уголовного права – привлечение к ответственности только при наличии вины. Принцип справедливости означает соответствие наказания и иных мер уголовно-правового характера характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности

¹ См.: Мальцев В.В. Курс российского уголовного права. Общая часть. В 4 т. Т. 1. Введение в уголовное право: научное исследование. М., 2015. С. 384.

² Бойко А. И. Принципы уголовного права и уголовная политика // Уголовное право. Общая часть / под ред. В. Н. Петрашева. М., 1999. С. 40–41.

виновного. Принцип гуманизма обеспечивает безопасность человека, при этом предполагает не только охрану от преступных посягательств, но и гарантии безопасности лицу, совершившему преступление.

С принятием Уголовно-исполнительного кодекса РФ также впервые на законодательном уровне сформулирована система принципов уголовно-исполнительного права, в которую входят: законность, гуманизм, демократизм, равенство осужденных перед законом, дифференциация и индивидуализация исполнения наказаний, рациональное применение мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правоупослушного поведения, соединение наказания с исправительным воздействием (ст. 8).

Принцип законности, вытекающий из положений Конституции РФ, обусловливается соответствием деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, требованиям уголовно-исполнительного законодательства. Принцип гуманизма проявляется в организации процесса исполнения наказаний, который строится на запрещении насилия, пыток и унижения человеческого достоинства осужденных, а также основанного в первую очередь на требованиях Всеобщей декларации прав человека и Международного пакта о гражданских и политических правах. Принцип демократизма реализуется в достаточной гласности и открытости деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания. Принцип равенства осужденных перед законом конкретизирует конституционные гарантии равенства прав и свобод для всех осужденных, независимо от их пола, национальности, языка, религиозных убеждений и имущественного положения, исключая любые формы ограничения либо установления определенных преимуществ. Принцип дифференциации исполнения наказания проявляется в правовой классификации осужденных, что влечет за собой создание для них различных условий отбывания наказаний. Принцип дифференциации исполнения наказания тесно связан с принципом индивидуализации исполнения наказания, который реализуется с учетом характера и степени общественной опасности преступления, совершенного осужденным, его личности и поведения. Принцип рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правоупослушного поведения находит свое проявление в сочетании мер поощрения и принуждения осужденных. Такое сочетание мер поощрения и принуждения, несомненно, способствует исправлению осужденных, и их применение должно быть подчинено достижению данной цели и отвечать требованиям целесообразности.

Несмотря на существующую разность подходов к системе принципов в теории уголовно-исполнительного права, отметим, что данная система основывается на основополагающих институтах уголовного права с отображением определенных особенностей их реализации¹.

¹ Подробнее об этом см.: Стрилец О.В. Принципы уголовного и уголовно-исполнительного законодательства и их место в сфере борьбы с преступностью // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 15. С. 1871-1875. [Электронный ресурс]. URL: <http://e-koncept.ru/2016/96293.htm>.

Модификация государственной политики в сфере противодействия преступности влияет как на уголовное и уголовно-исполнительное законодательство, так и на его принципы. В частности, «развивающаяся болезнь» по переоценке значимости отдельных принципов.

Современные новеллы уголовной политики, которые нашли свое отражение в концепции уголовно-правовой политики на период до 2025 г. «Уголовная политика: дорожная карта (2017-2025 гг.)» и научно-теоретической модели Общей части Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации¹, направлены в основном на гуманизацию законодательства.

Призывы к снижению уровня репрессивности уголовного закона за счет расширения применения наказаний, не связанных с лишением свободы и снижения продолжительности сроков лишения свободы, а также развитие иных, альтернативных наказанию мер уголовно-правового характера не всегда находят поддержку в обществе. Общеизвестно принцип гуманизма это медаль, которая имеет две стороны: одна сторона обращена к потерпевшему, а другая – к преступнику.

В этом смысле реальность процесса реформирования российского законодательства и практики его применения должна быть подчинена одной цели уголовной политики – противодействию преступности в России.

Танага Ирина Владимировна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Виктимологический портрет личности жертвы при захвате заложников

В настоящее время в современном мире, все чаще возникает необходимость защиты личности, государства и общества в целом от террористических угроз.

Согласно имеющейся статистики за последние несколько лет акты захвата заложников произошли во Франции (2015 г.-100 человек, 2016 г.- 18 человек), США (2016 г.- 52 человека), на Филиппинах (автобус с людьми - 30 человек), в Австрии (2015 г. – 25 человек), Пакистане (2016 г. - 130 человек), Мали (2015 г. – 170 человек, 2016 г. -13 человек) и других госу-

¹ Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под ред. д.ю.н., профессора В.И. Селиверстова. М., 2017.

дарствах¹. Около 70 % заложников в данных террористических акциях погибли.

Приведенные данные наглядно подчеркивают необходимость изучения личности заложников, с целью снижения уровня виктимности в подобных ситуациях.

Рассматривая виктимологические особенности личности жертвы терроризма, в частности при захвате заложников, на наш взгляд следует понять тот факт, что подобными жертвами могут стать абсолютно все. Это подтверждает в научных исследования профессор К.В. Вишневецкого.

Проведя виктимологическое исследование личности жертв террористических акций К.В. Вишневецкий выявил три основные категории жертв терроризма:

А) Прямые жертвы – лица, физически вовлеченные в исполняемый теракт: заложники, жертвы насилия (взрывов, массовых отравлений и т. п.), а также пострадавшие сотрудники правоохранительных органов, участвовавшие в пресечении деятельности преступников. К этой группе можно также отнести членов семей и близких знакомых прямых жертв, лиц, участвовавших в последующей работе с жертвами (профессиональные спасатели, врачи и др.), а также лиц, чье имущество было уничтожено.

Б) Косвенные жертвы - те индивидуумы в сообществе, на которых воздействуют вторичные эффекты бедствия, члены общества, переживающие свою солидарность и сопричастность жертвам, осознающие себя в качестве потенциальных жертв. Прежде всего, это родные и близкие прямых жертв, переживающие траур и горе в связи со смертью близких или их ранениями, живые и невредимые свидетели террористических актов, а также лица, оказывавшие первую помощь пострадавшим.

В) Местное население составляет третью группу жертв. Именно на нее направлены в конечном итоге действия террористов. Демонстрация насилия должна, по мнению исполнителей террористических актов, породить у населения чувство незащищенности и страха².

В свою очередь Н.Н. Пуховский, исследуя психопатологические последствия чрезвычайных ситуаций, в частности влияние их на жертв захвата заложников оценивает общие психологические черты разных типов жертв непосредственно пострадавших от террористических действий - заложников, их родственников, а также невольных свидетелей – жителей города³.

Анализируя поведения заложников в различной ситуации и на основе рассказов освобожденных, профессор К.В. Вишневецкий предложил три типа поведения. Первый тип – это регрессия с «примерной» инфантильно-

¹ РИА Новости <https://ria.ru/spravka/20160612/1446227907.html>.

² Вишневецкий К.В. Криминогенная виктимизация социальных групп в современном обществе: Автореф. дис... док.юрид. наук. Москва, 2007. С. 30.

³ Пуховский Н.Н. Психопатологические последствия чрезвычайных ситуаций. М. Академический проект, 2000.

стью и автоматизированным подчинением, депрессивное переживание страха, ужаса и непосредственной угрозы для жизни, апатия в ее прямом и непосредственном виде. Второй тип – это демонстративная покорность, стремление заложника «опередить приказ и заслужить похвалу» со стороны террористов. Это скорее не депрессивная, а стеническая активно-приспособительная реакция. Третий тип поведения – хаотичные протестные действия, демонстрации недовольства и гнева, постоянные отказы подчиняться, провоцирование конфликтов с террористами. Такие типы поведения наблюдались у разных людей и вели к разным исходам. Третий тип был характерен для одиноких мужчин и женщин с низким уровнем образования и сниженной способностью к рефлексии. Второй тип был типичен для женщин с детьми или беременных женщин. Первый тип был общим практически для всех остальных заложников¹.

Одним из наиболее известных и ярких примеров проявления личностной виктимности является, так называемый, "стокгольмский синдром", который выражается в том, что жертвы на определенном этапе эмоционально начинают переходить на сторону тех, кто заставил их страдать, начинают сочувствовать им, выступать на их стороне, иногда даже против своих спасителей (например, в ситуации захвата заложников и попыток их освободить).

Большой вклад в изучение личности жертвы при захвате заложников рассматривая экстремальные ситуации, внесла И.Г. Малкина-Пых.² Особое внимание было уделено изучению «Стокгольмского синдрома». В своих работах, она описывает его наиболее яркое проявление во время захвата террористами посольства Японии в Перу в резиденции японского посла в Лиме, 17 декабря 1998 года. Террористы, захватили резиденцию посла вместе с 500 гостями. Это был самый крупный за всю историю захват такого большого числа высокопоставленных заложников из разных стран мира, неприкосновенность которых установлена международными актами. Через две недели террористы освободили 220 заложников, при этом освобожденные заложники выступали с неожиданными заявлениями о правоте и справедливости борьбы террористов. Находясь долгое время в плену, они стали испытывать одновременно и симпатию к своим захватчикам, и ненависть и страх по отношению к тем, кто попытается насильственным способом их освободить. В результате проведенной операции террористы были уничтожены, все заложники – освобождены³.

¹ Пуховский Н.Н. Психопатологические последствия чрезвычайных ситуаций. М. Академический проект, 2000.

² Малкина-Пых И.Г. Экстремальные ситуации. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 960 с. – (Справочник практического психолога)

³ Малкина-Пых И.Г. Экстремальные ситуации. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 960 с. – (Справочник практического психолога).

На наш взгляд, для того чтобы с достаточной объективностью прогнозировать индивидуальное поведение потенциальных жертв при захвате заложников, обоснованно избирать меры воздействия на субъект профилактических усилий, необходимо знание в комплексе виктимологических особенностей, а также внутреннего мира человека, мотивов, которыми он руководствуется, всего психологического механизма поведения.

Токарчук Роман Евгеньевич,
кандидат юридических наук, старший преподаватель
кафедры тактико-специальной и огневой подготовки
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

**Теоретические основы применения института малозначительности
деяния при квалификации превышения пределов обстоятельств,
исключающих преступность деяния и преследующих общественно
полезные цели**

В уголовном праве не признается преступлением действие (бездействие), формально содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного Уголовным кодексом Российской Федерации, но не представляющее общественной опасности в силу своей малозначительности. Основным критерием малозначительности считается не наступление в результате деяния существенного вреда объекту, охраняемому уголовным законом, или угрозы причинения такого вреда. «В малозначительном деянии отсутствует свойственный преступлению уровень общественной опасности, поскольку причиняемый им ущерб или угроза его причинения минимальны»¹, указывает Ю.Е. Пудовочкин. «Если деяние не повлекло существенный вред объекту, охраняемому уголовным законом, или угрозу причинения такого вреда, оно в силу малозначительности не представляет большой общественной опасности и поэтому не рассматривается в качестве преступления»², указал, в одном из своих решений, Верховный Суд РФ. В «объективную сторону анализируемой категории могут входить только такие деяния, вред от которых является несущественным, мизерным или незначительным»³, пишет А.В. Ковальчук.

¹ Пудовочкин Ю. Е. Учение о преступлении : избранные лекции 2-е изд., испр. и доп. / Ю.Е. Пудовочкин. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 32.

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 9 [Электронный ресурс] // http://www.supcourt.ru/vscourt_detale.php?id=3194 (дата обращения 10.09.2017).

³ Ковальчук А.В. Малозначительность деяния как средство определения границ преступного: правовая природа, проблемы правоприменения и законодательного закрепления. Минск : Академия МВД, 2016. С. 30.

С точки зрения приведенного распространенного подхода возникают большие сомнения в вопросе того, что требования ч. 2 ст. 14 УК РФ применимы при рассмотрении признаков преступления в действиях лица, превысившего пределы обстоятельств, исключающих преступность деяния (далее ОИПД), поскольку ответственность за подобные превышения чаще всего наступает за умышленное причинение существенного вреда. Так, превышение пределов необходимой обороны либо мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, влечет ответственность только в случае, если оно выразилось в убийстве, причинении тяжкого или средней тяжести вреда здоровью (ст.ст. 108 и 114 УК РФ). С точки зрения градации объектов уголовно-правовой охраны по степени ценности невозможно не заметить, что причинение вреда в рассматриваемых случаях превышения пределов необходимой обороны либо мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, более чем существенное.

А.И. Марцев писал, что каждой «категории преступлений по характеру и степени общественной вредности корреспондирует определенной ценности объект... объекты по своей социальной ценности подразделяются на особо ценные, ценные, средней и небольшой ценности»¹. Этим автором предложено обобщенное деление объектов по их ценности, определяющее четыре категории преступлений по их тяжести. Сокращенно, для целей нашего исследования, оно выглядит следующим образом. Особо ценный объект – жизнь человека. Ценные объекты: здоровье (причинение тяжкого вреда), половая свобода, общественная безопасность. Объекты средней ценности: здоровье (причинение средней тяжести вреда), свобода, половая неприкосновенность, интересы семьи и несовершеннолетних, собственность. Объекты небольшой ценности: здоровье (причинение легкого вреда), честь и достоинство личности, конституционные права и свободы человека и гражданина, общественная нравственность, общественный порядок, безопасность движения и эксплуатации транспорта.

Между тем, рассматриваемые случаи причинения вреда жизни или здоровью при ОИПД отнесены к преступлениям небольшой (ч. 1 ст. 108, ст. 114 УК РФ) или средней (ч. 2 ст. 108 УК РФ) тяжести. Они стоят в одном ряду с такими преступлениями как побои, кража, незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств (ст. 116, ч. 1 ст. 158, ч. 1 ст. 228 УК РФ), которые при малозначительности не считаются преступлениями и относятся к административным правонарушениям (ст. 6.1.1, ст. 7.27, 6.8, 6.9 КоАП РФ).

По тяжести преступлений легко заметить, что убийство при превышении пределов необходимой обороны либо мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ст. 108 УК РФ), существенно менее

¹ Марцев А.И. Общие вопросы учения о преступлении: монография. Омск, 2000. С. 72.

общественно опасное деяние, чем убийство (ст. 105 УК РФ) и сравнимо с убийством, совершенным в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ), которое даже не имеет общественно полезной цели в своей основе. При этом, убийства, совершенные без превышения соответствующих пределов ОИПД, преследующих общественно полезные цели, вовсе не составляют преступления (ст. 37, 39 и 41 УК РФ).

Очевидно, что «голый» объект уголовно-правовой охраны не дает нам ответа, почему убийство в одной статье признается особо тяжким преступлением, а в других преступлением небольшой тяжести или вообще непроступным деянием. Мы убеждены, что природа общественной опасности преступления проистекает не просто из ценности объекта посягательства в иерархии общественных ценностей, но и из его социальной характеристики, полезен этот индивидуальный интерес (благо) для общественной жизни, безвреден или опасен.

Несмотря на декларацию о равенстве для закона прав и свобод человека, недопустимости дискриминации по какому-либо признаку, ценность этих прав относительна в зависимости от того, что за личность стоит за объектом уголовно-правовой охраны, чья жизнь и здоровье стали объектом посягательства. Конечно, по общему правилу уголовный закон связывает общественную опасность с деянием лица, а не с его личностью. Между тем, вред, при рассматриваемых ОИПД, может причиняться лицу именно ввиду совершения им противоправного деяния. Элементы состава преступления указывают на то, что нет преступления, если лицо, его совершившее, не общественно опасно. Нет преступления там, где нет общественной опасности личности. Она присутствует даже в неосторожных преступлениях, в лице, оказавшемся не способным или не желающим соблюсти общепризнанные правила безопасного поведения по легкомыслию или небрежности.

Очевидно, что, несмотря на отрицание различия прав и свобод человека по их социальной ценности, государство считается с тем, что лишение жизни в некоторых случаях не просто оправданно, но и общественно полезно. Государство и общество признают, что бывают случаи, когда жизнь одного человека заслуживает защиты, а жизнь другого не только не имеет общественной ценности, но и вредна, почему ее прерывание допустимо¹. Иные рассуждения лишены здравого смысла и носят характер эмоционального неприятия разрушительности человеческой природы и отказ в нее верить.

Когда мы говорим об ОИПД, обусловленных позитивным вектором цели и действий лица, к которым относятся необходимая оборона, крайняя необходимость, задержание лица, совершившего преступление, или обос-

¹ См., напр.: Скобликов П.А. Смертная казнь: доводы против и их опровержение // Российский криминологический взгляд. 2011, № 2. С. 286-290.

нованный риск, то вызванное ими деяние, например убийство, причиняет вред объекту уголовно-правовой охраны – смерть. При этом этот вред обладает полезной природой, полностью исключающей преступность деяния или значительно снижающей ее.

Получается, что вред объекту уголовно-правовой охраны сохраняя свои размеры (свою степень), существенно меняет свою социальную значимость (свой характер). Причинение вреда при ОИПД, в рамках допустимых границ, исключает наличие преступления. Рассматриваемые ОИПД, по справедливому мнению многих исследователей, направлены на повышение социально-правовой активности граждан в деле борьбы с преступностью, на защиту различного рода интересов от грозящей им опасности¹. Если же допускается превышение пределов допустимого вреда при таких ОИПД, как необходимая оборона и задержание лица, совершившего преступление, то признается, что ценность объектов уголовно-правовой охраны пострадавших существенно изменилась и тяжесть того же убийства существенно снижается.

Если взять за основу, что убийство по тяжести равно 15 баллам (максимальный срок лишения свободы по ч. 1 ст. 105 УК РФ), то в случае, если оно явилось результатом допустимых мер при рассматриваемых ОИПД, эти 15 баллов отнимаются, превращаясь в ноль, полностью исключая преступность деяния и возможность наказания. Если же имело место превышение пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК РФ) или мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ч. 2 ст. 108 УК РФ), то в минусе остается 13 и 12 баллов, соответственно, а в плюсе, в виде наказания, 2 и 3 балла общественно опасной составляющей, соответственно. То есть в подобном убийстве закон отмечает всего 13% и 20% негатива и 87% и 80% позитива (общественной пользы), вне зависимости от различия характеристик устраняемой опасности и причиняемого вреда.

А.Г. Кибальник, категорически не согласен с признанием «полезности» причинения вреда при ОИПД, считая его только «необходимым»². Между тем идея «социальной полезности» причинения вреда при ОИПД, направленных на достижение социально полезных целей последовательно развивается С.В. Пархоменко и поддерживается другими авторами³.

¹ См., напр.: Слущкий И.И. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. Л., 1956. С. 43; Смоленцев Е. Практика применения судами законодательства о необходимой обороне // Социалистическая законность. 1984. № 12. С. 8.

² Кибальник А.Г. Обстоятельства, исключающие преступность деяния : монография. М., 2009. С. 3-4.

³ Пархоменко С.В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости. СПб., 2004. С. 146 и др.; Халиков Н. Необходимая оборона по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Алма-Ата, 1970. С. 14; Кузнецова Н.Ф. Новая Конституция СССР и совершенствование уголовно-правовых средств борьбы с преступностью // Новая Конституция и актуальные вопросы борьбы с преступностью. Тбилиси, 1979. С. 22; Слущкий И.И. Указ соч. С. 11-12.

На приведенном математическом примере хорошо видно, как общественно полезное деяние трансформируется в общественно опасное, при этом, не утрачивая своего общего общественно полезного начала. Общественно полезное переходит границу общественной опасности, но при этом, сохраняет, в отличие от иных преступлений, изначально основанных на общественно опасной направленности, свою положительную основу. Незначительные изменения в причиняемом вреде, в том числе предполагающие существенный вред объектам уголовно-правовой охраны, при ОИПД, преследующих общественно полезные цели, должны оцениваться по признаку малозначительности, исключающему преступность деяния. При этом к признаку малозначительности не могут применяться те же требования, которые принято применять к криминальным проявлениям вообще, так как они должны сохранять ориентир на повышение социально-правовой активности граждан в деле борьбы с преступностью, защиты различных благ от грозящей опасности.

Ранее на эту тему мы писали, что «вопрос малозначительности при превышении пределов допустимого общественно-полезного поведения (воспитательного принуждения, необходимой обороны, крайней необходимости и т.п.) следует решать, оценивая разницу между размерами дозволенного вреда при таких обстоятельствах и характером и степенью допущенного превышения вреда»¹. Малозначительность деяния и ОИПД существенно различные явления, между ними не существует конкуренции. С. Келина замечает, что малозначительное деяние в отличие от ОИПД не совершается из общественно полезных побуждений². Закономерно, что когда имеет место превышение пределов ОИПД преследующих общественно полезные цели, то к этому превышению могут применяться требования ч. 2 ст. 14 УК РФ, а подход к оценке общественной опасности причиненного вреда должен быть более снисходительным. Применение положений о малозначительности деяния к случаям превышения пределов рассматриваемых ОИПД, должно иметь свои закономерности. На наш взгляд, случаи превышения пределов исследуемых ОИПД необходимо максимально вывести из уголовно-правовой сферы.

На основании данных рассуждений считаем, что малозначительным следует признавать превышение ОИПД имеющих общественно полезные цели в зависимости от характера и степени общественно полезной направленности, ориентируясь на следующие пределы:

¹ Токарчук Р.Е. Воспитательное принуждение – уголовно-наказуемое насилие или допустимая необходимость? // Развитие государственности и права в Республике Крым : реалии и перспективы : материалы Всерос. науч.-практ. конф., 5 февр. 2016 г. / под общ. ред. С.А. Буткевича. Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2016. С. 290.

² Келина С. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: понятие и виды // Уголовное право. 1999. № 3. С. 121.

1. Необходимая оборона – малозначительным следует считать причинение вреда, превышающего пресекаемое деяние на одну ступень тяжести. Например, малозначительным следует признавать убийство (особо тяжкое преступление и особо ценный объект) при обороне от изнасилования (тяжкое преступление и ценный объект).

2. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление – малозначительным следует считать причинение вреда, превышающего пресекаемое деяние на одну ступень тяжести от совершенного преступления, например, малозначительным следует признавать убийство при задержании лица, совершившего изнасилование.

3. Крайняя необходимость – малозначительным следует считать причинение вреда, равного по тяжести вреду, исходящему от предотвращаемой опасности, то есть не имеющего признаков явного не соответствия характеру и опасности предотвращаемой угрозы.

4. Обоснованный риск – малозначительным следует считать причинение вреда, равного или превышающего планируемую общественно полезную цель на одну ступень ценности объекта, отраженного в категориях преступлений.

Данные предложения лишь первичная теоретическая основа оценки случаев превышения пределов обстоятельств, исключающих преступность деяния, преследующих общественно полезные цели, с точки зрения малозначительности причиняемого вреда. Вызвано это тем обстоятельством, что данный вопрос не только не исследовался, но и не имеет судебных precedентов, так как превышение пределов ОИПД почти всегда связано с существенным причинением вреда. До настоящего времени признак малозначительности деяния к исследуемым случаям по имеющимся данным не применялся. Давно уже замечено, что обвинительный уклон в применении норм об ОИПД связан не с законодательными положениями, а с некачественной правоприменительной практикой¹.

Наши выводы предлагают решение данного вопроса и указывают на то, что сами представления о малозначительности деяния нуждаются в пересмотре. Последние должны отражать не только количественную сторону общественного вреда деяния, но и качественную – характер общественной опасности для общественных отношений, в виду отсутствия его самостоятельного учета в других признаках ч. 2 ст. 14 УК РФ². Особенно данный подход важен для оценки превышения пределов крайней необходимости

¹ См. напр.: Евтушенко И.И., Шершнева Е.О. Право гражданина на самозащиту: теория и практика // Развитие государственности и права в Республике Крым : реалии и перспективы : материалы Всерос. науч.-практ. конф., 5 февр. 2016 г. / под общ. ред. С.А. Буткевича. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2016. С. 287.

² Токарчук Р.Е., Венедиктов А.А. Проблемы ответственности за побои в действующем законодательстве // Библиотека уголовного права и криминологии. 2017. № 3 (21). С. 86.

или обоснованного риска, для которых не предусмотрено таких льготных условий ответственности, какие предусмотрены для случаев превышения пределов необходимой обороны и задержания лица, совершившего преступление в ст.ст. 108 и 114 УК РФ.

Малозначительное деяние, при этом, следует понимать следующим образом – это деяние, в котором отсутствует свойственный преступлению уровень общественной опасности, поскольку причиняемый им ущерб или угроза его причинения минимальны, либо не более одной ступени категории преступлений превышают пределы допустимого общественно полезного поведения, исключающего преступность деяния.

Чахов Георгий Николаевич,
кандидат юридических наук
судья Калининского районного суда
Краснодарского края

Специфические черты формирования мотивации насильственного поведения несовершеннолетних в современной России

Проблемы существования и развития криминального насилия, поиска эффективных способов борьбы с ним, на наш взгляд, не теряют своей актуальности вне зависимости от ситуации, складывающейся в сфере трансформации любого направления общественной жизни. Насилие представляет собой наиболее опасную форму преступной деятельности, так как ставит под угрозу наиболее существенные общечеловеческие ценности, такие, как право на жизнь, здоровье, неприкосновенность личности и т.д. Будучи характерным показателем стабильности современного общества, уровень социального насилия детерминирован широким спектром явлений и процессов, сопровождающих его развитие. В свою очередь, криминальное насилие, как самостоятельная проблема, выступает следствием взаимодействия комплекса факторов социально-экономического, политического, морально-психологического, правового характера¹.

Анализ официальных статистических данных о состоянии, динамике и тенденциях развития насильственной преступности в Российской Федерации за последние годы свидетельствует о некотором снижении абсолютных показателей наиболее характерных ее видов². В частности, число зарегистрированных убийств и покушений на убийство (ст.ст. 30, 105, 106, 107

¹ См., напр.: Базаров Р.А. Основы теории и методологии предупреждения тяжких насильственных преступлений несовершеннолетних. Уголовно-правовые и криминологические аспекты: Дис. д-ра юрид. наук. М., 1996. С.34.

² Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. http://crimestat.ru/offenses_chart

УК РФ) за семь лет довольно равномерно (по ежегодным показателям) снизилось с 15563 в 2010-м году до 10444 в 2016-м. За этот же период наблюдается падение регистрируемости причинения тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ) – с 39745 до 27442. Однако самым стремительным стало снижение уровня причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ) – с 9342 до 5625!

Аналогично выглядит статистика общеуголовных преступлений, в которых присутствует так называемое «инструментальное насилие» – грабежей, разбойных нападений, вымогательств. Высказывая предположение о некоторой стабилизации криминогенной ситуации в стране, обусловившей представленные выше тенденции, следует, все же, выразить сомнение по поводу существования их прямой связи с перечисленными выше факторами преступности. Существуют исключительно опасные насильственные деяния, современные статистические параметры которых прямо противоположны изложенным выше.

Та же самая официальная статистика указывает на стремительный рост террористических проявлений, признанных одним из современных вызовов безопасности мирового сообщества. Преступления террористического характера за рассматриваемый нами период в своей динамике являются яркой иллюстрацией наличия кризисных явлений в нашем обществе. Незначительное снижение абсолютных показателей с 2010 по 2013 год (-2,5% в среднем за три года) сменилось резким скачком в 2014-2015 году (19,8% прироста в среднем!). Более устойчивые показатели роста характеризуют преступления экстремистской направленности – с 2011 по 2016 год их абсолютное число увеличилось практически вдвое – с 622 до 1450, а уровень прироста в 2013 году составил 28,7%! С высокой степенью уверенности можно предположить, что рассматриваемая тенденция сохранится в силу появления в уголовном законе России целого ряда специальных составов, уточняющих ответственность за родственные деяния, которые не связаны напрямую с выполнением террористических и экстремистских акций.

Одной из самых опасных отличительных черт современной насильственной преступности является ее омоложение – в поле криминального насилия все более активно втягиваются несовершеннолетние. Общая характеристика преступности несовершеннолетних свидетельствует о постоянном увеличении в ее структуре доли преступлений, ранее не характерных для этой возрастной категории. В частности, удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых несовершеннолетними или при их участии, достигает в ней трети от числа всех уголовно-наказуемых деяний. Специалисты указывают, что по своей общественной опасности преступность лиц, не достигших 18-ти летнего возраста, практически не уступает взрослой преступности¹.

¹ См., напр.: Ображиев К.В. Преступность несовершеннолетних в современной России: Основные криминологические параметры // Правовая инициатива. М., 2015 № 2.

Насильственные преступления несовершеннолетних против личности устойчиво находятся на втором месте после преступлений корыстной направленности, достигая в общей структуре 10%. Добавив сюда 12-15% корыстно-насильственных преступлений, мы можем получить приблизительную характеристику криминального насилия в подростковой среде. Не следует забывать еще одну негативную тенденцию преступности несовершеннолетних – неуклонный рост числа повторно совершенных насильственных деяний, характеризующихся избыточной агрессией и жестокостью.

Мотивацию криминального насильственного поведения несовершеннолетних, несомненно, отличают специфические черты, обусловленные негативным воздействием окружающего мира на сознание подростка. Истоки этого воздействия известны: продолжающиеся кризисные явления в экономике; напряженность в обществе, вызванная социальной дифференциацией и обострением отношений между различными слоями социума; появление и развитие извращенных форм индивидуального и группового сознания; повышенная конфликтность и агрессия в отношениях между людьми.

Чаще всего в основе агрессивного поведения несовершеннолетнего лежит его стремление к самоутверждению в окружающем мире, составными частями которого являются семья, образовательные, трудовые, бытовые коллективы, так называемые официальные группы. Дефекты воспитания, образования, социальной адаптации несовершеннолетнего в этих группах приводят к отчуждению индивида, потере способности к взаимодействию с окружающими и достижению определенных социальных позиций. Отсутствие возможности завоевать желаемый авторитет толкает несовершеннолетнего на поиск групп-«заместителей», которыми чаще всего становятся криминальные микрогруппы, где желаемое самоутверждение достигается путем совершения актов насилия над окружающими. Причиняя им моральные и физические страдания, несовершеннолетний запускает механизм гиперкомпенсации не реализованных в официальных группах потребностей в признании, уважении со стороны сверстников и взрослых людей, подменяя их страхом и вынужденным подчинением со стороны объектов своей агрессии. Сущность гиперкомпенсации состоит в ложном, извращенном утверждении самого себя путем унижения, подавления личности других людей.

Еще один побудительный мотив криминального насилия – снятие нервно-психического напряжения, вызванного описанной выше ситуацией невозможности добиться утверждения своей личности принятым в обществе способом: признание со стороны родителей и других родственников, достижение успехов в учебе, в труде. Рассматриваемое состояние фрустрации выплескивает напряжение в виде агрессивной реакции в адрес посторонних людей, не имеющих никакого отношения к несовершеннолетнему. Происходит так называемое замещение социально одобряемой потребности.

В объективной реальности мы зачастую можем наблюдать случаи вымещения одним несовершеннолетним в присутствии криминальной микрогруппы своей или групповой агрессии, озлобленности на посторонних лицах, которые не имеют возможности оказать адекватного сопротивления – малолетние или престарелые, представители других микрогрупп, маргиналы и т.п. Начинающиеся в виде игры, развлечения, действия постепенно перерастают в тяжкое насильственное преступление, поражающее своей бессмысленной жестокостью и садизмом.

По мнению специалистов, наибольшей побудительной силой в среде несовершеннолетних правонарушителей обладает статусная мотивация, имеющая место в случае неожиданной потери индивидом уважения со стороны ровесников. Построенные на установленных в группе правилах взаимоотношения с товарищами строго соблюдаются, любые нарушения в этой сфере считаются недопустимыми. Поэтому реальная или мнимая потеря привычного положения (личного статуса) воспринимаются подростком нередко как трагедия. Для восстановления этого статуса несовершеннолетний готов на все, жизнь другого человека не является в данном случае непомерной жертвой.

В последнее время все чаще встречается игровая мотивация насильственных преступлений, порожденная психологической зависимостью несовершеннолетних от компьютерных игр. Повальное увлечение подростков виртуальным миром, отрывающее сознание от реальности, приводит к потере ощущения этой самой реальности. Желание развлечься, показать силу, ловкость, смелость; утвердить себя в глазах сверстников, толкает подростка на совершение действий, крайне опасных не только для окружающих, но и для него самого. Несовершеннолетний теряет способность адекватно оценивать происходящее, искренне считая причинение физического вреда окружающим выполнением игровой миссии, а возможную собственную гибель всего лишь провалом задания, после которого можно будет начать новую игру.

Шадрин Олег Юрьевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса
Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России,
Член российской секции
Международной полицейской Ассоциации (ИРА)

Характерные черты современного терроризма и основные направления борьбы с ним

На современном этапе развития человечества терроризм является одной из наиболее опасных и непредсказуемых форм преступности. По своей сущности терроризм является частью экстремизма, используя самые жесткие его методы, допускающие физическое устранение как государственных, политических деятелей, так и обычных граждан и даже детей. Террор перестал быть средством борьбы с физическим лицом - носителем неуютной идеи и становится средством устрашения населения, преследуя цель максимально деморализовать общество. При этом нельзя не заметить, что терроризм появляется там, где государство не справляется со своими непосредственными функциями, где ограничены возможности тех или иных массовых движений бороться за достижение своих целей легальными путями.

Терроризм сегодня все больше становится проблемой мирового характера, давно выйдя за пределы исключительно национальных конфликтов. Для многих людей, организаций терроризм стал способом решения политических, религиозных, субъективно-личностных проблем. Нынешним этапом развития терроризма является провоцирование войн, масштабные посягательства на вековые ценности - жизнь, свободу, равенство.

Не меняя своей антигуманной сущности, международных терроризм значительно изменил тактику своих действий:

- Террористические организации стали совершать значительно больше терактов, увеличивать их масштабы и жесткость, чтобы привлечь еще большее внимания мировой общественности и средств массовой информации к своим требованиям и действиям.
- Появились и получают все более распространение новые виды терроризма: так называемые идейный и гуманистический терроризм, вовлекающий в свои ряды воинствующих борцов, например «антиглобалистов», «биотеррористов».
- Расширилась география терактов.
- Усилилось взаимодействие между различными террористическими группировками в международном масштабе.
- Возросла тенденция придания своим преступным акциям религиозной подоплеки - борьба за расширение влияния определенного вероисповедания и т.д.

- Усилятся психологическое воздействие на население посредством СМИ.

- Отсутствие у представителей террористических организаций каких-либо сдерживающих факторов, присущих другим преступникам, в частности желание поскорее завершить преступление и воспользоваться его результатами.

Особой характеристикой современного терроризма является его интернационализация. Потерпев серьезный ущерб в результате антитеррористических операций, крупнейшие террористические организации вынуждены рассредоточивать свои ресурсы.

Расширяется использование нетрадиционных методов и средств осуществления терактов, применение новейших видов вооружения и техники.

Террористические организации преследуют одновременно ряд стратегически важных целей:

- Заявить о своем существовании. Идеологии и задачах, продемонстрировать результативность своих намерений.

- Воздействовать на политических, экономических или военный курс властей той страны, где совершается акция.

- Привлечь внимание мирового сообщества к внутригосударственным проблемам страны в целях реализации собственных интересов.

Для достижения этих целей используются различные методы и средства вооруженной, психологической и информационной борьбы:

- диверсии, осуществляемые путем взрывов и минирования транспортных средств, зданий, в том числе и с использованием террористов-смертников. Именно диверсиями достигается наиболее мощный по степени психологический эффект;

- похищение и захват заложников, как правило, осуществляется в отношении лиц, привлекающих внимание общественности и СМИ;

- захват транспортных средств;

- покушение и убийство осуществляются вооруженными группами высокопрофессиональных террористов, отличаются демонстративной адресностью.

Активизации террористической деятельности способствуют различные как внутренние, так и внешние факторы.

К внутренним факторам можно отнести: слабое использование необходимых правовых и иных механизмов эффективного контроля и пресечения преступной деятельности; падение авторитета власти и закона вследствие недостаточно эффективной деятельности правоохранительных органов по защите прав граждан; утрата значительной частью населения жизненных ориентиров и связанное с этим обострение чувства социальной неустроенности и незащищенности.

Внешние факторы: социально-политическая и экономическая нестабильность в ряде стран, наличие в некоторых из них открытых форм вооруженного противостояния; рост числа международных террористических группировок и организаций; недостаточность надежного режима относительная легкость приобретения оружия.

При анализе терроризма как явления современности необходимо учитывать и то, что терроризм, нарушая общественную безопасность, сопутствует совершению опасных, в том числе и государственных преступлений, посягающих на суверенитет, территориальную неприкосновенность, государственную безопасность, политическую и экономическую систему.

Основным мотивом соучастия в терроризме является материальных мотив: соучастие в террористических актах рассматривается как один из способов заработка, т.е. как способ социальной адаптации.

И, на наш взгляд, это сильный удар по социокультурной политике любого государства.

К сожалению, сегодня на особую ступень развития вышел религиозный экстремизм. Экстремизм по сути своей является формой насилия по отношению в свободе и правосудию. Последователи религиозного экстремизма полагают оправданными свои попытки силой принудить к своей вере других.

Наибольшее распространение экстремизм в исламе получил в течение последних трех десятилетий. На начальном этапе побуждало к действиям религиозное рвение, сегодня - политические амбиции. Основными чертами религиозного экстремизма сегодня можно считать: большой географический размах, более высокую степень финансовой и материально-технической обеспеченности, организованность и скоординированность действий.

Радикальный исламизм, являющийся движущейся движущей силой современного международного терроризма, возник из идеологического конфликта традиционного суннитского и шиитского ислама с западной цивилизацией и связан с тем глубоким кризисом, в котором оказался исламский мир к началу XXI в.

На территории России наибольшую террористическую опасность представляют мусульманские организационно-террористические движения и формирования. В Кавказской регионе распространилось относительно новое течение экстремистского толка - ваххабизм, основной идеей которого является объединение исламских государств в священной борьбе против иноверцев. Нынешняя досрочная цель движения ваххабитов - полное отделение от России мусульманских территорий.

Наибольшую роль в том, что именно международном терроризме радикальные исламисты увидели наиболее перспективный метод борьбы, сыграли следующие факторы:

- религиозная неграмотность многих молодых мусульман, которая делает их жертвой исламистских сект, утверждающих, что лишь их трактовка Корана является истинной верной;

- неудачи революционных движений и фронтов в совершении исламских революций в арабских странах;

- трудности, которые испытывает исламский мир под влиянием вестернизации, модернизации, наступления западных ценностей – эти факторы влияют как на мусульманские общины в западных странах, так и на население арабских стран;

- развитие телекоммуникаций, способствующее усилению связей между различными частями мусульманского мира;

- серия конфликтов в Афганистане, Боснии, Албании, Косово, Чечне, Филиппинах, Индонезии и Кашмире, которые были истолкованы как столкновение исламского и христианского миров;

- распад Советского блока, Советского союза и дискредитация коммунизма, что привело к возобновлению старых этнических и религиозных конфликтов;

- неспособность арабских националистических правительств решить проблемы общества и добиться победы над внешним врагом;

- усиление борьбы с экстремистами в арабских странах и на Ближнем Востоке, что привело к перемещению центра исламистской деятельности в другие регионы мира;

- либеральное отношение европейских правительств к иммигрантам и беженцам из мусульманских стран и терпимое отношение к их религиозной и политической деятельности и территории своей европейской родины.

В ежегодном послании Президента России В. В. Путина Федеральному Собранию подчеркивается, что рост экстремизма представляет серьезную угрозу общественной безопасности в нашей стране. Поэтому на федеральном и местных уровнях должна осуществляться качественная и эффективная программа по противодействию терроризму.

Главной целью борьбы с терроризмом является создание и обеспечение единой государственной системы борьбы с ним, которая позволит поддерживать высокую степень готовности правоохранительных органов и других заинтересованных министерств и ведомств по выявлению, предупреждению и пресечению фактов терроризма, а также ликвидации их последствий и своевременному раскрытию и расследованию указанных преступлений.

Для успешной борьбы с терроризмом и его проявлениями необходимо, чтобы силовыми методами, используемыми мировым сообществом в борьбе с ним, сочетались с максимальными сдвигами в следующих четырех, как минимум, направлениях:

1. Ликвидация или, по меньшей мере, нейтрализация тех социальных факторов, которые и примиренческие настроения.

2. Формирование в обществе объективных представлений о возможностях терроризма и представлений, исключающих панические и примиренческие настроения.

3. Неопровержимая демонстрация неэффективности избранной террористами тактики, подведение их к осознанию ее бессмысленности.

4. Одновременное принятие государством специальных мер, облегчающим приверженцам террористического насилия отказ от него и возвращение в нормальную жизнь.

Вместе с тем, как отметил Президент России В.В. Путин на саммите Сопредседательства по взаимодействию и мерам доверия в Азии, проходившем в г. Алма-Ата, одним из важнейших условий эффективной борьбы международного сообщества против терроризма должно стать отсутствие двойных стандартов в оценке преступной деятельности террористов в оценке преступной деятельности террористов независимо от того, в какой стране они действуют.

Федеральный закон от 6 марта 2006 г. «О противодействии терроризму» направлен на регулирование процесса противодействия терроризму. Для этого он устанавливает основные принципы противодействия терроризму, правовые и организованные основы применения Вооруженных Сил Российской Федерации в борьбе с терроризмом.

Законом регулируется порядок возмещения материального и морального вреда, причиненного лицам во время террористических актов, а также условия предоставления социальной поддержки таким лицам. Следует отметить актуальность данной проблемы, вспомнив хотя бы долгие судебные процессы родственников погибших во время террористических актов в Москве и других городах нашей страны, произошедшие еще в начале 2000-х годов с местными властями.

В заключение хотелось бы отметить, что динамика проявлений и методов современного терроризма ужасает, и чем дольше мировое сообщество будет видеть в нем лишь акт протеста, тем меньше он будет похож на крик о помощи.

Шалагин Антон Евгеньевич,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права
Казанского юридического института МВД России

Криминологическая характеристика и предупреждение насильственной преступности

К большому сожалению, насилие сопровождало человечество на протяжении всего исторического развития. Его различные проявления отображаются в военных, национальных, конфессиональных, религиозных, межличностных конфликтах. Насилие – это внешнее со стороны других

лиц, виновное, общественно опасное, противоправное воздействие на человека (группу лиц), способное причинить органическую, физиологическую, психологическую травму, ограничить свободу действий или волеизъявлений.

В античный период мыслители и философы уделяли отдельное внимание роли насилия в государственных переворотах (смене политических деятелей). В эпоху Средневековья насилие было объектом изучения, как теологов, так и светских ученых. Томас Гоббс (1588-1679) считал человеческое поведение эгоистичным, направленным на достижение личной выгоды. В связи с тем, что материальные блага ограничены, люди становятся друг другу соперниками. Чтобы обеспечить личную и коллективную безопасность они объединяются и создают государство, на которое возлагается задача поддержания мира и благополучия. Впоследствии Иммануил Кант (1724-1804) признавал несовершенство человеческой природы и отстаивал идею вытеснения насилия из сферы человеческих взаимоотношений.

Карен Хорни (1885-1952) отмечала, что агрессивность может рассматриваться, как невротическая защитная реакция человека на угрозу удовлетворения его потребностей, возможность быть отвергнутым, униженным, обманутым, оскорбленным. При отсутствии ощущения безопасности у ребенка может проявиться враждебность по отношению к родителям (близким родственникам), которая впоследствии способна трансформироваться в базальную тревогу, направленную на других людей.

Эрих Фромм (1900-1980) к формам агрессивного поведения относил:

- а) игровое (единоборства, соревнования и т.п.);
- б) реакционное (защита жизни, здоровья, достоинства, имущества);
- в) враждебное (зависть, ревность, корысть);
- г) мстительное;
- д) деструктивное (разочарование в родителях, близком окружении);
- е) компенсаторное (собственные неудачи человек видит во внешних факторах, а свое бессилие выражает в агрессии);
- ж) садистское (желание причинять боль другому, подчинить его своей власти);
- з) психопатологическое (болезненная жажда насилия).

Альберт Эллис (1913-2007) считал, что на агрессивность человека оказывают влияние такие психологические особенности личности, как:

- раздражительность;
- импульсивность;
- доминантность;
- враждебность;
- склонность к оскорблениям и др.

На характер поведения могут оказывать опосредованное влияние некоторые психические состояния, возникающие в результате взаимодействия страха и гнева с другими эмоциями, к числу которых относятся: тревожность, депрессивность, психотичность и проч.

Насильственная преступность – это форма социальной патологии, обладающая высокой степенью общественной опасности, выражающаяся в систематическом совершении, запрещенных уголовным законом, поведенческих актов, сопряженных с физическим или психическим насилием над личностью .

Физическое и психическое насилие тесно взаимосвязаны между собой. Первое нередко влечет нарушение нормального функционирования различных тканей, органов, систем человека. Второе – психологическую травму, неврозы, психозы, отклонение в развитии личности. Психическое насилие может осуществляться различными способами от угрозы убийством до похищения ребенка. Наряду с ними можно выделить систематические оскорбления, жестокое обращение, издевательства над родными или близкими потерпевшего .

В широком смысле к насильственной преступности относятся отдельные общественно опасные деяния против жизни и здоровья, половой неприкосновенности и половой свободы личности, общественной безопасности и общественного порядка, государственной власти и порядка управления и т.п. Отдельную группу составляют корыстно-насильственные преступления (грабежи, разбои, вымогательства) . В статистических сборниках МВД России к таким преступлениям традиционно относят насильственные посягательства на жизнь и здоровье граждан. Так, в 2016 году было зарегистрировано 347 322 (-15,2%) преступлений против личности, из них убийств и покушений на убийство 10 444 (-9,2%), умышленных причинений тяжкого вреда здоровью 27 442 (-9%), изнасилований 3 893 (-1,1%) .

К числу ученых, внесших значительный вклад в изучение данной проблемы, относятся: Ю.М. Антонян, А.И. Долгова, Д.А. Корецкий, М.П. Клейменов, С.Я. Лебедев, В.В. Лунеев, С.В. Максимов, И.М. Мацкевич, А.В. Наумов, И.А. Петин, Э.Ф. Побегайло, А.Л. Репецкая, О.В. Старков, А.В. Шеслер, Д.А. Шестаков, Л.М. Щербакова, В.Е. Эминов и др.

Существует несколько подходов к классификации лиц, совершивших преступления насильственного характера. В одном случае выделяют:

- лиц с негативно-пренебрежительным отношением к социальным ценностям;
- агрессивных и неуравновешенных (с психической неустойчивостью);
- использующих насилие для криминального обогащения, отличающихся преступным профессионализмом ;
- совершающих насильственные преступления по мотивам расовой, национальной, идеологической, политической, религиозной ненависти или вражды.

В учебной литературе выделяются такие типы насильственных преступников, как: а) рациональный – совершающий преступления в целях собственной выгоды; б) импульсивный – по мотивам мести, ревности; в) озлобленный – при помощи насилия стремится избавиться от внутреннего

дискомфорта, собственные проблемы проецирует на окружающих; г) патологический - страдающий психическим расстройством (садисты, сексуальные маньяки, серийные убийцы); д) конформистский – совершающий насильственные действия под влиянием кого-либо (криминальных авторитетов, рецидивистов, активных участников преступной группы) .

Лица, совершающие насильственные преступления, могут быть классифицированы в зависимости от характера преступной деятельности на:

- совершающих уголовно-наказуемые деяния в семейно-бытовой сфере;
- допускающих насильственные действия при исполнении должностных и профессиональных обязанностей;
- совершающих насильственные, корыстно-насильственные преступления общеуголовной направленности (убийства, разбои, хулиганства);
- террористов, экстремистов, анархистов, радикалистов;
- совершающих преступления в местах лишения свободы;
- совершающих насильственные преступления в составе организованных преступных групп (сообществ);
- сексуальных преступников .

Для лиц, совершающих насильственные сексуальные преступления характерен низкий образовательный и профессиональный уровень. Групповые формы сексуального насилия свойственны подростково-молодежному возрасту. Педофильные действия - лицам старше 40 лет. В 22% жертва была случайной, 78% составляют случаи, когда жертва и преступник знакомы (такие отношения в 31% носили долговременный характер, 8% - были родственными или доверительными, 39% - кратковременные знакомства) .

Объектами полового влечения педофилов в большинстве случаев (85%) становятся дети родственников, соседей, друзей, знакомых. Оставшаяся часть приходится на случайные знакомства и контакты с малознакомыми людьми .

В настоящий период выделяются следующие подходы к изучению причин насилия: 1) социологический; 2) культурологический; 3) психологический; 4) политический; 6) правовой; 5) криминологический и др. К общим причинам насильственной преступности следует отнести: низкий уровень жизни значительной части населения, проблемы с трудоустройством, расслоение граждан по уровню доходов, смещение ценностных ориентиров в сторону удовлетворения личных материальных потребностей, снижение культурного и нравственного сознания, несовершенство механизмов организации досуговой сферы подростков и молодежи, урбанизация, незаконная миграция, слабая эффективность превентивной роли законодательства, недостаточная разработанность профилактических мер, низкий уровень цензуры в средствах массовой информации.

Прослеживается взаимосвязь насильственной преступности и социально-негативных явлений (пьянства и алкоголизма, наркомании и токсич-

комании, беспризорности и безнадзорности, проституции и половых перверсий, бродяжничества и попрошайничества, лудомании, экстремизма, сектантства). Анализ статистических данных показывает, что высокий уровень семейно-бытового и уличного насилия взаимосвязан с употреблением алкоголя и легкомысленным поведением потерпевших при общении с малознакомыми людьми.

К причинам по которым отдельная часть насильственных преступлений остается нераскрытыми относятся:

- 1) упущения и просчеты, допущенные правоохранительными органами, на первоначальном этапе расследования уголовных дел;
- 2) нежелание отдельных потерпевших сотрудничать с органами предварительного расследования и дознания, что приводит к дополнительным трудностям в получении достоверной информации о преступлении;
- 3) повышение профессионализма и организованности в преступной среде способствуют подготовке и планированию противоправной деятельности, умелой маскировке следов на месте происшествия ;
- 4) повышение уровня латентности некоторых насильственных преступлений, о чем свидетельствует возрастание числа обнаруженных трупов с неустановленной причиной смерти, неопознанных трупов; лиц, пропавших без вести; увеличение незаявленных фактов криминального захвата бизнеса .

К мерам предупреждения насильственной преступности следует отнести комплекс мероприятий по минимизации насилия во всех его проявлениях. Важным профилактическим направлением является пропаганда нравственных, культурных, семейных ценностей, здорового образа жизни в подростково-молодежной среде.

На практике хорошо зарекомендовали себя оперативно-профилактические операции «Превентив», «Притон», «Условник», «Надзор», «Нелегальный мигрант», «Арсенал» и др. Так, операция «Превентив» проводится с целью выявления лиц, склонных к семейно-бытовому насилию, постановки их на профилактические учеты, неотложного реагирования на совершение преступлений и административных правонарушений. Своевременно выявляя и пресекая преступления, предусмотренные ст. 115 УК РФ (умышленное причинение легкого вреда здоровью), ст. 116 УК РФ (побои), ст. 117 УК РФ (истязание), ст. 119 УК РФ (угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью), сотрудники полиции предупреждают совершение возможных тяжких и особо тяжких преступлений и минимизируют общественно опасные последствия.

Немаловажно значение отводится виктимологической профилактике насильственной преступности. Ее меры должны быть направлены на предупреждение легкомысленного, неосмотрительного, провокационного поведения потенциальных жертв криминального насилия. Кроме того, к ним относятся: оповещение граждан о криминальной обстановке в городе (населенном пункте), ознакомление с мерами, обеспечивающими личную

безопасность, сохранность материальных ценностей, алгоритмом действий в криминогенных ситуациях .

Нередко у лиц, совершающих насильственные преступления, обнаруживаются пограничные психические состояния. Психические аномалии не могут не сказываться на душевном и физическом здоровье правонарушителей. В большинстве случаев такие отклонения не исключают вменяемость индивида. К ним относятся: психопатии и неврозы; психические нарушения, связанные с соматическими расстройствами, алкоголизмом, наркоманией; остаточные последствия черепно-мозговой травмы; органическое заболевание центральной нервной системы и т.п. В связи с чем, ранняя диагностика и оказание медицинской, психологической, реабилитационной помощи лицам с психическими отклонениями благоприятно скажутся на профилактике насильственных преступлений.

Следует отметить, что профилактика насильственных преступлений складывается из: а) предупредительных; б) оперативно-розыскных; в) психокоррекционных; г) медицинских; д) педагогических мероприятий. Такие меры должны не только дополнять друг друга, но и опираться на криминалистические, психиатрические, сексопатологические криминологические базы данных .

На предупреждение рассматриваемых преступлений значительное влияние оказывает активизация правоохранительных органов по противодействию организованной, рецидивной, профессиональной, подростково-молодежной преступности, незаконному обороту наркотиков, оружия, взрывных устройств и боеприпасов. Использование последних достижений криминалистической техники, грамотно спланированные оперативно-розыскные и следственные мероприятия, позволяют своевременно изобличать виновных лиц в совершении насильственных преступлений, тем самым обеспечивая неотвратимость наказания и возмещение ущерба потерпевшим.

Урда Маргарита Николаевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права
Юго-Западного государственного университета (г. Курск)

Особенности формирования уголовной политики противодействия незаконной миграции

Система норм уголовного законодательства, «... имеющих непосредственную или опосредованную цель по защите общественных отношений в сфере миграционных процессов (правил въезда и пребывания в стране, легализации и др.)» становится основным объектом воздействия формирующегося нового направления уголовно-политической мысли — уголовной политики противодействия незаконной миграции. Ее появление

и трансформация в самостоятельный институт, обусловленный интенсификацией в последние годы неконтролируемых миграционных потоков, проистекающих из геополитических катаклизмов и усиливающейся глобализации, - процесс вполне закономерный.

Противодействие тем или иным преступным посягательствам обычно оценивается с позиции исторического опыта законодательной регламентации соответствующих составов. Однако в оценке существующего механизма противодействия незаконной миграции (оснований криминализации деяний, достаточности или избыточности уголовно-правовых запретов, установления системообразующих связей и др.) исторический опыт – малопригодный инструмент.

Отдельные проявления незаконного межгосударственного или внутригосударственного перемещения различных категорий лиц имели место практически во все время существования российского государства. Однако борьба с ними в различные исторические периоды осуществлялась в иных целях, не связанных с противодействием собственно незаконной миграцией (в современном ее понимании).

Осознание угрожающего значения феномена незаконной миграции, как в России, так и за рубежом, появилось в конце XX– начале XXI вв.

Ответной реакцией мировой общественности на новый вызов стало принятие 15 октября 2000 г. Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющего Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности, которая была ратифицирована Российской Федерацией 25 июня 2004 г. (далее – Протокол).

Поэтому отправной точкой в формировании собственно уголовной политики противодействия незаконной миграции следует считать появление в связи с принятием Федерального закона от 28.12.2004 № 187-ФЗ нормы об организации незаконной миграции (ст. 322.1 УК РФ).

Она есть следствие имплементации положений вышеуказанного между-народного стандарта, имеет ключевое значение в механизме противодействия незаконной миграции (См.: табл.2.)

Таблица 2

Виды деяний, рекомендованных к криминализации в национальном законодательстве стран-участниц Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху (ч. 3 ст. 1 и ст. 6 Протокола)	Сопоставимые уголовно-наказуемые деяния в УК РФ			
деяния, направленные на незаконный ввоз мигрантов	ст. 322.1 организация незаконной ми-			
деяния, совершенные с целью создания условий для незаконного ввоза мигрантов	грации			

деяния, направленные на изготовление поддельных документов на въезд или выезд, а также удостоверений личности			ст.327 подделка официального доку- мента...	ст. 290.1 Незакон- ная выда- ча пас- порта гражда- нина РФ...
деяния, направленные на приобретение или предоставление поддельных документов или владение ими				
деяния, направленные на предоставление лицу, не являющемуся гражданином соответствующего государства или постоянно не проживающему на его территории, возможности находиться в нем без соблюдения необходимых условий законного пребывания.		ст.322.3 Фиктивная постановка на учет иностран- ных граж- дан или лиц без граждан- ства...		

Следует отметить, что помимо указанных в табл. 2 деяний, Протоколом (ч.2 ст.6) государствам-участникам рекомендовано принять меры к криминализации: а) покушения на совершение какого-либо из деяний; б) участия в качестве сообщника в их совершении; в) организации других лиц или руководство ими с целью совершения какого-либо из указанных преступлений.

Имплементацией вышеназванных положений в «чистом виде» обосновывалась необходимость установления уголовной ответственности за создание и руководство организованной группой в целях незаконного перемещения иностранных граждан или лиц без гражданства через Государственную границу РФ либо обеспечения их незаконного пребывания на территории РФ в проектом варианте ст. 322.1 УК РФ.

Отказавшись от идеи формулирования нормы как соучастие особого рода в процессе работы над законопроектом, законодатель уголовно-наказуемыми признал организацию незаконного въезда, пребывания или транзита иностранных граждан и лиц без гражданства, создав неопределенность с функциональным назначением термина «организация», и заложив, тем самым, основы для неоднозначного толкования и применения нормы.

Неслучайно различным аспектам организации незаконной миграции в уголовном праве уделяется повышенное внимание.

В отношении информационных преступлений, способствующих незаконной миграции, законодатель оказался непоследовательным. С одной стороны, он сохранил практически в неизменном виде общие составы подлога документов (ст. 327 УК РФ); с другой, - обнаружил стремление к выделению специальных составов служебных преступлений в миграционной сфере. Федеральным законом от 08.04.2008г. №43-ФЗ в УК РФ была вклю-

чена ст. 2902 УК РФ, устанавливающая ответственность за незаконную выдачу паспорта гражданина РФ, а равно внесение заведомо ложных сведений в документы, повлекшее незаконное приобретение гражданства РФ. По существу, указанная статья объединяла две разновидности специальных служебных преступлений в миграционной сфере: специальный служебный подлог (ч. 1 ст. 2921 УК РФ) и специальный состав халатности (ч. 2 ст. 2921 УК РФ).

В то же время вне сферы действия уголовного закона остались достаточно распространенные и получившие уголовно-правовую оценку в законодательстве многих зарубежных стран информационные правонарушения, направленные на приобретение поддельных документов, такие, как предоставление заведомо ложных сведений в целях приобретения, паспорта, гражданства, вида на жительство и др.

К слову сказать, уголовное законодательство большинства зарубежных стран обнаруживает тенденцию к выделению информационных преступлений, способствующих незаконной миграции, в самостоятельный институт. В целях повышения эффективности противодействия новому вызову национальной безопасности такой подход представляется более предпочтительным и в большей степени соответствующим рекомендациям Протокола. Особую актуальность ревизия информационных преступлений, содействующих незаконной миграции, имеет в связи с появившимися инициативами о полной или частичной декриминализации ст. 327 УК РФ и иных норм в сфере официального документооборота.

Дальнейшая трансформация законодательства в рассматриваемой сфере связана с дифференциацией ответственности за нарушения правил пересечения Государственной границы РФ и пребывания на территории государства.

Федеральным законом от 30.12.2012г. №312-ФЗ пересмотрена редакция ст. 322 УК РФ. В ч. 2 статьи самостоятельную уголовно правовую оценку получает пересечение Государственной границы РФ при въезде иностранных граждан и лиц без гражданства въезд, которым заведомо для виновного не разрешен. При этом квалифицирующие признаки деяний перемещены в ч.3 указанной статьи.

Элементом дифференциации ответственности за нарушение правил пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства с признаками криминализации следует признать недостаточно продуманное включение Федеральным законом от 21.12.2013г. №376-ФЗ в УК РФ норм об ответственности за фиктивную регистрацию гражданина РФ по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении и фиктивную регистрацию иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в РФ (ст. 3222 УК РФ), а также фиктивную постановку на учет по месту пребывания иностранного гражданина или лица без гражданства (ст. 3223 УК РФ).

По существу, указанные нормы устанавливают ответственность за фиктивную постановку на миграционный и регистрационный учеты. Однако их криминализация проведена некачественно: они обнаруживают трудности в разграничении как с организацией незаконной миграцией, так и с аналогичными административными правонарушениями; кроме того,

ставится под сомнение их общественная опасность. Вполне естественно, что в литературе уже появились критические оценки относительно содержания и криминализации данных составов.

В этот же период происходит пересмотр санкций за незаконное пересечение Государственной границы РФ и организацию незаконной миграции в сторону ужесточения ответственности с изменением категории преступлений. Так, Федеральными законами от 30.12.2012г. №312-ФЗ и №308-ФЗ был увеличен максимально возможный размер лишения свободы: для незаконного пересечения Государственной границы РФ с отягчающими обстоятельствами с пяти до шести лет; для неквалифицированной организации незаконной миграции – с двух до пяти лет; для ее квалифицированных составов – с пяти до семи лет.

Последние изменения в рассматриваемой сфере, имевшие место в 2016г., коснулись дифференциации и пенализации организации незаконной миграции. Федеральным законом от 06.07.2016г. №375-ФЗ были расширены квалифицирующие признаки состава за счет включения «группы лиц по предварительному сговору»; определена санкция неквалифицированного состава как безальтернативная - лишение свободы на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового.

В заключение отметим, что перманентное реформирование уголовного законодательства в рассматриваемой сфере не способствует кардинальному улучшению миграционной ситуации в стране. Оно свидетельствует о неудовлетворенности власти качеством законодательного материала и об отсутствии четких ориентиров в тактике противодействия незаконной миграцией. Следовательно, модернизация законодательства в этой сфере в ближайшее время продолжится.

Яковлев Виталий Валерьевич,
кандидат юридических наук, доцент
преподаватель кафедры уголовного
права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

О проблемах реализации стратегии противодействия коррупции в России

Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 утверждена Стратегия национальной безопасности Российской Федерации – базовый документ стратегического планирования, определяющий национальные интересы и стратегические приоритеты Российской Федерации, цели, задачи и меры в области внутренней и внешней политики, направленные на укрепление национальной безопасности нашего государства и обеспечение устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу¹. В п. 43 раздела IV «Обеспечение национальной без-

¹ <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>

опасности» указанного документа коррупция рассматривается в качестве одной из основных угроз государственной и общественной безопасности. Таким образом, рассматриваемое явление признано исключительно опасным и требующим адекватной реакции со стороны общества и государства. В первую очередь необходимо эффективное нормативное регулирование борьбы с коррупцией, обеспечивающее комплексное взаимодействие заинтересованных структур государственной власти и управления, общественных организаций и отдельных граждан. Следует признать, что в современной России создана сложная система нормативных правовых актов, регламентирующих рассматриваемую деятельность, однако ее результативность оценивается обществом весьма критически.

Официальная статистика абсолютных показателей коррупционной преступности за последние пять лет не отличается позитивной направленностью, не смотря на значительное снижение в 2012-2014 годах, с 49513 преступлений до 32204, в дальнейшем наблюдается некоторая стабилизация ее уровня с постепенным ростом до 32924 в 2016 году¹. При этом удельный вес преступлений, совершенных в крупных и особо крупных размерах, либо причинивших крупный ущерб, остается высоким и составляет не менее четверти всех уголовно-наказуемых деяний коррупционной направленности.

Доля коррупционной преступности в общей структуре не превышает двух процентов, однако ее цена исключительно велика – ежегодно, по мнению специалистов, рассматриваемыми действиями государству причиняется ущерб, исчисляемый десятками миллиардов рублей. Проникая практически во все сферы общественной жизни, коррупция существенно замедляет процесс социально-экономических, политических, правовых и организационно-управленческих преобразований, подрывает авторитет государственной власти, провоцирует недоверие к нашему государству со стороны мирового сообщества.

В целях систематизации антикоррупционной деятельности в нашей стране разрабатывается и утверждается Указом Президента Российской Федерации источник программного характера – Национальный план противодействия коррупции сроком на два года. Периодичность этого документа обусловлена стремительно меняющейся внешней и внутренней ситуацией, необходимостью оперативно реагировать на вновь появляющиеся угрозы безопасности России. Действующий План утвержден в 2016 году².

В рассматриваемом источнике руководителям государственных органов федерального уровня предписывается внести соответствующие изменения в существующие ведомственные планы противодействия кор-

¹ Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. http://crimestat.ru/offenses_chart

² О национальном плане противодействия коррупции на 2016-2017 годы. Указ Президента Российской Федерации № 147 от 01.04.2016г. <http://www.garant.ru>

рупции в целях достижения конкретных результатов в работе по предупреждению коррупции, минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений, а также контроля за выполнением мероприятий, предусмотренных этими планами.

Оценка результативности исполнения требований ранее принятых Планов в 2008, 2010, 2012 и 2014 годах свидетельствует о наличии ряда проблем в реализации их положений, существенно затрудняющих достижение поставленных целей.

Прежде всего, следует отметить, что имеются существенные проблемы в антикоррупционном законодательстве, позволяющие избегать коррупционерам ответственности за совершенные правонарушения. В частности, это касалось регулирования антикоррупционных экспертиз принимаемых различными ведомствами нормативных документов, а именно – уточнения методик выявления коррупционных элементов в проверяемых законопроектах. Сюда же можно отнести практику формирования антикоррупционных стандартов. Еще одним приоритетным направлением законотворчества Президент Российской Федерации назвал правовую регламентацию пресечения конфликта интересов в сфере государственного управления, до настоящего времени также сохраняющую значительные недоработки.

Анализ содержания ведомственных планов противодействия коррупции привел экспертов к выводу, что большинство из них не отвечают требованиям и стандартам, содержащимся в Национальном плане. Другими словами, ведомственный подход отличается формализмом и декларативностью указанных в них положений. Причиной тому явилось отсутствие научного мониторинга деятельности ведомства, выявления специфических коррупционных рисков и прогнозирования последствий коррупционных нарушений с целью минимизации их последствий. Стандартными недостатками признаны отсутствие конкретики в планируемых мероприятиях, указания должностных лиц, ответственных за исполнение. Сроки исполнения отдельных пунктов плана размыты или не указаны вообще¹. Специалисты указывают также несоответствие ведомственных планов общей структуре документа, ограничение многих важных направлений противодействия коррупции общими декларативными установками, отражающими основные методические подходы к рассматриваемой деятельности. Безусловно, содержательная ценность такого документа и результативность заявленных мероприятий существенно снижается.

Существенным недостатком антикоррупционной деятельности признается также недостаточная эффективность мер государственного принуждения, принимаемых к должностным лицам, совершившим указанные правонарушения. В частности, отмечается, что действующая си-

¹ Гацко М.Ф. Проблемы реализации национального плана противодействия коррупции. // Символ науки. М., 2016. № 4. С.222.

стема кратных штрафов не позволяет в должной мере компенсировать нанесенный государству ущерб. По мнению экспертов, сумма его возмещения подобным образом не превышает 10% от реально причиненного вреда. Причина – отсутствие эффективного механизма обнаружения и изъятия материальных ресурсов, подлежащих передаче в государственный бюджет. Судебная практика показывает, что обвинительные приговоры в отношении коррупционеров все чаще содержат в виде санкций лишение свободы на определенный срок. Например, в период существенного снижения абсолютных показателей коррупционной преступности 2013-2014 года его удельный вес увеличился с 12 до 20 процентов. С 69 до 58 процентов снизилось число граждан, приговоренных к штрафам. Однако именно высокие штрафы остаются основным наказанием для коррупционеров. На совещании-семинаре руководителей судов 10.02.2015 года Председателем Верховного суда Российской Федерации отметил, что в 2014 году среди осужденных за коррупционные преступления 44% составили государственные и муниципальные служащие, 23% – сотрудники правоохранительных структур, 12% – работники сферы образования. На долю остальных коррупционеров приходится 21%. Средняя сумма взятки по России на этот момент составила 60000 рублей.

Складывающаяся ситуация в сфере реализации программ противодействия коррупции в России приводит к выводу о необходимости усиления контроля за исполнением планируемых антикоррупционных мероприятий, что нашло отражение в Указе Президента Российской Федерации № 147 от 01 апреля 2016 года. В частности, Правительству Российской Федерации поручено подготовить сводный доклад по выполнению требований по формированию ведомственных планов противодействия коррупции. Верховному Суду Российской Федерации рекомендовано подготовить обзоры судебной практики по делам о привлечении к ответственности за коррупционные правонарушения.

Счетной палате Российской Федерации рекомендовано отражать в информации о результатах проведения контрольных и экспертно-аналитических мероприятий и в ежегодном отчете о своей работе, которые представляются палатам Федерального Собрания Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации», вопросы, касающиеся осуществления в пределах установленной компетенции мер по противодействию коррупции.

Высшие должностные лица (руководители высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации обязаны предоставлять в аппараты полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах доклады о выполнении запланированных Планом мероприятий в части, их касающейся.

Гришко Наталья Александровна,
преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин
Рязанского агротехнологического университета имени П.А. Костычева

Учет личностных особенностей женщин, совершающих преступное насилие в семейно-бытовой сфере, в его профилактике

В объяснение причин и условий совершения преступлений, их предупреждения центральным звеном является личность. Именно через нее в конечном счете преломляются все другие факторы. Этим объясняется научный и практический интерес к установлению социально-демографических, собственно криминологических, уголовно-правовых свойств личности преступника [1, с. 207; 2, с. 366; 3, с. 345; 4, с. 154; 5, с. 24; 6, с. 168].

Одним из определяющих признаков, характеризующих личность вообще и личность исследуемой категории преступников является возраст. Среди женщин, совершивших преступление в семейно-бытовой сфере, значительная большая, чем среди женщин, совершивших иные преступления, доля лиц в возрасте 18-23 года (в 2,6 раза) и меньше удельный вес лиц пожилого возраста (54 года и старше). Удельный вес лиц в возрасте 54-59, 60 лет и старше, совершивших указанные преступления, меньше удельного веса контрольной группы преступников соответственно: в 1,3 и 2,6 раза.

По мнению автора, это можно объяснить характером совершаемых преступлений. Насильственные действия требуют соответствующего физического состояния. Лица молодого возраста отличаются большей импульсивностью, несдержанностью.

При этом обращает на себя внимание разница в возрасте среди преступников, впервые совершивших данное преступление. Так если доля лиц в возрасте 18-23 года среди исследуемой категории составляет 10,0%, то среди вторых – 1,7 (в 5,9 раз больше). Это можно объяснить тем, что вторая категория лиц ранее провела некоторое время в местах лишения свободы за совершенное преступление, как правило, в молодом возрасте. При этом большинство из них были неоднократно судимы: дважды – 40,6%, три и более раз 29,0%; 30,4% - имели одну судимость.

Важное социальное и криминологическое значение имеет семья. Семья оказывает двойственное влияние на личность. С одной стороны она чаще всего играет роль сдерживающего фактора, препятствующего противоправному поведению, с другой стороны, угнетающая конфликтная обстановка в семье зачастую служит причиной совершения преступного насилия в семейно-бытовой сфере. Последнее особенно характерно для женщин.

Нельзя не отметить роль семьи в предупреждении постпенитенциарного рецидива преступления со стороны женщин.

Женщине, совершившей преступление и отбывшей за него наказание, трудней завести семью, она тяжелее переносит семейные разлады, разводы. Это обусловлено как их психологическими особенностями, и также наличием детей, остающихся при разводе, как правило, с матерью, которым она должна уделять соответствующее внимание, зачастую в ущерб своей личной жизни.

Свидетельством значимости семьи для женщины свидетельствует и то, что абсолютное большинство их после осуждения поддерживают тесные отношения с большинством членов семьи (64,5%) или с некоторыми ее членами (15,5%). Только 11,9% осужденных женщин во время отбывания наказания отмечают относительные связи с семьей и 4,6% не поддерживали таких связей ни до, ни после осуждения. При этом доля женщин, осужденных за совершение насильственных преступлений в семейно-бытовой сфере, поддерживающих тесные отношения с большинством членов семьи, превалирует над аналогичным показателем, характеризующим женщин контрольной группы (на 11,5%).

Показатели, характеризующие семейное положение женщин, совершивших преступление в семейно-бытовой сфере, позволяют сделать вывод, что среди них больше, чем в контрольной группе, доля лиц, не состоящих в браке, являющихся вдовами, и, соответственно, меньше лиц, состоящих в браке. Приведенное можно объяснить в том числе и тем, что объектом преступления, совершенного женщинами в семейно-бытовой сфере, часто является муж или сожитель. В числе мотивов их совершения выступает ревность, интимные отношения.

Среди женщин, совершивших преступление в семейно-бытовой сфере, по сравнению с контрольной группой преступников, доля лиц, лишенных родительских прав, превышает в 7,8 раза.

Образование оказывает непосредственное влияние на уровень культуры человека, что с точки зрения объяснения причин и условий совершения преступлений, их предупреждения имеет значение. Оно особо значимо в сфере насильственных преступлений в семейно-бытовой сфере, так как лицо в большей степени имеет возможность выйти из конфликтной ситуации в семейно-бытовой сфере не криминальным путем, особенно если такая ситуация имеет в определенной степени длительный характер.

Приведенный тезис о влиянии образования на преступления, совершенные в семейно-бытовой сфере, подтверждаются показателями, полученными в ходе исследования. Образовательный уровень лиц, совершивших данные преступления, значительно ниже уровня образования женщин-преступниц контрольной группы. Среди них в 1,6 раза меньше лиц, имеющих среднее профессиональное образование, в 2 раза лиц, имеющих незаконченное высшее образование.

Одним из криминологических факторов, доказывающих влияние на совершение преступления является род занятий.

Характеристика женщин, совершающих насильственные преступления в семейно-бытовой сфере, ее сравнение с контрольной группой лиц, не позволят установить каких-либо значительных закономерностей. Обращают на себя внимание только женщины, нигде не работающие. Их удельный вес среди лиц, совершивших указанные преступления, в 1,8 раза меньше удельного веса женщин контрольной группы. При этом доля таких лиц среди ранее судимых почти в три раза больше по сравнению с лицами, совершившими преступление впервые.

В большинстве же своем женщины обеих групп на момент совершения преступления имеют определенный трудовой опыт, соответственно 93,7% и 88,4%.

Следует заметить, что значительная доля осужденных исследуемой категории занимали должности рабочих – 43,2%; 35,7% выполняли роль домохозяйки; 1,7% являлись инвалидами; 1,7% - служащими. Незначительная доля занимались предпринимательской деятельностью или сельским хозяйством (по 3,5% каждая).

Одной из ведущих уголовно-правовых особенностей, характеризующих личность преступника, является характер совершенного преступления. Исследование показало, что женщинами в семейно-бытовой сфере совершаются главным образом тяжкие и особо тяжкие преступления (соответственно 32,2% и 50,0%): убийство (ст. 105 УК РФ) и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ). Среди других преступлений: побои (ст. 116 УК РФ), убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ), насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ), понуждение к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ), половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшем шестнадцатилетнего возраста (ст. 134 УК РФ) развратные действия (ст. 135 УК РФ).

Превалирование в структуре преступлений, совершенных женщинами в семейно-бытовой сфере, тяжких и особо тяжких деяний, предусмотренных (ст. 105 и 111 УК РФ), объясняется, в том числе, высокой степенью латентности приведенных выше менее тяжких преступлений.

Опрос женщин, осужденных по ст. 105 УК РФ и 111 УК РФ показал, что в абсолютном большинстве случаев их совершению предшествовало длительное физическое или психологическое насилие, над ними весела угроза физической расправы со стороны мужа или сожителя.

В деле предупреждения насилия в семейно-бытовой сфере значимым являются знания особенностей объекта посягательства. В большинстве случаев объектом преступного насильственного посягательства являлись супруг или сожитель (66,6%).

Далее в ранжированном ряду следует: дальние родственники (19,4%), родители (7,9%), несовершеннолетний ребенок (5,0%), брат/сестра (1,7%).

При установлении причин преступного поведения женщин в семейно-бытовой сфере значимым является выяснение факторов, способствующих их формированию. В данном аспекте вызывает интерес выяснение характера отношений, которые складывались в их семье в детстве.

Изучение характера отношений женщин в семье в детстве свидетельствует, что в абсолютном большинстве случаев они характеризуются как хорошие, нормальные (83,1%). В то же время по сравнению с контрольной группой преступников, в семьях женщин изучаемой категории чаще отмечаются плохие отношения, с применением физического насилия (в 2,3 раза); плохие отношения, с физическим насилием и алкогольной (наркотической) зависимостью (в 2,9 раза).

Анализ показателей, характеризующих состав семьи, позволяет заключить, что объектом особого профилактического внимания должны быть семьи, где одним из членов семьи является отчим. По сравнению с контрольной группой в таких семьях более чем в два раза чаще воспитывалась женщина, совершившая насильственное преступление в семейно-бытовой сфере.

Абсолютное большинство опрошенных лиц, ответили, что в детстве они не подвергались физическому насилию (73,6%). Из числа тех женщин, которые подвергались такому насилию: в 7,4% случаев субъектами насилия были родители; в 5,6 – со стороны родственников; в 2,3% - сверстники (в несовершеннолетнем возрасте); в 10,0% - в совершеннолетнем возрасте, соответственно: со стороны родственников или малознакомых лиц.

Почти каждая пятая женщина в несовершеннолетнем возрасте состояла на учете в комиссии по делам несовершеннолетних или привлекалась к административной ответственности.

Приведенные и другие особенности личности женщины, совершившей преступления в семейно-бытовой сфере позволяет констатировать о ее типичности. Для нее характерно:

- средний возраст (30-47 лет); не замужем, имеет детей, с которыми установлены хорошие, доброжелательные, доверительные отношения; образование среднее полное общее – среднее профессиональное; занимает должность рабочей или является домохозяйкой;

- характер совершенного преступления – убийство, умышленное причинение вреда здоровью; преступление совершено не в соучастии; не судима; срок наказания – от пяти до десяти лет; совершенное преступление является тяжким или особо тяжким; из числа ранее судимых рассматриваемые преступления совершают лица, судимые за кражу;

- объект преступления – супруг или сожитель; основные мотивы совершения преступления – супружеская измена, ревность, внезапно возникший конфликт на бытовой почве; условия, способствующие совершению преступления – употребление спиртных напитков, наркотических средств; основные причины совершения преступления – длительное ду-

шевное беспокойство, переживания и стрессы; внезапный приступ гнева, злости, обиды; алкогольная (наркотическая) зависимость; длительное физическое насилие в семье; защита от физического насилия слабого; непризнание себя виновной или частичное признание виновной в совершении преступления.

Заева Ольга Петровна,
преподаватель кафедры уголовного процесса
Краснодарского Университета МВД России

Проблемы, связанные с привлечением лица в качестве обвиняемого

На современном этапе развития России заслуживает внимания практика привлечения в качестве обвиняемого, выдвигающая новые требования, которые направлены на совершенствования норм, регламентирующих порядок его применения.

Органы предварительного расследования должны соблюдать основные правовые требования, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством РФ для достижения целей уголовного судопроизводства. Среди этих целей следует выделить принятие необходимых мер для привлечения к уголовной ответственности лиц, которые совершили преступления, и недопущение привлечения к уголовной ответственности невиновных и их осуждения.

В соответствии со ст. 49 Конституции РФ и ст. 8 УПК РФ уголовное наказание за совершение конкретного преступления применяется только по приговору суда. Для этого необходимо с достоверностью установить основание уголовной ответственности. Для констатации наличия или отсутствия вышеуказанного основания орган дознания или следователь должны выявить и доказать соответствующие этому основанию фактические обстоятельства.

Правовой основой привлечения в качестве обвиняемого является Конституция РФ, Конвенция о защите прав человека и основных свобод: Рим, 4 ноября 1950 г. (с изменениями от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января, 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.), Международный пакт о гражданских и политических правах: Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г., УПК РФ. Привлечение в качестве обвиняемого является средством достижения целей уголовного судопроизводства, в тоже время существенно затрагивает конституционное право граждан на презумпцию невиновности. Возникает необходимость осмысления Конституции РФ, насколько существующая система гарантий законности и обоснованности привлечения лица в качестве обвиняемого.

Проблемы привлечения в качестве обвиняемого постоянно привлекали внимание ученых. Весомый вклад в их разработку внесли Ю. Гармаев, Н.А. Громов, Н.П. Ефремова, В.А. Карлеба, Л.М. Карнеева, Н.В. Кручинина, А.Т. Маслов, Ю.Г. Овчинников, А.А. Орлова, А.П. Рыжаков, В.Ф. Статкус. Целый ряд важнейших теоретических положений, связанных с привлечением в качестве обвиняемого, оказались в достаточной степени неисследованными и получают разную интерпретацию в теории и на практике.

Факты незаконных привлечений в качестве обвиняемого находятся в противоречии с Конституцией РФ, УПК РФ, Конвенцией о защите прав человека и основных свобод.

В числе вопросов, которые освещает данное пособие, существенное место занимает допрос обвиняемого. В числе следственных и судебных действий, предусмотренных УПК РФ, одно из центральных мест принадлежит допросу, как средству получения информации об интересующих органы предварительного следствия фактах.

Тщательное исследование комплекса вопросов, относящихся к допросу, имеет важное научное и практическое значение.

Процессуальный порядок допроса, закрепленный законодательством, служит цели получения от обвиняемого правдивых и полных показаний об интересующих следователя и суд обстоятельств.

Практическая значимость привлечения в качестве обвиняемого, так и допроса обвиняемого взаимосвязана с принятием дознавателем и следователем правильных решений по уголовному делу.

В стадии предварительного расследования следователь, дознаватель осуществляет деятельность, направленную на достижение целей уголовного судопроизводства, уголовное преследование лиц, совершивших преступление, устанавливает наличие доказательства о событии преступления, виновности лица в совершении преступления, форме его вины и мотивах и других обстоятельствах, входящих в предмет доказывания по конкретному уголовному делу. В уголовно-процессуальном законодательстве РФ отсутствует разъяснение понятия «привлечение в качестве обвиняемого». В юридической литературе имеются различные мнения на данное понятие.

Заслуживает внимание мнение Б.Т. Безлепкина о том, что «решение о привлечении в качестве обвиняемого не предполагается окончательным; оно не исключает непредусмотренного появления и даже инициативного выдвижения иных следственных версий и не только не закрывает проверку данной центральной обвинительной версии, а наоборот, открывает в ее разработке новый этап - этап состязания стороны обвинения со стороной защиты».

Мнения вышеуказанных ученых носят дискуссионный характер. В связи с этим следует отметить, что под привлечением в качестве обвиняемого следует понимать совокупность процессуальных действий, выполняемых следователем, дознавателем в предусмотренном уголовно-процес-

суальным законом порядке в стадии предварительного расследования, направленных на определение процессуального статуса обвиняемого, при установлении в процессе расследования уголовного дела на основе доказательств оснований для обвинения лица в совершении преступления.

Привлечение в качестве обвиняемого конкретного лица должно быть закономерным результатом плановой деятельности дознавателя, следователя при расследовании уголовного дела. Однако, следует учитывать, что привлечение в качестве обвиняемого дознавателем, следователем в стадии предварительного расследования только создает позитивные предпосылки для наступления уголовной ответственности конкретного лица в том, случае, если, суд в стадии судебного разбирательства рассмотрит уголовного дело по существу и постановит обвинительный приговор в отношении подсудимого и данное судебное решение вступит в законную силу. Как показывает следственная практика, а также практика деятельности органов дознания расследование по уголовным делам в отношении обвиняемых в отдельных случаях прекращается по различным основаниям, предусмотренным в ст.ст. 24, 25, 25.1, 27, 28, 28.1, 427 и 439 УПК РФ и уголовное дело не рассматривается в суде первой инстанции. Анализ судебной практики рассмотрения уголовных дел в стадии судебного разбирательства позволяет отметить, что по ряду уголовных дел суд первой инстанции постановляет оправдательный приговор по различным основаниям, предусмотренным уголовно-процессуальным законом, либо в данной стадии уголовного судопроизводства уголовное дело прекращается по основаниям, указанным в ст. 254 УПК РФ. В вышеуказанных случаях привлечение лица в качестве обвиняемого дознавателем, следователем не повлечет реализации уголовной ответственности в отношении данного лица, так как в отношении подсудимого не будет вынесен обвинительный приговор и обращен к судом к исполнению.

Привлечение лица в качестве обвиняемого - одно из процессуальных средств деятельности дознавателя, следователя, направленной на установление события преступления и изобличение лица, совершившего данное преступление. Решением дознавателя, следователя о привлечении лица в качестве обвиняемого в конкретном преступлении определяется его процессуальный статус, как участника уголовного судопроизводства.

Законность и обоснованность привлечения в качестве обвиняемого позволяют следователю, дознавателю достигнуть целей уголовного судопроизводства, предусмотренных ст. 6 УПК РФ.

Под законностью привлечения в качестве обвиняемого следует понимать правильное применение положений норм уголовного и уголовно-процессуальных законов. В досудебном производстве следователь, дознаватель в действиях конкретного лица обязаны установить наличие общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законодательством РФ, а также посредством выполнения процессуальных действий со-

брать доказательства по уголовному делу, которые подтверждают все элементы состава преступления, совершенного данным лицом. Дознаватель, следователь должны доказать взаимосвязь между доказательствами, имеющимися у них и конкретным составом преступления .

Против обвиняемого выдвинуто и ему предъявлено обвинение в совершении преступления - социально опасного и уголовно наказуемого деяния, - и это обвинение выражено и сформулировано в официальном юридическом, процессуальном документе - постановлении следователя о привлечении в качестве обвиняемого. Это постановление предъявляется обвиняемому, а в случае необходимости его содержание сообщается соответствующим учреждениям, и организациям (по месту работы обвиняемого при временном отстранении его от должности). К обвиняемому применяются принудительные меры - вызов для предъявления обвинения и на допрос, применение меры пресечения и другие.

Таким образом, привлечение в качестве обвиняемого не означает, что виновность обвиняемого доказана, так как для самого следователя привлечение в качестве обвиняемого не является окончательным выводом о виновности обвиняемого. Обвиняемый допрашивается, представляет свои объяснения, возражения, ходатайства и т. д. Все это нуждается в проверке в дальнейшем ходе предварительного следствия, когда собираются новые доказательства, исследуются новые факты, проверяются и другие версии, помимо той, которая выражена в постановлении следователя о привлечении в качестве обвиняемого. Как бы ни были тяжелы и убедительны улики, на основе которых следователь составил постановление о привлечении данного лица в качестве обвиняемого, обвинение ему еще не предъявлено, показания его еще не получены и не проверены. А без этого нельзя утверждать вполне достоверно и уверенно, что данное лицо виновно.

Вообще допрос подозреваемого - это не то, что допрос обвиняемого по конкретно сформулированному обвинению.

В связи с изучением проблемы привлечения лица в качестве обвиняемого следует руководствоваться следующими положениями:

Привлечение в качестве обвиняемого допустимо лишь при наличии серьезных, проверенных доказательств виновности.

Привлечение в качестве обвиняемого не есть окончательный вывод следователя о виновности привлеченного лица, и после привлечения продолжается исследование вопроса о виновности обвиняемого в полном объеме, объективно и непредвзято.

Равно недопустимы как скороспелое, не обоснованное серьезными доказательствами привлечение в качестве обвиняемого, так и рассмотрение привлечения как признание доказанности вины обвиняемого.

Как бы твердо ни был следователь убежден в виновности привлекаемого или уже привлеченного в качестве обвиняемого лица, он должен делать все выводы из положения закона, что не ему, а только суду принадле-

жит право признать обвиняемого виновным в совершении преступления. Значит, вывод следователя о виновности обвиняемого - это только его мнение, а не официальное, от имени государства, признание обвиняемого виновным в совершении преступления.

Таким образом, обвинение характеризуют по крайней мере следующие черты: 1) разделение обвинения по большинству дел (кроме дел частного обвинения) на первоначальное и окончательное; 2) сближение деятельности по первоначальному обвинению с деятельностью по розыску и пресечению преступлений (ограничение гласности, устности, тесное сотрудничество с оперативно-розыскными органами и т. д.) и 3) надзор прокурора за законностью и обоснованностью привлечения лица в качестве обвиняемого.

Первоначальное обвинение, а также деятельность по осуществлению первоначального обвинения в дореволюционном отечественном законодательстве именовались «судебным преследованием» (ст. 1 и 2 УУС), а в юридической литературе обычно - «уголовным преследованием». В отличие от последнего окончательное обвинение в законодательстве именовалось «обличением обвиняемых перед судом» (ст. 3 и 4 УУС), а в литературе обычно - «поддержанием обвинения перед судом».

С учетом сказанного есть все основания рассматривать привлечение в качестве обвиняемого и в современном уголовном судопроизводстве как первоначальную форму обвинительной деятельности в отношении конкретного лица (первоначальное обвинение) или как начало уголовного преследования. После предъявления обвинения следователь обязан немедленно допросить обвиняемого по уголовному делу. Следователь не имеет права допрашивать лицо совершившее преступление сначала в качестве свидетеля, а впоследствии в качестве обвиняемого. В практики деятельности следователей имеются такие нарушения уголовно-процессуального закона.

Привлечение лица в качестве обвиняемого в сущности является центральным актом стадии предварительного расследования. Значение этого акта исключительно велико не только для данной стадии, но и для всего уголовного судопроизводства в целом.

Во-первых, на этапе привлечения в качестве обвиняемого формируется и появляется первоначальное официальное обвинение. В дальнейшем сформулированный на «данном этапе производства по делу обвинительный тезис, пока он не обретет свою окончательную форму, может изменяться, совершенствоваться». Тем не менее, и в своем первоначальном виде он играет, существенную организующую и направляющую роль для всего дальнейшего процесса исследования обстоятельств дела на стадии предварительного расследования.

Во-вторых, с появлением официального обвинения в уголовном деле появляется и конкретное лицо, к которому оно относится, - обвиняемый.

В-третьих, привлечение в качестве обвиняемого является юридическим фактом, порождающим систему уголовно-процессуальных правоотношений: между органом расследования и обвиняемым, между обвиняемым, прокурором и рядом других участвующих в деле лиц, а в последние годы - между обвиняемым и судом. При этом обвиняемый становится активным участником процесса, которому закон гарантирует широкие права на защиту.

Кустова Надежда Константиновна,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Основные критерии отграничения прикосновенности к преступлению от соучастия и иных форм совместного совершения преступления

Прикосновенность к преступлению известна отечественному законодательству с X в. Первое упоминание о такой ее форме, как недоносительство, содержится в Уставе князя Ярослава «О судах церковных» (X-XI вв.): «Услышит жена от иных людей, что думати на царя или на князя, ... а опосли обличиться»¹. С момента своего возникновения этот институт прочно вошел в систему предупреждения преступлений, став его неотъемлемой частью.

В последующем пределы института прикосновенности менялись в зависимости от социально-политической обстановки и содержания уголовной политики российского государства. Особая роль прикосновенности к преступлению обусловлена, прежде всего, тем, что нормы рассматриваемого института обладают двойной превенцией: во-первых, они направлены на устранение и нейтрализацию условий для совершения преступлений; во-вторых, способствуют реализации принципа неотвратимости наказания, поскольку направлены на изобличение всех виновных; в-третьих, создают предпосылки к снижению латентной части преступности. Институт прикосновенности к преступлению – это одно из необходимых средств формирования гражданского общества в государстве, которое объявляет себя правовым².

Понимание правовой природы прикосновенности невозможно без рассмотрения вопроса об отграничении ее от соучастия.

¹ Древнерусское государство и право: учебное пособие / под ред. Т.Е. Новицкой. М., 1998. С. 53.

² Косякова Н.С. Прикосновенность к преступлению по российскому уголовному праву: становление, состояние и перспективы развития: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 141.

Определяя природу прикосновенности, А.Ф. Кистяковский писал, что «прикосновенные к преступлению лица стоят лишь близ него, тогда как участвующие находятся внутри; первые лишь касаются главного преступления, вторые совершенно объемлют его; вернее, сами объемлются им»¹.

В дореволюционный период в отечественной теории уголовного права сложилось два основных подхода относительно правовой природы прикосновенности к преступлению: 1) как соучастие с выделением прикосновенных соучастников; 2) как особая форма совиновничества². Вместе с тем уже тогда ряд ученых уже ставили под сомнение подобный подход³.

Впоследствии в отечественной правовой доктрине начинают формироваться теоретические основы отграничения прикосновенности к преступлению от соучастия. Так, В.В. Есипов отмечал, что прикосновенность к преступлению не может быть формой соучастия и тем более совиновничества, так как нельзя вложиться в то, что уже совершилось и существует⁴. В свою очередь В.Г. Смирнов указывал: «Природа общественно-опасных деяний лиц, прикосновенных к преступлению, носит двойственный характер. С одной стороны, это содействие преступнику, совершившему преступление, с другой – это противодействие работе органов социалистического правосудия. При этом укрыватель, недоноситель и попуститель лишь постольку препятствуют борьбе с общественно-опасными явлениями, поскольку они оказывают преступникам содействие в сокрытии их от суда, в реализации плодов преступления или в сокрытии его следов»⁵.

Н.С. Таганцев справедливо утверждал, что «прикосновенность нельзя считать ни участием, ни особой формой совиновничества: нельзя вложиться в то, что уже совершилось и существует, нельзя согласиться на участие в том, что уже сделано; прикосновенные не объединяются с соучастниками ни волей, ни деятельностью»⁶. Если ответственность соучастников является общей, то согласно точке зрения Н.С. Таганцева «это-гоусловия не существует для прикосновенных: недоноситель о преступномдеянии отвечает совершенно независимо от существования укрывателейили попустителей; несколько лиц, порознь купивших краденые вещи, будут наказаны как укрыватели одной и той же кражи, хотя они узнали

¹ См.: Кистяковский А.Ф. Элементарный учебникъ общаго уголовного права съ подробнымъ изложениемъ началъ русскаго уголовного законодательства. Часть Общая. Второе исправленное и значительно дополненное издание. Киевъ, 1882. С. 609.

² См.: Есипов В.В. Очерк русского уголовного права. Часть общая. Преступления и преступники. Наказание и наказуемые. Типография Варшавскаго учебнаго округа, 1894. С. 159-160.

³ Там же.

⁴ См.: Есипов В.В. Указ. соч. С. 159-160.

⁵ Смирнов В.Г. Понятие прикосновенности по советскому уголовному праву. Л., 1957. С. 26.

⁶ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть Общая. Том I. Тула, 2001. С. 368-369.

существовании друг друга только на скамье подсудимых. Сама ответственность их будет совершенно индивидуальна: недоноситель не может отвечать за то, что сделал укрыватель, и наоборот». Никто, как отмечал Н.С. Таганцев, не мог быть признан одновременно и участником преступления, и прикосновенным к нему. Переход прикосновенных в соучастники зависел только от одного данного «заранее или во время самого учинения деяния» обещания не препятствовать совершению преступления либо укрывать его, поскольку в таких случаях прикосновенный обращался в пособника¹.

В свою очередь И.В. Платонов писал, что «нельзя признать соучастием деятельность, которая совершается после преступления, хотя и по поводу преступления; таковы: укрывательство преступников, сокрытие вещей, добытых преступным путем, уничтожение следов преступления. Когда преступление совершено, уже не может быть речи о соучастии в этом преступлении лиц, деятельность которых ограничивается упомянутыми проступками...»².

Юридическая природа прикосновенности к преступлению заключается в создании благоприятных условий для совершения и окончания преступления³. Прикосновенность к преступлению возникает при наличии основного преступления на стадиях приготовления (укрывательство преступления, попустительство его совершению, недонесение о преступлении) и потскриминальной (легализация и приобретение имущества, полученного преступным путем; укрывательство преступления; недонесение о преступлении). В этой связи несостоятельно понимание прикосновенности как преступной деятельности, возникшей по поводу уже совершенного преступления⁴. Обращает на себя внимание тот факт, что прикосновенность возникает не только в связи с совершением непосредственно основного преступления, но и в связи с совершением общественно опасного посягательства, совершенного невменяемым лицом.

Проблема отграничения соучастия и прикосновенности продуцируется и самим законодателем. На это обращено внимание в научных публи-

¹ Там же. С. 369 – 370.

² Платонов И.В. Уголовное право. СПб., 1903. С. 68.

³ Макаров А.Д. Уголовная ответственность за прикосновенность к преступлению М., 2004. С. 5.

⁴ Магдиев М.Г. Уголовно-правовые и криминологические проблемы приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем (по материалам Республики Дагестан): дис. ... канд. юрид. Махачкала, 2006. С. 5; Дробот С.А. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 6.

кациях¹. Так, ч. 3 ст. 205.1 УК РФ устанавливает ответственность за пособничество в совершении террористического акта. При этом законодатель закрепляет специальную дефиницию пособничества терроризму в примечании 1.1 к ст. 205.1 УК РФ, определяя его как «умышленное содействие совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий к его совершению, а также обещание скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно обещание приобрести или сбыть такие предметы». Обращает на себя внимание, что в отличие от общего определения пособничества, закрепленного в ч. 5 ст. 33 УК РФ, к пособничеству террористической деятельности отнесены деяния, относящиеся к прикосновенности: заранее не данное обещание скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно обещание приобрести или сбыть такие предметы. Такое смешение понятий не только не допустимо, но и пагубно отражается на правоприменительной практике и соблюдении прав человека. В данном случае необоснованно расширены рамки соучастия в совершении террористического акта, которые нельзя оправдать требованиями времени и современными угрозами терроризма. При такой законодательной регламентации пособниками терроризма, с последующим применением общих принципов ответственности соучастников преступления, признаются лица, по сути, не связанные напрямую с совершением террористического акта, не объединенные с его исполнителями общностью действий и умысла. В этой связи следует привести в соответствие с положениями ч. 5 ст. 33 УК РФ дефиницию о пособничестве терроризму, а поскольку возникнет излишнее дублирование в уголовном законе указанного понятия, следует отказаться от его описания в примеч. 1.1 к ст. 205.1 УК РФ.

При разграничении соучастия и прикосновенности необходимо учитывать следующее:

а) соучастие возможно лишь на стадии приготовления и совершения преступного деяния; границы прикосновенности шире и помимо уже названных стадий совершения преступлению включают и посткриминальную стадию основного преступления;

б) различны формы деяния при соучастии и прикосновенности: в первом случае – только действие; во втором – как действие, так и бездействие;

в) не совпадает и содержание причинно-следственной связи в соучастии и прикосновенности: в первом случае она имеет прямой характер между действиями соучастников и преступным результатом; во втором –

¹ См.: Некрасова А.А. Проблемы систематизации уголовно-правового регулирования специальных видов прикосновенности и соучастия в преступлениях террористического характера // Общество и право. 2016. № 4 (58). С. 69-72.

она полностью исключена между основным преступлением и последствиями прикосновенного деяния;

г) отличается содержанием субъективной стороны соучастия и прикосновенности: в первом случае она характеризуется единством умысла, осведомленностью о целях или намерениях всех соучастников преступления, осознанием, что общественно опасные действия направлены на достижение общего преступного результата, наличием между соучастниками виновной связи; во втором умысел субъекта основного преступления и прикосновенного имеют разную, несовпадающую направленность; кроме того, полностью исключен предварительный сговор субъектов основного и прикосновенного преступления, а субъект прикосновенного преступления, как правило, заранее и не знает о совершении основного;

д) при соучастии наличествует взаимная обусловленность деяний субъектов одного преступления, а при прикосновенности преступное деяние обусловлено основным преступлением в одностороннем порядке и полностью исключена совместность действий виновных лиц;

е) при наличии ошибки в противоправности деяния, совершенного соучастниками, преступность и наказуемость отсутствуют; а при наличии ошибки в противоправности совершаемого основного посягательства деяние, относящееся к прикосновенности, необходимо квалифицировать как покушение на преступление.

Между тем, следует учитывать, что заранее не обещанные прикосновенные деяния при условии, что основное преступление является длящимся или продолжаемым, могут перерасти в соучастие в том случае, если соглашение между субъектами основного и прикосновенного преступления достигнуто хотя бы и после юридического окончания преступления, но до момента фактического его окончания.

Прикосновенность к преступлению необходимо также отграничивать от посредственного причинения и неосторожного сопричинения. Указанные формы совместной преступной деятельности, в отличие от прикосновенности к преступлению, характеризуются, так же как и соучастие, направленностью действий и умысла сопричинителей на достижение единого преступного результата.

При посредственном причинении в границах одного преступления проявляется общественно опасное поведение двух лиц. При этом лишь одно из них обладает признаками субъекта преступления, и именно оно цинично вовлекает в преступную деятельность малолетнего, лица, не достигшего возраста уголовной ответственности либо невменяемого. При этом отсутствуют такие признаки соучастия, как множественность участников одного преступления, совместность и взаимообусловленность их деятельности. От прикосновенности посредственное причинение отличается тем, что посредственный причинитель, в отличие от лица, прикосновенного к преступлению, не обладает признаками субъекта преступления.

Для неосторожного сопричинения характерна множественность лиц, совместность их деятельности, согласованность действий сопричинителей или, другими словами, обязательная двухсторонняя психологическая связь между сопричинителями и наличие неосторожной формы вины в виде легкомыслия или небрежности. Совместность при неосторожном сопричинении вреда необходимо «отыскивать» на фактически допреступной стадии – в деяниях, признающихся уголовно-противоправными лишь при условии наступления криминообразующих последствий¹. Деятельность неосторожных сопричинителей, в отличие от лиц, прикосновенных к преступлению, имеет взаимообусловленный характер. Кроме того, всех сопричинителей отличает взаимная осведомленность о существовании друг друга и о совместности совершаемых ими действий (бездействия), нарушающих правила позитивного законодательства.

Таким образом, прикосновенность есть автономное преступное поведение, имеющую не прямую, а косвенную связь с основным преступлением. Именно это и позволяет отграничивать прикосновенность от соучастия и иных форм совместной преступной деятельности. В данном случае отсутствует двусторонняя субъективная связь между лицом, совершающим основное посягательство, и прикосновенным лицом.

Для четкого отграничения прикосновенных деяний от соучастия следует в законе закрепить дефиницию прикосновенности и ее отдельных форм.

В порядке *delegeferenda* предлагаются следующие дополнения УК РФ – ст. 36.1 УК РФ («Прикосновенность к преступлению»):

1. Под прикосновенностью к преступлению следует понимать умышленное деяние лица, не являющегося соучастником преступления, направленное на создание возможности совершения преступного деяния другим лицом либо на сокрытие уже совершенного другим лицом преступления.

2. К формам прикосновенности к преступлению относятся несообщение о преступлении, лице, его совершившем, а равно несообщение о привлечении невиновного к уголовной ответственности; укрывательство преступления, лица (лиц), его совершившего(их), орудий, средств, предметов и его следов, а равно потерпевшего от преступления; попустительство преступлению.

3. Несообщением о совершении преступления является умышленное уклонение лица от предоставления в уполномоченные органы достоверно известной ему информации о готовящемся, совершаемом либо совершенном преступлении, либо о лице (лицах), готовящем(их), совершающем(их) или совершившем(их) преступление, а равно о привлечении невиновного к уголовной ответственности.

¹ Мелешко Д.А. Неосторожное сопричинение вреда: уголовно-правовые и процессуальные аспекты [Электронный ресурс] // URL: <http://zakoniros.ru/?p=20659#> (дата обращения – 2 сентября 2017 г.).

4. Под укрывательством понимается умышленное заранее не обещанное деяние, направленное на сокрытие преступления, следов, средств и орудий его совершения, предметов, добытых преступным путем, либо субъекта укрываемого преступления от уголовного преследования и правосудия, а равно потерпевшего.

5. Под попустительством преступлению понимается умышленное невоспрепятствование либо непротиводействие, а равно недостаточное воспрепятствование сотрудником правоохранительного органа готовящемуся или совершаемому преступлению.

Уголовная ответственность лиц, прикосновенных к преступлению, не производна от уголовной ответственности субъекта основного преступления и наступает в соответствии с фактически совершенным деянием».

Норец Алина Михайловна,
преподаватель кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета МВД России

Прокурорский надзор по защите прав несовершеннолетних на примере города Краснодар

Одной из приоритетных задач Российской Федерации определена защита прав и свобод граждан не достигших 18 летнего возраста. Согласно Конституции РФ, федеральному, региональному, муниципальному законодательству органы всех уровней власти обязаны активно способствовать процессу создания и равнозначного распределения материальных благ, создавать адекватный уровень жизни, а так же создавать необходимые условия для полной реализации прав несовершеннолетних. Однако порядок реализации этих государственных прав и задач далеко не безупречен. Несовершенство законодательства, неграмотные либо умышленно неправомерные действия либо бездействия должностных лиц органов власти, а так же правовая безграмотность несовершеннолетних влекут нарушение прав детей и подростков.

В России существует множество нормативно-правовых актов в сфере охраны и защиты прав несовершеннолетних, правоохранительными органами, органами опеки, органами администрации ведется активная работа по профилактике нарушений прав детей и подростков однако на значительно высоком уровне остается количество зарегистрированных фактов жестокого обращения с несовершеннолетними. Так, согласно данным из отчета о работе комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при администрации муниципального образования город Краснодар за 2016 годв Комиссию поступили сведения о 100 чрезвычайных происшествиях с несовершеннолетними, что на 66,6% или 40 случаев больше, чем за анало-

гичный период прошлого года (с 60 до 100). В данных происшествиях пострадали 116 подростков. Всего согласно статистики основных показателей деятельности прокуратуры Российской Федерации за 2016 год количество выявленных нарушений в сфере соблюдения прав несовершеннолетних в РФ составило 720160.

Для защиты прав несовершеннолетних применяются нормативный и институциональный механизмы. Нормативный механизм представляет из себя совокупность нормативных правовых актов различного уровня которые определяют права и обязанности несовершеннолетних. Институциональный механизм включает в себя все государственные органы которые обладают определенными полномочиями в вышеуказанных правоотношениях. Важную роль в решении указанных проблем играет Прокуратура РФ. Так, в главе 1 и 2 ФЗ № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» органы прокуратуры имеют права в рамках прокурорского надзора проводить комплекс мероприятий, направленных на выявление, устранение и предупреждение нарушений закона и законных прав несовершеннолетних. Для повышения эффективности прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи, усиления его профилактической направленности, Генеральной прокуратурой Российской Федерации был издан приказ №188 от 26 ноября 2007 года «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи». В соответствии с п.1 Приказа, прокурорам субъектов Российской Федерации, городов и районов, прокурорам иных прокуратур необходимо посредством прокурорского надзора обеспечивать исполнение законодательства об охране прав и законных интересов несовершеннолетних и молодежи, пресечение и предупреждение преступности несовершеннолетних. Законом «О прокуратуре» прокуроры наделены рядом полномочий осуществляя надзор за исполнением законодательства о несовершеннолетних. Например значительным полномочием является проведение проверок исполнения законодательства в сфере социальной защиты несовершеннолетних, охраны жизни и здоровья, в сфере защиты детей от информации, наносящей вред их нравственному и духовному развитию. Прокурор обнаружив факт нарушения прав и законных интересов детей и подростков принимает меры по восстановлению данных прав и привлекает к ответственности виновных лиц.

В качестве примера можно привести полномочие прокурора приносить протесты на различные нормативные правовые акты в которых усматривается различного рода несоответствие Конституции. Так же реализуя полномочия в рассматриваемой сфере прокурор имеет право на участие в делах об усыновлении детей, о лишении родительских прав, а так же выступать в суде обеспечивая интересы несовершеннолетних.

Далее предлагаю рассмотреть некоторые примеры прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних.

Согласно ст. 56 Семейного кодекса РФ ребенок имеет право на защиту. Такая защита обычно осуществляется родителями, попечителями либо опекунами, но к сожалению часты случаи когда эти же лица сами нарушают права несовершеннолетних, тем самым подвергая ребенка насилию в семье.

По состоянию на 1 января 2017 года на профилактическом учете в комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав при администрациях внутригородских округов города Краснодара состоит 89 семей, находящиеся в социально опасном положении, в которых воспитываются 168 несовершеннолетних. За 2016 год на профилактический учет комиссий по делам несовершеннолетних поставлена 81 семья, из них 31 семья за злоупотребление алкогольными напитками, 5 семей – жестокое обращение с несовершеннолетним, 45 семей за ненадлежащее исполнение родительских обязанностей. Причины постановки семьи на профилактический учет различны: злоупотребление спиртными напитками родителей - 52 семьи (58%), ненадлежащее исполнение родительских обязанностей 33 семей (37%), жестокое обращение с детьми – 4 семей (5%). Обращаясь к ст. 56 Семейного кодекса РФ, несовершеннолетний может самостоятельно защищать свои права посредством обращения в органы опеки или суд. Но на деле не обладая соответствующими правовыми знаниями дети и подростки не в состоянии отстоять свои нарушенные права. И в этих случаях наиболее эффективным средством защиты будет является правозащитная деятельность органов прокуратуры и их полномочия по представлению законных интересов детей и подростков в судебном порядке.

К примеру, летом 2016 года прокурор Центрального округа Краснодара обратился в районный суд с исковым заявлением в интересах несовершеннолетних детей о лишении родительских прав и взыскании с нее алиментов на содержание детей. Несовершеннолетние 2009 и 2011 г.р. остались без попечения родителей, в связи с чем, самостоятельно обратиться в суд в защиту прав и законных интересов не могут. Из материалов дела следует, что мать воспитанием, образованием и содержанием детей не занимается. «В течение длительного времени она их практически не кормила, не одевала. В жилом помещении, где проживали дети, комнаты находились в антисанитарном состоянии. У малышей не было игрушек и канцелярских принадлежностей». Так же было установлено что в августе 2014 года подсудимая привлекалась к административной ответственности по ст.5.35 КоАП РФ (Неисполнение обязанностей по воспитанию и содержанию детей). Все эти установленные факты дали прокурору основания для обращения в суд с целью защиты интересов несовершеннолетних детей и поставить вопрос о лишении матери родительских прав. В результате рассмотрения иска прокурора Первомайский районный суд Краснодара лишил местную жительницу родительских прав в отношении сына и доче-

ри, дети переданы на попечение органа опеки и попечительства Центрального округа.

Прокуратура города Краснодара реализует различные мероприятия с целью привлечения внимания общественности города к проблемам правовой защиты детства и предупреждение противоправных деяний несовершеннолетних и в отношении несовершеннолетних. В качестве примера можно привести проводимое 23 июня 2016 года отделом по делам несовершеннолетних управления делами администрации муниципального образования город Краснодар заседание рабочей группы «Межведомственное взаимодействие в организации работы по профилактике противоправного поведения несовершеннолетних и ответственности родителей за воспитание, безопасность, жизнь и здоровье своих несовершеннолетних детей». В ходе заседания помощниками прокуроров разъяснен алгоритм деятельности инспекторов подразделений по делам несовершеннолетних управления МВД России по городу Краснодару при выявлении фактов мытья детьми авто-стекол на дорожных магистралях в отношении несовершеннолетних и их родителей.

25 ноября 2016 года было проведено координационное совещание руководителей правоохранительных органов города Краснодара в прокуратуре города Краснодара по вопросу «Эффективность работы правоохранительных органов города по предупреждению, пресечению и расследованию преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, принимаемые меры по устранению причин и условий, способствующих их совершению». Благодаря организации и проведению подобных рабочих совещаний вырабатываются наиболее эффективные пути решения проблемных вопросов и устранения недостатков в проведении индивидуальной профилактической работы.

Государством признано детство как важный этап жизни человека исходя из принципов приоритетности подготовки детей к полноценной жизни в обществе, развития у них общественно значимой и творческой активности, воспитания в них высоких нравственных качеств, патриотизма и гражданственности. К сожалению часты случаи, когда на этом этапе права детей и подростков нарушаются. В таких случаях, только совместные усилия правоохранительных органов и граждан с грамотной координацией прокуратурой будут способствовать снижению правонарушений в отношении несовершеннолетних.

Свиридов Дмитрий Александрович,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
и криминалистики учреждения образования
«Могилевский институт МВД Республики Беларусь»

Уголовная политика Республики Белаоусь в сфере экономической деятельности

Вопросы как социальных, так и экономических последствий проводимой государством политики в экономической сфере с помощью установления уголовного преследования, иногда может вызывать некоторые сложности, в том числе на уровне терминологии, применяющейся юристами, но мало или плохо знакомой специалистам в других сферах деятельности. Попытки объективно оценить все социально-экономические последствия уголовно-правовой политики государства в отношении предпринимательской деятельности (а следует отметить, что она как по мнению ряда как белорусских, так и зарубежных специалистов считается в определенной мере сильно криминализированной), в том числе и на стадии определения проблемы и направлений анализа сталкиваются с серьезными трудностями, среди которых представляется возможным выделить:

- достаточное большое число специалистов, в том числе из работников правоохранительных органов полагают, что в Республике Беларусь существует чрезмерная криминализация предпринимательской деятельности, настаивая, что данная характеристика имеющейся в уголовной политики государства базируется на субъективных оценках, при этом не учитывая ряд объективных факторов;
- доступная уголовная статистика на официальном уровне является в полной мере информативной, не имеет пробелов и обеспечена единым стандартом, с чем, видится правильным, не согласиться, так как в официальной статистике достаточно много пробелов;
- социальная и экономическая статистика ориентирована на получение данных об экономических и социальных последствиях и, как результат, о стоимости уголовной политики, которая осуществляется в сфере экономики, что также не в полной мере соответствует действительности, так как зачасую оценки последствий не просчитываются в полном объеме;
- уголовная политика в области предпринимательской деятельности достаточно динамична и, как следствие, зависит от практики применения уголовного закона, а не только от самого уголовного закона;
- существующие методики измерения социальных и экономических последствий уголовной политики государства отсутствуют или находятся на начальных стадиях анализа, стадиях постановки проблемы;
- анализ уголовной политики встречает системное давление со стороны приверженцев радикальных изменений в сфере предпринимательской деятельности и ее декриминализации, не просчитывая далеко идущие последствия.

Утверждение о том, что в Республике Беларусь высокий уровень криминализации предпринимательской деятельности не в полной мере отвечает объективным реалиям, хотя некоторые специалисты на таком утверждении настаивают, так как определение такого состояния базируется на экспертных оценках, которые не подкреплены достаточными объективными данными. Данная ситуация помимо всего усложняется тем, что не только на уровне экспертных оценок, но и в общественном сознании нет полного согласия о том, какие же модели поведения в экономической сфере можно отнести к преступлениям, которые подлежат запрету и наказанию. В связи с этим важным является применение различных методик, использование которых дало бы возможность исключить обвинения в необъективности характеристик, которые основаны только на экспертных оценках.

Представляется верным, что в настоящее время вопросы, касающиеся чрезмерной криминализации экономической сферы и необходимость декриминализации данных отношений являются задачами не только юриспруденции. От результата разрешения данных проблем в определенной мере зависит и экономическая ситуация в стране, что в перспективе позволит избежать различных социальных потрясений. Необходимость изменения уголовного законодательства в сфере экономики обусловлена как осознанием того, что определение границ правопорядка в экономической сфере и практике применения уголовного закона ограничивают свободу экономической деятельности, так и его неэффективностью.

26 января 2017 года прошел круглый стол, инициированный Постоянной комиссией Палаты представителей по законодательству и Постоянной комиссией Совета Республики по законодательству и государственному строительству на тему «Уголовная политика в отношении преступлений против порядка осуществления экономической деятельности». В данном мероприятии принимали участие представители Следственного комитета Республики Беларусь, Государственного секретариата Совета Безопасности Республики Беларусь, Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, Верховного Суда Республики Беларусь, Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Комитета государственного контроля Республики Беларусь, Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, Министерства юстиции Республики Беларусь, Министерства экономики Республики Беларусь, а кроме того представители бизнес-сообщества и ряд известных ученых. Главной темой круглого стола являлись вопросы уголовной политики в сфере экономической деятельности как одного из актуальнейших направлений законодательства уголовного цикла. Был отмечен факт, что в настоящее время назрела необходимость выработки единого стандарта совершенствования законодательства, направленного на борьбу с экономическими преступлениями, в том числе направленного и на устранение препятствий осуществления законной предпринимательской деятельности. В этом ключе высказывалось предложение об исключении ст. 234 (Лжепредпринимательство) из Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК).

Департамента финансовых расследований (ДФР) Комитета государственного контроля Республики Беларусь обозначил свою позицию по ряду вопросов. В частности, предложена декриминализация ч. 1 ст. 237 УК (*Выманивание кредита или субсидии*). В соответствии с этой статьей преступлением признается представление индивидуальным предпринимателем или должностным лицом компании в целях получения субсидии, кредита либо льготных условий кредитования заведомо ложных документов и сведений об обстоятельствах, имеющих существенное значение для получения этих ресурсов, либо умышленное несообщение кредитору или органу, выделившему субсидию, информации о возникновении обстоятельств, влекущих приостановление финансирования. Такое предложение видится обоснованным, так как зачастую уголовные дела данной категории возбуждаются в отношении руководителей предприятий, которые получали кредиты в связи с производственными нуждами, включая ситуации, когда в реальности деньги возвращались добровольно и своевременно либо не получались совсем. Представляется возможным полагать, что в таком случае будет достаточно административной ответственности, в связи с тем, что уголовная ответственность является крайней мерой борьбы с наиболее опасными формами преступных действий, которая должна применяться только в случае, когда исчерпаны иные возможности достижения общественно полезной цели.

Достаточно серьезно развивается в настоящее время в Республике Беларусь дискуссия о возможности декриминализации действий, предусмотренных ст. 242 УК, согласно которой преступлением является уклонение индивидуального предпринимателя либо должностного лица юридического лица от погашения по вступившему в законную силу судебному постановлению кредиторской задолженности в крупном размере при наличии возможности выполнить обязанность. Представляется верным, что исключение этой статьи не должно повлечь ограничения прав субъектов хозяйствования, так как данная функция по должной оплате товаров, работ и услуг может быть обеспечена органами принудительного исполнения. Кроме того, решение этой задачи вполне достижима более активным использованием в практической деятельности ст. 11.18 Кодекса об административных правонарушениях (Уклонение от погашения кредиторской задолженности). Попытки умышленно завладеть имуществом (работами, услугами) без намерения их оплаты при наличии достаточных оснований возможно квалифицировать по другим статьям УК – например, по ст.ст. 209 (мошенничество), 210 (хищение путем злоупотребления служебными полномочиями) или 216 (причинение имущественного ущерба без признаков хищения).

Достаточно серьезно в настоящее время рассматривается вопрос декриминализации ст. 2611 (*Изготовление, сбыт либо использование поддельных акцизных марок Республики Беларусь*) и ст. 224 УК (*Нарушение порядка открытия счетов за пределами Республики Беларусь*). Согласно анализу статистики данных составов преступлений за последние 10 лет по ст. 2611 УК установлено всего 39 фактов, а по ст. 224 УК – ни одного.

Департаментом финансовых расследований предлагается декриминализация ряда преступлений, предусмотренных *ст. 233 УК (Незаконная предпринимательская деятельность)*, включая предпринимательскую деятельность, которая в соответствии с законодательными актами запрещена, или осуществляется без специального разрешения (лицензии), когда оно обязательно, или без регистрации в установленном законодательными актами порядке. Данное положение авторами обосновывается тем фактом, что в последние годы перечень видов деятельности, подлежащих лицензированию, сокращается. Предлагается за лицензирующими органами сохранить функции контроля за соблюдением лицензионных условий и требований, а в УК закрепить отдельные нормы, которые бы устанавливали специальную ответственность за занятие конкретными видами деятельности, охрана которых требует повышенного внимания. В пользу декриминализации предпринимательской деятельности, которая осуществляется без государственной регистрации выступает и факт несоразмерности ответственности совершенному деянию. Полагается, что главной целью «незарегистрированного» бизнеса является сокрытие доходов и, соответственно, оценивать такого рода деятельность возможно сквозь призму уклонения от уплаты налогов.

Указанные изменения в УК могут вступить в силу уже в 2019 году, так как соответствующий законопроект после обсуждения с иными государственными органами и доработки может поступить в парламент к концу текущего года, после чего ему предстоит пройти два чтения в нижней палате Национального собрания, получить одобрение в Совете Республики, после чего документ поступит на подпись Президента Республики Беларусь. В силу он сможет вступить не ранее 3 месяцев после официального опубликования¹.

Представляется верным не согласиться с отдельными положениями, которые были озвучены. В частности, декриминализация ст. 233 УК (Незаконная предпринимательская деятельность) в настоящее время является преждевременной. О масштабах незаконной предпринимательской деятельности можно судить по данным статистики. Так, в 2007 году возбуждено 566 уголовных дел о незаконной предпринимательской деятельности, в 2008 году – 485, в 2009 году – 439, в 2010 году – 331, в 2011 году – 341, в 2012 году – 188, в 2013 году – 157 уголовных дела, в 2014 году – 172 уголовных дела, в 2015 года – 191 уголовное дело, в 2016 году – 106. Ущерб, нанесенный государству, исчисляется десятками миллионов рублей. При этом сумма возмещенного ущерба чрезвычайно мала и в среднем составляет чуть более 32% от причиненного, что свидетельствует о достаточно серьезной общественной опасности. Тенденция к снижению числа зареги-

¹ О декриминализации преступлений против порядка осуществления экономической деятельности // Комитет государственного контроля Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kgk.gov.by/ru/kommentarii-ru/view/odekriminalizatsii-prestuplenij-protiv-porjadka-osuschestvlenija-ekonomicheskoy-dejatelnosti-108275/>. – Дата доступа: 03.08.2017.

стрированных преступлений в сфере незаконной предпринимательской деятельности связана с тем, что в работе подразделений, специализирующихся на борьбе с данным видом преступлений, имеются определенные недостатки, обусловленные как сложной законодательной конструкцией и бланкетным характером диспозиции ст. 233 УК, так и недостаточной разработанностью научно обоснованных рекомендаций по организации и тактике проведения, как отдельных следственных действий, так и расследования незаконной предпринимательской деятельности в целом, о чем свидетельствует число приостановленных и прекращенных уголовных дел (около 30% от общего числа возбужденных уголовных дел по данному виду преступлений). Кроме того, сложность расследования данной категории дел связана с сочетанием незаконной предпринимательской деятельности с иными экономическими и коррупционными преступлениями и высокой латентностью рассматриваемого преступления в целом.

Таким образом, представляется верным говорить о том, что либерализация экономической деятельности в настоящее время назрела и требует серьезного переосмысления. Вместе с тем поспешная декриминализация ряда составов в сфере экономической деятельности может привести к серьезным просчетам. Прежде всего, это связано с отсутствием серьезных методик при определении рисков на долгосрочную перспективу. Первоочередной задачей видится разработка соответствующих методик, которые позволят с достаточной степенью вероятности просчитать возможные риски, минимизировать их и принять обоснованное решение о возможной декриминализации отдельных состав преступлений в сфере экономической деятельности.

Табакowa Наталья Александровна,
преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

О необходимости проведения системных уголовно-правовых и криминологических исследований в сфере выпуска и обращения ценных бумаг

Существование свободных рыночных общественных отношений объективно требует функционирования системы формирования, распределения и перераспределения ресурсов и фондов. Частично этот процесс осуществляет фондовый рынок (рынок ценных бумаг). Общественные отношения, которые возникают на рынке ценных бумаг играют важную роль, так как именно они позволяют привлекать свободные средства инвесторов хозяйствующим субъектам, развиваться экономике хозяйствующих субъектов и государства. Существование ценных бумаг обеспечивает функционирование финансовой и кредитной систем государства.

Финансовые инструменты и механизмы являются привлекательными для криминальных структур, так как позволяют в короткие сроки аккумулировать значительные объемы денежных средств и других активов. Это подчеркивает значимость и важность общественных отношений в сфере выпуска и обращения ценных бумаг. Именно по этой причине законодатель определил необходимость установления уголовной ответственности за посягательство на рынок ценных бумаг.

Вместе с тем отмечается тот факт, что правоприменитель не обращает достаточного внимания на вопросы, связанные с применением норм об уголовной ответственности за преступления в сфере выпуска и обращения ценных бумаг, отсутствует системный подход к организации предупреждения преступлений в сфере рынка ценных бумаг. Существующие проблемы охраны общественных отношений в сфере выпуска и обращения ценных бумаг обуславливают рост теневого сектора экономики, экономической преступности, обострение конкурентной борьбы между хозяйствующими субъектами, дают возможности рейдерских захватов предприятий и организаций (противозаконного поглощения) и как следствие, все это представляет угрозу экономической безопасности государства и инвестиционной привлекательности России.

С целью обобщения понятийного аппарата исследования, под преступлениями в сфере выпуска и обращения ценных бумаг понимается совокупность преступлений, предусмотренных ст. 185 УК РФ (Злоупотребления при эмиссии ценных бумаг), ст. 185.1 УК РФ (Злостное уклонение от раскрытия или предоставления информации, определенной законодательством Российской Федерации о ценных бумагах), ст. 185.2 УК РФ (Нарушение порядка учета прав на ценные бумаги), ст. 185.3 УК РФ (Манипулирование рынком), ст. 185.4 УК РФ (Воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение прав владельцев ценных бумаг), ст. 185.5 УК РФ (Фальсификация решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества), ст. 185.6 УК РФ (Неправомерное использование инсайдерской информации), ст. 186 УК РФ (в части изготовления, хранения, перевозки или сбыта поддельных ценных бумаг).

Анализ материалов судебной практики убеждает, что небольшой объем последней не дает возможности выработать научно обоснованные рекомендации о реализации уголовной ответственности по преступлениям в сфере выпуска и обращения ценных бумаг. Поэтому основное внимание в исследовании уделено уголовно-правовой и криминологической характеристике преступлений в сфере выпуска и обращения ценных бумаг.

Проблемам уголовной ответственности и криминологической характеристики преступлений в сфере выпуска и обращения ценных бумаг посвящали свои исследования такие ученые, как: Б.С. Болтовский, М.М. Ветошкина, Б.В. Волженкин, В.И. Галкина, Л.Д. Гаухман, Г.Г. Дашкова, Е.И. Кадовик, И.А. Клепицкий, В.Д. Ларичев, С.Я. Лебедев, Н.А. Лопашенко,

С.В. Максимов, И.Е. Максимова, Т.В. Пинкевич, А.И. Рарог, С.В. Русеева, В.С. Солдатченков, С.П. Ставило, В.Н. Тюнин, П.С. Яни и др.

Однако исследования указанных авторов проводились в большей мере до внесения изменений в УК РФ в 2009 и 2010 годах, некоторые из предложений носят спорный и дискуссионный характер, требуют более детальной доктринальной обоснованности и теоретического осмысления, не разработаны в необходимой мере механизмы предупреждения преступлений в сфере выпуска и обращения ценных бумаг.

Таким образом, мы можем отметить, что комплексных, монографического уровня, исследований, связанных с уголовно-правовой и криминологической характеристикой преступлений в сфере выпуска и обращения ценных бумаг, в национальной уголовно-правовой и криминологической доктрине в последнее время не проводилось. Изложенное выше свидетельствует о необходимости активизации уголовно-правовых и криминологических исследований в сфере выпуска и обращения ценных бумаг на системной основе.

Алимпиев Алексей Александрович,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

О некоторых вопросах противодействия массовым беспорядкам уголовно-правовыми средствами

Как показывает опыт стран ближнего (Киргизия, Украина) и дальнего зарубежья (Тунис, Египет, Ливия, Сирия), протестная активность, инспирируемая под эгидой расширения гражданских, политических и конституционных прав, а также «борьбы» с коррупцией, влечет возникновение массовых беспорядков, приводящих в итоге к дестабилизации общественно-политической стабильности и созданию революционной обстановки в стране.

Подобного рода попытки имеют место и в Российской Федерации, но благодаря выстроенной органами государственной власти системе адекватного реагирования на пресечение несанкционированных митингов, шествий и пикетирований, удается не допустить их перерастания в массовые беспорядки.

Иллюстративным примером подобного рода реагирования является недопущение несанкционированной акции, планировавшейся к проведению на Тверской улице в Москве 26 марта 2017 года, организатором которой являлся учредитель Фонда борьбы с коррупцией Алексей Навальный.

За организацию данной акции Тверской районный суд Москвы признал его виновным в совершении административного правонарушения, квалифицируемого частью 1 статьи 20.2.2 Кодекса об административных правонарушениях (КоАП) РФ «организация массового одновременного

пребывания или передвижения граждан в общественных местах, повлекших нарушение общественного порядка».

Таким образом, оппозиционер был привлечен к ответственности по части 1 статьи 20.2.2 Кодекса об административных правонарушениях (КоАП) РФ «организация массового одновременного пребывания или передвижения граждан в общественных местах, повлекших нарушение общественного порядка»¹.

В данном случае стоит отметить, что меры привлечения к административной ответственности выступили в роли средства превентивного механизма недопущения массовых беспорядков, но в качестве основного правового средства противодействия данному явлению следует признать последовательно проводимую уголовно-правовую политику, которая находит свое отражение не только в нормах Уголовного кодекса, но и Постановлениях Пленума Верховного суда, приговорах судов всех уровней, правоприменительной деятельности следственных подразделений осуществляющих расследование данной категории уголовных дел.

Затрагивая уголовно-правовой аспект противодействия массовым беспорядкам полагаем, что повышению эффективности деятельности в данном направлении может служить юридическая техника систематизации и установления признаков рассматриваемого общественного деяния в тексте Уголовного кодекса Российской Федерации.

В связи с этим в первую очередь обращаем внимание на практическое значение определение объекта массовых беспорядков.

Сегодня среди большинства отечественных ученых правоведов преобладает мнение, согласно которому в качестве объекта массовых беспорядков выступает «общественная безопасность»².

Отдельные авторы, полагают, что объектом исследуемых общественно-опасных деяний, является общественный порядок как специфический компонент общественной безопасности³.

В настоящее время российский законодатель при систематизации Раздела IX. Преступления против общественной безопасности и общественного порядка, в качестве родового объекта массовых беспорядков по

¹ См.: Сивожелезов О. Навальный оштрафован на 20 тыс. руб. за организацию несанкционированной акции // РАПСИ. - 2017. - URL: http://rapsinews.ru/moscourts_news/20170327/278105632.html#ixzz4fUSe6W00.

² См.: Багмет А.М., Бычков В.В. Уголовно-правовая характеристика массовых беспорядков / А.М. Багмет, В.В. Бычков. Монография. М.: Проспект, 2009. – С.26–27; Борисов С.В., Дмитренко А.П., Осипов В.А., Русскевич Е.А. Квалификация массовых беспорядков, хулиганства и преступлений экстремистской направленности: теория и практика / С.В. Борисов, А.П. Дмитренко, В.А. Осипов и др. ред. д.ю.н., проф. Н.Г. Кадников. - М.: ИД «Юриспруденция», С-32.; Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учеб./под ред. А.В. Бриллиантова. - М.: Проспект, 2009.-С.732; Наумов А.В. Российское уголовное право: курс лекций: в 3 т. Т. 3: Особенная часть (главы XI–XXI) / А.В. Наумов. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – С.52.

³ См.: Помазков П.В. Борьба с преступлениями против общественного порядка: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2004. – С. 55–56.

всей видимости указал «общественную безопасность», а в качестве видо-вого «общественный порядок».

По этому поводу в своем исследовании А.В. Куделич справедливо обращал внимание на то обстоятельство, что большинство исследователей употребляют понятия «общественная безопасность» и «общественный порядок» в качестве синонимов не делая между ними никаких различий¹.

В связи с изложенным полагаем, что нормы действующего Уголовного Кодекса Российской Федерации предусматривающие подобного рода трактовку относительно определения объекта массовых беспорядков пов-вторяют смешивание этих понятий, что на наш взгляд недопустимо.

Прийти к выводу о том, что данные понятия представляют собой са-мостоятельные по содержанию категории, нам помогло изучение мнений множества ученых исследовавших данную проблемную область.

Из исследованных определений общественного порядка наиболее подходящим на наш взгляд является определение, предложенное И.Н. Дань-шиным.

Согласно данному определению «общественный порядок – это поряд-док волевых общественных отношений, складывающихся в процессе со-знательного и добровольного соблюдения гражданами, установленных в нормах права и иных нормах неюридического характера правил поведения в области общения и тем самым обеспечивающих слаженную и устойчи-вую совместную жизнь людей в условиях развитого общества»².

Очевидно, что авторы Концепции общественной безопасности Рос-сийской Федерации, достаточно исчерпывающим образом проанализиро-вали все элементы мыслимые в определяемом понятии, сформулировав его, как «состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»³.

Приведенные выше определения красноречиво свидетельствуют о разной смысловой нагрузке, которая должна стать определяющей при раз-граничении массовых беспорядков и хулиганства.

При этом указание в тексте Концепции общественной безопасности социального и межнационального конфликта как угрозы, корреспондирует с дальнейшим перерастанием массовых беспорядков в чрезвычайную си-туацию, что существенно повышает их общественную опасность в отличие от группового хулиганства.

¹ Куделич А.В. Уголовно-правовая охрана общественного порядка в современ-ной России: автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. – М., 2000. – С.15.

² Даньшин И.Н. Уголовно-правовая охрана общественного порядка. – М., 1973. – С.68.

³ URL: <http://www.kremlin.ru.Acts/news/19653>. Концепция общественной безопас-ности в Российской Федерации.

Проанализировав уголовно-правовые нормы, предусматривающие меры ответственности за совершение массовых беспорядков в уголовном законодательстве стран ближнего зарубежья, считаем заслуживающими внимания и гипотетической возможности имплементации аналогичных норм, отраженных в Уголовном кодексе Белоруссии.

Так белорусский законодатель посчитал, что массовые беспорядки посягают на общественную безопасность включив их в Главу 27 УК Республики Беларусь «Преступления против общественной безопасности»¹.

В качестве положительных сдвигов в сфере уголовно-правового противодействия массовым беспорядкам нельзя не отметить попытки российского законодателя оптимизировать нормы Уголовного кодекса Российской Федерации, нашедшие отражение в ч. 4 ст. 212 настоящего кодекса. Согласно данной норме уголовно-наказуемым являются склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение массовых беспорядков, а также прохождение лицом обучения, заведомо для обучающегося проводимого в целях организации массовых беспорядков либо участия в них².

К несомненным достоинствам современной редакции части первой, ст. 212 УК РФ можно отнести дополнение ее таким признаком, как применение отравляющих либо иных веществ и предметов, представляющих опасность для окружающих. Данная новелла целесообразна ввиду того, что последствия от использования указанных веществ могут быть не менее опасными, чем от применения оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств.

Подводя итог отметим, что важное практическое значение в деле уголовно-правового противодействия массовым беспорядкам имеет четкое установление основного объекта данного общественно-опасного деяния, которым по нашему мнению является общественная безопасность.

Кроме того, в этой связи считаем целесообразно осуществить пересмотр законодателем позиции об отнесении категорий общественного порядка и общественной безопасности в качестве однородной группы общественных отношений, поставленных под уголовно-правовую охрану в одном разделе и главе Уголовного кодекса.

Результатом такого пересмотра могло бы стать внесение изменений в уголовное законодательство Российской Федерации в части закрепления данных объектов в отдельных главах.

В определении объекта массовых беспорядков и порядка их закрепления в соответствующем разделе и главе уголовного закона следует учесть юридическую технику изложения соответствующих норм в Уголовном кодексе Республики Беларусь, где общественный порядок и обще-

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года. Доступ из справочно-правовой системы «Континент» URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30414984.

² См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 года. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=2124>.

ственная безопасность как объекты посягательства к друг другу не приравниваются.

Таким образом, ярким свидетельством усиления предпринимаемых государством мер в сфере уголовно-правового противодействия массовым беспорядкам является введение новеллы путем установления ч. 4 ст. 212 УК РФ таких квалификационных признаков, как склонение, вербовка или иное вовлечения лица в совершение массовых беспорядков, прохождение лицом обучения, заведомо для обучающегося проводимого в целях организации массовых беспорядков либо участия в них.

Ахриев Магомед Тимурович,
адъюнкт кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета МВД России

Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты изъятия электронных носителей информации

Особую группу вещественных доказательств в силу свойственной им определенной электронной специфики составляют электронные носители информации. В свою очередь, существенность этой электронной специфики рассматриваемого вида вещественных доказательств, особых условий его познания и использования в процессе расследования преступлений, особенностей его изъятия требует более подробного рассмотрения.

Под электронным носителем информации согласно ГОСТ 2.051-2013. Межгосударственный стандарт. Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения¹ понимается материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники. К основным видам современных носителей информации можно отнести:

- внутренний накопитель на жестком магнитном диске,
- оптические диски различных видов (CD-R, CD-RW, DVD-R, DVD-RW, BLU-RAY и т.д.),
- магнитно-оптические диски,
- карты памяти различных форматов (CompactFlash, SecureDigital, MultimediaCard и MemoryStick и др.),
- USB флэш накопители,
- гибкие магнитные диски,
- интегральная микросхема памяти,
- оперативное запоминающее устройство ЭВМ,

¹ ГОСТ 2.051-2013. Межгосударственный стандарт. Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения (введен в действие Приказом Росстандарта от 22.11.2013 № 1628-ст). М.: Стандартинформ, 2014.

- постоянное программируемое запоминающее устройство ЭВМ,
- оперативное запоминающее устройство периферийных устройств,
- иные носители (например, внешние накопители на жестких магнитных дисках, стимеры).

При обнаружении электронных носителей информации целесообразна следующая последовательность действий:

1. Внешний осмотр электронных носителей информации, а также фиксация обстановки и обстоятельств обнаружения компьютерных объектов, с целью установления относимости данного объекта к расследуемому уголовному делу. Сведения об обстановке позволяют судить об условиях как использования 259 лицом, совершившим преступление, электронных носителей информации, так и условиях обнаружения и изъятия этих носителей органами внутренних дел. Это, в свою очередь, может иметь значение для придания информации на электронных носителях качества доказательств (например, обнаружение электронного носителя с пиратской бухгалтерской программой в помещении финансового подразделения проверяемой организации может свидетельствовать об относимости электронного носителя к уголовному делу)¹.

2. В случае, если при производстве следственного действия присутствует специалист по информационным технологиям, то просмотр информации, содержащейся в обнаруженном электронном носителе информации, позволяет решить вопрос о дальнейшем его исследовании и использовании в доказывании².

3. По правилам УПК РФ электронные носители информации: а) хранятся в опечатанном виде в условиях, исключающих возможность ознакомления посторонних лиц с содержащейся на них информацией и обеспечивающих их сохранность и сохранность указанной информации; б) возвращаются их законному владельцу после осмотра и производства других необходимых следственных действий, если это возможно без ущерба для доказывания.

Одним из основных следственных действий, связанных с изъятием электронных носителей информации является обыск

Учитывая исключительную важность обыска для всего процесса доказывания по уголовному делу необходимо ответственно подойти к организации, начиная с подготовительного этапа.

В рамках подготовительного этапа следователям рекомендуется выполнить следующие действия:

- 1) направить органу дознания поручение с целью установления:

¹ Мещеряков В.А., Трухачев В.В. Формирование доказательств на основе электронной цифровой информации // Вестник Воронежского института МВД России. - № 2. – 2012.

² Краснова Л.Б. Электронные носители информации как вещественные доказательства // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 4-2. С. 254-260.

- количества компьютерной техники, находящейся в помещении, в котором планируется производство обыска.

- наличия средств защиты информации от несанкционированного доступа, их тактико-технические характеристики, пароли доступа и возможные средства и способы их преодоления;

- установленного в организации, где планируется производство обыска, режима доступа в помещения и наличия охранных систем;

- средств связи и коммуникации, используемых для информационного обмена между компьютерами (наличие Wi-Fi сети, или объединения устройств в локальные сети с управляющим сервером, на котором хранится основная информация);

- режима электропитания компьютеров и расположения мест обеспечения помещения;

- характеристики лица, в помещении которого планируется производство обыска (род деятельности, образование, навыки владения компьютерной техникой);

2) определить места производства обысков, временные рамки, предусмотреть меры обеспечения конфиденциальности производства этого следственного действия, во избежание утечки информации.

3) в случае наличия запаса времени обратиться в суд с ходатайствами о разрешении производства обысков в жилых помещениях. Ходатайство следователя должно быть обосновано и мотивировано с указанием точного места производства следственного действия. К материалам уголовного дела, предоставляемым в суд для принятия решения можно отнести:

- копии процессуальных документов о движении уголовного дела,
- копии протоколов допросов потерпевших и ключевых свидетелей,
- копии документов подтверждающих необходимость производства обыска в конкретном месте (в зависимости от обстоятельств это могут быть сведения от операторов платежных систем, банковских и иных кредитных учреждений, сведения о предоставлении IP-адресов конкретным пользователям и др.),

- копии документов, характеризующих место производства обыска (выписка из домовой книги, копия формы № 1 и др.);

- с целью исключения производства обыска в жилом помещении лица, имеющего специальный статус (судья, депутат и т.д.) необходимо получить сведения о месте его работы, например путем направления запросов в налоговую инспекцию, пенсионный фонд, фонд обязательного медицинского страхования с целью установления источника поступления налогов и обязательных платежей.

- исходя из складывающейся следственной ситуации, можно предоставлять копии иных документов.

4) вынести постановления о производстве обысков в иных помещениях (офисах, гаражах, складских помещениях и т.д.).

5) в случаях необходимости производства обысков в нескольких помещениях одновременно, необходимо провести инструктаж о порядке его

производства и перечне искомых объектов членов следственной группы, а так же в тех случаях, когда по адресу производства следственного действия будут направляться только сотрудники органа дознания, направить поручение о производстве обыска с приложением соответствующего постановления. Так же в указанном случае необходимо определить систему связи между группами, работающими по разным адресам, назначить лиц, ответственных за производство определенной группы обысков (например, в одном из городов или в одном из районов крупного города).

б) непосредственно перед производством обыска привлечь к участию в его производстве понятых, объяснить им суть и порядок производимого следственного действия, еще раз проинструктировать всех членов группы.

Таким образом, по нашему мнению, следует согласиться с мнением К.В. Пряника, что изъятие информации из памяти электронных устройств является необходимым инструментом расследования уголовных дел. Однако действующее законодательство не содержит достаточной регламентации осуществления соответствующих действий и нуждается в доработке с целью обеспечения баланса интересов государства и общества в раскрытии преступлений и права человека на охрану информации о его частной жизни¹.

Бадамшин Салават Курбангалиевич,
аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин
Российской академии адвокатуры и нотариата

Современная культура и формирование личности субъектов преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием СМИ

Одна из самых важных проблем современной России - негативные изменения преступности, усугубление ее не столько количественных, сколько качественных характеристик. Активное проникновение криминальной субкультуры в сложившуюся культурную среду и протекание процесса девальвации общепринятых культурных ценностей сопровождается снижением уровня доверия к сотрудникам правоохранительных органов, призванных бороться с преступностью. В этой связи приобретает актуальность вопрос о влиянии потенциала массовой и индивидуальной культуры на формирование личности субъектов преступлений.

Причиной индивидуального преступного поведения, как известно, является антикультурная направленность личности как система относительно устойчивых деформированных ценностей и ориентиров, соответ-

¹ Пряник К.В. Процессуально-криминалистические аспекты работы следователя с носителями криминалистической информации // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2017. № 2 (27). С. 103-107.

ствующих мотивов и убеждений, которые выступают основными регуляторами преступного поведения. Культурная личностная конфигурация преступника во взаимодействии с внешними обстоятельствами, в которых он оказался, и социокультурная ситуация приводят его к совершению преступления.

Таким образом, в личности преступника наблюдаются различные криминологически-значимые культурные качества, которые вследствие присущих ему антиобщественных взглядов во взаимодействии с неблагоприятной социокультурной ситуацией и иными внешними обстоятельствами приводят его к совершению преступления¹.

При этом учение о личности преступника развивается за счет новых научных исследований, касающихся не только личности вообще, но и ее отдельных видов, характеризующихся определенными особенностями, в том числе относительно присущей им криминальной мотивации². В нашей статье мы остановимся на личности субъектов преступления, совершающих деяния террористической направленности с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, особенности которых проистекают не только из их мотивов и целей, но и из способа и средств реализации умысла.

Следует отметить, что в последние годы в процессе формирования личности все более активную роль играют такие «новые» культурологические составляющие современного общества, как сеть «Интернет», создающая ту среду, под воздействием которой происходит значительная часть общения у молодежи и многих взрослых. Наряду с положительным эффектом возникновения и развитие информационного общества несут в себе и негативные последствия и тенденции, в том числе увеличение числа преступлений, совершаемых с использованием электронных и информационно-телекоммуникационных сетей. Использование таких сетей позволяет виновным лицам действовать на любом удалении от объекта посягательства с кажущимися им абсолютными анонимностью и безнаказанностью³.

Выделенные особенности информационных технологий, равно как и широкий, всеобъемлющий охват аудитории, доступность и простота использования, способствуют вовлечению в преступную деятельность тех лиц, которые ранее могли бы воздержаться от криминальной активности. То есть наполнение структуры личности криминогенными свойствами в данном случае происходит намного быстрее и с меньшим набором способ-

¹ См.: Минкина Н.И. Криминологический анализ культуры современного общества: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08. - Иркутск, 2003. С. 3-4.

² См.: Иванцов С.В. Личностные свойства лидеров организованных преступных формирований как фактор современной российской преступности // Юридическая психология. 2008. № 4. С.14-19.

³ Борисов С.В. Интернет-пространство как среда для совершения преступлений экстремистской направленности // Экономика, педагогика и право. 2013. № 1. С. 54.

ствующих этому факторов, тем более, что грань между правомерным и уголовно наказуемым поведением в отдельных преступлениях террористической направленности очень тонкая. Примером тому является публичное оправдание терроризма, которое запрещено ст. 2052 УК РФ, наряду с публичными призывами к осуществлению террористической деятельности.

В практике нередкими являются случаи, когда лица, привлекаемые к ответственности по ст. 2052 УК РФ, всячески пытаются обосновать правомерность своих действий закрепленными в Конституции Российской Федерации свободой слова и свободой творчества, а также своей неосведомленностью о существовании данного уголовно-правового запрета и (или) отсутствием общественной опасности совершенных ими действий. Конституционный Суд Российской Федерации отвечая на жалобу относительно неопределенности статьи 2052 УК РФ и ее противоречия нормам международного права и Конституции Российской Федерации, не согласился с заявителем и, в частности, отметил, что соответствующий уголовно-правовой запрет вытекает из международно-правовых обязательств Российской Федерации, призван обеспечивать общественную безопасность и предусматривает ответственность только за те призывы к осуществлению террористической деятельности и такое оправдание терроризма, которые осуществляются публично¹. При этом важно понимать, что ст. 2052 УК РФ, в ч. 2 которой предусмотрен квалифицирующий признак в виде использования средств массовой информации, электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, является нормой с двойной превенцией, позволяющей не только привлечь виновных к уголовной ответственности за указанные публичные действия, но и предотвратить дальнейшее распространение идеологии терроризма и вовлечение в террористическую деятельность новых участников, перерастание призывов и оправдания терроризма в другие, более опасные преступления террористической направленности.

Наряду с этим, как представляется, правоохранительным органам целесообразно активнее участвовать в правовом информировании населения, в том числе относительно наказуемости публичных высказываний, призывающих к осуществлению террористической деятельности или оправдывающих терроризм, что будет способствовать осознанию характера и степени общественной опасности соответствующих действий, формированию общественного сознания, осуждающего такие действия. При организации и осуществлении этого направления профилактической деятельности важно учитывать особенности личности субъектов преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 25 сентября 2014г. № 2055-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Королева Игоря Валерьевича на нарушение его конституционных прав статьей 205.2 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе то, что они, как правило, являются активными пользователями таких сетей¹.

Отметим, что в 2016 г. по вступившим в законную силу приговорам за преступления террористической направленности было осуждено 523 лица, для которых обвинение по указанным статьям УК РФ явилось наиболее тяжким из предъявленных. При этом количество осужденных за такие преступления в сравнении с предыдущим годом увеличилось на 49,4%. Большинство таких лиц (423 – 80,8%) были осуждены за преступления, связанные с финансированием терроризма, террористической организации (в 2015г. – 252 лица – 72%). В 2016г. женщины составили 3,8% всех осужденных за преступления террористической направленности (в 2015г. – 4,6 %). По возрастным группам осужденные распределились следующим образом: в возрасте до 18 лет совершили преступление 2,7% осужденных, от 18 до 24 лет – 44,2%, от 25 до 29 лет – 25,2%, от 30 до 49 лет – 26%. В возрасте старше 50 лет совершили преступление 2,1%. Свыше половины осужденных (75,9%) являлись трудоспособными без определенных занятий. Характерно, что 464 (88,7%) осужденных совершили преступление впервые². То есть в террористическую деятельность преимущественно вовлекаются лица, которые нигде не работают и не имеют криминального опыта, во всяком случае, ранее не привлекались к уголовной ответственности. Вместе с тем в судебной практике встречаются случаи, когда подсудимыми по уголовным делам о преступлениях террористической направленности выступают лица, ранее судимые за аналогичные деяния, в том числе совершенные с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей.

Подобные уголовно наказуемые действия могут совершаться в любом месте, где соответствующее лицо может получить доступ к сети «Интернет», не требуют какой-либо серьезной подготовки: достаточно найти в сети тот или иной файл, содержащий информацию, призывающую к осуществлению террористической или иной экстремистской деятельности, либо оправдывающую терроризм, и разместить его на своей личной странице в социальной сети, сделать репост либо просто оставить соответствующий комментарий под этим файлом на чужой странице. Поэтому перешагнуть эту грань, отделяющую законопослушного гражданина от преступника,

¹ См., подробнее: *Иванцов С.В., Узембаева Г.И.* Противодействие преступлениям экстремистской направленности, совершаемым с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовые и криминологические аспекты: монография. - М., из-во «Юрлитинформ». Сер. Уголовное право. 2018.

² Статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 23.08.2017).

потенциально могут многие пользователи сети «Интернет», число которых ежегодно растет¹.

По данным Фонда «Общественное мнение» от 21 июня 2017 г. в России число пользователей сети «Интернет» в возрасте от 18 лет и старше составляет 70% населения России (82,4 млн. человек), а суточная аудитория сети - 61% (71,6 млн. человек). За один год российская интернет-аудитория увеличилась на 2%, количество пользователей мобильного «Интернета» - на 9%. При этом 54% населения (66 млн. человек) пользуются сетью «Интернет» хотя бы 1 раз в месяц через мобильные устройства, а 20% населения - заходят в сеть только с мобильных устройств. По информации Российского филиала исследовательского концерна GfK от 26 января 2017г. проникновение сети «Интернет» в среду молодых россиян достиг предельных значений еще в предыдущие годы и составляет около 97%².

Изучение уголовных дел в отношении лиц, осужденных за преступления, предусмотренные ст. 2052 УК РФ, рассмотренных судами в 2014 и 2015 годах, позволило нам выделить следующие признаки личности данных субъектов. Основную долю осужденных составили мужчины – 22 лица (около 97%); возрастные группы осужденных были следующими: до 18 лет – 3 лица (12,5%), от 18 до 24 лет – 9 (37,5%), от 25 до 29 лет – 6 (25%), от 30 до 49 лет – 4 (16,7%) и старше 50 – 2 лица (8,3%). Осужденные в основном имели полное среднее, в том числе профессиональное образование – 18 лиц (75%), неполное среднее образование имели 4 лица (16,7%) и высшее – 2 лица (8,3%). Преимущественно они ранее не были судимы (18 лиц – 75%), были холостыми (21 лицо – 87,5%) и не имели определенных занятий (18 лиц – 75%).

Изучение материалов данных дел также показало, что все осужденные совершили преступление посредством сети «Интернет», при этом подавляющее число таких осужденных - путем размещения или репоста файлов, уже содержащих в себе призывы к осуществлению террористической деятельности или оправдание терроризма (20 лиц – 83,3%). Практически все осужденные (22 лица – 91,67%) размещали соответствующие файлы более двух раз, как правило, основываясь в своих действиях на ненависти или вражде по национальным и (или) религиозным признакам.

Исходя из изложенных сведений, данных лиц нельзя относить ни к случайному (ситуативному), ни к профессиональным типам личности преступников. Наиболее близким для них является криминально зараженный тип личности. Они раз за разом размещают указанную информацию в сети

¹ См.: Иванцов С.В. средства массового информационного ресурса и противодействие преступности // сборник материалов международной научно-практической конференции «Современные проблемы уголовной политики». Под ред. А.Н. Ильяшенко. - Краснодар. 2014. С.256-263.

² Интернет в России и в мире // Электронный ресурс: URL: bizhit.ru/index/users_count/0-151 (дата обращения: 23.08.2017).

«Интернет», рассчитывая на то, что не понесут за это уголовную ответственность, поскольку они являются «одними из многих тысяч» таких же пользователей, совершающих аналогичные действия, поэтому шанс подвергнуться уголовному преследованию в их представлении сведен практически к нулю.

На основании изложенного можно сделать вывод, что современная культура и ее составляющие оказывают существенное влияние на формирование личности субъектов преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием СМИ. Поэтому, как мы уже отмечали выше, в профилактике данных преступлений целесообразно активнее задействовать средства массовой информации, прежде всего соответствующие ресурсы сети «Интернет», чаще и подробнее информировать население об общественной опасности любых действий, поддерживающих или оправдывающих терроризм, в том числе осуществляемых посредством использования информационно-телекоммуникационных сетей, а также об уголовно-правовых последствиях их совершения с использованием конкретных примеров привлечения к уголовной ответственности.

Байдин Алексей Николаевич,
аспирант

Кубанского государственного университета

**Оборудование для изготовления или переработки сильнодействующих
или ядовитых веществ как предмет преступления,
предусмотренного ст. 234 УК РФ**

Одним компонентом предмета преступления, предусмотренного ст. 234 УК РФ, выступает оборудование для изготовления или переработки сильнодействующих или ядовитых веществ.

Следует заметить, что в специальной литературе высказано мнение, согласно которому названное оборудование выступает предметом только при совершении сбыта¹. Однако грамматическое и логическое толкование нормы не позволяет согласиться с таким подходом. Все действия, перечисленные в диспозиции ч. 1 ст. 234 УК РФ, относятся ко всем названным в

¹ См.: Федоров А.В. Уголовная ответственность за незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ (ст. 234 УК РФ) [Электронный ресурс] // Наркоконтроль. 2007. № 1 // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=CJI;n=19395#0>(дата обращения – 25 июля 2017 г.).

ней предметам. Представляется, что только переработка несколько не «вяжется» с соответствующим оборудованием¹.

Нормативного определения этого компонента предмета рассматриваемого преступления не существует, как не закреплён на законодательном уровне и перечень соответствующих предметов. В специальной литературе разработаны дефиниции и критерии отнесения тех или иных приспособлений к разряду оборудования для изготовления или переработки названных веществ.

Например, под оборудованием для изготовления или переработки сильнодействующих или ядовитых веществ предлагается понимать как промышленное, так и кустарно изготовленное или приспособленное оборудование, предназначенное для производства химических реакций или управления физическими процессами для получения готовых форм сильнодействующих или ядовитых веществ². Или: это – «любые инструменты, приборы, механизмы, используемые для изготовления и переработки указанных в законе предметов. В отличие от оборудования, применяемого для изготовления наркотических и психотропных веществ, оборудование, указанное в ст. 234 УК РФ, не должно находиться под специальным контролем»³.

Что касается первой из представленных дефиниций, то она тавтологична, поскольку определяет предмет через него самого: оборудование – это оборудование. Второе не отражает специфики указанных в законе предметов.

Отсутствие нормативного определения и перечня соответствующего оборудования значительно осложняет правоприменительную практику. Так, в литературе обосновано указывается, что в отличие от аналогичного предмета, связанного с незаконным оборотом наркотиков, данное оборудование не обладает никакими формально-правовыми признаками⁴. По сути, это понятие является оценочным, следовательно, работники судебных и следственных органов могут отнести к этим предметам все, что угодно.

Как справедливо отмечает М.Г. Ермаков, сложившаяся ситуация позволяет привлекать к уголовной ответственности лиц, занимающихся

¹ Мы не одиноки в своем мнении. См., напр.: Шмелева Е.Г. Незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2008; Ермаков М.Г. Уголовно-правовая характеристика незаконного оборота сильнодействующих и ядовитых веществ: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2014; Ермаков М.Г., Чекмезова Е.И. Статья 234 УК РФ: от практики к теории [Электронный ресурс] // URL: <http://отраслиправа.рф/article/14853> (дата размещения статьи: 15.12.2015 г.).

² Уголовное право России: Особенная часть / под ред. А.И. Рарога. М., 2007. С. 427.

³ Уголовное право. Особенная часть: учебник / отв. ред. И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. 4-е изд., изм. и доп. М., 2008. С. 594.

⁴ См.: Клименко Т.М., Малинин В.Б. Уголовная ответственность за незаконный оборот наркотических, психотропных, ядовитых и иных сильнодействующих средств. СПб., 2014. С. 213.

продажей различных ««подручных средств» – стеклянных банок, металлических ножниц и т.п., как за сбыт оборудования для изготовления и переработки сильнодействующих и ядовитых веществ. Таким образом, очевидна необходимость установления каких-либо критериев или фиксированного перечня указанного оборудования»¹.

В свое время ПККН² представил комплекс критериев соответствующего оборудования, которым оно должно отвечать:

«1. Изделие должно иметь специальное назначение, которое населением в быту не используется. Необычность обнаружения конкретного оборудования во владении у населения.

2. По техническому описанию, технической характеристике изделия можно убедительно доказать его использование в процессах применения для синтеза или изготовления наркотических средств, психотропных или сильнодействующих веществ.

3. Наличие информации экспертных, судебных и следственных органов о неоднократном обнаружении данного оборудования или изделий у лиц, обвиняемых в незаконном изготовлении наркотических средств, психотропных или сильнодействующих веществ.

4. Реальность контроля конкретного изделия»³.

К самому оборудованию ПККН отнес:

«1. Заводские или кустарно изготовленные машины и приспособления для таблетирования или ампулирования веществ.

2. Автоматические и ручные мешалки субстанций, веществ, не отнесенных к изделиям, входящим в кухонные наборы.

3. Полуфабрикаты, пустые ампулы, шприц-тюбики и разных объемов капсулы.

4. Приспособления для маркировки ампул, шприц-тюбиков, капсул.

5. Устройства кустарные или заводские для охлаждения жидкостей при экстракции и перегонке (к этой категории не относятся бытовые холодильники), а также устройства для экстракции и перегонки.

¹ Ермаков М.Г. Уголовно-правовая характеристика незаконного оборота сильнодействующих и ядовитых веществ: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2014. С. 110.

² ПККН – постоянный комитет по контролю наркотиков при Министерстве здравоохранения РФ.

³ См.: Критерии и перечни психотропных веществ, одурманивающих веществ, крупных и особо крупных размеров количеств наркотических средств и психотропных веществ, обнаруживаемых в незаконном хранении или обороте; Список веществ, находящихся под специальным контролем, используемых при незаконном изготовлении наркотических средств или психотропных веществ, в соответствии с Конвенцией ООН 1988 г.; критерии и Список инструментов и оборудования, находящихся под специальным контролем, используемых при незаконном изготовлении наркотических средств, психотропных или сильнодействующих веществ: утв. Постоянным комитетом по контролю наркотиков, протоколы от 09.10.1996 г. № 51/7-96, от 17.12.1996 г. № 53/9-96, от 25.12.1996 г. № 54/10-96 // СПС «КонсультантПлюс» – 2017.

6. Устройства для фильтрации жидкостей под вакуумом».

Вместе с тем необходимо заметить, что в названном документе речь идет об оборудовании, предназначенном для использования при незаконном изготовлении только сильнодействующих веществ, ядовитые субстанции в нем не упоминаются. Кроме того, относительно инструментов и оборудования указано, что они находятся под специальным контролем. Однако применительно к оборудованию, используемому для изготовления или переработки сильнодействующих или ядовитых веществ, он фактически не установлен. Отсутствие нормативно закреплённого перечня исключает такой контроль по определению.

Документы ПККН не относятся к нормативным актам, поскольку согласно ст. 1 Положения о Постоянном комитете по контролю наркотиков¹ последний организован в соответствии со ст. 17 Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г. и ст. 6 Конвенции о психотропных веществах 1971 г. и является межведомственным экспертным органом, работающим на общественных началах при Министерстве здравоохранения РФ, а в соответствии со ст. 4 заключения Комитета носят для судебно-следственных органов рекомендательный характер.

Полагаем, что лучшим выходом из сложившейся ситуации является формирование утверждаемого Правительством РФ перечня оборудования, используемого для изготовления или переработки сильнодействующих или ядовитых веществ, как это осуществлено применительно к наркотическим средствам и психотропным веществам².

Как представляется оборудование, используемое для изготовления или переработки сильнодействующих или ядовитых веществ, должно обладать рядом признаков, установление которых в конкретной ситуации обнаружения такового могло бы способствовать решению вопросов квалификации содеянного.

Первый признак – функциональный, характеризующий предназначение соответствующих объектов внешнего мира, связанное с изготовлением и переработкой названных веществ. Это должно быть нечто, не используемое, как правило, в быту, для осуществления каких-то хозяйственных функций.

Второй – технический, предопределяющий способность того или иного предмета, обусловленную его техническими характеристиками,

¹ См.: Положение о Постоянном комитете по контролю наркотиков: утв. Минздравом РФ 25 декабря 1992 г. // СПС «КонсультантПлюс» – 2017.

² См.: Об утверждении перечня инструментов и оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для производства и изготовления наркотических средств, психотропных веществ, и Правил разработки, производства, изготовления, хранения, перевозки, пересылки, отпуска, реализации, распределения, приобретения, использования, ввоза в Российскую Федерацию, вывоза из Российской Федерации, уничтожения инструментов и оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для производства и изготовления наркотических средств, психотропных веществ: постановление Правительства РФ от 22 марта 2001 г. № 221 (ред. от 16 марта 2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс» – 2017.

устройством, основными функциями, использоваться в соответствующем процессе, приводя к желаемому результату.

Третий признак – целевой. Он обладает, скорее, субъективным содержанием, поскольку характеризует направленность использования соответствующих предметов. При их выявлении следует установить и доказать намерение лица применить оборудование именно для изготовления или переработки сильнодействующих или ядовитых веществ.

Представляется, для того чтобы названные объекты внешнего мира могли выступать в качестве предмета рассматриваемого преступления, они должны обладать и четвертым – правовым – признаком, означающим наличие определенного режима их оборота и использования, а также нахождение их под специальным контролем. Поскольку в диспозиции ст. 234 УК РФ речь идет о совершении незаконных действий с определенным оборудованием, следовательно, должен быть установлен порядок их легального обращения. Однако специальный контроль над названным оборудованием не установлен, его перечня не существует, специальных правил оборота тоже.

Однако в РФ действует постановление Правительства Российской Федерации от 22 марта 2001 г. № 221 (ред. от 16.03.2017 г.) «Об утверждении перечня инструментов и оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для производства и изготовления наркотических средств, психотропных веществ, и правил разработки, производства, изготовления, хранения, перевозки, пересылки, отпуска, реализации, распределения, приобретения, использования, ввоза на таможенную территорию Российской Федерации, вывоза с таможенной территории Российской Федерации, уничтожения инструментов и оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для производства и изготовления наркотических средств, психотропных веществ»¹. В этот перечень входят: пресс-инструменты, используемые с оборудованием для прессования таблеток, оборудование для наполнения ампул, оборудование для запайки ампул и оборудование для прессования таблеток.

Думается, что в сложившейся ситуации целесообразно распространить названный перечень и на оборудование для изготовления и переработки сильнодействующих и ядовитых веществ. Тем более что, по сути, по своим объективным характеристикам это оборудование будет идентичным.

Вместе с тем, безусловно, если законодатель устанавливает уголовную ответственность за указанные деяния, необходимо принять специальный перечень инструментов и оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для производства и изготовления сильнодействующих и ядовитых веществ, и правил разработки, производства, изготовления, хранения, перевозки, пересылки, отпуска, реализации, распределения, приобретения, использования, ввоза на таможенную территорию

¹ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_30849/ (дата обращения – 4 сентября 2017 г.)

Российской Федерации, вывоза с таможенной территории Российской Федерации, уничтожения инструментов и оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для производства и изготовления сильнодействующих и ядовитых веществ, установив над ними такой контроль.

Отсутствие названных выше критериев, на наш взгляд, исключает возможность признания оборудования, используемого для изготовления и переработки сильнодействующих и ядовитых веществ, в качестве предмета преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 234 УК РФ. Его содержание, в принципе, не может быть определено, что может привести к незаконному привлечению граждан к уголовной ответственности.

Мы солидарны с мнением М.Г. Ермакова и Е.И. Чекмезовой, полагающих, что «оборудование для изготовления или переработки сильнодействующих или ядовитых веществ, которое не подлежит специальному контролю, ... должно быть исключено из перечня предметов преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 234 УК РФ, являясь «мертворожденным» признаком указанного состава»¹.

Названными авторами отмечены и иные обстоятельства, предопределяющие необходимость исключения оборудования из состава предмета рассматриваемого преступления, с которыми, в принципе, следует согласиться. Они видят в оцениваемом решении законодателя нарушение принципов равенства при привлечении к уголовной ответственности в рамках гл. 25 УК РФ и использования единообразного подхода к установлению уголовной ответственности за «родственные», по сути, деяния. Первое проявляется в том, что в УК РФ не предусмотрена ответственность за незаконные действия с инструментами и оборудованием, используемыми при производстве, изготовлении и переработке наркотических средств и психотропных веществ, хотя они и находятся под специальным контролем. Второе – в том, что в ч. 4 ст. 234 УК РФ не установлена наказуемость нарушения правил легального оборота соответствующего оборудования².

Таким образом, определяя понятие оборудования, используемого для изготовления и переработки сильнодействующих и ядовитых веществ, можно ориентироваться при этом только на три признака – функциональный, технический и целевой. Правовой признак может звучать в нем лишь в негативном аспекте.

Итак, под названным оборудованием следует понимать не находящиеся под специальным контролем установки, инструменты, приспособления, механизмы и приборы, предназначенные или адаптированные для реализации технологических процессов, связанных с изготовлением или переработкой сильнодействующих или ядовитых веществ, обладающие для этого необходимым техническим потенциалом, и непосредственно в этих целях употребляемые.

¹ Ермаков М.Г., Чекмезова Е.И. Статья 234 УК РФ: от практики к теории [Электронный ресурс] // URL: <http://отрасли-права.рф/article/14853> (дата размещения статьи: 15.12.2015 г.).

² См.: Там же.

Бацаев Бадруди Бесланович,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Принудительные меры медицинского характера в российском уголовном праве

В уголовном кодексе РФ 1996 г. не содержится четкого определения понятия «принудительные меры медицинского характера». Однако, в нем содержатся нормы, в которых указаны основания применения принудительных мер (ст. 97), цели применения (ст. 98), виды принудительных мер медицинского характера (ст. 99), а также сформулированы нормы, определяющие порядок продления, изменения и прекращения применения таких мер (ст. 100-104).

Имеющиеся на сегодняшний день доктринальные определения принудительных мер медицинского характера выражают стремление авторов охватить как главные, так и второстепенные признаки указанных мер. В результате предпринятых попыток появились чрезмерно громоздкие определения. Нормативным решением такого рода является дефиниция, предложенная в 1979 г. в работе Б. А. Протченко: «Принудительные меры медицинского характера - это установленные законом медико-судебные меры, назначаемые судом представляющим опасность для общества по своему психическому состоянию и характеру содеянного невменяемым, а также заболевшим после совершения преступления хронической или временной душевной болезнью вменяемым лицам. Принудительные меры медицинского характера не являются наказанием, они преследуют цели восстановления психического здоровья указанных лиц и предупреждения совершения ими новых общественно опасных деяний, обусловленных расстройством психической деятельности, а в отношении совершивших преступление вменяемых лиц и предупреждения новых преступных действий»¹.

Похожие дефиниции принудительных мер медицинского характера дают авторы современных работ по уголовному праву².

Отдельные авторы характеризуют принудительные меры медицинского характера как меры государственного принуждения, сочетающие «юридическое и медицинское начало»³.

При этом справедливо отмечается, что указанные меры являются юридическими, потому что, во-первых, их основание, виды, порядок применения и прекращения определяются уголовным законом, во-вторых, процедура назначения этих мер регламентирована уголовно-процессуальным

¹ Протченко Б.А. Принудительные меры медицинского характера по советскому уголовному управу. М., 1979, С. 15.

² Уголовное право. Часть Общая и Особенная // Под ред. А.Ф. Истомина. М., 2007. С. 345.

³ Уголовное право России. Общая часть // Под ред. А. И. Рарога. М., 2009. С. 573.

кодексом, в-третьих, реализация принудительных мер медицинского характера предусмотрена уголовно-исполнительным законодательством.

Медицинскими принудительные меры, применяемые к психически больным лицам, являются потому, что имеют строго медицинский характер: рекомендации по их назначению дают комиссия врачей-психиатров, судебно-психиатрическая экспертиза либо судебно-наркологическая экспертиза, а содержание этих мер в соответствии с медицинскими показаниями определяется медицинским персоналом психиатрических учреждений, где проводится принудительное лечение.

В целом соглашаясь с подобной характеристикой принудительных мер медицинского характера, следует уточнить, что принудительные меры являются уголовно-правовыми мерами государственного принуждения, поскольку они предусмотрены уголовно-правовыми нормами материального, процессуального и уголовно-исполнительного законодательства. Указание на юридическую принадлежность таких мер является явно недостаточным, так как для правоприменителя в лице судебных правоохранительных органов и медицинских учреждений важна их отраслевая принадлежность, знание которой позволяет обратиться к соответствующим нормам УК, УПК, УИП и других федеральных законов.

Неординарное определение понятию данных мер, выражающее процессуальную форму применения, круг лиц, которым они назначаются, и их содержание представил Б.А. Снасенников: «Принудительные меры медицинского характера - это меры государственного принуждения, назначаемые, продлеваемые, изменяемые и прекращаемые по определению суда лицам, которые совершили общественно опасное деяние, предусмотренное Особенной частью Уголовного кодекса Российской Федерации, в состоянии невменяемости, а также лицам, у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение или исполнение наказания, либо назначаемые по приговору суда лицам, виновным в совершении преступления и страдающим психическим расстройством, не исключающим вменяемости, но повлиявшим на осознанно волевой выбор поведения в момент совершения преступления, и заключающиеся в психиатрическом лечении, направленном на восстановление, укрепление психического здоровья лиц, для исключения совершения нового общественно опасного деяния, их опасности причинения вреда для себя или других лиц, возможности причинения иного существенного вреда, соблюдения их прав и законных интересов»¹.

Указанные выше определения принудительных мер медицинского характера, безусловно, представляют научный интерес, отражают многие аспекты, но не являются безупречными.

По нашему мнению, принудительные меры медицинского характера можно определить как особую уголовно-правовую форму государственно-

¹ Спасенников Б.А. Принудительные меры медицинского характера: история, теория, практика. СПб., 2003. С. 43.

го принуждения, содержание которой заключается в принудительном лечении невменяемых, а также вменяемых лиц, совершивших преступления и нуждающихся по своему психическому состоянию в принудительном лечении. Данное определение содержит указание на существенные признаки принудительных мер медицинского характера, не касаясь оснований, целей их применения и других характеристик принудительных мер, которые требуют самостоятельного и подробного рассмотрения.

Вопрос о правовой природе принудительных мер медицинского характера есть вопрос об их сущности, содержательной стороне и, в конечном итоге, о правовой значимости принудительных мер медицинского характера.

Характерной чертой принудительных мер медицинского характера является то, что они представляют собой меру государственного принуждения к лицам, страдающим психическими расстройствами и совершившим общественно опасные деяния либо преступления. В этой связи употребление термина «мера» ассоциируется в двух значениях. Первое - как профилактическая мера, второе как - мера за совершенное противоправное деяние.

Многие авторы отмечают, что по своей юридической природе «меры медицинского характера не являются наказанием»¹. Иногда без достаточных оснований утверждается, что «по своей юридической природе эти меры являются мерами государственного принуждения», то есть не проводится различие между наказанием и принудительными мерами медицинского характера².

Сходство с наказанием здесь усматривается в том, что принудительные меры медицинского характера назначаются судом и представляют собой государственное принуждение³.

Вместе с тем многие авторы подчеркивают, что принудительные меры медицинского характера отличаются от наказания по основаниям применения (наличие психического заболевания и необходимость лечения), содержанию (отсутствие отрицательной уголовно-правовой оценки деяния), целям (лечение, а не исправление), юридическим последствиям (принудительные меры не влекут судимости)⁴.

Сущность принудительных мер медицинского характера по общепринятому мнению состоит в том, чтобы обеспечить безопасность психически больных и защитить от них общество. Данная точка зрения нашла отражение в большинстве учебников по уголовному праву. Однако сущ-

¹ Уголовное право. Часть Общая. // Под ред. Беляева А.А., Шаргородского М.Д. М., 1969. С. 382

² Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник / Отв. ред. Здравомыслов Б.В. М., 1996. С. 495

³ Наумов А. В. Российское уголовное право. Курс лекций. Т. 1. М., 2010. С. 572.

⁴ См., например: Улицкий С.Я. Правовое регулирование принудительных мер медицинского характера. Владивосток, 1974.

ность правовых категорий заключается не в целях безопасности и защиты, присущих многим направлениям юридической деятельности, а в тех правоограничениях, которые составляют содержание правовых категорий. В результате одностороннего и упрощенного подхода происходит смешение акцента с правовой природы принудительных мер на их цели и задачи.

Изучение ранее действовавших уголовно-правовых актов (УК РСФСР 1922 г., Основные начала УЗ 1924 г., УК РСФСР 1926 г.) показывает, что законодатель в течение нескольких десятилетий относил принудительное лечение к мерам социальной защиты медицинского характера. Так, Уголовный кодекс РСФСР 1926 г., действовавший до 1958 г., включал в систему мер уголовно-правового воздействия «меры социальной защиты судебно-исправительного, медицинского и медико-педагогического характера» (ст. 7 УК РСФСР). Меры социальной защиты судебно-исправительного характера применялись в отношении лиц, совершивших преступление, меры медицинского характера - в отношении невменяемых либо вменяемых, заболевших психической болезнью после совершения преступления, а меры медико-педагогического характера - к малолетним правонарушителям. При этом меры социальной защиты медицинского характера никогда не рассматривались в качестве формы реализации уголовной ответственности, о чем ясно свидетельствуют работы известных советских ученых Пионтковского А.А., Утевского Б.С., Трайнина А.М. и других.

Исследование принудительных мер медицинского характера, проводившееся в 70-х годах, привело некоторых авторов к поверхностному выводу о том, что указанные меры по своей правовой природе являются мерами социальной защиты от общественно опасных действий невменяемых и психически больных, совершивших преступления. Указанные авторы упустили из виду, что понятие «меры социальной защиты», которое ранее использовалось в уголовном законодательстве под влиянием социологической школы, служило для обозначения системы мер уголовно-правового принуждения, включавшей в себя наказание, принудительное лечение без изоляции и связанное с изоляцией, принудительные меры медикопедагогического характера, удаление из определенной местности и другие меры, заменявшие наказание или следовавшие за ним.

На наш взгляд, по правовой природе принудительные меры медицинского характера являются уголовно-правовыми мерами безопасности, сущность которых заключается в принудительном лечении лиц, совершивших уголовно-противоправные деяния и представляющих по своему психическому состоянию опасность для общества.

В свете изложенного хотелось бы сделать следующие выводы.

1. Принудительные меры медицинского характера являются правовой категорией наряду с такими институтами уголовного права, как преступление, наказание, соучастие, необходимая оборона и др. Поэтому его понятие, содержание и сущность должны быть четко определены на законодательном уровне.

2. Принудительные меры медицинского характера являются принудительными, ибо назначаются, применяются независимо от желания больного или его родственников.

3. Принудительные меры медицинского характера являются мерой уголовно-правового характера, сущность их заключается в принудительном лечении лиц, совершивших уголовно-противоправные деяния и представляющих опасность для себя или других лиц.

4. По нашему мнению, принудительные меры медицинского характера можно определить как особую уголовно-правовую форму государственного принуждения, содержание которой заключается в принудительном лечении невменяемых, а также вменяемых лиц, совершивших преступления и нуждающихся по своему психическому состоянию в принудительном лечении. Данное определение содержит указание на существенные признаки принудительных мер медицинского характера, не касаясь оснований, целей их применения и других характеристик принудительных мер, которые требуют самостоятельного и подробного рассмотрения.

Берега Ольга Александровна,

аспирант ЮРИУ РАНХиГС

председатель компании коллегии адвокатов

Краснодарского края «Берега и партнеры»

Бланкетность как особенность уголовного права

В отечественной юриспруденции давно признаны в качестве классических характеристик любой отрасли национальной системы права ее предмет и метод, а равно наличие специализированного нормативного акта, в котором предмет и метод отраслевого регулирования обозначаются. А еще в науке муссируются такие свойства уголовного права, как принципы¹, задачи², функции³, источники⁴, система и структура⁵... Но по мере увели-

¹ Мальцев В.В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. – 694 с.; Филимонов В.Д. Принципы уголовного права. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. – 138 с.

² Разгильдиев Б.Т. Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1993. – 226 с.

³ Смирнов В.Г. Функции советского уголовного права. Предмет, задачи и способы уголовно-правового регулирования. – Л.: ЛГУ, 1965. – 188 с.; Филимонов В.Д. Охранительная функция уголовного права. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 198 с.

⁴ Бибик О.Н. Источники уголовного права Российской Федерации. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. – 243 с.; Образцов К.В. Система формальных (юридических) источников российского уголовного права: монография. – М.: Юрлитинформ, 2015.

⁵ Бойко А.И. Система и структура уголовного права: В 3-х т. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ и СКАГС, 2007-2008.

чения и усложнения объема нормативного материала для его сбалансированного употребления (прежде всего в части оптимального сочетания возможностей близких или смежных юридических анклавов) возникает потребность в выделении, познании и учете еще одной характеристики – особенностях отрасли.

Категория «особенное» давно и плодотворно разрабатывается в философии как некое соединительное звено между другими, первичными универсумами – «всеобщее» или «общее», с одной стороны, и «отдельное» или «единичное», с другой. Что это дает? Во-первых, с помощью понятия «особенное» преодолевается некоторая односторонность (ставка на крайности, опора на противоположность или оппозиционность) этих двух уровней представления об окружающем мире, что помогает воспринимать объекты анализа как цельности¹. Особенное служит неким соединительным звеном между эмпирическим (единичное, факты) и теоретическим (общее, законы) знанием, что для типового закона и единичного разбирательства очень ценно. Во-вторых, наша страна постоянно испытывает свою судьбу революциями, реформами, переменами курса своего развития на 180 градусов, что всегда сопровождается критикой прошлого и создает опасность того, что то или иное средство управления будет восприниматься и использоваться с чрезмерно радужными надеждами или даже извращенно, чему может противодействовать как раз знание специфик данного средства управления. В-третьих, через учет специфик того или иного средства мы можем обеспечить самое гармоничное сочетание его возможностей с возможностями других средств, что есть путь к всегда желанной «золотой середине» или к согласованному общеправовому воздействию на жизнь. Для уголовного права, которое в правовом процессе занимает одно из последних по технологии, но не по силе воздействия мест, это очень важно.

Тут надо особо заметить, что в огромном массиве научных публикаций по уголовному праву долгое время, как ни странно, не было попыток выявления и оценивания особенностей нашей отрасли². Это обстоятельство выглядит удивительным, ибо «отсутствие в науке (понимания и – О.Б.) согласия по принципиальным, методологически важным проблемам

¹ Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 413-415.

² Исключение – несколько публикаций проф. *А.И. Бойко*: Система и структура уголовного права. В 3 т. Том III: Структура уголовного права и его идентификация в национальной юриспруденции. – Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2008. С. 95-109; *его же*. Специфика уголовно-правовой отрасли // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Шестой Международной научно-практической конференции 29-30 января 2009 г. – М.: Проспект, 2009. С. 107-111; *его же*. Особенности профессии юриста и образовательные технологии // Юридическая наука и методология преподавания юридических дисциплин в условиях реформирования системы высшего образования. – Ростов н/Д: Изд-во РГЭУ, 2009. С. 29-32; *его же*. Особенности подготовки магистров уголовно-правовой специализации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2011. № 4. С. 49-50.

предмета, метода (и особенностей – О.Б.) и, как следствие, границ уголовно-правового регулирования приводит к многочисленным хаотичным, бессистемным и внутренне противоречивым изменениям Уголовного кодекса... создают порой непреодолимые препятствия в практической деятельности и значительно снижают эффективность уголовно-правового регулирования»¹.

Заявим нашу позицию по поводу трактовки особенностей уголовного права вообще:

1) Специфика в праве проявляет себя на двух рубежах: а) на уровне отрасли, в свете функционирования всей юриспруденции – как средство против субъективного вмешательства властей или попыток организованного пересмотра ими, прежде всего по идеологическим или политическим мотивам, кардинальных устоев той или иной отрасли; б) на уровне отдельных институтов, в свете функционирования отдельной отрасли – для организации переходных (типа превышения пределов необходимой обороны) или исключительных (типа обратной силы уголовного закона) норм.

2) В философии многообразие мира отражается с помощью трехмерного измерительного инструментария: общее – особенное – единичное. В уголовном праве или на более низком уровне абстрагирования эта мыслительная задача последовательно решается через учреждение норм Общей части, посредством описаний индивидуальных типов преступлений в Особенной части, а на переходную ступень (особенное) отрасль реагирует с помощью исключительных норм, отражающих естественные противоречия между бурной жизнью и костенеющей догмой. Вот эти цепочки: а) общий субъект – спецсубъект – личность преступника; б) правомерные действия – их эксцессы – классическое преступление; в) основные – дополнительные – «смешанные» наказания; г) общие начала – смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства – исключительные обстоятельства (типа ст. 64).

3) Специфика – защитный слой юриспруденции, гарант ее содержательного и методического многообразия, что в свою очередь заказывается усложняющейся жизнью, одна из идентификационных черт отраслей, которая познается лишь в сравнении, как некое мыслительное представление внутри правовой системы в целом.

4) В сфере всей юриспруденции категория «особенного» прежде всего приложима именно к отраслям или к самым крупным обособленным разделам права, выделившимся из общего массива благодаря таким универсальным условностям, как предмет и метод правового регулирования, а также наличию специализированного монографического закона, в котором эти предмет и метод обозначены. Свою лепту в разграничение и последу-

¹ Генрих Н.В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования: Автореферат дисс. докт. юрид. наук. – Рязань: Академия ФСИН, 2011. С. 3.

ющую идентификацию отраслей, которых много и которые вследствие близости или даже единства предмета регулирования (например, преступность для уголовно-материального, уголовно-процессуального и пенитенциарного права) весьма похожи друг на друга, вносят и их специфики, работающие как второй рубеж дифференциации и систематики юридических нормативов.

5) Особенности уголовного права базируются на: а) его месте в системе национальной юриспруденции; б) его назначении в социуме. Особенности невозможно представить вне сравнений той или иной отрасли с характеристиками соседних, конкурирующих правовых анклавов; они – одна из идентификационных черт отрасли, которая познается лишь в сравнении, как некое мыслительное представление отдельного объекта внутри правовой системы в целом.

6) Особенности менее живучи по сравнению с Общим, но дают значительную фору в этом отношении Единичному. Получается, что Особенное – соединяющая, синтетическая характеристика права при сравнении его отраслей, в силу чего их познание и учет – естественное и полезное дело.

7) Назначение категории «Особенное» в уголовном правоведении: а) формировать и завершать (вкупе, наравне, после) более полновесное понимание уголовного права и его возможностей; б) упреждать завышенные расчеты и ожидания в части антикриминальных потенций уголовного права; в) обеспечивать его видовую идентификацию; г) блокировать политические, законодательные, правоохранительные и мыслительные (научные) риски в процессе познания и оценки возможностей и перспектив уголовного права.

В процессе работы над данной проблемой и объективации ее результатов в печати¹ автор пришла к мнению, что у уголовного права имеется

¹ *Бережа О.А.* Особенности уголовного права и их учет в уголовной политике государства // Современные проблемы уголовной политики: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., 25 сент. 2015 г.; в 2 т. / под ред. А.В. Симоненко. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. Т. 1. С. 271-215; Формирование и закрепление специфик уголовного права в Уложении 1845 года // Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года: концептуальные основы и историческое значение (к 170-летию со дня принятия) : материалы междунар. науч.-практ. конф., г. Геленджик, 2-3 октября 2015 г. / Отв. ред. д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ В.П. Коняхин, д-р юрид. наук, проф. М.Л. Прохорова. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т; Просвещение-Юг, 2016. С. 69-76; Особенности уголовного права и их значение для сферы борьбы с преступностью // Криминологические основы уголовного права. Лекции и новые образовательные технологии для юристов: Материалы междунар. науч.-метод. семинара / Под ред. д.ю.н., проф. А.И. Бойко. – Ростов н/Д: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2016. С. 16-21; Особенности уголовного права: понятие, виды, значение // Северо-Кавказский юридический вестник. 2016. № 4. С. 127-134; Особенности уголовного права в свете его оптимального сочетания с криминологией // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 3 (82). С. 94-96.

несколько специфик, к которым мы относим следующие: публичность; бланкетность; принудительность; повышенная нормативность; «зеркальность»; высокий общепредупредительный (мотивационный) эффект; запасный характер («последний довод» или «хирургический скальпель» государства); простота и обывательская ясность запретов.

Таким образом, бланкетность является одной из визитных карточек уголовной юриспруденции. Что же она собой представляет? Изначально уточним, что бланк есть шаблон, лист бумаги с частично заполненной (реквизитной, представительской или постоянной) частью, а также местом для заполнения дополнительной (переменной) информации. Отсюда правовая бланкетность есть метод частичной подачи информации, необходимой для принятия процессуальных решений; остальные нужные предписания, тем самым, находятся в других юридических источниках. Именно так понимал анализируемую специфику уголовного права известнейший немецкий криминалист К. Биндинг, запустивший в научный обиход термин «бланкетный закон». По его определению бланкетным называется такой уголовный закон, который не формулирует самостоятельного запрета, а ограничивается ссылкой на правила, содержащиеся в других юридических постановлениях, и предусматривает лишь санкцию за их нарушение¹.

В развитие данной трактовки в отечественной науке бланкетность адресуется обычно диспозициям уголовного закона и понимается как усложненный или многоступенчатый способ определения преступности деяния – когда часть его признаков непосредственно в УК не обозначается, но согласно прямому предписанию или толкованию текста уголовного закона обнаруживается криминалистами в положениях иной отраслевой принадлежности². Самый существенный вклад в разработку данной особенности уголовного права внес профессор Н.И. Пикуров³, который придерживается сходного взгляда на сущность бланкетности.

¹ Binding K. Die Normen und ihre Übertretung. – Leipzig, 1992 (§§ 161, 162).

² См.: Галиакбаров Р.Р. Уголовное право. Общая часть: Учебник. – Краснодар: КубГАУ, 1999. С. 49; Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении. Учебник для вузов / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. С. 88; Советское уголовное право. Общая часть / Под ред. Г.А. Кригера и др. – М.: МГУ, 1981. С. 47; Уголовное право. Общая часть: Пособие для подготовки к экзаменам. – М.: Юрайт, 2000. С. 19-20; Уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. В.Н. Петрашева. – М.: Изд-во «ПРИОР», 1999. С. 69-70; Уголовное право. Общая часть: Учебник для вузов / Отв. ред-ры – И.Я. Козаченко и З.А. Незнамова. – М.: ИНФРА-М – НОРМА, 1997. С. 31; Уголовное право Украины. Общая часть: Учебник для студентов / Под ред. М.И. Бажанова и др. – Харьков: Право, 1998. С. 26 и др.

³ Пикуров Н.И. Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава: Монография. – М.: Российская академия правосудия, 2009. – 328 с.; его же. Уголовное право в системе межотраслевых связей / Под ред. А.В. Наумова. – Волгоград: ВЮИ МВД России, 1998. – 224 с

Такое господствующее понимание, естественно, резко контрастирует с безапелляционными положениями действующего УК РФ (ст.ст. 3, 14 и др.), согласно которым преступность и наказуемость деяний определяется только текстом данного нормативного акта. Расхождение между законом и жизнью, между универсальными и частными установками УК вызвало бурную дискуссию в отраслевой науке¹, которая продолжается давно и конца ей не видно. Основные аргументы заявлены и даже, может быть, исчерпаны. Есть и «крайние» точки зрения в обе стороны – оправдания и отрицания полезности бланкетности (как и специфик отрасли вообще). Например, известный теоретик общей юриспруденции (Алексеев С.С. *Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования.* – М. 1999. С. 248-254) указал, что «ни в чем ином, кроме как в особых режимах регулирования, юридическая специфика отрасли права и других структурных подразделений права выражаться не может, указание же на предмет правового регулирования является ограниченным и примитивным»². Это правильно – в части смычки отраслевой специфики с особенностями юридического режима; но для появления и сохранения указанной специфики главное как раз – предмет правового регулирования. Предмет заказывает специфику правового регулирования или метода.

С другой стороны, в ведомственном правотворчестве последних лет бланкетность стала восприниматься как порок, как коррупциогенный признак нормативного акта. Так, в п. 20 совместного приказа Минюста России и Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ от 10 января 2001 г. № 3/51 – «Об утверждении Методических правил по организации законопроектной работы федеральных органов исполнительной власти» записано: «В текст законопроекта не следует включать положения ненормативного характера и бланкетные нормы»³. Таким настроениям возражает проф. А.В. Наумов, утверждающий, что бланкетность «является свидетельством взаимосвязи уголовного права с другими отраслями права»; что данный прием законодательной техники нисколько не противоречит «самостоятельности уголовно-правового запрета»; что он оправдывается перспективой достижения стабильности текста УК; что «бланкетные диспозиции уголовного закона имеют достоинства и недостатки, но обойтись без них нельзя»⁴.

¹ См., например, материалы дискуссии на страницах столичного журнала, открывающиеся статьей *А.И. Бойко* с весьма характерным названием, в которой обозначены основные болезненные вопросы темы: Бланкетность – гордиев узел уголовного права // Библиотека уголовного права и криминологии. 2013. № 1 (1). С. 7-16.

² *Взято без кавычек у: Денисова А.В. Системность российского уголовного права: проблемы философской и юридической интерпретации: монография.* – Самара: Издательство «Самарский университет», 2014. С. 126.

³ Межведомственный информационный бюллетень. 2005. № 31, 32.

⁴ Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.В. Лунеева, А.В. Наумова. – М.: Юристъ, 2004. С. 66-67.

На наш взгляд, наличие бланкетности как специфики уголовного права объясняется весьма прозаически. Отрасль – последняя в общем юридическом процессе управления. Вначале власть заключает с населением базовый политико-юридический договор под названием «конституция», в котором прописаны генеральные правила взаимоотношений двух контрагентов. После этого и в развитие Основного закона производятся на свет многочисленные созидательные нормативы (гражданское, семейное, налоговое и прочие отрасли права). И лишь затем приходит черед уголовного права, которое призвано подтверждать своими принудительными возможностями обязательность первичных юридических распоряжений власти, а также защищать их от нарушений. Таким образом, до антикриминальных запретов в юриспруденции почти все сказано: что и как людям делать для достижения их личных и корпоративных интересов. В силу технологической вторичности мы должны быть и будем бланкетными.

Правильнее говорить о бланкетности уголовного закона либо его диспозиций, но не уголовного права либо его норм, ибо закон есть поверхностный, письменный слой юриспруденции, и только на этом уровне (лаконичность, казуистичность, субъективизм депутатского корпуса) возможно произвольное распоряжение (размещение) правовой информации.

У отраслевой бланкетности есть минусы и плюсы, но она неизбежна в силу технологического места уголовного права в общем процессе юридического регулирования. Отсюда криминалисты принуждены не бороться либо мириться с данным феноменом, а использовать его в своей профессиональной деятельности в интересах противодействия преступности.

Гаджималикова Зейнаб Ханларовна,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Анализ соотношения понятий «вовлечение в террористическую деятельность» и «пособничество»

Изменения, происходящие в современном мире в целом и в Российской Федерации в частности, обуславливают появление терроризма. Развитие терроризма представляет особую опасность, потому что это связано с недостаточной социальной адаптацией и развитием асоциальных установок в сознании людей, что влияет на ценности, предпочтительные образцы поведения, оценки социального взаимодействия, то есть в широком смысле связано с социальной и политической культурой российского общества.

Вовлечение в террористические организации в России стало одной из актуальных проблем. Болезненно проявляются проблемы экстремистского поведения в Северокавказском федеральном округе. Сложная этнополитическая ситуация, неконтролируемая миграция и, главное, экономический кризис сказывается на обществе в наибольшей степени на молодежи. Внешние и внутренние деструктивные силы, пользуясь данной ситуацией, стремятся манипулировать молодежью, вовлекая ее в террористическую деятельность. Необходимо отметить тот факт, что ряды террористов пополняются за счет молодых людей. Молодежи свойственна психология максимализма и подражания, что в условиях острого социального кризиса является почвой для агрессивности. Увеличение числа людей, участвующих в террористических группах, представляет особую опасность, потому что это связано с недостаточной социальной адаптацией, что влияет на вовлечение в террористическую деятельность наибольшего числа людей.

По сведениям МВД России, число преступлений террористической направленности только за первые пять месяцев текущего года выросло в полтора раза по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. В общей сложности правоохранительные органы зафиксировали 1035 преступлений террористического характера за период январь-июнь 2017 г. По итогам года показатель может стать максимальным за последние пять лет. Этот показатель за январь-июнь сравним или значительно превышает данные, которые получали по итогам предыдущих лет. Так, за 2012 год подобных преступлений было выявлено 622, в 2013-м – 637, в 2014-м – 661. За весь 2016 год было выявлено 1538 террористических преступлений, а сейчас уже более 1000 за шесть месяцев текущего года.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что в юридической литературе, посвященной исследованию вовлечения в террористическую деятельность, не выработана четкая позиция по проблеме его понимания, отсутствует единство в формулировании самого термина, не раскрыты его

сущностные характеристики. Объяснение этому видится в том, что террористическая деятельность отличается особой сложностью, в связи, с чем ученые в трактовке его правовой и социальной природы используют различные методологические подходы.

Наряду с другими государствами в России начала формироваться система государственного противодействия терроризму как подсистема национальной безопасности Российской Федерации. Конечно же, надо признать, что принимаемые меры по уголовно-правовому противодействию террористической деятельности требуют совершенствования. Так в 2006 году Российская Федерация ратифицировала Конвенцию Совета Европы о предупреждении терроризма¹, которая обязывает государств участников принять правотворческие меры по признанию вовлечения в террористическую деятельность уголовно-наказуемым деянием в рамках внутреннего законодательства государства. В Уголовный кодекс Российской Федерации была введена ст. 205.1 «Содействие террористической деятельности», которая предусматривает ответственность за склонение, вербовку или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ². Данная норма стала предметом дискуссий в юридической и научной литературе и приобрела много сторонников и противников, что усложнило понимание данной нормы и применение ее в практической деятельности правоохранительных и судебных органов. Основанием разобщенности мнений ученых послужила не безупречность данной нормы с точки зрения законодательной техники.

Так Е.П. Коровин пишет «Анализ лишь некоторых вопросов соотношения норм об ответственности за содействие террористической деятельности и положений института соучастия позволяет сделать вывод, что относительно недавно принятая статья 205.1 УК РФ породила немало дискуссионных вопросов. Более того, последовавшие значительные изменения, внесенные в содержание рассматриваемой нормы, не способствовали существенному повышению эффективности ее применения, а наоборот создали правоприменительным органам множество трудноразрешимых проблем при определении приоритетности уголовно-правовых средств»³.

По мнению многих специалистов, она продублировала положения статьи 33 УК РФ и вызвала дискуссии о ее соотношении с институтом соучастия. Но в то же время результаты специальных исследований свидетельствуют о том, что фактическое осуществление террористической дея-

¹ Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма: заключена в Варшаве 16 мая 2005 г., CETS № 196 // Собрание законодательства РФ 2009 № 20. Ст. 2393.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996г. № 63-ФЗ. С. 101.

³ Коровин Е.П. Содействие террористической деятельности и институт соучастия: вопросы соотношения // Сборник трудов конференции «Современные проблемы уголовной политики». 2015. С. 104-108.

тельности невозможно без предварительного вовлечения исполнителей. Для того чтобы обоснованно прийти к выводу о схожести и дифференциальности институтов содействия террористической деятельности и соучастия в преступлении, в данной статье мы предлагаем проанализировать, составные части указанных институтов «вовлечение в террористическую деятельность» и «пособничество в совершении преступления».

Согласно словарю С.И. Ожегова слово «влечь» значит тащить, тянуть, увлекая, манить, притягивать к себе¹.

С.А. Кузнецов в современном толковом словаре русского языка раскрывает понятие «вовлечь» как склонить к чему-либо, привлечь, увести, унести с собой подхватив своим движением. Например: «Толпа вовлекла меня в свой поток»².

Этимологический анализ слова «вовлечение» указывает на корень «влечь», что означает побудить, привлечь к участию в чем-нибудь. В словаре В.И. Даля слово «вовлекать» имеет значения втягивать, втаскивать, вводить силой, принуждать ко входу³.

В Постановлении Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 года №1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» «под склонением, вербовкой или иным вовлечением лица в совершение хотя бы одного из преступлений, перечисленных в части 1 статьи 205.1 УК РФ, следует понимать умышленные действия, направленные на вовлечение лица в совершение одного из преступлений или нескольких указанных преступлений, например путем уговоров, убеждения, просьб, предложений (в том числе совершенных посредством размещения материалов на различных носителях и распространения через информационно-телекоммуникационные сети), применения физического воздействия или посредством поиска лиц и вовлечения их в совершение хотя бы одного из указанных преступлений»⁴.

На наш взгляд вовлечь в террористическую деятельность можно любыми способами, традиционными из которых, наряду с банальными наймом, подкупом и шантажом, являются: призывы к религиозным чувствам, чувству национального единства и ее защиты от мнимых угроз, приобщение к употреблению наркотических средств и психотропных веществ,

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. 1990. С. 921.

² Кузнецов С.А. Современный толковый словарь русского языка. 2008. С. 959.

³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Русский язык, 1978. С. 699.

⁴ Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 года № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности». Электронный ресурс. www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125957 Электронный ресурс. www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110315/

удержание молодых девушек в сексуальном рабстве с последующим психическим насилием и доведением их до самоубийства путем самоподрыва, ненависти к представителям других вероисповеданий и религий, к госслужащим и правоохранительным органам, убеждению в необходимости мести и пр.¹. Во всех перечисленных выше альтернативных действиях прослеживается одна цель – возбуждение желания у другого лица совершить противоправные действия.

Соучастием, в соответствии со статьей 32 УК РФ признается «умышленное совместное участие двух и более лиц в совершении умышленного преступления»². Данный институт охватывает всевозможные способы взаимодействия преступников при совершении ими преступления.

Но есть отдельная норма как вовлечение в террористическую деятельность, предусмотренная статьей 205.1 УК РФ и есть часть 5 статьи 33, предусматривающая ответственность за содействие в совершении конкретного преступления, которое охватывается умыслом пособника. В соответствии с частью 5 статьи 33 УК РФ пособником признается лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий, а также лицо, заранее обещавшее скрыть преступника, средства либо орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно лицо, заранее обещавшее приобрести или сбыть такие предметы. Пособник содействует реализации преступного умысла. И основное отличие этих двух статей заключается в том, что для применения ч. 1 ст. 205.1 УК РФ не нужен конкретизированный умысел, который характерен для пособничества. Также ч. 1 ст. 205.1 УК РФ является превентивной мерой, так как в отличие от пособничества результат вовлечения лица в совершение преступлений в террористической направленности может быть оконченным и неоконченным. Этот отличительный признак ст. 205.1 УК РФ способствует реализации превентивной стратегии уголовно-правового противодействия террористической деятельности.

Выделяя особую специфику террористической деятельности, необходимо рассмотреть случаи, когда пособничество террористической деятельности реализуется посредством вовлечения лица в совершение преступления террористического характера, зачастую не формируя у него умысла на совершение преступления, а используя его для достижения преступного умысла иных лиц. Например: когда лицо, причастное к террористической деятельности, привлек путем обмана, уговоров или подкупа лесника, для проведения членов незаконного вооружения формирования через лесной массив, при выходе из которого они совершили посягатель-

¹ Игнатов А.Н. Страсть как фундаментальная составляющая мотива преступного поведения // Общество и право. 2015. №1 (51). С. 63-68.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996г. № 63-ФЗ. С. 101.

ство на сотрудников правоохранительных органов, несущих службу на прилегающем к лесу блок посту. Тем самым он вовлек в террористическую деятельность лесника, при этом оказывая пособничество в совершении преступления. В научной и юридической литературе террористическая деятельность рассматривается, как самостоятельное преступное явление и способы вовлечения в него не ограничены законодательством. Также как и пособничество в совершении преступлений, пособничество, посредством вовлечения в террористическую деятельность может быть и физической и интеллектуальной. Как он это делает и для чего не суть важно. Здесь основной задачей является дача уголовно-правовой оценки действиям лица, который, не только привлекает к соучастию в преступлении террористического характера другое лицо, но и тем самым оказывает пособничество террористической деятельности. На наш взгляд конечной целью вовлекающего лица является не вовлечение другого лица в преступление, а именно оказание содействия террористической деятельности и пособничество в совершении преступлений террористического характера.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что вовлечение в террористическую деятельность может являться специальным видом пособничества и применение ч. 5 ст. 33 УК РФ тем более не может заменить более широкую в сфере применения норму, предусмотренную ч. 1 ст. 205.1 УК РФ.

Гамаюнова Виолетта Петровна,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России,

Уголовно-правовые средства противодействия незаконной миграции

С принятием Уголовного кодекса Российской Федерации в 1996 г. законодательная регламентация уголовной ответственности за незаконную миграцию получила интенсивное развитие. Так, в УК РФ сохранилась ответственность за «незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации» (ст. 322 УК РФ), предусмотренная ранее в нормах советского уголовного законодательства. При этом деяния, связанные с нарушением режима Государственной границы, Уголовным кодексом Российской Федерации были декриминализированы. Кроме этого, уголовная ответственность по ч. 1 ст. 322 УК РФ устанавливалась только за «пересечение охраняемой Государственной границы Российской Федерации без установленных документов и надлежащего разрешения».

Федеральным законом № 98-ФЗ от 4 июля 2003 г. ст. 322 УК РФ была существенно отредактирована, в результате чего из текста диспозиции приведенной уголовно-правовой нормы был исключен термин «охраняе-

мой Государственной границы», а также уточнено назначение документов. В новой редакции статьи, действующей по настоящее время, уголовная ответственность установлена за «пересечение Государственной границы Российской Федерации без действительных документов на право въезда в Российскую Федерацию или выезда из Российской Федерации либо без надлежащего разрешения, полученного в порядке, установленном законодательством Российской Федерации». Исключение из ст. 322 УК РФ термина «охраняемой Государственной границы» представляется обоснованным, поскольку действующий в прежней редакции уголовно-правовой запрет не обеспечивал в полной мере охрану Государственных границ Российской Федерации, поскольку между Россией и странами содружества независимых государств существуют многокилометровые неохраемые границы.¹

Постепенно в соответствии с развитием международно-правовых отношений уголовно-правовая регламентация ответственности за незаконную миграцию существенно расширяется. Сохранив ответственность за «традиционные» в данной сфере деяния, связанные с незаконным пересечением государственной границы (ст. 322 УК РФ), уголовный закон вводит ответственность за принципиально новые деяния. Так, в связи с нарастанием угрозы международной и региональной организованной преступности и во исполнение соответствующих международных обязательств Российской Федерации в 2004 г. в УК РФ вводится ответственность за организацию незаконной миграции. Федеральным законом РФ № 187-ФЗ², была криминализована организация незаконной миграции: «организация незаконного въезда в РФ иностранных граждан или лиц без гражданства, их незаконного пребывания в РФ или незаконного транзитного проезда через территорию РФ» (ст. 322.1 УК РФ).

Как верно отметил М.Н. Ахмедов, отечественный уголовный закон стал оперировать таким термином, как «незаконная миграция». А внесенные дополнения в УК РФ в том числе мотивированны подписанным Российской Федерацией 6 марта 1998 г. и ратифицированным ею 12 июля 2000 г. Соглашением о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконной миграцией³ и Прото-

¹ Федеральный закон от 04.07.2003 г. № 95-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собр. законодательства РФ. 07.07.2003 г. № 27 (часть II). Ст. 2709.

² Федеральный закон от 28.12.2004 г. № 187-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собр. законодательства РФ. 03.01.2005. № 1 (часть I). Ст. 13.

³ Федеральный закон от 12.07.2000 г. № 97-ФЗ «О ратификации Соглашения о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконной миграцией» // Собр. законодательства РФ. 2000. № 29. Ст. 3006.

колом против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющим Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности¹ от 15 ноября 2000 г., которая вступила в законную силу в Российской Федерации 25 июня 2004 г. В целом страны-участники, принявшие данные нормативные акты, на основании основных принципов национального законодательства обязались признать уголовно наказуемыми вышеуказанные деяния, покушение на их совершение, а также иное любое участие в их совершении в качестве квалифицирующего признака.²

Осознание комплексности проблемы незаконной миграции, охватывающей не только «внешние» ее проявления, связанные с пересечением государственной границы, но и с «внутренними» факторами обеспечения процессов незаконной миграции, приводит к введению в 2013 г. Федеральным законом № 376-ФЗ³ в УК РФ ответственности за фиктивную регистрацию гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации и фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации (ст. 322.2 УК РФ), а также за фиктивную постановку на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в жилом помещении в Российской Федерации (ст. 322.3 УК РФ).

Дополнение УК РФ дополнен ст.ст. 322.2 и 322.3 связано с тем, что ежегодно по стране фиксируются многие тысячи жилых помещений («резиновых домов»), в которых регистрируются сотни тысяч граждан без намерения вселения, при этом их реальное место жительства неизвестно. Реализуя право на выбор места жительства, многие из таких граждан уклоняются от исполнения ими конституционных обязанностей перед другими гражданами, государством и обществом. Такое положение дел стало возможным в связи с массовыми злоупотреблениями собственниками жилья своими правами, зачастую имеющими корыстный характер. По этой причине органы регистрационного учета не имеют возможности направлять достоверные сведения о реальном месте жительства граждан РФ в заинтересованные органы. Органы миграционного учета также не могут предоставлять информацию о местонахождении иностранных граждан и лиц без

¹ Федеральный закон от 24.03.2004 г. № 26-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и дополняющих ее Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху и Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее // Собр. законодательства РФ. 2004. № 40. Ст. 3882.

² Ахмедов М.Н. Противодействие нелегальной миграции: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2015.

³ Федеральный закон от 21.12.2013 № 376-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156010/b004fed0b70d0f223e4a81f8ad6cd92af90a7e3b/

гражданства, зарегистрированных в «резиновых домах», заинтересованным федеральным органам исполнительной власти. Это затрудняет прогнозирование миграционной ситуации и нивелирует саму идею миграционного учета.¹

В качестве специальной нормы, содержащейся сегодня в российском уголовном законодательстве, направленной на противодействие «внутренним» факторами обеспечения процессов незаконной миграции, следует указать на введенную Федеральным законом от 08.04.2008 № 43-ФЗ² ст. 292.1 УК РФ, предусматривающей ответственность за незаконную выдачу паспорта гражданина Российской Федерации, а равно внесение заведомо ложных сведений в документы, повлекшее незаконное приобретение гражданства Российской Федерации. Примечательно то, что ч. 2 данной статьи предусматривает ответственность и за неосторожное совершение преступления, т.е. неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом или государственным служащим своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе, если это повлекло незаконную выдачу паспорта гражданина Российской Федерации иностранному гражданину или лицу без гражданства либо незаконное приобретение гражданства Российской Федерации. Это свидетельствует о надлежащей оценке законодателем степени общественной опасности данного преступления.

Установление отечественным законодателем уголовно-правового запрета на незаконную выдачу паспорта гражданина РФ, а равно внесение заведомо ложных сведений в документы, повлекшее незаконное приобретение гражданства РФ, как указывает С.П. Бондарев, обусловлено, прежде всего, тем, что в современных условиях гражданство РФ приобрело довольно весомый уровень значимости и является востребованным среди многих граждан других государств, в первую очередь сопредельных. Жители ряда стран ближнего зарубежья стремятся на территорию России для осуществления трудовой деятельности и проживания. Однако в итоге РФ столкнулась с проблемой нелегального пребывания на ее территории значительного количества иностранных граждан и лиц без гражданства, которые оказывают серьезную нагрузку на социально-экономическую сферу России. Кроме того, регистрируется существенное количество фактов правонарушающего поведения со стороны иностранных граждан и лиц без гражданства.³

¹ Бондарев С.П. Уголовно-правовая охрана отношений в сфере гражданства Российской Федерации и регистрационного учета по месту жительства и месту пребывания: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Краснодар, 2016.

² Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 08.04.2008 г. № 43-ФЗ // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76055/#dst100014

³ Бондарев С.П. Уголовно-правовая охрана отношений в сфере гражданства Российской Федерации и регистрационного учета по месту жительства и месту пребывания: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Краснодар, 2016.

Таким образом, анализ современного законодательства об уголовной ответственности за незаконную миграцию свидетельствует, что оно предусматривает целостный уголовно-правовой механизм противодействия данному виду преступности. Под последним, как указывает М.А. Магеррамов, следует понимать совокупность норм, регламентированных уголовным законодательством и имеющих непосредственную или опосредованную цель по защите общественных отношений в сфере миграционных процессов (правил въезда и пребывания в стране, легализации и др.).¹

По мнению М.Н. Ахмедова, средства уголовно-правового противодействия нелегальной миграции можно классифицировать в зависимости от направленности их действия следующим образом.

1. Непосредственно направленные на противодействие незаконной миграции, которые составляют две подгруппы: а) деяния, посягающие на общественные отношения, связанные с режимом Государственной границы: ст. 322 УК РФ «Незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации»; ст. 322.1 УК РФ «Организация незаконной миграции»; б) деяния, посягающие на общественные отношения, связанные с правовым режимом пребывания на территории России: ст. 322.1 УК РФ «Организация незаконной миграции» (ст. 322.1. УК РФ в части, касающейся организации незаконного пребывания на территории Российской Федерации); ст. 322.2 УК РФ «Фиктивная регистрация гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации и фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации»; ст. 322.3 УК РФ «Фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в жилом помещении в Российской Федерации».

2. Опосредованно направленные на противодействие незаконной миграции: ст. 292.1 УК РФ «Незаконная выдача паспорта гражданина Российской Федерации, а равно внесение заведомо ложных сведений в документы, повлекшее незаконное приобретение гражданства Российской Федерации»; ст. 324 УК РФ «Приобретение или сбыт официальных документов и государственных наград»; ст. 325 УК РФ «Похищение или повреждение документов, штампов, печатей либо похищение акцизных марок, специальных марок или знаков соответствия»; ст. 327 УК РФ «Подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков».²

¹ Магеррамов М.А. Нелегальная миграция: понятие, общественная опасность, уголовно-правовое и криминологическое противодействие: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2008.

² Ахмедов М.Н. Противодействие нелегальной миграции: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2015.

На наш взгляд, систематизируя совокупность норм, составляющих основу уголовно-правового механизма противодействия незаконной миграции, следует учитывать то, что незаконная миграция, как было установлено нами ранее, как уголовно-правовой феномен, связан со всем обширным спектром проявления незаконного миграционного поведения лиц, перемещающихся по различным территориям (в т. ч. лиц, лиц, хотя и законно попавших на территорию, но незаконно находящихся на ней (переход на нелегальное положение), а также лиц, временно (транзитом) находящихся на территории того или иного государства), как при подготовке и непосредственном перемещении через государственную границу, так и при адаптации на новой территории. При этом следует учитывать, что незаконная миграция включает в себя и деятельность лиц, организующих (в широком смысле слова) миграционное перемещение и обеспечивающих пребывание нелегальных мигрантов в стране-реципиенте (проживание, трудоустройство, получение документов и пр.). Отдельную группу субъектов, задействованных в сфере незаконной миграции, составляют коррумпированные представители органов публичной власти и сотрудники правоохранительных органов.

Исходя из изложенного, средства уголовно-правового противодействия нелегальной миграции составляют следующие группы норм:

1) направленные на противодействие незаконного перемещения лиц через государственную границу:

- ст. 322 УК РФ «Незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации»;

- ст. 322.1 УК РФ «Организация незаконной миграции»;

2) направленные на противодействие легализации пребывания незаконных мигрантов в стране:

- ст. 322.2 УК РФ «Фиктивная регистрация гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации и фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации»;

- ст. 322.3 УК РФ «Фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в жилом помещении в Российской Федерации»;

- ст. 292.1 УК РФ «Незаконная выдача паспорта гражданина Российской Федерации, а равно внесение заведомо ложных сведений в документы, повлекшее незаконное приобретение гражданства Российской Федерации»;

3) направленные на противодействие «адаптационной» преступности мигрантов в стране пребывания (включая коррупционные, имущественные, насильственные и иные преступления).

Таким образом, анализ отечественного уголовного законодательства позволяет сделать вывод об осознании законодателем проблемы незакон-

ной миграции и ее отражение на законодательном уровне не только как непосредственно связанной с миграционным поведением лиц, перемещающихся через государственную границу, но и как противоправного поведения лиц, связанных с миграционными процессами (должностных и иных лиц, уполномоченных на выдачу видов на жительство, осуществляющих миграционный контроль и пр.), т.е. как проблемы, охватывающей не только «внешние» ее проявления, связанные с пересечением государственной границы, но и «внутренние» факторами обеспечения процессов незаконной миграции.

Средства уголовно-правового противодействия нелегальной миграции составляют следующие группы норм: 1) нормы, направленные на противодействие незаконного перемещения лиц через государственную границу (ст.ст. 322, 322.1 УК РФ); 2) нормы, направленные на противодействие легализации пребывания незаконных мигрантов в стране (ст.ст. 322.2, 322.3, 292.1 УК РФ); 3) нормы, направленные на противодействие «адаптационной» преступности мигрантов в стране пребывания.

Гутнов Г.В.,
соискатель

Российского государственного университета правосудия

Право на свободу собраний как объект уголовно-правовой охраны: конституционное содержание и пределы

Уголовное законодательство в любой стране и в любое время выполняет, среди прочего, важную функцию защиты прав и свобод граждан путем ограничения этих же прав и свобод. Такая диалектика имманентна уголовному праву и составляет, пожалуй, главный стержень его внутреннего развития. Именно вокруг прав и свобод человека «вращается» основной блок вопросов, составляющих предметную область уголовного права: какие права достойны того, чтобы быть защищенными средствами уголовного закона, каковы пределы проявления этого права, требующие защиты, за какими пределами уголовное право признает реализацию права злоупотреблением, требующим пресечения, насколько и какие права граждан можно ограничить и т.д. При обсуждении этих проблем уголовное право входит в тесное межотраслевое взаимодействие с предписаниями конституционного и международного права, с положениями отраслевого законодательства, определяющего порядок реализации тех или иных прав граждан, кроме того, учитывает широкий политический, социальный, экономический, культурный контекст, что в итоге, в своей совокупности, обеспечивает принимаемым и реализуемым уголовно-правовым решениями качество конституционной оправданности и социальной обусловленности.

В ряду прав человека, поставленных сегодня под охрану уголовного закона, особое место занимает право на свободу мирных собраний. Его длительное и весьма непростое утверждение в конституционном и гуманитарном пространстве, современная, порой противоречивая и несовпадающая трактовка содержания и пределов в различных политико-правовых режимах, создают потенциальные возможности для самого широкого ряда манипуляций, злоупотреблений, неправомерных ограничений этого права, что обуславливает необходимость разработки эффективного уголовно-правового механизма защиты как самого права на свободу собраний, так и иных социальных ценностей от проявлений злоупотребления правом на свободу собраний.

Разработка такого механизма предполагает, прежде всего, установление «исходной точки» анализа, а именно: определение содержания, объема и пределов права на свободу собраний, выяснение его взаимосвязи с иными правами и свободами человека, конкретизацию оснований и пределов ограничения. В этих целях необходим тщательный анализ предписаний Конституции страны, решений Конституционного Суда РФ, общепризнанных принципов и норм международного права, а также решений международных юрисдикционных органов. При этом важно, с одной стороны, по возможности глубоко проникнуть в суть вопроса, выясняя, среди прочего, степень совпадения российских конституционных и международно-правовых предписаний, но с другой стороны, также важно сосредоточить внимание на тех ее аспектах, которые имеют значения именно для построения и применения уголовно-правовых средств защиты прав граждан.

Начнем с обзора нормативных предписаний. Согласно ст. 31 Конституции России, «граждане Российской Федерации имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование»¹. Всеобщая декларация прав человека в ч. 1 ст. 20 провозглашает: «каждый человек имеет право на свободу мирных собраний и ассоциаций»². В ст. 21 Международного пакта о гражданских и политических правах провозглашено: «Признается право на мирные собрания. Пользование этим правом не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые налагаются в соответствии с законом и которые необходимы в демократическом обществе в интересах государственной или обществен-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.); (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

² Всеобщая Декларация прав человека. Принята и провозглашена резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. // Международные акты о правах человека: сб. док. / сост. и авт. вступит. ст. Карташкин В.А., Лукашева Е.А. – М.: Норма, 2000. – С. 42.

ной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения или защиты прав и свобод других лиц»¹. В ст. 11 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод установлено: «1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов. 2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц. Настоящая статья не препятствует введению законных ограничений на осуществление этих прав лицами, входящими в состав вооруженных сил, полиции или административных органов государства»². Практически дословно воспроизводит эти положения ст. 12 Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека³.

Эти документы составляют (хотя и не исчерпывают) правовую основу понимания, реализации и защиты права человека на мирные собрания. На их основе складывается и законодательство Российской Федерации, определяющее порядок реализации данного права, и соответствующая обширная практика Конституционного Суда РФ, Европейского Суда по правам человека, позволяющие глубже проникнуть в суть свободы собраний, определить возможности и взаимные обязательства человека и государства в этой сфере, дать оценку свободы собраний в контексте содержания иных прав и свобод человека.

Свобода собраний имеет основополагающее значение для развития личности, достоинства и самореализации каждого человека, а также для прогресса и процветания общества. Она обладает важным символическим и практическим статусом, выступает индикатором толерантности в обществе, показателем развитости демократических начал в государстве, отражает способность государства обеспечить плюрализм мнений и свободы самовыражения людей. Своим содержанием свобода собраний дополняет другие права и свободы, такие как свобода мысли, совести и вероисповедания, свобода самовыражения, свобода объединений, право устанавливать и поддерживать контакты на территории государств, право на участие

¹ Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят и открыт для подписания, ратификации и присоединения резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г. // Международные акты о правах человека: сб. док. / сост. и авт. вступит. ст. Карташкин В.А., Лукашева Е.А. – М.: Норма, 2000. – С. 59–60.

² Конвенция Совета Европы о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) // Международные акты о правах человека: сб. док. / сост. и авт. вступит. ст. Карташкин В.А., Лукашева Е.А. – М.: Норма, 2000. – С. 542.

³ Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (Минск, 26 мая 1995 г.) // Международные акты о правах человека: сб. док. / сост. и авт. вступит. ст. Карташкин В.А., Лукашева Е.А. – М.: Норма, 2000. – С. 714.

в управлении государством и др. Эти права и свободы образуют целостный комплекс, в котором реализация одного права, с одной стороны, невозможна без гарантий осуществления другого права (например, право выражения политических взглядов едва ли мыслимо без права на митинги и демонстрации), а с другой стороны, ограничена им (к примеру, право на свободу собраний одной группы лиц закономерно может быть ограничено свободой вероисповедания другой группы лиц). Право на свободу собраний находится в тесной связи с иными свободами и обязанностями человека, а также с обязательствами и дискреционными возможностями государства.

В рамках нашей работы стоит обратить внимание на весьма широкое содержание закрепленных в цитированных нормативных актах свобод – от свободы публичной демонстрации собственных взглядов каждым отдельным человеком до свободы проведения массовых мероприятий и свободы профессиональных союзов. Это обстоятельство требует ограничительного толкования свободы собраний, которая в дальнейшем изложении будет охватывать собой только свободу проведения публичных мероприятий, как они определены в ст. 31 Конституции России – свободу собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование.

Ключевое понятие в характеристике рассматриваемого права – «мирное собрание». Оно получило свою интерпретацию в документах ОБСЕ. В частности, в Руководящих принципах по свободе мирных собраний отмечается: «Термин «собрание» означает намеренное и временное присутствие в общественном месте, которое не является зданием или сооружением, группы лиц с целью выражения общих интересов. Данное определение не следует толковать таким образом, который бы препятствовал распространению принципа защиты на другие виды мирных собраний, такие как собрания, проходящие на территории государственных или частных объектов или сооружений. По определению, собрание требует присутствия, по меньшей мере, двух человек. Тем не менее, лицу, выступающему с протестом и пользующемуся своим правом на свободу выражения мнения в индивидуальном порядке, когда физическое присутствие такого лица является неотъемлемой частью такого выражения, следует обеспечить такую же защиту, как и тем, кто собирается вместе для проведения собрания». «Собрание следует определять как мирное, если его организаторы имеют мирные намерения. Термин «мирное» следует интерпретировать как включающий в себя поведение, которое может раздражать или обижать лиц, не согласных с поддерживаемыми данным собранием идеями или заявлениями, а также как включающий даже такое поведение, которое направлено на намеренное воспрепятствование или создание помех действиям третьих лиц»¹.

Раскрываются основные понятия и в российском законодательстве. В частности, ст. 2 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстра-

¹ Руководящие принципы по свободе мирных собраний. Подготовлены Советом экспертов БДИПЧ ОБСЕ по вопросам свободы собраний. – Варшава, 2007. – С. 13.

циях, шествиях и пикетированиях»¹ сформулировано в качестве обобщенного (родового) понятие публичного мероприятия, которым охватывается открытая, мирная, доступная каждому, акция, осуществляемая по инициативе граждан Российской Федерации, политических партий, других общественных объединений и религиозных объединений, в том числе с использованием транспортных средств, целью которой является свободное выражение и формирование мнений, выдвижение требований по различным вопросам политической, экономической, социальной и культурной жизни страны и вопросам внешней политики или информирование избирателей о своей деятельности при встрече депутата с избирателями. Закон установил также формы проведения публичных мероприятий, признавая таковыми:

а) собрание – совместное присутствие граждан в специально отведенном или приспособленном для этого месте для коллективного обсуждения каких-либо общественно значимых вопросов;

б) митинг – массовое присутствие граждан в определенном месте для публичного выражения общественного мнения по поводу актуальных проблем преимущественно общественно-политического характера;

в) демонстрацию – организованное публичное выражение общественных настроений группой граждан с использованием во время передвижения, в том числе на транспортных средствах, плакатов, транспарантов и иных средств наглядной агитации;

г) шествие – массовое прохождение граждан по заранее определенному маршруту в целях привлечения внимания к каким-либо проблемам;

д) пикетирование – форма публичного выражения мнений, осуществляемого без передвижения и использования звукоусиливающих технических средств путем размещения у пикетируемого объекта одного или более граждан, использующих плакаты, транспаранты и иные средства наглядной агитации, а также быстровозводимые сборно-разборные конструкции.

Установив основные формы публичного выражения гражданами и их объединениями своей позиции по тем или иным вопросам общественной жизни, Закон установил и исходные принципы нормативного регулирования процесса реализации права на свободу мирных собраний, указывая в качестве таковых (ст. 3) законность и добровольность. Отметим, что принцип законности заслуживает здесь особой, в некоторой степени расширительной трактовки. Закон предписывает, необходимость соблюдения положений Конституции Российской Федерации, собственно самого Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» и иных законодательных актов Российской Федерации. Вместе с тем, надо понимать, что сфера реализации права на свободу со-

¹ Федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ (ред. от 7 июня 2017 г.) «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 25. – Ст. 2485.

браний регулируется также международными правовыми актами и нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации. В связи с чем их соблюдение также является обязательным, что было прямо подтверждено некоторыми решениями Конституционного Суда РФ, который в своей практике не раз обращался к вопросу о содержании и особенностях реализации права на свободу собраний.

Внимательный анализ нормативных источников, составляющих базу исследуемого права, позволяет установить, что свобода собраний не является собственно свободой в ее абсолютном понимании, когда граждане имеют неограниченную возможность публичного самовыражения, а на государство возложена обязанность не препятствовать в ее реализации. Свобода собраний относится (в рамках отечественной классификации прав и свобод) к группе политических прав, для которых характерно наличие корреспондирующих обязательств. В частности, свобода собраний возлагает на государство не только обязательства по непротивлению гражданам в публичном самовыражении, но и ряд позитивных обязательств, связанных с созданием условий для проведения публичных мероприятий и обеспечением их безопасности. Равным образом, граждане ограничены в своих проявлениях свободы теми требованиями, которые предъявляет к ним государство.

Весь этот комплекс взаимных прав и обязанностей многократно уточнялся и конкретизировался в решениях Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека, в деятельности иных международных органов и организаций. При этом основная задача такой конкретизации, как можно судить, всегда состоит в поиске баланса индивидуальных и коллективных интересов, соображений свободы и безопасности.

Так, ОБСЕ на основе обобщения передовых практик нормативного регулирования права на мирные собрания было сформулировано шесть руководящих принципов, призванных гармонизировать интересы государства и личности в рассматриваемой сфере:

Принцип 1. Презумпция в пользу проведения собраний, в соответствии с которой реализацию права на свободу собраний следует по мере возможности обеспечивать без регулирования; все, что закон непосредственно не запрещает, следует считать разрешенным, и от желающих принять участие в собрании не следует требовать получения разрешения на его проведение.

Принцип 2. Обязанность государства защищать мирное собрание. В обязанности государства входит создание достаточных механизмов и процедур, позволяющих обеспечить практическую реализацию свободы собраний без чрезмерного бюрократического регулирования.

Принцип 3. Законность, которая предполагает, что любые налагаемые ограничения должны быть основаны на положениях закона, а сам закон должен соответствовать международному законодательству в сфере

прав человека, быть достаточно четко сформулирован, чтобы позволить каждому определить, вступает ли его поведение в противоречие с нормами закона, и какими могут быть наиболее вероятные последствия таких нарушений.

Принцип 4. Соразмерность, требующая того, чтобы любые ограничения в отношении свободы собраний были соразмерными, чтобы в процессе достижения властями законных целей предпочтение отдавалось мерам, предусматривающим наименьший уровень вмешательства.

Принцип 5. Надлежащая практика административного регулирования. Согласно этому требованию, общественности следует знать, какой государственный орган несет ответственность за принятие решений в отношении регулирования свободы собраний, а органу регулирования следует обеспечить доступность и прозрачность своих процедур, обеспечить широкой общественности достаточный доступ к достоверной информации.

Принцип 6. Недискриминационность, требующая, чтобы все люди (в том числе дети, полицейские, военнослужащие) в равной степени имели право на реализацию свободы мирных собраний¹.

Обращаясь к вопросу о конституционном содержании исследуемого права, Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях (постановления от 18 мая 2012 года № 12-П, от 14 февраля 2013 года № 4-П, от 13 мая 2014 года № 14-П и др.) сформулировал следующие правовые позиции, учитывающие мнение Европейского Суда по правам человека:

- в демократическом обществе свобода собраний является фундаментальным правом и наряду со свободой мысли, совести и религии составляет основу такого общества (постановления ЕСПЧ от 25 мая 1993 года по делу «Коккинакис (Kokkinakis) против Греции», от 20 февраля 2003 года по делу «Джавит Ан (Djavit An) против Турции», от 23 октября 2008 года по делу «Сергей Кузнецов против России» и др.); оно касается как закрытых, так и публичных собраний, а равно собраний в определенном месте и публичных шествий и может осуществляться отдельными их участниками и организаторами (постановление ЕСПЧ от 31 марта 2005 года по делу «Адали (Adaly) против Турции»);

- реальное уважение свободы собраний не может быть сведено к обязанности невмешательства со стороны государства в ее осуществление, — оно должно быть дополнено позитивным обязательством обеспечивать эффективную реализацию этого права, с тем чтобы гарантировать нормальное проведение любого публичного мероприятия политического, культурного или иного характера, которое приобретает особое значение для лиц, придерживающихся непопулярных взглядов или принадлежащих к меньшинствам (постановления ЕСПЧ от 2 июля 2002 года по делу «Уил-

¹Руководящие принципы по свободе мирных собраний. Подготовлены Советом экспертов БДИПЧ ОБСЕ по вопросам свободы собраний. — Варшава, 2007. — С. 14 – 15.

сон и Национальный союз журналистов (Wilson and the National Union of Journalists) и другие против Соединенного Королевства», от 20 октября 2005 года по делу «Политическая партия «Уранио Токсо» (Ouranio Toxo) и другие против Греции», от 21 октября 2010 года по делу «Алексеев против России» и др.);

- реагирование публичной власти на подготовку и проведение собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирования должно быть нейтральным и во всяком случае – вне зависимости от политических взглядов их инициаторов и участников – нацеленным на обеспечение условий для правомерного осуществления гражданами и их объединениями права на свободу мирных собраний, в том числе путем выработки четких правил их организации и проведения, не выходящих за рамки допустимых ограничений прав и свобод граждан в демократическом правовом государстве;

- исходя из провозглашенной в преамбуле Конституции Российской Федерации цели утверждения гражданского мира и согласия и незыблемости демократической основы суверенной государственности России, а также учитывая, что в силу своей природы публичные мероприятия могут затрагивать права и законные интересы широкого круга лиц – как участников публичных мероприятий, так и лиц, в них непосредственно не участвующих, – государственная защита гарантируется только праву на проведение мирных публичных мероприятий, которое тем не менее может быть ограничено федеральным законом в соответствии с критериями, определяемыми требованиями Конституции Российской Федерации, на основе принципа юридического равенства и вытекающего из него принципа соразмерности, т.е. в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства;

- государство должно воздерживаться от применения произвольных мер, могущих нарушить право на мирные публичные акции, и не обладает полной свободой действий даже в случае нарушения их участниками установленных правил проведения собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирования (постановления ЕСПЧ от 26 июля 2007 года по делу «Баранкевич против России», от 12 июня 2014 года по делу «Примов и другие против России» и др.); правила, регулирующие порядок публичных собраний, включая требование предварительного уведомления, имеют существенное значение для спокойного проведения публичных мероприятий, позволяя властям минимизировать помехи уличному движению и принять иные меры безопасности, но их исполнение не может быть самоцелью и не должно создавать скрытые препятствия для реализации свободы мирных собраний (постановление ЕСПЧ от 17 ноября 2009 года по делу «Раи и Эванс (Rai and Evans) против Соединенного Королевства», от 3 октября 2013 года по делу «Каспаров и другие против России» и др.); публичные

власти должны проявлять определенную толерантность по отношению к мирным собраниям даже тогда, когда они могут вызвать некоторое нарушение обыденной жизни, включая помехи уличному движению, поскольку иначе свобода собраний лишилась бы своего существа (постановления ЕСПЧ от 17 мая 2011 года по делу «Акгел и Гел (Akgol and Gol) против Турции», от 10 июля 2012 года по делу «Берладир и другие против России» и др.); любые меры, препятствующие свободе собраний и свободе выражения мнений, кроме случаев подстрекательства к насилию или нарушения демократических принципов, оказывают демократии плохую услугу и даже угрожают ей (постановления ЕСПЧ от 24 июля 2012 года по делу «Фабер (Faber) против Венгрии», от 15 мая 2014 года по делу «Тараненко против России» и др.)

- вмешательство публичных властей в свободу мирных собраний, если оно не предусмотрено законом, не преследует одну или несколько законных целей, перечисленных в статье 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, и не является необходимым в демократическом обществе для достижения одной из этих целей, расценивается Европейским Судом по правам человека как нарушение данной статьи (постановления ЕСПЧ от 14 февраля 2006 года по делу «Христианско-демократическая народная партия (Christian Democratic People's Party) против Молдовы», от 27 января 2009 года по делу «Самют Карабулут (Samut Karabulut) против Турции» и др.);

- для ограничения политических выступлений или выступлений по иным важным вопросам общественной жизни необходимы веские причины, при отсутствии которых такие ограничения могут негативно сказаться на общем уважении свободы самовыражения (постановления от 12 июля 2001 года по делу «Фельдек (Feldek) против Словакии», от 14 декабря 2006 года по делу «Карман против России» и др.).

- предпринимаемые органами власти в целях надлежащего обеспечения свободы мирных собраний законодательные, административные, организационные и иные усилия не должны приводить к установлению чрезмерного контроля за деятельностью организаторов и участников публичных мероприятий. Вместе с тем в случаях, когда организаторы или участники публичного мероприятия ведут себя деструктивно, в частности явно намереваются совершить или, более того, совершают какие-либо действия, угрожающие общественному порядку или общественной безопасности, государство – во исполнение своей конституционной обязанности по защите прав и свобод человека и гражданина должно использовать для недопущения и пресечения проявлений, не отвечающих существу права на мирные собрания, все законные средства.

Таким образом, право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирования, гарантированное Конституцией Российской Федерации, не является абсолютным и

может быть ограничено федеральным законом в конституционно значимых целях. Соответственно, такой федеральный закон должен обеспечивать возможность реализации данного права и одновременно – соблюдение надлежащего общественного порядка и безопасности без ущерба для здоровья и нравственности граждан на основе баланса интересов организаторов и участников публичных мероприятий, с одной стороны, и третьих лиц – с другой, исходя из необходимости гарантировать государственную защиту прав и свобод всем гражданам (как участвующим, так и не участвующим в публичном мероприятии), в том числе путем введения адекватных мер предупреждения и предотвращения нарушений общественного порядка и безопасности, прав и свобод граждан, а также установления публично-правовой ответственности за действия, их нарушающие или создающие угрозу их нарушения¹.

Иванов Алексей Юрьевич,
аспирант кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета

Объект реабилитации нацизма

Общепризнанно, что объект преступления является не просто обязательным, но и ключевым элементом любого состава преступления – поэтому, следуя традиции, необходимо определиться с его пониманием применительно к основному составу реабилитации нацизма. Расположение статьи о реабилитации нацизма (ст. 3541 УК РФ) в главе и разделе о преступлениях против мира и безопасности человечества позволяет однозначно утверждать, что родовым и видовым объектом этого преступления являются интересы обеспечения международного мира и безопасности всего человечества как таковые. Сложнее обстоит дело с определением непосредственного объекта рассматриваемого преступления.

После введения в УК РФ ст. 3541, в специальной литературе были высказаны различные позиции относительно места данного деяния в системе преступлений против мира и безопасности человечества, а также относительно его непосредственного объекта.

Немалое количество авторов (не сомневающихся в правильности признания реабилитации нацизма преступлением против мира и безопас-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ № 12-П от 18.05.2012 «По делу о проверке конституционности положений части 2 статьи 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 3 части 4 статьи 5 и пункта 5 части 3 статьи 7 Федерального закона "О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях" в связи с жалобой гражданина С.А. Каткова» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2012. – № 4.

ности человечества) в качестве основного непосредственного объекта реабилитации нацизма называют мир (международный мир)¹. При этом общественная опасность реабилитации нацизма связывается ими с тем, что действия, перечисленные в ч. 1 ст. 3541 УК РФ, «формируют в обществе и соответствующих структурах государственной власти социально-психологическую атмосферу морального оправдания и готовности реабилитировать нацизм, военных преступников, пересмотреть оценку их преступлений» (т.е. оценку, данную главным нацистским преступникам и совершенным им деяниям в Приговоре Нюрнбергского трибунала)².

В российской доктрине разработано приблизительно одинаковое по смыслу понимание международного мира как объекта уголовно-правовой охраны. Например, по мнению Л.В. Иногамовой-Хегай, «понятие мира рассматривается как отсутствие войны», а мирное сосуществование и добрососедство – это «сотрудничество между государствами в различных сферах: культурной, научной, экономической, спортивной, в области борьбы с преступностью и т.д., урегулирование спорных вопросов мирными средствами путем переговоров, консультаций и т.п.»³. А.Г. Кибальник и И.Г. Соломоненко под интересами международного мира определяют «интересы обеспечения мирного существования государств и мирного разрешения межгосударственных споров». При этом неважно, объявлены ли военные действия де-юре или проводятся де-факто (т.е. без официального объявления таковых)⁴.

Таким образом, суть позиции сторонников признания международного мира в качестве основного непосредственного объекта реабилитации нацизма сводится к тому, что это преступление изначально посягает на интересы мирного сосуществования государств и их сотрудничества, а также на интересы мирного (невоенного) разрешения международных споров.

С другой стороны, в литературе непосредственным объектом реабилитации нацизма названы интересы обеспечения безопасности человечества. Что касается доктринального понимания интересов безопасности человечества как объекта уголовно-правовой охраны, то и в этом вопросе можно говорить о более-менее единодушном походе авторов. В современ-

¹ Бадалянц Э.Ю. Реабилитация нацизма: уголовно-правовая характеристика // Вестник Рязанского филиала Московского университета МВД России. 2014. Вып. 8. С. 174; Уголовное право. В 2 т. Т. 2. Особенная часть. 5-е изд. / отв. ред. А.В. Наумов, А.Г. Кибальник. М., 2017. С. 483-484.

² Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. М., 2015. С. 837-838.

³ Полный курс уголовного права. Т. V. Преступления против государственной власти. Преступления против военной службы. Преступления против мира и безопасности человечества. Международное уголовное право / под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2008. С. 628.

⁴ Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Преступления против мира и безопасности человечества. СПб., 2004. С. 19-20, 24-25.

ной доктрине преобладает позиция, что интересы безопасности человечества (в западной терминологии – человечности) вовсе не обязательно связаны с фактом наличия состояния войны или вооруженного конфликта. Соответственно, преступления против безопасности человечества (человечности) могут совершаться как в военное, так и в мирное время¹.

Образно выражаясь, безопасность человечества представляет собой гарантированность его существования в целом и существования отдельных демографических групп (расовых, национальных, этнических и религиозных), так как преступления против безопасности человечества посягают на «существование и прогрессивное развитие человеческого рода»² как такового.

Исходя из вышесказанного, возникает ключевой вопрос: деяния, образующие объективную сторону основного состава реабилитации нацизма, изначально посягают на интересы международного мира или безопасности человечества?

Несмотря на все разночтения, практически все авторы единодушны в том, что посягательства на общественные отношения и интересы по обеспечению (поддержанию) международного мира ставят своей целью развязывание войны (вооруженного конфликта) между государствами, группами государств как субъектами международного права.

Могут ли деяния, образующие объективную сторону реабилитации нацизма, причинить вред интересам международного мира? В конечном итоге – да, безусловно, но развязывание международного вооруженного конфликта является, в этом случае, лишь возможным, даже гипотетическим результатом.

Представляется, что изначально реабилитация нацизма ставит под угрозу общественные отношения и интересы обеспечения безопасности всего человечества. Смысл этого преступления состоит в провоцировании напряженности между представителями различных демографических групп – рас, национальностей, этносов, конфессий. Противопоставление между этими группами при любом проявлении нацистской активности достигает либо может достигнуть такой «точки кипения», что ставится вопрос о физическом существовании «оппозиционной» группы. Именно на это обстоятельство, на этот результат рассчитывали и рассчитывают адепты нацизма и неонацизма.

¹ Иногамова-Хегай Л.В. Международное уголовное право. М., 2014. С. 56-57; Кибальник А.Г. Современное международное уголовное право. 2-е изд. М., 2010. С. 229; Русанов Г.А. Международная уголовная ответственность и международное преступление. М., 2015. С. 43; Трикоз Е.Н. Преступления против мира и безопасности человечества: сравнительный и международно-правовой аспекты. М., 2007. С. 284.

² Благов Е.В. Преступления против государственной власти, военной службы, мира и безопасности человечества. М., 2011. С. 114.

Акты реабилитации нацизма зачастую совершаются для «внутреннего потребления» – притеснения, ущемления и, в итоге, уничтожения представителей той или иной демографической группы внутри какого-нибудь государства, без выхода на международную арену. И примеров тому в новейшей истории тоже немало – взять хотя бы неонацистское стремление некоторых кругов прибалтийских стран к вытеснению русского населения (нередко скрыто поддерживаемое и правящими кругами этих государств).

Реабилитация нацизма изначально ставит под угрозу безопасность человечества как уголовно защищаемый интерес в плане защищенности демографических групп населения (расовых, национальных, этнических и религиозных) от любых угроз, внутренних и внешних. Происходит это в мирное время или нет, появляется ли угроза развязывания международного конфликта в результате совершения реабилитации нацизма – данное обстоятельство само по себе самостоятельной юридической роли не играет.

Именно по вышеприведенным соображениям интересы безопасности человечества необходимо признавать основным непосредственным объектом реабилитации нацизма.

Кашкарова Наталья Алексеевна,

адъюнкт

кафедры уголовного прав и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Анализ дорожно-транспортной аварийности и травматизма как основа планирования профилактических мероприятий

Любая осознанная деятельность является мотивированной и преследует определенную цель (группу целей). Цели деятельности могут быть различными, как социально негативным, так и социально полезными (социально значимыми, социально позитивными). Деятельность по достижению сформулированной цели основываться на четко выработанной концепции (стратегии) либо программе, которая обеспечивает последовательное достижение цели (целей). Деятельность подразделений органов внутренних дел (далее – ОВД) направлена на недопущение развития социально негативных процессов, феноменов и явлений, таких как преступность и прочие фоновые и сопутствующие социально негативные факторы. Анализ, отмечал Г.А. Аванесов, дает возможность стоять предположения и прогнозы, а прогнозирование углубляет анализ, «выводя» его из прошлого и настоящего в будущее. О будущем можно судить, не впадая в утопию, только при условии полного объяснения прошлого и настоящего, именно отсюда вытекает значение информации и анализ для прогнозирования.¹

¹ Аванесов Г.А. Криминология. Прогностика. Управление. Учебное пособие. Горьковская высшая школа МВД СССР. 1975. с. 424, с. 177, 190

Для того чтобы повысить эффективность реализуемых программ, особенно в социально значимых сферах жизнедеятельности, а также оптимизировать, а в некоторых случаях и минимизировать затраты на реализацию программы (концепции, дорожной карты) необходим мощный подготовительный этап, одним из элементов подготовительного этапа – является анализ причин и условий, влияющих на развитие социального явления, анализ и соотношение сил и средств с реализуемой программой. Также следует отметить, что анализ как методологическая основа деятельности необходим на всех этапах реализации программы, так как именно анализ позволяет определить правильность реализуемого вектора и скорректировать цели и направления реализации программы, сделать промежуточные выводы, и что самое главное дать оценку реализуемой программе и получаемым результатам, их эффективности и экономической обоснованности.

С целью проведения анализа причин и условий дорожно-транспортной аварийности и травматизма используют математико-статистические методы, которые позволяют определить тенденции и направления профилактической работы. С развитием информационно-вычислительных технологий в сфере анализа дорожно-транспортной аварийности для анализа все больше используются возможности различных компьютерных программ, которые могут выстроить корреляционные связи между различными факторами дорожно-транспортной аварийности, обосновать их, а также предложить возможные алгоритмы профилактических мероприятий, в качестве примера можно привести информационно-аналитические системы, обеспечивающие работу дорожно-транспортной инфраструктуры крупных городов России.

Общеизвестным является факт того, что дорожно-транспортная аварийность приобрела масштабы, угрожающие национальной безопасности нашего государства, так согласно официальной статистики в 2016 году в России совершено 173 694 дорожно-транспортных происшествия (далее – ДТП), в результате которых, травмировано 221 140 человек и 20 308 человек погибло¹, о необходимости активизации профилактической работы в сфере минимизации дорожно-транспортного травматизма неоднократно в своих выступлениях указывает Президент Российской Федерации В.В. Путин, так на расширенной коллегии МВД России Президент отметил, что важно добиваться последовательного сокращения количества ДТП и смертности на дорогах, а для этого внедрять новые технологии безопасности, применять современные средства фиксации нарушений и, конечно, отлаживать механизмы взаимодействия с МЧС, Минздравом, другими ведомствами².

Деятельность органов публичной власти, в том числе и подразделений ГИБДД МВД России в сфере минимизации рисков дорожно-

¹ Информационно-справочные материалы о состоянии аварийности в Российской Федерации в 2016 году // https://нцбдд.мвд.рф/resources/analytical_reviews

² Владимир Путин принял участие в расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации. // <http://kremlin.ru/events/president/news/54014>

транспортной аварийности является планомерной и последовательной работой по этой причине системный анализ дорожно-транспортной аварийности является основой планирования профилактических мероприятий, проводимых ОВД и направленных на пропаганду безопасности дорожно-транспортного движения. Указанный тезис закрепляется в ведомственном приказе МВД России. Так в соответствии с п. 11.1 Приказа МВД России № 19 от 17.01.2006 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений»¹ установление причин и условий, способствующих совершению дорожно-транспортных происшествий, выработка и направление предложений по их устранению в соответствующие инстанции и осуществление контроля по выполнению мероприятий по их устранению является одной из первостепенных задач подразделений ГИБДД МВД России.

Указанное выше свидетельствует о практической значимости и теоретической актуальности вопросов анализа дорожно-транспортной аварийности как основы планирования профилактических мероприятий.

Системная и последовательная деятельность по пропаганде безопасности дорожного движения должна основываться на планомерной работе, обеспечение которой достигается различными средствами, одним из них является анализ дорожно-транспортной аварийности. Любые явления и процессы могут быть выявлены и объяснены только с помощью анализа, основанного на «информационной базе». Следовательно, анализ и информация лежат в основе научного прогнозирования².

Следует отметить, что планирование профилактических мероприятий в сфере предупреждения дорожно-транспортной аварийности и повышения безопасности дорожного движения осуществляются с целью минимизации демографических и социально-экономических потерь, повышения уровня дорожно-транспортной дисциплины и культуры участников дорожного движения. Такого рода мероприятия проводятся на разных уровнях и по различным направлениям.

Классификацию планирования профилактических мероприятий в сфере предупреждения дорожно-транспортной аварийности и соответственно анализ ее показателей условно можно разделить на мероприятия по планированию профилактики и предупреждения дорожно-транспортной аварийности «по вертикали» и «по горизонтали».

Планирование профилактических мероприятий «по вертикали» осуществляется на трех уровнях: общегосударственном (федеральный уровень); региональном (уровень субъекта федерации либо федерального округа); местном (уровень муниципального образования).

¹ О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений. Приказа МВД России № 19 от 17.01.2006. www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58965/

² Аванесов Г.А. Криминология. Прогностика. Управление. Учебное пособие. Горьковская высшая школа МВД СССР. 1975. с. 424, с. 178

Приведенная классификация, по мнению Э.В. Дингес объясняется тем, что «тождественность конечных целей разработки федеральных и региональных программ не может служить основанием для использования одних и тех же методов и порядка их разработки, что объясняется целым рядом объективных и субъективных причин, различные масштабы планирования и соответственно разную степень детализации планируемых показателей, разные возможности и методы проведения многовариантных расчетов по оценке эффективности разрабатываемых федеральных и региональных программ по повышению БДД, разные возможности и источники финансирования выполнения этих программ и, наконец, существенные различия в динамике и причинах аварийности в отдельных регионах страны»¹.

Описывая классификацию мероприятий по профилактике дорожно-транспортной аварийности «по вертикали» следует отметить, что каждому из уровней присущ свой временной диапазон, так мероприятия общегосударственного (федерального) уровня носят долгосрочный характер, срок такого рода мероприятий превышает 5 лет, примером является федеральная целевая программа «Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 годах»². Региональные профилактические мероприятия разрабатываются и принимаются сроком до 5 лет, так в качестве примера можно привести подпрограмму государственной программы Иркутской области «Повышение безопасности дорожного движения в Иркутской области» на 2014–2018 годы», которая имеет название «Повышение безопасности дорожного движения в Иркутской области» на 2014–2018 годы³. Местные программы предупреждения дорожно-транспортного травматизма принимаются сроком до одного года, кроме этого следует указать, что местные программы наиболее оперативно реагируют на возникающие происшествия.

Исходя из сказанного можно отметить, что по срокам реализации программы по профилактике дорожно-транспортного травматизма можно классифицировать на долгосрочные, среднесрочные и краткосрочные, таким же образом следует подходить и к анализу как дорожно-транспортного травматизма, так и результатов реализации программ по предупреждению и профилактике дорожно-транспортного травматизма и повышения безопасности дорожного движения.

¹ Дингес Э.В. Методы планирования и оценки эффективности мероприятий по повышению безопасности дорожного движения: монография / Э.В. Дингес. – М.: МАДИ, 2016. – 140 с., с. 36

² О федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2013 – 2020 годах». Постановление Правительства Российской Федерации от 3 октября 2013 года № 864 // http://www.fcp-pbdd.ru/zakonodatelstvo/postanovleniya/PP_N864_03_10_2013.pdf

³ Государственная программа Иркутской области «Развитие транспортного комплекса иркутской области» на 2014 - 2018 годы. Постановление Правительства Иркутской области от 24 октября 2013 года № 436-пп http://irkobl.ru/sites/gkh/transport/BDD/region_programm/

Следует отметить, что планирование профилактических мероприятий «по горизонтали» включает в себя различные направления профилактической работы и имеет ярко выраженный секторальный характер. Так нам представляется, что пропаганда безопасности дорожного движения и соответственно планирование профилактических мероприятий по минимизации дорожно-транспортного травматизма и аварийности осуществляется по следующим направлениям:

- взаимодействие со средствами массовой информации;
- проведение занятий с различными категориями участников дорожного движения;

- анализ причин и условий, времени и места совершения дорожно-транспортных происшествий (правонарушений, преступлений и казусов);
- виктимологический анализ жертв (потерпевших) от ДТП;
- криминологический анализ личности виновника ДТП.

Планирование профилактических мероприятий по минимизации дорожно-транспортной аварийности «по горизонтали» наполняет содержанием все уровни профилактики дорожно-транспортной аварийности «по вертикали».

Следует также отметить, что анализ дорожно-транспортной аварийности можно проводить на макро и микроуровнях. Анализ дорожно-транспортной аварийности на макроуровне осуществляется посредством анализа больших чисел, которые, в последствии, являются основой разработки программ по минимизации дорожно-транспортной аварийности на федеральном, субъектовом и местном уровне.

Под анализом причин и условий дорожно-транспортной аварийности на микроуровне следует понимать рассмотрение конкретного дорожно-транспортного происшествия. В таком анализе отражается множество факторов: место дорожно-транспортного происшествия, состояние дорожного покрытия, время суток, характеристика участников дорожно-транспортного происшествия, характеристика транспортных средств. Анализ причин и условий на микроуровне является первичным, и во многом полный, объективный и всесторонний анализ причин и условий дорожно-транспортной аварийности на микроуровне способствует формированию суммарных массивов данных, которые необходимы для проведения анализа дорожно-транспортной аварийности на макроуровне. Так как суммарные показатели анализа микроуровня дорожно-транспортного происшествия ложатся в основу анализа на макроуровне, что свидетельствует о важности качественного первичного анализа причин и условий дорожно-транспортной аварийности.

Кештова Женья Арзумановна,
соискатель кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Проблемы квалификации признаков субъективной стороны угона

Наличие и отсутствие корыстной цели, соответственно, в хищениях и угоне, как преступлениях против собственности, определяет актуальность анализа действительного содержания данной цели и степени отражения характеризующих ее признаков в содержании соответствующих уголовно-правовых норм, а также в соответствующих разъяснениях Верховного Суда РФ положений судебной практики по делам об угонах транспортных средств.

Общей нормой, определяющей признаки хищения в уголовном законодательстве России, является примечание 1 к ст. 158 УК РФ, в соответствии с которым «Под хищением в статьях настоящего Кодекса понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества».

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 (в ред. Постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2010 № 31, от 24.05.2016 № 22) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» в п.20, определяя признаки угона, отмечает, что «Решая вопрос о виновности лица в совершении преступления, предусмотренного статьей 166 УК РФ, судам следует иметь в виду, что под неправомерным завладением транспортным средством без цели хищения (статья 166 УК РФ) понимается завладение чужим автомобилем или другим транспортным средством (угона) и поездку на нем без намерения присвоить его целиком или по частям».

Представляется, что приведенное определение угона, содержащее уточнение субъективной стороны преступления - цели совершения угона, хотя и призвано отграничить неправомерное завладение транспортным средством от его хищения, но, тем не менее, в полном объеме данной функции выполнить не в состоянии, ни с точки зрения действующего законодательства, ни с точки зрения практики его применения.

Так, в анализируемом определении указывается: «без намерения присвоить его целиком или по частям». Полагаем, что необоснованная ограниченность данного определения, в части субъекта незаконного обогащения, не дает возможности судить об алгоритме квалификации действий лица, преследующего цель не присвоения целиком или части предмета угона, а его обращения целиком или по частям в пользу других лиц.

Общеизвестно, что обязательно-альтернативными признаками хищения, в соответствии с положениями примечания 1 к ст. 158 УК РФ, является обращение предмета хищения не только «в пользу виновного», но и «других лиц». В связи с этим, с нашей точки зрения, цель обращения «угнанного» автомобиля или иного транспортного средства целиком или по частям в пользу других лиц должна квалифицироваться в качестве корыстной цели, характеризующей хищение транспортного средства, а не его угон, что требует соответствующего описания в разъяснениях верховного правоприменителя по рассматриваемой категории преступлений.

Необходимо также отметить, что во втором абзаце п. 22 ППВС РФ от 09.12.2008 № 25 (в ред. от 23.12.2010 № 31, от 24.05.2016 № 22) указывается, что «Завладение транспортным средством в целях последующего разукрупнения и присвоения его частей либо обращения транспортного средства в свою пользу или в пользу других лиц подлежит квалификации как хищение». Безусловно, данное уточнение позволяет судить о признаках угона, отличающего его от хищения автомобиля в целях обращения его полностью или по частям в пользу других лиц. Вместе с тем, с нашей точки зрения, данное уточнение следует объединить с определением незаконного завладения транспортным средством без цели хищения, изложенным в п. 20 указанного ППВС РФ, что позволило бы обеспечить полноту и системность разъяснений верховного правоприменителя относительно содержания угона, как преступления, не связанного с хищением транспортного средства и его обращением как в пользу виновного, так и в пользу других лиц. Кроме того, в целях реализации принципа законности, предлагаем дополнить ст. 166 УК России примечанием определительного характера, следующего содержания:

«Примечание 1. Под угоном в настоящей статье понимается неправомерное завладение автомобилем или иным механическим транспортным средством и поездка на нем, совершенные без намерения его присвоить или обратить в пользу других лиц целиком или по частям».

Кроме того, предлагаем также, исключить второй абзац п. 22 из содержания ППВС РФ от 09.12.2008 № 25 (в ред. от 23.12.2010 № 31, от 24.05.2016 № 22) и изложить содержание первого абзаца п. 20 в следующей редакции «Судам следует иметь в виду, что под неправомерным завладением транспортным средством без цели хищения (угоном) (статья 166 УК РФ) понимается, т.е. неправомерное завладение чужим автомобилем или другим механическим транспортным средством и поездка на нем без намерения присвоить его или обратить в пользу других лиц целиком или по частям».

Одной из проблем уголовно-правового регулирования и систематизации признаков субъективной стороны угона, повлекшего причинение особо крупного ущерба (ч.3. ст. 166 УК РФ), с нашей точки зрения, выступает отсутствие буквальной законодательной регламентации формы вины при совершении данного преступления.

Исходя из положений ч. 2 ст. 24 УК РФ, «Деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это

специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса». Следовательно, можно сделать вывод о том, что неосторожное поведение может быть признано преступным (т.е. подлежать квалификации в качестве преступления) лишь в случае, когда это (т.е. неосторожная форма вины) специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса.

В связи с этим, представляется, что с точки зрения буквального толкования положений ч.3 ст. 166 и ч.2 ст. 24 УК РФ, неосторожное уничтожение или повреждение автомобиля или иного транспортного средства в процессе угона, причинившее особо крупный ущерб, не может быть квалифицировано по ч.3 ст. 166 УК РФ, поскольку ч.3 ст. 16 УК РФ не предусматривает специального указания на неосторожность как форму вины по отношению к особо крупному размеру ущерба, причиненного в процессе угона.

Вместе с тем, п. 25 ППВС РФ от 09.12.2008 № 25 (в ред. от 23.12.2010 № 31, от 24.05.2016 № 22) определяет, что «При квалификации действий лица, совершившего неправомерное завладение транспортным средством без цели хищения, по части 3 статьи 166 УК РФ в случае причинения особо крупного ущерба судам следует исходить из фактически понесенных владельцем расходов, связанных с ремонтом найденного автомобиля в случае, если он поврежден во время угона.

Если угнанное транспортное средство получило технические повреждения, исключающие возможность его восстановления и дальнейшей эксплуатации, размер причиненного ущерба следует исчислять исходя из его фактической стоимости на день совершения указанного преступления.

В указанных случаях дополнительной квалификации действий лица по статье 168 УК РФ не требуется».

Анализ приведенных положений ППВС РФ позволяет сделать вывод о том, что, в нарушение положений ч.2 ст. 24 УК РФ, Верховный Суд РФ рекомендует не применять положения ст. 168 УК РФ об ответственности за неосторожное уничтожение или повреждение чужого имущества в совокупности с положениями ст. 166 УК РФ, а квалифицировать в качестве умышленного, неосторожное причинение в процессе угона особо крупного ущерба.

С нашей точки зрения, обозначенные рекомендации противоречат действующим редакциям ч.2 ст. 24 и ч.3 ст. 166 УК РФ. Различие в формах вины при причинении одних и тех же последствий, на наш взгляд, требует дифференциации ответственности в процессе регламентации уголовно-правового запрета, а также квалификации соответствующих преступлений.

В соответствии с вышеизложенным, положения ч. 3 ст. 166 УК РФ, на наш взгляд, требуют редактирования и дополнения ссылкой на неосторожную форму вины по отношению к тяжким последствиям в виде особо крупного ущерба. Нами предлагается следующая редакция ч.3 ст. 166 УК РФ:

«3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные организованной группой либо причинившие по неосторожности особо крупный ущерб,-».

Неосторожное причинение в процессе угона крупного ущерба, с нашей точки зрения, должно квалифицироваться самостоятельно по ст. 168 УК РФ, что вполне соответствует описанию преступности рассматриваемых деяний в УК РФ и правилам квалификации множественности преступлений.

Анализируя положения п. 28. ППВС РФ от 09.12.2008 № 25 (в ред. от 23.12.2010 № 31, от 24.05.2016 № 22), мы пришли к выводу о том, что верховный правоприменитель не вполне обоснованно ставит возможность квалификации угона, как не преследующего цели хищения неправомерного завладения транспортным средством по ст. 166 УК РФ в зависимость от того, ухудшает ли такая квалификация положение виновного или нет. Так, в обозначенном ППВС РФ указывается: «Судам при рассмотрении дел о хищении транспортного средства надлежит выяснять, какие исследованные в судебном заседании обстоятельства подтверждают умысел лица, совершившего завладение указанным транспортным средством, на обращение его в свою пользу или пользу других лиц. Если суд установит, что указанные неправомерные действия лица совершены лишь для поездки на угнанном автомобиле (транспортном средстве) или в иных целях без корыстных побуждений, содеянное при наличии к тому оснований подлежит правовой оценке как неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения по соответствующей части статьи 166 УК РФ, при условии, если такая квалификация содеянного не ухудшает его положение».

В последней фразе («при условии, если такая квалификация содеянного не ухудшает его положение») ВС РФ устанавливает ограничение возможности квалификации действительного угона по ст. 166 УК РФ, если такая квалификация ухудшает положение лица, совершившего преступление.

С нашей точки зрения, равно как процесс не может зависеть от результата, так и квалификация преступления, как установление тождества между признаками совершенного лицом деяния и признаками состава преступления, регламентированными УК РФ, не может зависеть от того, ухудшится, улучшится, либо останется неизменным в результате такой квалификации положение лица, совершившего преступление.

Любой иной подход к квалификации преступления и, в частности, угона, с нашей точки зрения, неизменно повлечет нарушение принципа законности, в связи с чем, мы предлагаем исключить из п. 28 ППВС РФ от 09.12.2008 № 25 (в ред. от 23.12.2010 № 31, от 24.05.2016 № 22) слова «, при условии, если такая квалификация содеянного не ухудшает его положение».

Подводя итог данной работы, считаем необходимым обобщить полученные выводы и предложения.

1. Предлагаем дополнить ст. 166 УК РФ следующим примечанием:

«Примечание 1. Под угоном в настоящей статье понимается неправомерное завладение автомобилем или иным механическим транспортным средством и поездка на нем, совершенные без намерения его присвоить или обратить в пользу других лиц целиком или по частям».

2. Предлагаем исключить второй абзац п. 22 из содержания ППВС РФ от 09.12.2008 № 25 (в ред. от 23.12.2010 № 31, от 24.05.2016 № 22) и изложить содержание первого абзаца п. 20 в следующей редакции «Судам следует иметь в виду, что под неправомерным завладением транспортным средством без цели хищения (угоном) (статья 166 УК РФ) понимается, т.е. неправомерное завладение чужим автомобилем или другим механическим транспортным средством и поездка на нем без намерения присвоить его или обратить в пользу других лиц целиком или по частям».

3. Положения ч. 3 ст. 166 УК РФ требуют редактирования и дополнения ссылкой на неосторожную форму вины по отношению к тяжким последствиям в виде особо крупного ущерба. Нами предлагается следующая редакция ч.3 ст. 166 УК РФ:

«3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные организованной группой либо причинившие по неосторожности особо крупный ущерб,-».

4. Считаем, что неосторожное причинение в процессе угона крупного ущерба должно квалифицироваться самостоятельно по ст. 168 УК РФ.

5. Предлагаем исключить из п. 28 ППВС РФ от 09.12.2008 № 25 (в ред. от 23.12.2010 № 31, от 24.05.2016 № 22) слова «, при условии, если такая квалификация содеянного не ухудшает его положение».

Крюк Виктория Сергеевна,
аспирант кафедры уголовного права
Кубанского государственного аграрного университета

Проблемы внутрисемейного насилия в отношении детей Бить нельзя любить: где поставить запятую?

Мир жив добротою и уваженьем,
А плетка рождает лишь страх и ложь.
И то, что не можешь взять убежденьем -
Хоть тресни - побоями не возьмешь!
(Э. Асадов)

Проблема насилия и жестокого обращения с детьми сегодня, пожалуй, является одной из самых острых. Сталкиваясь с насилием в различных сферах общественных отношений, дети подвергаются насильственным действиям и в семье, которая, в первую очередь, призвана воспитывать и обеспечивать безопасность подрастающего поколения¹. Несмотря на по-

¹ Волкова Е.Н., Исаева О.М. Школьное и домашнее насилие: взаимосвязь и взаимная обусловленность // Психологическая наука и образование. №4, 2013. С. 57.

стоянное совершенствование нормативно-правовой базы в сфере охраны и защиты интересов детей, улучшения социально-экономического положения семьи, добиться значительных успехов в этой сфере пока не удастся. Растет число неблагополучных семей, увеличивается количество безнадзорных детей, уровень домашнего насилия в отношении подрастающего поколения по-прежнему остается на высоком уровне, более того, возрастает¹.

Сама по себе проблема детского насилия в семье не нова, однако, с тех пор как она стала активно обсуждаться в обществе, число возникающих в этой связи вопросов стало возрастать в геометрической прогрессии, оставляя далеко позади себя число ответов на них. Вместе с тем, не вызывает сомнений то, что насилие – это та социально-психологическая, и конечно же, криминологическая проблема, которая переходит из поколения в поколение. Часто дети, пережившие внутрисемейное насилие, начинают во взрослой жизни транслировать в своих семьях именно насильственный тип поведения, том числе, используя насильственные «методы» в воспитании своих детей².

Домашнее насилие в отношении детей – сложное, многоликое явление, поражающее самую уязвимую в социально-криминологическом смысле часть семьи – несовершеннолетних. Причем диапазон насильственных проявлений в семье по отношению к детям необычайно широк: от коммуникативного воздействия - принуждения и деструктивной критики с «повышением голоса» до криминального насилия – причинения вреда здоровью и убийства. Статистика последних лет свидетельствует о ежегодном возрастании абсолютных показателей, характеризующих криминальное насилие в отношении такой семейной категории как дети.

Число детей - потерпевших от насильственных преступлений, совершенных в семье³

¹ Волков К.А. Преступления против несовершеннолетних: вопросы, требующие решения // Вопросы ювенальной юстиции. №3(53), 2014. С.5.

² Хилажева Г.Ф. Насилие в семье как социальная проблема современного общества Социологические исследования. № 8, 2015. С. 63.

³ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ: [Электронный ресурс]. URL:http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood.

	2012		2013		2014		2015		2016	
	Всего	из них женщин	Всего	из них женщин	Всего	из них женщин	Всего	из них женщин	Всего	из них женщин
Число потерпевших от преступлений	34026	24231	38235	27993	42829	31358	50780	36493	65543	49765
сына, дочери	7345	3697	7731	4077	8871	4722	11181	5809	12314	6419
По данным МВД России.										

Из данных таблицы следует, что если в 2012 году 7345 детей стали потерпевшими от криминальных насильственных действий своих родителей (или иных законных лиц их замещающих), то в 2016 году это число возросло до 12314 чел., т.е. увеличилось на 68%. Причем, как показывает статистика, 70-72% таких потерпевших являются несовершеннолетними¹.

Говоря о проблемах внутрисемейного насилия в отношении детей, специалисты в области психологии и педагогики, семейной и детской политики отмечают, что насилие над ребенком во многом обусловлено детско-родительскими отношениями, складывающимися в той или иной семье. При этом, как отмечает А.В. Лысова, вопросы насилия и жестокого обращения с детьми, к сожалению, почти не связываются с проблемами их телесного наказания. По ее мнению, у значительной части общества сложились представления о том, что применение физического наказания родителями совершается ради блага ребенка и не вызывает особых негативных последствий². Об этом свидетельствуют результаты различных исследований. Так, например, социологический опрос, проведенный АНО «Левада-Центр» в мае 2017 г. в 137 населенных пунктах 48 регионов страны, показал, что каждый третий россиянин (32%) уверен, что родители могут физически наказывать подростков³. Главное, по мнению сторонников использования физического воздействия, чтобы оно расценивалось подрастающим поколением как наказание, а не унижение.

¹ См.: Раздел 4 Сводного отчета по России. «Сведения о преступлениях, сопряженных с насильственными действиями, а также количестве потерпевших по преступлениям данной категории» (Ф455 кн.889 ФКУ ГИАЦ МВД России)

² Лысова А.В. Телесное наказание детей и насилие в супружеских отношениях россиян // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 4. С.110.

³ <https://www.levada.ru/2017/06/01/prava-podrostkov/>

Между тем, специалисты в области детской политики в своих выступлениях и публикациях пытаются развенчать миф о физических наказаниях как о панацее воспитательного процесса. Так, И.А. Фурманов, опираясь на результаты многочисленных исследований, пришел к выводам о том, что:

- физические наказания не позволяют добиться устойчивых положительных изменений в поведении ребенка, более того, в перспективе приводят к более значимым нарушениям;

- у взрослых всегда существует множество других возможностей воздействовать на ребенка, не прибегая к физическим наказаниям;

- наказания всегда имеют более широкий диапазон последствий, чем представляется родителям. Например, угроза применения ремня из-за полученной двойки может привести к позитивным кратковременным результатам, (ребенок выучит урок), но наверняка вызовет негативное отношение к учебе в целом, склонность лгать и скрывать свои проблемы в школе, а так же может способствовать повышению агрессивности;

- довольно часто «обычные» наказания трансформируются в насилие над ребенком в связи с тем, что родители теряют контроль над собой и не соизмеряют силу наказания¹.

Слова поэта, взятые в качестве эпиграфа к статье, недвусмысленно определяют и авторское отношение к физическому наказанию детей. Вспоминая слова Ф. Аквинского: « То, что ты не хочешь иметь завтра, отбрось сегодня...», можно сказать - насилие порождает насилие, и если ты не хочешь, чтобы оно было завтра, надо разорвать эту цепочку «эстафеты насилия» сегодня.

Разумеется, как у сторонников, так и противников физических наказаний детей есть свои убедительные доводы и аргументы, «удобные» примеры из судебно-следственной практики, статистические «выкладки», результаты социологических опросов, собственный опыт семейных отношений. Между тем, как писал И.С. Кон - один из основоположников исторической психологии и социологии в СССР: «Доказательной макросоциальной статистики степени распространенности и психологических последствий телесных наказаний детей в России нет. К тому же проблема крайне политизирована и идеологизирована. Чтобы совершенствовать российское законодательство, помочь людям осознать издержки традиционных педагогических практик и обеспечить безопасность и благополучие детей, необходимы дальнейшие исследования темы...»². Этому трудно возразить. Несомненно, нужны новые исследования.

¹ Фурманов И.А. Физические наказания в семье и их последствия // Психология для нас. №11/12(24/25), 2005.С.57.

² Кон И.С. Телесные наказания детей в России: прошлое и настоящее// Историческая психология и социология истории. 2011. № 1. С. 99.

Вместе с тем, в последнее время, особенно после вступления в силу Федеральных законов от 03.07.2016 № 323-ФЗ и от 07.02.2017 № 8-ФЗ, проблемы внутрисемейного насилия в отношении детей все чаще стали обсуждаться в юридической литературе и увязываться с воспитательными процессами, связанными с воздействием на подрастающее поколение посредством физических наказаний. Причем некоторые авторы прямо выступают за узаконивание физических наказаний, считая их важным компонентом воспитания детей, мерой превенции криминального насилия. Так, например, Токарчук Р.Е. предлагает расширить круг обстоятельств, исключающих преступность деяния, включив в УК РФ ст. 39.1 «Воспитательное принуждение». В этой связи также предлагается дополнить ч. 2 ст. 108 УК РФ следующим словосочетанием: «убийство, совершенное при превышении пределов воспитательного принуждения» и ч. 2 статьи 114 УК РФ - «умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, совершенное при превышении пределов воспитательного принуждения». Данные меры, по мнению автора, перестанут внушать детям уверенность в их безнаказанности, дадут представление об обязанностях, границах выражения прав и свобод в семье и школе...¹.

Однако, принятие подобных правовых новаций, на наш взгляд, еще более «запутает» и обострит проблему внутрисемейных отношений. Такой вывод напрашивается, в первую очередь, исходя из того, что в современной российской культуре, к сожалению, отсутствует согласие по поводу семьи, семейных ценностей, а соответственно целей, задач и методов воспитания (наказания)². Другими словами, за что наказывать и как наказывать? – это те вопросы, на которые однозначных ответов в обществе нет. В одной семье школьные прогулы – «смертный грех», требующий жесткой реакции, в другой – «невинная шалость», порой даже одобряемая. Более того, представляется, что подобные предложения дадут новый импульс к размаху внутрисемейного насилия, переводя, например, убийство ребенка или причинение ему тяжкого вреда здоровью в разряд привилегированных составов преступления, тем самым, по сути, умножая безнаказанность, порождающую все новое насилие. Причем, как показывает судебно-следственная практика, чаще насилию подвергаются дети в дезадаптированных семьях, в которых обострены социальные проблемы. Как правило, в таких семьях родители – лица, злоупотребляющие алкоголем, наркоманы, ранее судимые и просто психически неуравновешенные люди, представления которых о границах воспитательно-физического принуждения, дисциплинарной практики и их последствиях, мягко говоря, не предсказуемы.

¹ См.: Токарчук Р.Е. Вопросы воспитательного принуждения детей родителями в связи с государственными мерами противодействия семейному насилию // Библиотека криминалиста. 2017. № 2 (31).С. 58-59.

² Культура воспитания, поощрения и наказания детей в российских семьях. Отчет о результатах исследования. Фонд поддержки детей. М., 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fond-detjm.ru/> С. 4-5.

Так, например, в июле 2017 г. следственными органами СК РФ по Калужской области завершено расследование уголовного дела в отношении 52-летнего жителя г. Сосенский Козельского района. Он обвиняется в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ (убийство). По версии следствия, 4 апреля 2017 года обвиняемый, находившись у себя дома, вступил в конфликт с 15-летним сыном из-за нежелания подростка выполнять домашнее задание. В ходе конфликта (читай «воспитательного воздействия» - В.К.) мужчина нанес сыну несколько ножевых ранений, от которых ребенок скончался на месте. В ходе проведенной проверки установлено, что мужчина ранее неоднократно судим за совершение преступлений против личности, в том числе, за причинение смерти матери своего сына, мужчина злоупотребляет алкогольными напитками, нигде не работает¹.

Другой пример. В мае 2017 года был вынесен приговор гражданину Б., проживавшему в г. Медыни Калужской обл. Он признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 117 УК РФ.

Судом установлено, что с мая по октябрь 2016 года из-за плохого поведения своей 11-летней дочери в быту, осужденный под предлогом достижения целей воспитательного характера, систематически избивал ребенка, заставлял девочку колоть свое тело иглой с периодичностью каждый час, высказывал словесные оскорбления, а также иным образом причинял дочери физические и психические страдания².

К сожалению, приведенные примеры являются достаточно типичными, когда «воспитательные процедуры» родителей, теряющих контроль над собой, приводят к тяжким криминальным последствиям.

Между тем, как показывает судебная практика по делам о внутрисемейном насилии в отношении детей, многие такие преступления, впрочем, как и вышеуказанные случаи, можно было бы не допустить. Так, СК РФ по Калужской обл. после убийства подростка своим отцом в г. Сосенский, было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 293 УК РФ (халатность, повлекшая по неосторожности смерть человека). В ходе следствия было установлено, что отец обращался с мальчиком жестоко, неоднократно подвергал его избиению, за что привлекался к уголовной ответственности. Органы социальной защиты районной администрации достоверно знали, что мальчик фактически брошен, находится в трудной жизненной ситуации и в силу возраста не может преодолеть данные трудности самостоятельно, тем не менее, не

¹ Официальный сайт Следственного комитета РФ по Калужской области: [Электронный ресурс]. URL: <http://kaluga.sledcom.ru/news/item/1147629/>.

² Официальный сайт Следственного комитета РФ по Калужской области: [Электронный ресурс]. URL: <http://kaluga.sledcom.ru/news/item/1131245/>.

предприняли мер об отобрании ребенка, об ограничении или лишении отца родительских прав¹.

В Нижегородской области трагедией обернулось бездействие должностных лиц органов внутренних дел. В июле 2017 г. в Нижегородский районный суд г. Н. Новгорода поступило уголовное дело по обвинению сотрудников полиции в халатности, повлекшей смерть женщины и ее детей. Согласно предъявленному обвинению, в органы внутренних дел неоднократно поступали заявления от матери шестерых детей по поводу бытового насилия со стороны мужа. Женщина указывала, что ее супруг представляет опасность для окружающих, высказывает угрозы убийством, жестоко обращается и издевается над ней и малолетними детьми. Аргументы о ежедневных избиениях, лишениях пищи, физическом насилии в виде ударов топором по руке и голове не вызвали у сотрудников полиции подозрения о потенциальной опасности домашнего тирана, что в конечном итоге привело к преступлению².

Другими словами, «тревожные звонки» извещали о конфликтных ситуациях в семье, требующих оперативного вмешательства соответствующих органов, но по различным причинам, эти сигналы оставались без должного реагирования. К сожалению, как показывает анализ судебносудебной практики, таких примеров много. Подобные случаи свидетельствуют о серьезной разбалансированности всей системы защиты несовершеннолетних от внутрисемейного насилия, являются поводом для новых требований и подходов к организации и содержанию работы всей системы профилактики и предупреждения насильственных преступлений. Все это должно строиться на основе прочного профессионального взаимодействия всех субъектов профилактики и предупреждения насилия в семье.

¹ Официальный сайт Следственного комитета РФ по Калужской области: [Электронный ресурс]. URL: <http://kaluga.sledcom.ru/news/item/1118961/>.

² 29 июня 2016 г. Нижегородским областным судом (дело №2-1/2016 (2-26/2015) был осужден по п.п. «а, в, д, к» ч.2 ст. 105, ч.1 ст. 318 УК РФ гр-н Белов О.П., который 26.07.2015 в ходе ссоры убил свою жену ударами ножа. В тот же день он убил ударами того же ножа своих шестерых малолетних детей. После этого переехал в город Гороховец Владимирской области, где тем же ножом убил свою мать.

Кузьмина Оксана Николаевна,
аспирантка кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета

Назначение судебного штрафа как новый вид освобождения от уголовной ответственности

Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ дополнил Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) новой мерой уголовно-правового характера – судебным штрафом. Одновременно судебный штраф как новый вид освобождения от уголовной ответственности предусматривается ст. 76.2 УК РФ и в то же время представлен как иная мера уголовно-правового характера (глава 15.2 УК РФ). В соответствии со ст. 76.2 УК РФ лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено судом от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в случае, если оно возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред. При этом судебный штраф есть денежное взыскание, назначаемое судом при освобождении лица от уголовной ответственности в случаях, предусмотренных статьей 76.2 УК РФ.

Институт судебного штрафа является отражением в УК РФ нидерландско-бельгийской модели освобождения от уголовной ответственности (транзакции). Однако рассматриваемые новеллы УК РФ вызывают и ряд вопросов. Прежде всего, не совсем понятно, является ли судебный штраф самостоятельной мерой уголовно-правового характера (о чем говорит законодатель, поместив главу 15.2 УК РФ «Судебный штраф» в раздел VI «Иные меры уголовно-правового характера»), либо его необходимо рассматривать в только рамках главы 11 УК РФ как один из видов освобождения от уголовной ответственности. В пользу первой точки зрения говорит и то обстоятельство, что судебный штраф, неся определенный карательный заряд, фактически являет собой принудительную государственную меру, альтернативную уголовной ответственности. Законодатель мог пойти и другим путем, поместив нормы о судебном штрафе в ст. 75 УК РФ. В таком случае органы правосудия получили бы возможность применять судебный штраф не только в ситуациях заглаживания причиненного виновным ущерба или вреда, но и тогда, когда деяние, имея формальный состав, никаких вредных последствий не повлекло. При соблюдении остальных требований ст. 75 УК РФ судебный штраф мог бы стать дополнительной мерой превентивного характера, к тому же не оставляя лицо полностью безнаказанным за совершенное общественно опасное деяние.

Законодатель определяет судебный штраф как денежное взыскание. В этом он идентичен штрафу как виду уголовного наказания (ч. 1 ст. 46 УК РФ) и административному штрафу (ч. 1 ст. 3.5 Кодекса РФ об административ-

ных правонарушениях). При этом институт судебного штрафа закреплен в Гражданском процессуальном кодексе РФ (ст. 105, далее – ГПК РФ), Кодексе административного судопроизводства РФ (ст. 122, далее – КАС РФ) и Арбитражном процессуальном кодексе (ст. 119, далее – АПК РФ), однако выполняет в этих отраслях иные, специальные функции. Таким образом, как мы видим, одним термином обозначаются хотя и весьма сходные по сути, но имеющие разную правовую природу явления, что может породить ошибки в правоприменении. Исходя из этого, мы предлагаем именовать взыскания, предусмотренными ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ, процессуальными штрафами.

Как уже отмечалось, штраф как вид уголовного наказания и судебный штраф представляют собой денежные взыскания в доход государства, назначаемые (применяемые) судом. Однако если штраф как вид уголовного наказания представляет собой форму реализации уголовной ответственности, то судебный штраф, наоборот, представляет собой ее альтернативу. Первый назначается по приговору суда, второй применяется по судебному постановлению.

Обязательными условиями применения судебного штрафа являются:

- совершение преступления впервые;
- совершение преступления небольшой или средней тяжести;
- возмещение лицом ущерба или иное заглаживание вреда, причиненного преступлением.

Указанные в ст. 76.2 УК РФ условия хотя и существенно ограничивают возможность применения судебного штрафа, но, по мнению ряда авторов, недостаточны для эффективного и, главное, обоснованного применения данного вида освобождения от уголовной ответственности.

Так, М. Юсупов справедливо указывает на возможность освобождения от уголовной ответственности по основанию, предусмотренному ст. 76.2 УК РФ, лиц, совершивших преступления с достаточно высокой степенью общественной опасности. Это, например, деяния, предусмотренные ч. 2 ст. 133, ч. 1 ст. 134, ч. 1 ст. 135, ст. 240.1 УК РФ¹.

Кроме того, возникает парадоксальная ситуация, когда освобождению от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа подлежит только лицо, впервые совершившее преступление, а ряд примечаний к статьям Особенной части УК такого требования не устанавливает (например, ст. 126, 178 УК РФ).

С другой стороны, требование законодателя о необходимости возмещения ущерба или ином заглаживании вреда, причиненного преступлением, ставит вопрос о возможности применения рассматриваемого вида освобождения от уголовной ответственности к преступлениям с формальным составом, усеченным составом и составом опасности. Так, действия

¹ Юсупов М. Вопросы применения нового вида освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Уголовное право. 2016. № 6. С. 127.

лица, поставившего другое лицо в опасность заражения ВИЧ-инфекцией (ч. 1 ст. 122 УК РФ), не причиняют непосредственного вреда или ущерба, который мог бы быть заглажен или возмещен. Таким образом, помимо ч. 1 ст. 122 УК РФ, многие деяния с составом опасности выпадают из сферы действия ст. 76.2 УК РФ. На возможность применения судебного штрафа только в отношении тех преступлений с формальным составом, где возможно принять меры по заглаживанию причиненного вреда, также указано в литературе¹.

Анализ различных оснований освобождения от уголовной ответственности свидетельствует, что условия их применения либо идентичны, либо весьма близки по своей сути. Это раз за разом ставит перед судебной практикой вопрос о том, какое из оснований освобождения может или должно применяться в данном конкретном случае, возникают коллизии между положениями Общей части, равно как и между нормами Общей и Особенной частей УК РФ. Так, лицо, заразившее потерпевшего ВИЧ-инфекцией, может своевременно предупредить его о наличии у него этой болезни и в дальнейшем загладить вред, причиненный своими действиями. Кроме того, в этой же ситуации теоретически также не исключено деятельное раскаяние (ст. 75 УК РФ). А в описываемой ситуации виновный может и не предупредить потерпевшего о наличии у него ВИЧ, но в дальнейшем могут возникнуть условия освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные одновременно двумя и более нормами главы 11 УК РФ.

При этом необходимо отметить, что и освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, и в связи с примирением с потерпевшим, и с назначением судебного штрафа в качестве обязательного требования предполагают возмещение ущерба или иное заглаживание причиненного преступлением вреда. Таким образом, данные виды освобождения применимы только к преступлениям с материальными составами и к тем деяниям с формальными составами, где практически возможно какое-либо заглаживание причиненного ущерба (например, компенсация морального вреда). Мы считаем данную ситуацию нарушающей принцип справедливости. Возможность освобождения от уголовной ответственности должны иметь все лица, независимо от признания преступления имеющим формальный, материальный или иной состав, тем более что в литературе до сих пор не решен вопрос о конструкции некоторых составов преступлений, которые одни авторы относят к формальным, а другие — к материальным (например, побои). Все это требует законодательной доработки норм, составляющих институт освобождения от уголовной ответственности.

¹ Скрипченко Н.Ю. Судебный штраф: проблемы реализации законодательных новелл // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 111–112.

Луговенко Татьяна Сергеевна,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Криминологическая характеристика лиц, вовлекающих молодежь в экстремистскую и террористическую деятельность

В криминологическом изучении любого вида преступности определяющее значение имеет исследование личности преступника. Потребность в ее изучении предопределяется необходимостью определения и оценки тех свойств (признаков), черт и особенностей, которые порождают преступное поведение и имеют значение для последующей его профилактики¹. Поэтому для успешного противодействия вовлечению молодежи в экстремистскую и террористическую деятельность необходимо исследовать процесс формирования личности преступника, то есть выявить те качества, которые способствовали совершению им преступления.

В криминологии понятие «личности преступника» трактуется по-разному, например, как: «совокупность ее социально значимых свойств, влияющих в сочетании с внешними условиями (ситуацией) на преступное поведение)»², «система социальных и психических свойств, образующих ее общественную опасность, которая детерминирует совершение преступления»³. По мнению Ю.М. Антоняна «личность преступника, прежде всего, представляет собой совокупность интегрированных в ней социально значимых свойств, образовавшихся в процессе многообразных и систематических взаимодействий с другими людьми и делающих в свою очередь ее субъектом деятельности, познания и общения»⁴. Таким образом, под личностью преступника принято понимать совокупность социально значимых свойств, связей, отношений и признаков, характеризующих абстрактного нарушителя уголовного-правового запрета⁵.

В криминологической литературе отсутствуют развернутые характеристика личности экстремиста-вовлекателя (террориста-вовлекателя). Многие исследователи приводят лишь отрывочные сведения о личности экстреми-

¹ Соловьев В.С. Предупреждение вовлечения несовершеннолетних в занятие проституцией (по материалам центрального федерального округа): дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2013. – С. 64;

² Алексеев А.И. Криминология. Курс лекций. М.: Издательство "Щит-М", 2006. С. 80.

³ Кузнецова Н.Ф. Личность преступника // Криминология / Г.И. Богуш и др.; под ред. Н.Ф. Кузнецовой. – М.: ТК Велби, Проспект, 2007. – С. 59.

⁴ См.: Антонян Ю.М. Изучение личности преступника: учеб. пособие. М., 1982. С. 47.

⁵ См., например: Сахаров А.Б. Учение о личности преступника и его значение в профилактической деятельности ОВД: Лекция. М.: МВШМ МВД СССР, 1984. С.4; Криминология / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 95.

ста-вовлекателя, не указывая: кем, какими методами и из каких источников данные сведения были получены¹.

Для извлечения полной криминологической информации о личности экстремиста-вовлекателя необходимо использовать все доступные криминологам методы сбора эмпирического материала: опрос, наблюдение, анализ судебной практики и статических данных.

Метод опроса является наиболее простым и доступным методом сбора первичной криминологической информации. Особый интерес в качестве респондентов для анкетирования и интервью представляют лица, обладающие специальными познаниями в области противодействия вовлечению молодежи в экстремистскую и террористическую деятельность (эксперты). Например, специалисты, которые по своему роду профессиональной деятельности сталкивались с проблемами вовлечения молодежи в экстремистскую и террористическую деятельность, а также с лицами, совершившими преступления экстремистской направленности и их жертвами.

Для самостоятельного криминологического исследования личности экстремиста-вовлекателя мы избрали метод опроса в форме анкетирования и интервью.

Разработанная нами анкета включает два блока вопросов: 1) непосредственно о характеристике субъектов вовлечения молодежи в экстремистскую и террористическую деятельность; 2) о социальном статусе респондента (регион, ведомство, должность, стаж работы в указанной должности). Разработанные вопросы анкеты были включены и в программу исследования интервьюера.

Выборка респондентов проводилась по следующим критериям: опыт работы с лицами, совершившими преступления экстремистской направленности и их жертвами; опыт работы по профилактике вовлечения молодежи в экстремистскую и террористическую деятельность; степень знакомства с проблемой вовлечения молодежи в вышеуказанную деятельность. С апреля по октябрь 2017 года нами было опрошено 90 респондентов: сотрудники правоохранительных органов, а именно: сотрудники Следственного комитета Российской Федерации и Центров по противодействию экстремизму территориальных органов внутренних дел Российской Федерации.

Анализ ответов респондентов на вопросы анкеты и результаты интервью позволили сделать следующие выводы.

¹ См.: Журавленко Н.И. Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики / Н.И. Журавленко // Краснодарский университет МВД России. Крым, 2015. С. 116; Потресаева В.В., Псарева Б.В. Психологический портрет личности экстремиста / В.В. Потресаева, Б.В. Псарева // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. 2016. № 13. С. 327-329; Барсагов М.М. Характеристика личности экстремиста / М.М. Барсагов // В сборнике: Тотальные аспекты инновационных технологий Материалы международной научно-практической конференции. АНО СКАИТОН. 2014. С. 190-193.

91 % опрошенных считают, что в экстремистскую и террористическую деятельность молодежь вовлекают лица мужского пола в возрасте от 18 до 35 лет, и только 9 % отметили, что данный вид деятельности характерен для лиц в возрасте от 36 до 50 лет. Разница в возрасте между экстремистами-вовлекателями и молодежью не очень значительна. Наличие общих интересов, увлечений, взглядов способствуют установлению взаимопонимания между указанными лицами.

По данным отдельных исследований в начале 2000-х годов возраст экстремистов-вовлекателей составлял 30-45 лет¹. Однако в настоящее время мы видим, что доля молодежи среди экстремистов-вовлекателей значительно выше. Такая тенденция может показаться довольно-таки странной. Так, если взглянуть со стороны, то можно предположить, что вовлечение молодежи в экстремистскую и террористическую деятельность больше характерно для лиц зрелого возраста. И это весьма справедливо. Данные лица имеют достаточно богатый жизненный опыт и накопленные знания, они являются учителями для молодежи, имеют определенный авторитет, основанный во многом на своем жизненном опыте. Такой феномен был отмечен исследователями и в более ранних работах. Например, Ю.М. Антонян писал, что «стариков среди террористов практически нет, хотя можно предположить их немалую роль в идеологической и психологической подготовке таких преступников»². Из сказанного становится очевидным, что лица зрелого возраста, чаще всего выступают в качестве организаторов (лидеров) экстремистских и террористических организаций и их ячеек. Непосредственно вовлечением в экстремистскую и террористическую деятельность занимается сама молодежь.

Существенное значение при определении личности экстремиста-вовлекателя имеют его психологические свойства. В качестве отличительных характеристик лиц, вовлекающих молодежь в экстремистскую и террористическую деятельность, респонденты отмечают: религиозную фанатичность, креативность, грамотность, коммуникабельность и т.д. Вовлекают молодежь в экстремистскую и террористическую деятельность чаще всего лица с достаточно сформированными взглядами, установками и ценностными ориентациями.

М.П. Леготин, основываясь на данных официальной статистики, указывал, что «в среднем за последние 6 лет около 60% имеют среднее общее образование, около 30% - среднее профессиональное, и 26% - неокончен-

¹ См. Романовская И.В. в книге: Противодействие экстремизму и терроризму в крымском федеральном округе: проблемы теории и практики / И.В. Романовская // Краснодарский университет МВД России, Крым, 2015. С. 135

² Антонян Ю.М. Особо опасный преступник. – М., 2013. – С. 162.

ное высшее»¹. Можно констатировать, что реальная картина весьма отличается от этих данных, а большинство экстремистов-вовлекателей имеют среднее профессиональное образование. По результатам нашего исследования 47% таких лиц, имеют среднее профессиональное образование, 23% - среднее общее образование, 20 % - высшее образование и 10% - основное общее образование. Поэтому выдвигаемые иногда предположения в привлечении к экстремисткой и террористической деятельности, - малограмотных лиц представляются сомнительными².

Для экстремистов, занимающихся вовлечением молодежи в экстремистскую и террористическую деятельность, имеют большое значение «специальные» навыки и умения. Они отражают как общие, так и некоторые индивидуальные особенности конкретного экстремиста-вовлекателя. Например, навыки убеждения, умения сконцентрировать внимание группы людей и удерживать его определенное время, проявлять заинтересованность и дружелюбие, умение слушать, давать советы и т.д. Таким образом, не смотря на относительно невысокий уровень легального образования, приобретенные экстремистами-вовлекателями навыки и умения, позволяют им оказывать эффективное воздействие на молодежь с целью вовлечения в экстремистскую и террористическую деятельность.

Следует отметить, что при подготовке экстремистов-вовлекателей идеологи-наставники не используют какие-либо особо сложные психологические технологии, такие как: «зомбирование», гипноз и т.д. Экстремистов учат выделять психологические особенности вербуемых лиц, обусловленные их несформировавшимся мировоззрением, поверхностным знанием религиозной литературы, то есть осуществлять поиск лиц имеющих «слабые места». Это чаще всего молодые одинокие студенты, молодежь из неблагополучных либо семей, связанных с деятельностью радикальных религиозных организаций.

Наличие или отсутствие постоянных источников дохода имеет существенное значение при криминологической характеристике личности преступника. Основное число лиц, вовлекающих молодежь в экстремистскую и террористическую деятельность, не имеют постоянного источника доходов. По данным опроса, на это указали 83% опрошенных. С одной стороны, причинами такого отношения к труду могут быть следующие обстоятельства: трудности с устройством на работу, отсутствие рабочих мест; личностные особенности, не позволяющие человеку регулярно трудиться. С другой - длительная связь с экстремистскими и террористическими ор-

¹ Леготин М.П. Личность преступника-экстремиста: криминологический анализ и типология / М.П. Леготин // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2016. № 2 (7). С.11.

² См. Актуальные вопросы криминологии. Часть 1. Выпуск 1. Сборник научных работ магистрантов, студентов.- Барнаул, 2017. 450 с. URL: www.law.asu.ru/files/documents/00000809.docx (дата обращения: 07.04.2017).

ганизациями. Учет этих факторов позволяет выделить два типа экстремистов-вовлекателей. С одной стороны, это лица, извлекающие непосредственно доход от экстремистской и террористической деятельности. Как правильно отмечают специалисты «у большинства лиц данной категории побуждения, интересы, желания сводятся к материальным ценностям»¹. Именно легкая нажива денежными средствами без особых физических и интеллектуальных усилий является их первостепенной целью. Экстремисты-вовлекатели рассматривают эту деятельность в качестве основного неофициального источника получения материальных средств, стремятся всячески развивать и поддерживать свой источник дохода. Сказанное позволяет полагать, что сама кампания по вовлечению молодежи в экстремистскую и террористическую деятельность способна приносить достаточно высокий доход. Вторая категория – это фанатики (религиозные, политические). К. Ясперс пишет, что религиозный фанатик, это человек, «всецело посвящающий себя какой-то одной задаче и не видящий ничего, кроме нее»². Фанатическая направленность находит свое отражение в мотивах, действиях, целях и т.д. Доминирующими мотивами фанатиков по итогам опроса являются: вражда и ненависть к определенным социальным группам (идеология превосходства) (42%), контроль над людьми и ситуацией (34%), романтика и героизм (24%). Такие лица не рассматривают экстремистскую и террористическую деятельность как источник доходов, а преследуют совершенно иные цели.

Характеризуя семейные отношения экстремистов-вовлекателей, можно отметить, что 90% лиц, вовлекающих молодежь в экстремистскую и террористическую деятельность, не состояли в браке. Наличие семьи и детей увеличивает число социальных функций человека, круг обязанностей и общения. Понимание ответственности перед семьей и детьми обычно стимулирует законопослушное поведение. Таким образом, свободный образ жизни и отсутствие семьи выступает условием к совершению противоправных деяний. Однако не всегда и семья является сдерживающим фактором. Например, наличие супружеских конфликтов, негативный нравственно-психологический климат в семье также оказывают влияние на поведение будущего экстремиста-вовлекателя.

87% респондентов считают, что большинство лиц, вовлекающих молодежь в экстремистскую и террористическую деятельность, воспитывались в неблагополучных семьях. В таких семьях отсутствует духовная близость и взаимопонимание между родителями и детьми. Поэтому экстремистские и террористические группы особенно притягательны для тех, кто нуждается в поддержке и понимании. Таким образом, можно констатировать, что неблагополучная обстановка в семье, в которой родители из-за

¹ Криминология: Учебник / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. – М., 2004. – С. 274.

² Ясперс К. Общая психопатология / К. Ясперс. - М.: Практика, 1997. - 535 с.

своего антиобщественного или преступного образа жизни не создают элементарных условий для воспитания детей, является одной из причин вовлечения молодежи в экстремистскую и террористическую деятельность.

Респондентам, предлагалось также ответить на вопрос, кем по отношению к жертвам вовлечения чаще всего выступают экстремисты-вовлекатели. Результаты распределились следующим образом. 58% опрошенных считают, что в большинстве случаев молодежь вовлекают в экстремистскую и террористическую деятельность родственники. Например, среди женщин часто вовлечением занимаются вдовы, матери и сестры погибших экстремистов. Так, в Республике Ингушетия функционировало женское бандитское подполье, куда входят более двухсот вдов и жен членов преступных формирований экстремистского толка¹. В 2015 году Кольчугинским городским судом вынесен приговор 34-летнему жителю города Кольчугино, который признан виновным в вовлечении сына в преступную деятельность экстремистской направленности. Было установлено, что с лета 2013 года мужчина начал навязывать свои взгляды 13-летнему сыну и его сверстникам, призывая к применению насилия в отношении лиц неславянского происхождения и «иноверцев»². 33% опрошенных считают, что молодежь вовлекают в экстремистскую и террористическую деятельность друзья и знакомые. В период с января 2008 года по март 2010 года местный житель г. Тюмени Исин А.Г. вовлек в деятельность запрещенной экстремистской организации «Хизб ут -Тахрир аль - Ислами» Танишева Р.М. с которым был знаком с 2006 года. В указанный период времени Исин А.Г. проводил с Танишевым Р.М. агитационные беседы и занятия по углубленному изучению литературы и других материалов запрещенной экстремистской организации. В ходе неоднократных агитационных бесед и уговоров Исин А.Г. умышленно, склонил Танишева Р.М. к вступлению в религиозную экстремистскую организацию. Кроме того, Исин А.Г. в указанный период времени, давал Танишеву Р.М. поручения, связанные с вовлечением в деятельность экстремистской организации новых лиц и распространением ее идеологии среди жителей Тюменской области³. И только 9 % считают, что это могут быть малознакомые лица. Таким образом, в качестве критерия вовлечения молодежи в экстремистскую и террористическую деятельность можно выделить семейно-родственные и дружеские отношения.

Исследование криминологической характеристики лиц, вовлекающих молодежь в экстремистскую и террористическую деятельность, на ос-

¹ Алиева С.Ю. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений террористической направленности и проблемы противодействия: дис. ... канд. юрид. наук. – Махачкала, 2014. – С. 81;

² Государственная телевизионная и радиовещательная компания г. Владимир (ВГТРК «ГТРК «Владимир») URL: <http://vladtv.ru/society/71113/> (дата обращения: 05.10.2017).

³ Росправосудие. URL: <https://rospravosudie.com/court-tyumenskij-rajonnyj-sud-tyumenskaya-oblast-s/act-104925376/> (дата обращения: 05.10.2017).

нове обобщения результатов опроса экспертов позволило составить «портрет» личности экстремиста-вовлекателя. Это лица мужского пола в возрасте от 18 до 35 лет, имеющие среднее профессиональное образование, не состоящие в браке, чаще всего из неблагополучных семей, не имеющие постоянного официального источника доходов, с достаточно сформированными взглядами, установками и ценностными ориентациями, обладающие специальными навыками по вербовке и вовлечению молодежи в экстремистскую и террористическую деятельность и являющиеся по отношению к жертве вовлечения чаще всего родственниками, друзьями либо знакомыми.

Указанные криминологические характеристики лиц, вовлекающих молодежь в экстремистскую и террористическую деятельность, не являются исчерпывающими и могут быть дополнены иными признаками.

Мальковский Денис Владимирович,
соискатель кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Общие уголовно-правовые признаки нецелевого расходования бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов

Составы преступлений, предусмотренные ст. 285-1 и 285-2 УК РФ (нецелевое расходование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов) имеют ряд общих признаков, что позволяет исследовать данные юридические конструкции, используя метод дедукции, то есть вначале выявить общее, а затем – для каждого состава – особенное. В качестве гипотезы, причем, вполне вероятной, можно отметить, что общие признаки данных составов имеют место в объекте преступного посягательства, субъективной стороне и субъекте. Это вытекает прежде всего из очевидно доминирующих в науке уголовного права положений, касающихся признаков должностных преступлений, к разряду которых относятся и рассматриваемые специальные составы. Вместе тем для каждого из указанных составов преступлений имеются характерные только для них признаки, и таковые заключаются прежде всего в объективной стороне преступлений и проявляются при решении вопросов квалификации в следственно-судебной практике.

Сначала затронем некоторые теоретические вопросы, касающиеся объекта преступления. Как известно, каждое преступление посягает на какой-либо объект уголовно-правовой охраны и одновременно определяется этим объектом. В этой связи в литературе отмечается, что вред, ущерб охраняемому уголовным законом объекту может быть причинен не любыми, а только определенными действиями, характер которых определяется

свойствами самого объекта¹. С учетом этого следует отметить, что ст. 2 УК РФ предусматривает примерный перечень общественных отношений, перечисляя их по степени значимости, причем в системе социальных ценностей законодатель признал приоритетное значение прав человека и гражданина по сравнению с общественными отношениями, охраняющими институт собственности либо интересы государства.

В этом смысле действующий УК РФ отличается от ранее действовавшего УК РСФСР, где приоритет отдавался интересам государства. Принятая ранее трехступенчатая классификация объектов преступления (общий, родовой и непосредственный) соответствовала структуре прежних (советских) уголовных кодексов, Особенная часть которых делилась только на главы. Структура УК 1996 г. с делением Особенной части не только на главы, но и на разделы предполагает четырехступенчатую классификацию объектов, не получившую в свое время общего признания в теории уголовного права².

В уголовно-правовой литературе уже давно нет существенных противоречий относительно того, что характер преступления, его общественная опасность определяются прежде всего объектом, на который он посягает³. Выбор законодателем тех или других объектов уголовно-правовой охраны, а также специфика их защиты дают возможность определить приоритетные направления уголовно-правовой политики государства, степень важности охраняемых общественных отношений, которые, как известно, определяются уровнем развития общества, состоянием культуры, морали и др.⁴, и при этом объект преступления, его содержание имеют решающее значение для конструкции состава преступления в целом⁵. Он помогает разграничивать отдельные составы преступлений. Потому правильное определение объекта имеет важное теоретическое и практическое значение⁶.

Однако вопрос определения понятия объекта преступления не потерял актуальности. Это касается применительно и темы настоящей статьи, поскольку, как мы отмечали ранее, нецелевое расходование бюджетных средств (государственных внебюджетных фондов), совершенное в круп-

¹ Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1990. С.137.

² Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. М.: БЕК, 2006. С. 152.

³ См., например: Чернов А.В. Теоретический анализ объекта преступления. Иркутск, 1999. С.43; Козлов А.П. Понятие преступления. СПб.: ЮЦП, 2004. С. 229; Дурманов Н.Д. Понятие преступления. М., 1948. С. 43 и др.

⁴ Рахимов М.С. Объективные признаки преступления торговли людьми // Российский следователь. 2008. №12. С. 28.

⁵ Загородников Н.И. Понятие объекта преступления в советском уголовном праве // Труды военно-юридической академии. Вып. 13. 1951. С. 32.

⁶ Арутюнов А.А. Объект преступления, совершенного в соучастии // Юридический мир. 2002. № 9. С. 57.

ном размере, посягает не только на государственную власть, но и на собственность (государственную и муниципальную). В свое время Н.С. Таганцев, определяя объект преступления, считал, что им является «заповедь или норма права, которая нашла свое выражение ... в интересе жизни, который охраняется этой нормой»¹. Позже, уже в советское время, под объектом преступления стали понимать конкретные отношения, вещи и состояние лиц или вещей. Так, А.А. Пионтковский, будущий основатель концепции объекта как общественных отношений, вместе с тем утверждал, что объектом всякого преступления являются «одновременно и общественные отношения, и соответствующие правовые нормы, которые регулируют эти отношения»². При этом он отмечал, что в отдельных случаях непосредственным объектом могут быть не общественные отношения, а имущество, физическое лицо³.

Общим объектом преступлений, как известно, является совокупность всех общественных отношений, охраняемых уголовным законом от преступных посягательств. Под родовым объектом понимается группа однородных, взаимосвязанных общественных отношений, которым свойственны общие или тождественные признаки и которые в силу этого охраняются единым комплексом уголовно-правовых норм. Критерием выделения глав в разделе является видовой объект преступления, который выделяется внутри родового объекта и соотносится с родовым как вид с родом. Наконец, непосредственный объект – это конкретное общественное отношение, на которое посягает преступление и которое в силу этого специально ставится под охрану закона. При этом непосредственный объект по содержанию совпадает с видовым объектом, отличаясь от него как часть целого по объему. Именно такой подход преобладает в современной правовой литературе⁴.

Итак, объект преступления определяет характер уголовно-правового запрета, пределы и круг запрещаемых законом деяний, характер и степень их опасности – в нашем случае это касается деяний, посягающих на интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

В контексте исследуемой проблематики представляется важным положение о том, что решение о криминализации того или иного вида поведения человека должно приниматься только после уяснения того, насколько серьезно данное деяние угрожает установленному правопорядку и

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Общая часть: В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1994 (Перезидание). С. 187.

² Уголовное право. Общая часть. М., 1948. С. 291.

³ Курс советского уголовного права. Общая часть. М., 1968. С. 116.

⁴ Уголовное право России. Общая часть / Отв. ред. Б.В. Здравомыслов. М.: Юрист, 1996. С.119.; Уголовное право: Часть Общая. Часть особенная / Под общ. ред. Л.Д. Гаухмана, Л.М. Колодкина, С.В. Максимова. М.: Юриспруденция, 1999. С. 93; Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. М.: БЕК, 2006. С.152 и др.

насколько позитивные правовые нормы исчерпали свои внутренние ресурсы, чтобы не допустить тех неблагоприятных последствий, которые влечет деяние. Практическое значение признания материального признака преступления - общественной опасности, выражающегося прежде всего в общественных отношениях, в объекте посягательства - правопорядке, проявляется в правотворчестве и правоприменении, в частности, при толковании, когда рассмотрение признаков сформулированного в УК РФ состава осуществляется по правилам и в духе позитивного (например, финансового) права. Так, условием (гипотезой) применения (действия) уголовно-правовой нормы является нарушение уже сложившихся в финансовом праве отношений, один из участников которых выходит за пределы его регулирования. И охраняемое благо, и характер деяния подробно и системно прописаны в регулятивном законодательстве. Уголовное право лишь формулирует «ключевые» слова для удобства быстрого отыскания признаков конкретного состава преступления. Например, ст. 285-1 УК РФ направлена на обеспечение порядка использования полученных бюджетных средств на конкретные цели, устанавливаемые федеральным законом о федеральном бюджете, бюджетной росписью, уведомлением о бюджетных ассигнованиях, сметой доходов и расходов либо иным правовым основанием их получения на очередной финансовый год. Формальный криминообразующий критерий ст. 285-1 УК РФ - это крупный размер бюджетных средств, составляющий 1,5 млн. рублей¹.

Соответственно нецелевое расходование бюджетных средств (средств государственных внебюджетных фондов), равно как и другие должностные преступления, относятся к группе преступлений, посягающих на совокупность общественных отношений в сфере деятельности органов государственной (муниципальной) власти, которая также охраняется уголовным законом. Эти общественные отношения являются видовым объектом рассматриваемых преступлений – в данном случае видовой объект определяется по содержанию главы 30 УК РФ – «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления».

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что родовым объектом нецелевого расходования бюджетных средств (средств государственных внебюджетных фондов) являются установленные в обществе властеотношения (в широком смысле), охраняемые уголовным законом. В этой связи мы полагаем, что название раздела X УК РФ – «Преступления против государственной власти» не во всем соответствует содержанию диспозиций включенных в раздел преступлений.

Далее обратимся к анализу предмета нецелевого расходования бюджетных средств (ст. 285-1 УК РФ) и нецелевого расходования средств гос-

¹ Там же. С. 24-25.

ударственного внебюджетного фонда (ст. 285-2 УК РФ). Предварительно заметим, что с понятием непосредственного объекта преступления тесно связано понятие предмета. Разграничивая эти понятия, классик науки уголовного права Б.С. Никифоров в свое время указывал, что «предмет соотносится с объектом не как части единства, расположенные внешне по отношению друг другу, а как составная часть целого – с самим этим целым, который помимо “предмета” включает в себя и другие элементы»¹. В литературе с понятием предмета преступления, как правило, связывают материальные предметы внешнего мира, на которые непосредственно направлены действия виновного при посягательстве на объект преступления². В то же время предмет преступления, как справедливо отмечает Н.А. Беляев, нельзя отождествлять с общественным отношением, так как элемент целого никогда не может быть одновременно и самим целым³. От предмета преступления следует отличать орудия и средства преступления, то есть предметы, которые используются преступником для непосредственного, физического воздействия на объект. Различие с орудиями или средствами преступления проходит по роли вещей. Как предмет преступления они сами выступают центром приложения сил виновного, как орудия - вспомогательным, промежуточным звеном противоправного воздействия на объект. Воздействуя на предмет преступления или особым образом обращаясь с ним, виновный причиняет вред объекту опосредованно. Орудием же преступления он непосредственно причиняет вред⁴.

С учетом изложенного и из самой уголовно-правовой диспозиции состава нецелевого расходования бюджетных средств (ч. 1 ст. 285-1 УК РФ) следует, что предметом данного преступления являются бюджетные средства. Р.Р. Фазылов, определяя предмет этого общественного деяния, считает, что таковым следует считать не просто бюджетные средства, а «бюджетные средства, предоставленные получателю на соответствующих условиях их получения, в крупном размере»⁵. На наш взгляд, указанные добав-

¹ Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1960. С.137.

² Глистин В.К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений. Л., 1999. С. 44; Таций В.Я. Предмет преступления // Правоведение. 1994. № 4. С. 52–55.

³ Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1975. С. 56–58.

⁴ См. по предмету преступления: Наумов А. Средства и орудия совершения преступления // Советская юстиция. 1986. N 14. С. 24-27; Панов Н.И. Понятие предмета преступления по советскому уголовному праву // Проблемы правоведения: Республиканский межведомственный научный сборник. Киев: Изд-во при Киев.ун-те, 1984. Вып. 45. С. 72–76; Петухов Б.В., Кузнецов И.В. Отличие предмета от орудий и средств совершения преступления // Российский следователь. 2004. № 4. С. 21-22; Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1994. С. 268; Хвалин В. О понятии орудия преступления // Уголовное право. 2000. № 2. С. 95-96 и др.

⁵ Фазылов Р.Р. Указ. работа. С. 36.

ления являются излишними, поскольку бюджетные средства, не предоставленные получателю и (или) если их размер менее крупного, то они по определению не могут рассматриваться как предмет нецелевого расходования бюджетных средств.

Здесь важнее другое, а именно определение понятия «бюджетные средства». Как ни странно, ни бюджетное, ни более широкое финансовое законодательство не содержит определение данного понятия, хотя оно активно используется во многих нормативно-правовых актах. Так, в ГК РФ указывается, что казну составляют в первую очередь средства соответствующего бюджета (абз. 2 п. 4 ст. 214, абз. 2 п. 3 ст. 215 ГК РФ). Кроме того, сюда же могут быть отнесены средства государственных и муниципальных внебюджетных фондов¹. Для лучшего понимания сущности бюджетных средств можно заметить еще, что в казну входят также золотой запас, алмазный фонд².

Неоднозначен ответ на вопрос о том, в какой момент возникают бюджетные средства и, соответственно, право органа государства или органа местного самоуправления на распоряжение ими: например, с момента зачисления их на счет по учету доходов бюджета либо еще на стадии выполнения своей обязанности плательщиками налогов и сборов; с момента уплаты за аренду имущества либо с момента зачисления уплаченных средств в доход бюджета? Исходя из определения средств местного бюджета как денежных средств, размещенных на счетах муниципального или федерального казначейства, можно говорить о том, что бюджетные средства образуются и право распоряжаться ими возникает с момента зачисления денежных средств на счета муниципального или федерального казначейства. Именно с этого момента орган государства (орган местного самоуправления) может реализовать свои правомочия собственника по распоряжению бюджетными средствами³.

Далее, для того чтобы решить вопрос о виновности лица в совершении указанных преступлений, следует установить, являются ли использованные не по целевому назначению средства бюджетными. Какие же средства формируют бюджетные и с какого момента? Это, безусловно, все налоги, сборы, а также доходы от владения государственным или муници-

¹ Карасева М.В. Финансовое правоотношение. М.: Норма, 2001. С. 103; Финансовое право Российской Федерации: Учебник / Отв. ред. М.В. Карасева. М.: Юрист, 2002. С. 104.

² Постановление Верховного Совета Российской Федерации «О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность» от 27.12.1991 г. № 3020-1 // Ведомости РСФСР. 1992. № 3. Ст. 89.

³ Ларионов А.В. Право собственности на средства местного бюджета // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 7. С. 22.

пальным имуществом, от продажи собственности, от оказания платных услуг бюджетными учреждениями и т.д. Например, доходы государственного (федерального, субъекта федерации) или муниципального образовательного учреждения от предоставления платных образовательных услуг, больницы – от оказания платных медицинских услуг, средства спонсоров и т.д. Ведь их тоже можно нецелесообразным образом расходовать и принести тем самым ущерб¹. А суммы, вращающиеся в этих и подобных сферах, могут быть весьма значительными.

Как видно, все поступающие на лицевые счета бюджетополучателей денежные средства становятся средствами бюджета, поскольку вливаются на единый счет бюджета. А теперь обратимся к предмету нецелевого расходования средств государственных внебюджетных фондов (ст. 285-2 УК РФ). Здесь вопрос должен решаться таким же образом. Так, О.С. Русакова, специально изучавшая этот вопрос, пишет: «В ходе проведенного исследования мы пришли к выводу, что предметом нецелевого расходования средств государственных внебюджетных фондов могут выступать внебюджетные средства, то есть денежные средства. Такое понимание предмета преступления обусловлено тем, что государственные внебюджетные фонды формируются за счет обязательных целевых отчислений (единый социальный налог), также за счет добровольных взносов физических и юридических лиц, других доходов, предусмотренных законодательством Российской Федерации»². Как экономическая категория, деньги представляют собой средство выражения стоимости товаров, меру стоимости, всеобщий эквивалент множества стоимостей товаров, а их сущность денег определяется через их функции, к которым относятся: определение меры стоимости, средство накопления, средство обращения, средство платежа, функция мировых денег³. И в этом смысле, конечно, деньги выполняют одинаковое предназначение для обоих составов преступлений.

Следующий элемент состава рассматриваемых деяний (ст. 285-1 и 285-2 УК РФ) – объективная сторона. Здесь между ними различий, конечно же, больше, поскольку именно по объективной стороне законодатель и разделил эти преступления. В этой связи данный элемент рассмотрим ниже по отдельности для каждого состава.

Вместе с тем имеются и общее. Прежде всего это теоретическая основа. Вкратце коснемся ее – с тем, чтобы выводы были более убедительные. Прежде всего отметим, что объективная сторона каждого состава преступления, как известно, включает в себя, во-первых, внешнюю (физическую) сторону деяния, во-вторых, общественно опасные последствия, в-

¹ Фазылов Р.Р. Указ. работа. С. 40.

² Русакова О.С. Уголовная ответственность за нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов. Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2006. С. 57.

³ Финансовое право / Под ред. Е.Ю. Грачевой, Г.П. Толстопятенко. М., 2004. С. 367.

третьих, причинную связь между деянием и последствием, в-четвертых, время, способ и место совершения преступления. Указанное содержание объективной стороны преступления и определенное сочетание названных элементов обусловлены тем, что общественная опасность всякого деяния существует в конкретных условиях времени, места, обстановки, а также тем, что социальное значение факта уничтожения или повреждения чужого имущества нередко определяется обстоятельствами, находящимися вне его, и меняется в зависимости от этих обстоятельств. Далее, объективная сторона преступления представляет собой единый процесс, каждая часть которого подчиняется общим закономерностям. Действие (бездействие), с одной стороны, – это начальный элемент процесса, оказывающий негативное воздействие на общественные отношения как объект преступления и вследствие этого имеющий уголовно-правовое значение.

С другой стороны, общественная опасность рассматриваемых общественно опасных деяний является причиной этих изменений¹. В этой связи в литературе справедливо указывается, что «преступное действие – это не все преступление, это даже не вся его объективная сторона ... объективная сторона преступления есть процесс общественно опасного противоправного посягательства на охраняемые законом интересы, рассматриваемый с его внешней стороны, с точки зрения последовательного развития событий и явлений, которые начинаются с преступного действия (бездействия) субъекта и заканчиваются наступлением преступного результата»². Соответственно всякое преступное деяние, совершенное действием, характеризуется совокупностью движений, образующих внешний акт общественно опасного посягательства на охраняемый уголовным законом объект. Таким образом, объективная сторона преступления, как справедливо отмечается в литературе, представляет собой процесс, развивающийся во времени и в пространстве, в котором проявляются разнообразные социальные, механические, физические и другие закономерности, которые распространяются вообще на все процессы и явления природы и имеют объективный характер³.

Следует согласиться с тем, что объективная сторона преступления в реальности разрушает не модели общественных отношений, отрегулированных нормами права, а материальное выражение этих отношений, то есть эта модель правоотношений как таковая остается без изменения. Вместе с тем она терпит определенный ущерб, причиняемый конкретными

¹ Куликов Е.М. Незаконная банковская деятельность: уголовно-правовые и криминологические проблемы. Саратов, 2001. С. 62; Сердюкова Н.В. Финансово-правовая ответственность по российскому законодательству (становление и развитие): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2003. С. 79.

² Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления // Избранные произведения. В 3 т. Т. 1. М., 2002. С.38.

³ Там же. С. 35.

лицами. В этом смысле, действительно, сложившаяся система государственной (муниципальной) службы в секторе бюджетов разных уровней, несмотря на совершение рассматриваемых преступлений, остается дееспособной. Но преступники причиняют ей некоторый вред, который совершается вполне определенными действиями.

И в этом контексте общим для составов ст. 285-1 и 285-2 УК РФ является такая их составляющая, как нецелевое расходование денежных средств.

Следующий элемент рассматриваемых составов преступлений – субъективная сторона. В российской уголовно-правовой литературе по поводу субъективной стороны преступления преобладает позиция, согласно которой под таковой следует понимать «внутреннюю психологическую характеристику преступного поведения, заключающуюся в психическом отношении преступника к совершаемому преступлению в целом и его отдельным юридически значимым элементам объективного характера»¹. Образуя психологическое содержание общественно опасного деяния, субъективная сторона преступления является его внутренней стороной. Рассмотренные ранее объективные признаки выступают в единстве с его субъективными признаками.

В данном случае мы не имеем в виду подробно рассматривать данный аспект в силу его очевидности – данные преступления (ст. 285-1 и 285-2 УК РФ) могут быть совершены только с прямым умыслом. Это однозначно вытекает из наименований статей указанных составов – в обоих случаях речь идет о «нецелевом расходовании». И в этом смысле мы не можем согласиться с А.П. Бойковым, который пишет о том, что «несмотря на то, что слово «цель» фигурирует в диспозиции рассматриваемой нормы (речь идет о ст. 285-1 УК РФ – авт.), конститутивным признаком данного состава преступления цель не является, так как цель, имеющая в диспозиции ст. 285-1 УК РФ, определяет направление расходования бюджетных средств - на цели, не соответствующие условиям их получения»².

Во-первых, этот автор не учитывает названия статей – слово «нецелевое» в смысле раскрытия субъективной стороны имеет, на наш взгляд, точно такое же значение. как и слово «целевое», то есть и целевое, и нецелевое расходование бюджетных средств (средств государственного внебюджетного фонда) можно осуществить не иначе как преднамеренно, осознанно, то есть с прямым умыслом. Во-вторых, слова «на цели» в данном случае также следует истолковывать как преднамеренность. С. Устинов предлагает изменить диспозицию ч. 1 ст. 285-1 УК РФ. По его мнению, после слов «средств на цели» необходимо указать «не связанные с осуществ-

¹ Курс российского уголовного права. Общая часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова. М.:Спарк, 2001. С. 261; Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. М.: Бек, 1999. С. 219 и др.

² Бойков А.П. Указ. работа. С. 92.

лением государственных задач и функций, а также выполнением при выделении средств общественно необходимых работ и...»¹. Однако вряд ли такое изменение целесообразно. Во-первых, уголовно-правовая норма не должна быть похожа на комментарий. Теорией уголовного права уже давно признано существование бланкетных норм, которые побуждают правоприменителя обращаться к законодательным источникам других отраслей права². Во-вторых, при наличии определенных обстоятельств перераспределение бюджетных средств с одного кода на другой может быть признано как целевым, так и нецелевым расходованием бюджетных средств³.

Вместе с тем изложенное позволяет говорить о неудачном употреблении законодателем слов с использованием корня «цель». Дело в том, что имеет место тавтология, приводящая к некоторой путанице. Так, когда диспозиция обоих составов начинается со слова «расходование», то имеется в виду, и это совершенно очевидно, именно нецелевое расходование, что явствует, опять же, из наименований статей. И тогда получается следующее: «нецелевое расходование ...на цели». Пытаясь избежать тавтологии, законодатель спрятал слово «нецелевое» в наименование статей. Но суть от этого не меняется. Это крайне неудачный словесный и смысловой оборот.

Отметим еще, что при оценке прямого умысла при посягательствах на общественные отношения, возникающие в связи с расходованием бюджетных средств, выражается важно учитывать также, что виновный подлежит ответственности в соответствии с направленностью умысла, а не в соответствии с фактически наступившими вредными последствиями, тем более, что рассматриваемое преступление обладает формальным составом (равно как и преступление, предусмотренное ст. 285-2 УК РФ). Итак, осознание общественной опасности совершаемого деяния означает понимание виновным не только фактических обстоятельств содеянного, но и их социальной сущности. Оно включает, в частности, представление субъекта о характере тех ценностей, на которые направлено посягательство, о содержании действий, посредством которых посягательство осуществляется, а также о тех фактических обстоятельствах, при которых совершается преступление (место, время, способ, обстановка). Эти фактические обстоятельства, являясь качественными признаками деяния, входят в предмет сознания при умысле.

¹ Устинов С. Что понимать под нецелевым расходованием бюджетных средств? // Законность. 2004. № 7. С. 30 - 31.

² Комягин Д.Л. Основания для применения мер принуждения за нарушения бюджетного законодательства и правонарушения в бюджетной сфере // Финансовое право. 2007. № 2. С. 37.

³ Пшеничникова И.В. Нецелевое расходование бюджетных средств // Арбитражная практика. 2003. № 6. С.19.

И последний элемент рассматриваемых составов – субъект преступления. В ст. 285-1 и 285-2 УК РФ указывается на то, что данные преступления может совершить только должностное лицо. Мы не будем подробно рассматривать здесь данный аспект в теоретическом плане, касающийся общего учения о субъекте преступления, в том числе специального субъекта, каковым является должностное лицо, учитывая, что он получил достаточное освещение в уголовно-правовой литературе¹, а также в решениях Верховного суда РФ².

Вместе с тем здесь имеются вопросы, требующие уточнения в части квалификации деяний, совершенными лицом, занимающим государственную должность РФ или ее субъекта, а равно главой органа местного самоуправления.

Следует также отметить, что за оба состава рассматриваемых преступлений предусмотрены совершенно одинаковые меры наказания, а также абсолютно одинаковые конструкции квалифицирующих составов, которые мы в настоящей статье не рассматриваем, поскольку они достаточно изучены в юридической литературе и, кроме того, они не определяют специфики данных составов преступлений.

Общим является и то обстоятельство, что уголовные дела по ст. 285-1 и 285-2 УК РФ возбуждаются, как правило, по результатам проводимых проверок в порядке финансового контроля.

Изложенное выше позволяет сделать следующие основные выводы. Нецелевое расходование бюджетных средств (ст. 285-1 УК РФ) и нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов (ст. 285-2 УК РФ) имеют ряд общих признаков. Так, родовым объектом нецелевого расходования бюджетных средств (средств государственных внебюджетных фондов) являются установленные в обществе властеотно-

¹ См., например: Волженкин Б.В. К вопросу о понятии должностного лица как субъекта должностных преступлений // Советское государство и право. 1991. № 11; Волженкин Б.В. Служебные преступления. М.: Юрист, 2000; Здравомыслов Б.В. Должностные преступления. Понятие и квалификация. М., 1975; Трайнин А.Н. Должностные и хозяйственные преступления. М., 1938; Утевский Б.С. Общее учение о должностных преступлениях. М., 1948; Аснис А.Я. Проблемы совершенствования действующего уголовного законодательства об ответственности за служебные преступления // Российский судья. 2005. № 5; Аснис А.Я. Уголовная ответственность за служебные преступления в России. Проблемы законодательного закрепления и правоприменения. М.: ЮЦП, 2005; Егорова Н. Субъект преступлений против интересов службы // Законность. 1998. № 4. С. 11-13; Изосимов С.В. К вопросу о разграничении понятия должностного лица и лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной (некоммерческой) организации // Юрист. 1999. № 7. С. 22-24; Федоров В.В. Субъекты злоупотребления полномочиями в коммерческих и иных организациях // Российский судья. 2004. № 12. С. 27-29 и др.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» от 10.02.2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2000. № 4.

шения (в широком смысле), охраняемые уголовным законом. Под видовым объектом этих преступлений следует понимать исполнение служащими государственных и муниципальных органов, учреждений и организаций своих функциональных обязанностей в соответствии с установленными требованиями, обеспечивающими реализацию и защиту охраняемых законом интересов населения, общества, государства. Предметом преступлений, предусмотренных ст. 285-1 и 285-2 УК РФ, являются бюджетные средства, основными характеристиками которых являются: существование в виде денежных средств; безналичность этих денежных средств; принадлежность денежных средств государству (муниципальному образованию). Эти преступления совершаются только с прямым умыслом. Субъектами их являются должностные лица, уполномоченные принимать решения о расходовании бюджетных средств. Что касается различий, то они проходят по непосредственному объекту и объективной стороне преступления, но и здесь само действие (расходование денежных средств) также является общим. Вместе с тем по каждому из элементов составов данных деяний требуется совершенствование уголовно-правовой конструкции.

Медведев Николай Владимирович,
адъюнкт Академии управления МВД России

Проблемы противодействия преступлениям в сфере незаконного оборота оружия, совершаемым с использованием интернет-ресурсов

Анализ современного состояния незаконного оборота оружия дает достаточные основания для прогнозирования дальнейшего осложнения криминологической и криминальной ситуации в этой сфере. Проблема же вооруженной преступности продолжает оставаться одной из наиболее актуальных. В незаконном обороте оружия, по мнению специалистов, находится примерно 10 миллионов единиц, что почти в два раза превышает количество легального оружия различных наименований, находящегося на руках у населения¹.

Совершение преступлений с использованием оружия, боеприпасов, взрывных устройств, как правило, самодельных, вызывает повышенный общественный резонанс, создает реальную угрозу государственной и общественной безопасности². Именно поэтому в Стратегии национальной

¹ Сулакшин С.С., Сидоренко Э.Л., Куропаткина О.В., Буянова Е.Э. и др. Целесообразность, возможность и содержание реформы оборота гражданского огнестрельного оружия. М., 2011. С. 105.

² Кислый О.А., Лукашин М.В. Некоторые вопросы международного сотрудничества в сфере незаконного оборота огнестрельного оружия // Актуальные проблемы международного сотрудничества органов внутренних дел в борьбе с преступностью: Материалы международной научно-практической конференции (Москва, 29.11.2013 г.). М.: Академия управления МВД России, 2013. С. 155-163.

безопасности Российской Федерации, утвержденной в 2015 г., отмечается, что незаконный оборот оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ является одним из основных источников угроз национальной безопасности Российской Федерации¹.

Утвержденная Президентом России Владимиром Путиным Военная доктрина Российской Федерации не снимает актуальность поставленных ранее задач и определяет одними из основных внешних и внутренних угроз стране:

- расширение масштабов транснациональной организованной преступности, прежде всего незаконного оборота оружия;
- создание и подготовка незаконных вооруженных формирований, их деятельность на территории Российской Федерации².

Территориальными органами внутренних дел на районном уровне осуществляющими оперативно-розыскную деятельность на особо-важных и режимных объектах оборонно-промышленного комплекса постоянно наращивается потенциал сил, средств и методов, используемых для выявления, предупреждения³ и раскрытия преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, обеспечения оперативного перекрытия источников его поступления в незаконный оборот.

Вместе с тем анализ уголовной статистики показывает, что предпринимаемые меры недостаточно влияют на масштабы незаконного распространения оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств и их использования при совершении преступлений.

Очевидно, что совершить преступление с использованием оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств может лишь человек, хотя бы в общих чертах знакомый с техникой оружейного или взрывного дела, умеющий обращаться с огнестрельным и охотничьим оружием. В этой связи можно выделить три основные группы таких лиц:

- первую группу составляют специалисты оружейники и взрывотехники, саперы, которые хорошо знакомы с технологией ремонта оружия, изготовления взрывчатых веществ, обладают профессиональными навыками изготовления взрывных устройств и производства подрывов;
- ко второй группе можно отнести тех лиц, которые не обладают профессиональной подготовкой, но знакомы с оружейным и взрывным делом по роду своей профессиональной деятельности;
- к третьей группе следует отнести лиц, не имеющих профессиональной подготовки и по роду своей работы не связанных ни с оружейным,

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683.

² Военная доктрина Российской Федерации: Указ Президента РФ от 25 декабря 2014 г. № 2976 // URL: www.garant.ru/70830556.

³ Борин Б.В., Ищук Я.Г. Понятие оперативно-розыскной профилактики преступлений // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 385

ни с взрывным делом. Для таких лиц источником сведений о технике производства взрывов, переделке оружия для стрельбы боевыми патронами может служить самостоятельное изучение соответствующей литературы, получение информации, размещаемой на интернет сайтах, экспериментирование с взрывчатыми материалами, консультации у осведомленных лиц.

В качестве самостоятельного направления деятельности сотрудников подразделений уголовного розыска территориальных органов внутренних дел на районном уровне осуществляющих оперативно-розыскную деятельность на особо-важных и режимных объектах оборонно-промышленного комплекса можно выделить выявление и документирование преступной деятельности лиц, распространяющих в Интернет-ресурсах и использующих информацию о переделке газового и травматического оружия для стрельбы боевыми патронами, изготовлении взрывных устройств.

Подобный подход обуславливается тем фактом, что в современных условиях компьютерные сети все шире используются в криминальных целях. Поэтому Интернет можно рассматривать не только как инструмент совершения компьютерных преступлений, но и как своеобразное пространство для ведения разнообразной преступной деятельности, в том числе направленной на подстрекательство к совершению экстремистских и террористических актов, пропаганду культа насилия и межнациональной нетерпимости, вовлечение несовершеннолетних и молодежи в преступную деятельность, связанную с использованием оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств¹. Количество преступлений, совершаемых благодаря использованию информации, полученной из Интернет-ресурсов, растет пропорционально числу пользователей компьютерных сетей. При этом следует отметить, что слой пользователей только в России уже превысил 40 миллионов человек и продолжает увеличиваться.

Развитие и внедрение в повседневную жизнь информационно- телекоммуникационных технологий вовлекает в этот процесс все большее количество людей, создающих благоприятные условия для расширения поля деятельности преступников². Отсутствие границ и возможность действовать анонимно и удаленно в цифровой среде является «ценным подарком» для преступных сообществ. В связи с этим наблюдается быстрое развитие новых форм преступной деятельности в сфере информационных технологий.

Факторами, привлекающими преступников к Интернет-ресурсам, являются:

– неограниченный обмен большими объемами информации;

¹ Соловьев В.С. Криминогенный потенциал социального сегмента сети Интернет: методика оценки и меры нейтрализации: монография. М.: Юрлитинформ, 2017.

² Некрасов Д.Е., Бадалянц Э.Ю., Ищук Я.Г., Чистотина О.Н., Шкабин Г.С. Преступность в Рязанской области и противодействие ей: криминологические и уголовно-правовые аспекты. Рязань, 2012. С. 47.

- возможность осуществлять информационно-психологическое воздействие на огромную аудиторию пользователей Интернет-ресурсами;
- использование возможностей Интернет-ресурсов в качестве орудия совершения преступления;
- существующие правила эксплуатации киберпространства позволяют обеспечить анонимность действий в Интернет-ресурсах и существенно осложняют идентификацию пользовательского оборудования.

Таким образом, для успешного решения задач в сфере борьбы с вооруженной преступностью сотрудникам уголовного розыска территориальных органов внутренних дел в целом и территориальных органов внутренних дел на районном уровне осуществляющих оперативно-розыскную деятельность на особо-важных и режимных объектах оборонно-промышленного комплекса необходимо развивать новое направление – оперативно-розыскную деятельность в информационно-телекоммуникационных сетях.

Вместе с тем, выявить преступника в виртуальном пространстве бывает весьма сложно из-за слишком малого количества оставляемых им следов, в отличие от реальной действительности. Чаще всего он действует через один или несколько подставных компьютеров, что затрудняет его идентификацию и выявление. В целях сокрытия следов криминальной деятельности с использованием Интернета преступники могут использовать похищенные у легальных пользователей реквизиты доступа и регистрировать сайты на подставных лиц. Анализ практики раскрытия и расследования преступлений, связанных с незаконным изготовлением оружия и взрывных устройств, показывает, что в последнее время успешное раскрытие таких преступлений может быть связано с оперативным выявлением преступника по следам, оставленным в Интернете.

В связи с этим необходима систематическая и планомерная работа по совершенствованию поиска оперативной информации¹ в отношении лиц, размещающих в Интернет-ресурсах информацию о переделке газового и травматического оружия для боевой стрельбы и изготовлении взрывных устройств и использующих ее в преступных целях.

Осуществляя поиск информации о переделке газового и травматического оружия для боевой стрельбы и изготовлении взрывных устройств, сотруднику оперативных подразделений следует иметь в виду, что такая информация зачастую может содержаться на самых различных Интернет-ресурсах. Зачастую это специализированные ресурсы, посвященные непосредственно пиротехнике, переделке оружия и изготовлению взрывных устройств, сайты (блоги), которые носят экстремистскую и иную радикальную направленность, ресурсы, посвящены охоте или иному законному виду деятельности. Поэтому первостепенную роль при выявлении и документировании рассматриваемых криминальных и деяний играет постоян-

¹ Кислый О.А. Некоторые элементы информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности // Образование. Наука. Научные кадры. 2016. № 6. С. 52-54.

ный мониторинг ресурсов сети Интернет. Он может проводиться как непосредственно сотрудниками уголовного розыска, так и специалистами других оперативных подразделений системы МВД.

Информацию об Интернет-ресурсах, в которых могут содержаться данные о незаконных действиях с взрывными устройствами и взрывчатыми веществами, оружием можно почерпнуть и из других источников. Таковыми могут являться:

- сообщения правоохранительных органов зарубежных государств;
- сообщения российских правоохранительных органов;
- сообщения печатных средств массовой информации.

Проводя мониторинг и контент-анализ Интернет-ресурсов, следует иметь в виду, что размещение информации в Интернете о переделке или изготовлении оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств, само по себе не является преступлением. В качестве преступных проявлений можно рассматривать размещенные на Интернет-ресурсах сообщения, являющиеся своеобразными консультациями (ответами на вопросы) пользователей по изготовлению, переделке оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств, либо предложениями по их сбыту. Если рассматриваемая Интернет-переписка «перерастет» в конкретные преступные действия вне Интернета (действия, направленные на изготовление, переделку, сбыт, приобретение указанных предметов) и данные обстоятельства будут соответствующим образом задокументированы, а материалы разработки – успешно реализованы, данных лиц можно будет привлечь к уголовной ответственности по ст. 222, 223 УК РФ.

Помимо документирования действий предполагаемых преступников в Интернете, необходимо принимать меры к фиксации их действий вне сети. Так, практика свидетельствует о том, что лица, занимающиеся изготовлением взрывных устройств, довольно часто проводят их испытания. Они могут проводиться в лесопарковых зонах, за городом, в непосредственной близости или даже непосредственно на территории садоводческих товариществ. В последнем случае преступники иногда осуществляют подрывы сараев и иных построек. Поэтому, получив информацию о предстоящих или уже проведенных «испытаниях», оперативным сотрудникам необходимо принять меры не только к фиксации подготовительных действий подозреваемых или результатов следов подрыва (путем фотосъемки или видеозаписи), но и к установлению потерпевших (владельцев поврежденного или уничтоженного имущества), а также – возможных свидетелей или очевидцев действий «взрывников».

По нашему мнению, наиболее частыми ОРМ, проводимыми в рамках документирования преступной деятельности указанных лиц, являются СИТКС, опрос, наведение справок, оперативное внедрение и другие, разрешенные федеральным законодательством.

Наиболее сложным ОРМ, по нашему мнению, является внедрение. Рассмотрим некоторые аспекты данного мероприятия. Зарегистрировав-

шись на соответствующем Интернет-ресурсе, оперативному сотруднику необходимо периодически подключаться к обсуждению тем, связанных с изготовлением оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств, переделке травматического оружия и т. п. Принимая участие в подобного рода «сетевых» дискуссиях, необходимо проявлять искренний интерес к обсуждаемым темам, демонстрировать свою осведомленность в области химии, физики, взрывного дела и т. п. Поэтому при общении с данными пользователями не лишним будет консультационная помощь экспертов-криминалистов.

Сотруднику, проводящему указанное ОРМ, не следует фигурировать в социальных сетях, которые получили широкое распространение в России («Одноклассники», «ВКонтакте» и т. д.), тем более нельзя осуществлять выход в Интернет с компьютера, установленного в ОВД либо по месту проживания оперативного сотрудника.

В связи с этим считаем необходимым обратить внимание сотрудников уголовного розыска на то, что к данному ОРМ в обязательном порядке необходимо привлекать сотрудников специальных подразделений. Это требование обусловлено следующими обстоятельствами. Во-первых, участие в ОРМ такого специалиста позволит избежать расшифровки лиц, осуществляющих разработку. Во-вторых, само общение будет носить более естественный характер, так как практика показывает, что указанные сотрудники хорошо владеют Интернет-сленгом, могут оперативно указывать («кидать») необходимые Интернет-ссылки и т. п.

Конечно же, успех каждого мероприятия зависит от профессионализма сотрудника, его знаний и умелого сочетания традиционных оперативных и новых технических методов поиска информации в Интернет ресурсах. Поэтому одной из важных задач является подготовка собственных кадров и привлечение к работе в правоохранительных органах высококвалифицированных специалистов в области информационных технологий.

Москвичев Алексей Александрович,
преподаватель кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России

**Уголовная ответственность за содержание игорного притона
или систематическое предоставление помещения
для проведения азартных игр**

Действующая государственная политика в области игорного бизнеса направлена на его сохранение и развитие исключительно в предназначенных для этого игорных зонах. Начальным этапом реализации данной задачи стало принятие Федерального закона № 244-ФЗ от 29 декабря 2006 г. «О государственном регулировании деятельности по организации и прове-

дению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»¹ (с последующими изменениями и дополнениями), который закрепил перечень специальных зон, предназначенных для организации и проведения азартных игр. В дальнейшем законодатель вполне обоснованно решил использовать уголовно-правовые меры предупреждения и пресечения противоправной деятельности в данной сфере, в результате чего Федеральным законом № 250-ФЗ от 20 июля 2011 г. в УК РФ была включена статья 171.2, устанавливающая уголовную ответственность за незаконные организацию и проведение азартных игр².

Следует разграничивать понятия «организация и проведение азартных игр» и «содержание притона» для тех же целей. В последнем случае действия лиц направлены на поддержку (содействие) той или иной деятельности, что по функциональности относится к альтернативному пособничеству, отвечающему смыслу части 5 статьи 33 УК РФ. Содержание игорного притона предполагает совершение действий владельцем или арендатором помещения, обеспечивающих его функционирование (снабжение помещения мебелью и необходимой компьютерной или оргтехникой, охрана объекта, поиск клиентов, обслуживание игорного оборудования – перепрограммирование его на системные выигрыши-проигрыши и т.д.).

Поддерживая криминализацию данного деяния, следует отметить, что нет единого подхода к понятию «игорный притон». В частности В.И. Ткаченко под притоном понимает место, где собираются люди с преступными или аморальными целями³. Н.П. Грабовская понимает содержание игорных притонов как предоставление помещений для азартных игр в карты, рулетку и других игр на деньги⁴. По мнению А.Н. Игнатова, игорными притонами следует признавать помещения, систематически используемые для проведения азартных игр неопределенным числом лиц⁵. Похожую точку зрения занимал А.С. Михлин, определяя игорный притон как

¹ Федеральный закон от 26.12.2006 г. № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ от 01.01.2007. № 52 (Части I-II), Ст. 7.

² Федеральный закон от 20.07.2011 г. № 250-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ от 25.07.2011. № 30 (Части I-II), Ст. 4598.

³ Ткаченко В.И. Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения // Советское уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. П.И. Гришаева, Б.В. Здравомыслова. М.: Юридическая литература, 1993. С. 543.

⁴ Грабовская Н.П. Преступления, посягающие на советский образ жизни // Курс советского уголовного права: в 5 т. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та. 1981. Т.5. С. 66.

⁵ Игнатов А.Н. Преступления против общественной безопасности, общественно-го порядка и здоровья населения // Курс советского уголовного права. В 6 т. / под ред. А.А. Пионтковского, П.С. Ромашкина, В.М. Чхинвадзе. М.: Наука, 1971. Т. 6. Часть Особенная. С. 374.

«помещение (специально оборудованное или иное), которое систематически используется для азартной игры на деньги»¹.

Для выработки понятия «игорный притон» необходимо определить его признаки:

1) Территориальность – место, пригодное для проведения азартных игр, должно быть ограничено в пространстве, поскольку на открытых участках местности объективно невозможно длительное время осуществлять игорную деятельность.

2) Цель: а) применительно к субъекту деятельности – корыстная заинтересованность; б) применительно к самому виду деятельности – игорный притон устраивается исключительно для проведения азартных игр.

3) Систематичность – то есть проведение в притоне азартных игр два и более раза.

Таким образом, по нашему мнению, под игорным притоном следует понимать специально оборудованное помещение, расположенное вне игорных зон, систематически используемое для проведения азартных игр из корыстных побуждений.

Под содержание игорного притона в свою очередь следует понимать умышленные действия лица по использованию помещения, отведенного и (или) приспособленного для проведения азартных игр, по оплате расходов, связанных с существованием притона после его организации либо эксплуатацией помещения (внесение арендной платы за его использование, регулирование посещаемости, обеспечение охраны, снабжение помещения мебелью и необходимой компьютерной или оргтехникой, обслуживание игорного оборудования – перепрограммирование его на системные выигрыши-проигрыши и т.п.).

Систематическое предоставление помещения выражается, как правило, в предоставлении специально необорудованного жилого (квартиры, дачи, гостиницы), в отдельных случаях нежилого помещений (склад, гараж, автофургон, сарай) для проведения азартных игр вне игорных зон. Уголовная ответственность за данное деяние должна наступать в случае, если такое помещение предоставлялось два и более раза. По смыслу статей 232 и 241 УК РФ помещение в данном случае выступает местом совершения преступления, а его предоставление направлено на содействие организатору или держателю игорного притона а, значит, также отвечает смыслу части 5 статьи 33 УК РФ.

Преступным следует считать предоставление помещения, если доказано не менее двух эпизодов в течение относительно непродолжительного промежутка времени. Не имеет квалифицирующего значения, предостав-

¹ Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР: по сост. на 15 декабря 1993 г. М.: Вердикт, 1994. С. 438

лялось ли помещение одному и тому же лицу или разным гражданам, а также на возмездной или безвозмездной основе.

Исходя из анализа практики, следует отметить, что ввиду отсутствия в УК РФ нормы, предусматривающей уголовную ответственность за содержание игорного притона или систематическое предоставление помещения для проведения азартных игр вне игорных зон, квалификация происходит либо по статье 171.2 УК РФ, либо по статье 14.1.1. КоАП РФ, либо виновные лица вовсе не привлекаются к ответственности. Представляется, что введение в УК РФ специальной нормы необходимо, поскольку в отличие от деяний, предусмотренных статьей 171.2 УК РФ, посягательство происходит не столько на общественные отношения в сфере экономики, сколько на отношения в сфере общественной нравственности и здоровья населения. Кроме того возможное отграничение организации и проведения азартных игр от содержания игорного притона или систематического предоставления помещения для проведения азартных игр вне игорных зон послужит основанием для совершенствования правоприменения.

Москвичев Сергей Александрович,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Современный подростковый буллинг: причины и формы его проявления

В настоящее время в образовательной среде наблюдается существенный рост количества случаев насилия (буллинга) среди подростков. Такие агрессивные действия, как хулиганство, драки, школьная травля, вызывают серьезную озабоченность у психологов, педагогов, врачей. В этой связи можно с уверенностью говорить о том, что буллинг стал опасной социально-психологической проблемой современной России.

Впервые такое явление как буллинг (bullying, от англ. bully — хулиган, драчун, задира, грубиян, насильник) описал скандинавский ученый Дэвид Олвеус, который в 70-х годах прошлого века провел исследование буллинга среди мальчиков. Под буллингом Олвеус понимал особый вид насилия, когда один человек (или группа) физически нападает или угрожает другому человеку (группе), последний из которых слабее и не может себя защитить ни физически, ни морально¹.

В отечественной психологической науке данная тема была предметом исследования В.В. Денисова, Г.Н. Киреева, А.Б. Кирюхиной, В.А. Си-

¹ Olweus D. Bullying at School: What We Know and What We Can Do (Understanding Children's Worlds). Oxford UK: Blackwell Publishers, USA, 1993. 140 p.

тарова и др. Изучением аспектов насилия в образовательной среде занимались такие исследователи, как С. Алексеева, И.А. Баева, Е.В. Бурмистрова, Е.Ф. Быковская, Е.Н. Волкова, Т.Г. Волкова, Е.В. Гребенкин, Н.О. Зиновьева, Н.Ф. Михайлова, В.Р. Петросянца и др.

Среди психологов и педагогов до сих пор отсутствует единое согласованное, конвенциональное понимание того, что такое буллинг. Одни специалисты определяют буллинг как целенаправленное, осознанное желание нанести вред, угрожать кому-то или вызывать у кого-то страх физическими, вербальными или эмоциональными способами, включая физические травмы, угрозы, унижение, дразнение и обзывание, которые могут происходить эпизодически, так и повторяться систематически (явный буллинг)¹. Другие исследователи обоснованно утверждают, что травля может быть вообще неявной, практически невидимой: игнорирование одноклассника, отказ с ним общаться и т.п. (скрытый буллинг)².

Конкретные формы и способы буллинга постоянно меняются. Современные технологии создают благоприятные возможности для такого негативного явления, как запугивание и издевательство с использованием различных социальных сетей (Facebook, ВКонтакте и др.) и мессенджеров (Viber, WhatsApp, Telegram). Данное явление получило название «кибербуллинг»³.

Обобщая проведенные исследования среди обучающихся обоих полов можно сделать вывод, что обидчики, как правило, старше своих жертв, позитивно относятся к насилию, имеют низкий уровень тревожности и высокую самооценку, часто конфронтируются взрослыми, нарушают школьные правила, для них характерны импульсивность и потребность в доминировании, они вспыльчивы, чувствительны к критике, но равнодушны к чувствам других и неспособны к эмпатии. Семьи обидчиков характеризуются патологическими типами семейного воспитания, наличием насилия, физических наказаний и эмоциональной отдаленностью членов семьи друг от друга. Родители обидчиков, как правило, сами моделируют неадекватную реакцию своих детей на те или иные ситуации.

Для жертв буллинга в целом характерны низкий уровень коммуникативных навыков и неспособность защитить себя в ситуации насилия, малое количество или отсутствие друзей, повышенная тревожность и заниженная

¹ Петросянец В.Р. Психологическая характеристика старшеклассников, участников буллинга в образовательной среде, и их жизнестойкость. Автореф. дис. ... канд. психол. н. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2011. – 26 с.

² Рассоха Н.Г. Представления о психологической безопасности образовательной среды школы и типы межличностных отношений её участников. Автореф. дисс....канд. психол. н. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. – 32 с.

³ Сафронова М.В. Буллинг в образовательной среде – мифы и реальность // Мир науки, культуры, образования. 2014. №3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/bulling-v-obrazovatelnoy-srede-mify-i-realnost-1> (дата обращения: 29.08.2017).

самооценка, физическая слабость. Такие особенности личности жертв порождают у них депрессивные состояния, тревожность, психосоматические расстройства, безынициативность в общении, отсутствие каких-либо лидерских тенденций, чувство межличностной уязвимости, дистантные отношения с родителями, что в результате значительно ухудшает их социализацию. В младшей школе жертвами буллинга чаще становятся физически слабые учащиеся и учащиеся, которые моложе своих сверстников. Также для учащихся младшего школьного возраста более характерны физические воздействия, в то время как старшеклассники чаще используют косвенные формы буллинга. Кроме того жертвы, как правило, обладают повышенным чувством вины и страхом перед школой. Однако многие исследователи подчеркивают, что перечисленные признаки могут быть в равной степени как причиной, так и следствием буллинга.

Кроме традиционно выделяемых категорий участников буллинга – «обидчики» и «жертвы», некоторые специалисты выделяют особую категорию так называемых «агрессивных жертв», которые больше всего восприимчивы к провокациям обидчиков, стараются защищаться от нападения сверстников, склонны к эксплозивным гневным реакциям. Крайним проявлением ответной реакции жертвы на действия агрессора может стать совершение преступления¹.

Показательным в этом смысле является случай, произошедший 5 сентября 2017 г. в МБОУ "Образовательный центр № 1" городского округа Ивантеевки Московской области, где учащийся 9 класса несовершеннолетний Михаил П., во время урока информатики напал с кухонным топориком на учительницу, ударил ее по голове, после чего стал взрывать в классе самодельные петарды и открыл стрельбу из пневматического оружия. В отношении несовершеннолетнего возбуждено уголовное дело по признакам преступлений, предусмотренных ч.3 ст. 213, ч. 3 ст. 30, п.п. «а», «б», «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ. По одной из версий подросток мог оказаться жертвой буллинга, так как регулярно подвергался травле из-за выбора одежды (школьник предпочитал военную форму и ботинки берцы, «изрисовывал себя», за что и стал целью насмешек одноклассников)².

Похожий инцидент произошел 3 февраля 2014 г. в ГОУ СОШ № 263 г. Москвы, где ученик 10 класса Сергей Г. пришел в школу с двумя отцовскими винтовками - Tikka T3 и мелкокалиберной Browning. Подросток зашел в кабинет географии, где занимался его класс, и расстрелял учителя

¹ Бочавер А.А. Травля в детском коллективе: установки и возможности учителей [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. №1. <http://psyedu.ru/journal/2014/1/Bochaver.phtml> (дата обращения: 29.08.2017).

² Петров И. СК изучит круг общения и окружение "Ивантеевского стрелка" [Электронный ресурс] // Интернет-портал "Российской газеты" www.rg.ru. 2017. <https://rg.ru/2017/09/05/reg-cfo/sk-izuchit-krug-obshcheniia-i-okruzhenie-ivanteevskogo-strelka.html> (дата обращения: 29.08.2017).

Андрея К. Позже ученик расправился с прибывшими по вызову сотрудниками полиции: убил Сергея Б. и серьезно ранил Владимира К. 3 марта 2015 г. приговором Бутырского районного суда г. Москвы Сергей К. был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных п.п. «а», «б», «к» ч. 2 ст. 105, ч. 3 ст. 30 п.п. «а», «б», «к» ч. 2 ст. 105, п.п. «г», «д», «ж» ч. 2 ст. 127 УК РФ, в состоянии невменяемости и направлен на принудительное лечение в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, специализированного типа¹.

Приведенные примеры следственно-судебной практики свидетельствуют о том, что проблема буллинга (насилия) как проявления агрессии становится все более актуальной. Полноценное развитие и реализация личностного потенциала ребенка в школе возможны только в комфортных психолого-педагогических условиях. Центральное место среди них принадлежит качеству межличностного общения и психологической безопасности в образовательной среде. Однако современный жизненный контекст не исключает явления насилия из процессов обучения и воспитания. В этой связи необходимо исследовать сам феномен буллинга в образовательной среде, в связи с тем, что он способен разрушать безопасность образовательной среды и негативным образом сказываться на развитии личности. Социально-психолого-педагогическая профилактика буллинга состоит в деятельности по его предотвращению или удержанию на социально приемлемом уровне через ликвидацию или нейтрализацию причин, его порождающих.

Мукажанов Азамат,
адъюнкт кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России

К вопросу об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по делам о хулиганстве

Анализ судебной и следственной практики свидетельствует о том, что проблема определения обстоятельств, подлежащих доказыванию по делам о хулиганстве, является весьма актуальной. Следователи, дознаватели при производстве следственных действий испытывают значительные затруднения при определении предмета доказывания по указанной категории дел.

При установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию, основополагающее значение наряду с нормами Особенной части УК РФ имеет

¹ Дуэль Э., Ивойлова И., Козлова И., Рыбникова И., Фалалеев М. Урок 10А [Электронный ресурс] // Интернет-портал "Российской газеты" www.rg.ru. <https://rg.ru/2014/02/03/shkola-site.html> (дата обращения: 29.08.2017).

сформулированный в уголовно-процессуальном законодательстве предмет доказывания. Поэтому эффективность предварительного расследования в значительной степени обеспечивается детализацией обстоятельств, подлежащих доказыванию на основе признаков конкретного состава преступления.

Хулиганство относится к разряду тех общественно опасных деяний, которые, по мнению отдельных исследователей, заключаются в нарушении данным деянием упорядоченности системы общественных отношений, социально-психологического порядка в обществе и индивидуально-психологического порядка, вызывающем у граждан тревогу, беспокойство, страх, демонстрируя в связи со своей публичностью отрицательный пример, который субъект преступления подает неустойчивым лицам¹.

Круг обстоятельств, которые необходимо установить любому уголовному делу в соответствии с требованиями ст. 73 УПК РФ, представляет собою, в сущности, типовую программу расследования². При расследовании хулиганства все элементы этой типовой программы конкретизируются такими признаками совершенных противоправных действий, которые характеризуют эти действия именно как хулиганские и отличают от иных преступлений.

По делу о хулиганстве, по нашему мнению, необходимо установить следующее.

Какие конкретно общественно опасные действия совершены— оскорбительное приставание к гражданам, унижение их чести и достоинства, нанесение кому-либо побоев либо причинение телесных повреждений, дебош, срыв общественного мероприятия, повреждение социалистического или личного имущества граждан, учинение нецензурных надписей в общественных местах и т. п.;

Место совершения данных действий. При этом важно не просто «географически» обозначить данное место, но и отразить его общественное назначение (танцплощадка в парке, людная улица, площадь, зал развлекательного учреждения, квартира и т. д.);

Время совершения этих действий. Здесь следует отметить, что важны не только обычная ориентировка во времени наступления события (год, месяц, число, часы, а иногда и минуты совершения хулиганских действий), но и указания на временные особенности социальных процессов, нарушенных данными действиями (рабочее время дня, дни отдыха, обеденный перерыв во время рабочего дня, вечернее свободное время и т. п.);

¹ Любичева Э. Н. К вопросу об оценке уголовно-правовых признаков хулиганства // Общество и право. 2009. № 2. С. 29-31.

² Более подробно о типовых программах расследования см., например, Лозовский Д.Н. Криминалистическое учение о методах расследования преступлений и его реализации в практики борьбы с организованной преступной деятельностью: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Санкт-Петербургский университет МВД Российской Федерации. Санкт-Петербург, 2011.

Обстановку, в которой были осуществлены хулиганские действия (интенсивное движение граждан по улице, массовое гулянье, проведение зрелищного мероприятия, спортивного состязания и проч.);

В чем выразилось грубое нарушение общественного порядка и явное неуважение к обществу (резкое или длительное нарушение нормальных условий работы либо отдыха граждан, срыв массового мероприятия, оскорбление чести и достоинства граждан, нанесение им телесных повреждений, причинение, имущественного вреда государству, общественным организациям или гражданам и т. д.);

Нет ли в данных хулиганских действиях квалифицированных признаков;

Не совершено ли одновременно с хулиганскими действиями другое преступление (грабеж, причинение тяжких телесных повреждений и т. п.);

Кто совершил хулиганство(фамилия, имя, отчество и, далее, весь обычный комплекс сведений о субъекте хулиганства, включающий сведения социально-демографические, нравственно-психологические, если имеются, уголовно-правовые). Если хулиганство совершено группой лиц, то наряду с установлением названных сведений о каждом из членов группы требуется исследовать структуру, степень устойчивости и направленность данной группы; специфику ролевых функций каждого из соучастников в совершенных хулиганских действиях;

Виновность обвиняемого в хулиганстве (сознание противоправности совершенного им грубого нарушения общественного порядка и явности выражаемого через это нарушение неуважения к обществу предвидение общественно-опасных последствий совершаемых действий и желание их совершить, а также мотив и цель данных действий);

Другие обстоятельства, влияющие на характер и степень ответственности виновного (наличие смягчающих и отягчающих обстоятельств и др.);

Непосредственные причины хулиганских действий - антисоциальные психологические установки виновных, их содержание, стойкость, интенсивность и условия, способствовавшие совершению этих действий недостатки в организации массовых мероприятий, в охране общественного порядка в определенных местах, невмешательство граждан в пресечение хулиганства и т. и.

Установление указанных обстоятельств, если каждое из них будет подтверждено необходимой и достаточной совокупностью доказательств, вполне обеспечит требуемую по закону всесторонность, полноту, и объективность расследования хулиганства.

Пучнина Маргарита Юрьевна,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Воронежского института МВД России

Уголовно-правовые меры противодействия деятельности сообществ суицидальной направленности («групп смерти») в сети Интернет

Жизнь человека – это высшая ценность в любом цивилизованном обществе, поэтому совершенствование уголовно-правового и криминологического регулирования охраны данного объекта всегда была, есть и будет актуальной темой. Самоубийства являются одной из острейших проблем современного общества. Они занимают ведущее место среди причин смертности населения и сохраняют тенденцию роста в ряде государств. По данным Всемирной организации здравоохранения, в России в настоящее время количество суицидов снизилось до среднего уровня (не превышает 20 случаев на 100 тыс. населения)¹. Однако за последнее десятилетие в нашей стране частота суицидов среди детей и подростков выросла практически в 3 раза. При этом ожидается, что в последующие 10 лет число самоубийств этой возрастной группе будет только увеличиваться. Смертность от повреждений с неопределенными намерениями российских юношей обусловлена суицидами в 33,2%, девушек – в 34% случаев².

Рост количества самоубийств среди несовершеннолетних может быть обусловлен рядом факторов: взаимоотношения с родителями, сверстниками, проблемы в школе, сложность в общении с окружающими, одиночество, недостаток внимания, неразделенная любовь, физические недостатки и т.д.

По общепринятому мнению, другой немаловажной причиной увеличения суицидального показателя несовершеннолетних является лавинообразное распространение «групп смерти», а также игры «синий кит» в социальных сетях³. Рассматриваемые сообщества пропагандируют культ смерти, оправдывают суицид и предлагают его в качестве выхода из сложной жизненной ситуации. Игра «синий кит» заключается в выполнении подростками определенных заданий суицидальной тематики: чтение специализированной литературы, изучение криповых (угнетающих) видеоматериалов, нанесение себе увечий и т.д.⁴ Все вышеперечисленное представля-

¹ Самоубийства в России [Электронный ресурс] // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 05.09.2017).

² Проблема суицидального поведения детей и подростков: Методические рекомендации / Ворсина О.П., Дианова С.В., Чернигова Е.П. Иркутск, 2014.

³ Детские суициды требуют меры [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3248007> (дата обращения: 05.05.2017).

⁴ Маслова М.Ю. Склонение несовершеннолетних к суициду с использованием социальных сетей // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2017» 11-14 апреля 2017 г. / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. М.: МАКС Пресс, 2017.

ет большую опасность, поскольку может побудить подростков к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и (или) здоровью, в том числе к самоубийству¹.

На наш взгляд, оказываемое «группами смерти» психологическое давление на несовершеннолетнего, следует относить не к причинам увеличения уровня подросткового суицида, а к условиям, при которых наступает благоприятная обстановка для воздействия на неокрепшую психику ребенка.

Во-первых, несовершеннолетний, который чувствует себя абсолютно нормально, не озабочен рядом проблем, кажущимися ему неразрешимыми, «просто так», из интереса не будет вбивать в поисковых системах запросы, связанные с самоубийством. Получается, для того, чтобы он столкнулся с «группами смерти», нужны определенные предпосылки, которые как раз могут быть представлены перечисленными выше причинами.

Во-вторых, деятельность суицид-сообществ заключается в подталкивании к самоубийству путем психологического давления. Общаясь с несовершеннолетними, «кураторы» выявляют реальные проблемы жертвы, после чего преувеличивают их в разы и буквально убеждают: «другого решения нет».

Ряд авторов, датируют первые упоминания о «группах смерти» декабрем 2015 года и связывают их с самоубийством Ренаты Паленковой (Камболиной)². «Ня.Пока» – так девушка попрощалась на своей странице в социальной сети ВКонтакте со всеми, кто ее знает за несколько часов до смерти. В короткие сроки она стала «звездой» социальных сетей и примером для подражания. Однако реальная взаимосвязь этого трагического случая с суицидальными сообществами правоохранительными органами не подтверждается.

В мае 2016 года в «Новой газете» был опубликован материал Галины Мурсалиевой «Группы смерти 18+». За два дня с ним ознакомились свыше миллиона человек. Статья получила небывалый резонанс. Данным вопросом заинтересовались и государственные органы. Высокая степень общественной опасности криминальной активности лидеров «групп смерти» вызвала необходимость корректировки действующего законодательства. О перспективах криминализации использования информационно-телекоммуникационных технологий для склонения к самоубийствам говорилось и в науке³. Как следствие в июне 2017 года была частично изменена и до-

¹ О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: федеральный закон от 29.12.2010. № 436-ФЗ (ред. от 29.06.2015) // Собр. законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 48.

² Мурсалиева Галина. Группы смерти 18+ [Электронный ресурс] URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/05/16/68604-gruppy-smerti-18> (дата обращения 20.08.2017).

³ Соловьев В.С. Криминогенный потенциал социального сегмента сети Интернет: методика оценки и меры нейтрализации: монография. М.: Юрлитинформ, 2017.

полнена ст. 110 УК РФ «Доведение до самоубийства», а также введены две новые статьи: 1101 «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства» и 1102 «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства» УК РФ¹. Кроме того, в июле 2017 года было ужесточено наказание за указанные составы преступлений.

До вступления в силу представленных изменений, модераторы суицид-сообществ могли нести только административную ответственность за распространение информации, побуждающей детей и подростков к совершению опасных для их жизни и здоровья действий, в рамках ст. 6.17 КоАП РФ. Статья 110 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего. Администраторы «групп смерти» не прибегали к подобным действиям, а использовали свои не менее эффективные методы, которые подпадают под действие указанной статьи только при запугивании несовершеннолетнего. Их деятельность заключалась в распространении культа смерти, повествовании о другой реальности, попасть в которую можно только посредством самоубийства. Иными словами, у подростка подавляли желание жить, развивали мысли о суициде.

На данный момент вынесен только один приговор суда в отношении администратора «группы смерти» – Ф.А. Будейкина (известного как Филипп Лис), которого признали виновным в доведении до самоубийства и приговорили к лишению свободы². Это пример из судебной практики, когда преступник использовал крайний метод общения с детьми – запугивание. Однако, как сообщалось правоохранительными органами и как в своих интервью рассказывал сам осужденный, он не только доводил до самоубийства, но и склонял к совершению суицидального акта, посредством возбуждения у подростков решимости совершить суицид путем внушения либо иного психологического воздействия, а также путем распространения информации, побуждающей к причинению вреда своему здоровью или самоубийству, что не соответствовало на тот момент объективной стороне ст. 110 УК РФ. После этого прецедента правоохранительными органами было задержано еще более 100 человек, обвиняемых в создании «групп смерти». Поскольку преступность и наказуемость деяния

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению: федеральный закон от 07.06.2017 № 120-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2017. № 24. Ст. 3489.

² Филипп Лис осужден на 3 года и 4 месяца за доведение до самоубийства [Электронный ресурс] // URL: <https://www.svoboda.org/a/28624464.html> (дата обращения: 18.08.2017).

определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния, указанные лица не были привлечены к уголовной ответственности.

Изучив новые составы преступлений, касающиеся доведения до самоубийства, склонения к самоубийству либо содействия ему, стоит отметить немаловажную проблему, которая, на наш взгляд, может вызвать сложности в их практическом применении – это обобщенный характер описания признаков состава преступления (широкие диспозиции) в ч. 1 и 2 ст. 110.1 УК РФ. Ряд авторов полагает, что такие формулировки могут позволить кураторам «групп смерти» избежать наказания¹. Кроме того, может сложиться и обратная ситуация. Предположим, пользователь социальной сети написал в комментарии кому-либо давно известную фразу «убейся о стену». Если строго следовать букве закона, то лицо, к которому было сделано это обращение, может подать в суд за склонение к самоубийству. Избежать подобных ситуаций, на наш взгляд, поможет только очередная корректировка законодательства. Так, основанием для возникновения уголовных правоотношений должны являться два взаимосвязанных юридических факта:

1) общественно опасное действие одного лица, направленное на возбуждение у другого решимости совершить суицидальный акт;

2) сознательный и волевой поступок лица, выраженный в самоубийстве либо попытке его совершения по причине оказанного на него давления.

Следует предположить, что юридическая природа склонения к самоубийству должна заключаться в том, что одно лицо, воздействуя определенным способом на психическую сферу деятельности другого, вызывает у него мысли о самоубийстве. Вместе с тем, необходимо учитывать, что при суициде или его попытке воля человека не парализована. Он сам делает свой выбор.

Считаем, что важным моментом для привлечения к уголовной ответственности за склонение к самоубийству, как и за доведение до самоубийства, необходимо обязательное наличие обоих названных юридических фактов. Суицид или его попытка должны быть обусловлены предшествующим поведением виновного лица, вызвавшим у жертвы решимость совершить суицид. Если лицо приняло решение покончить с собой по другим причинам, то ответственность по ст. 110-110.1 УК РФ должна исключаться. Только таким образом у законодателя получится ограничить предел уголовной противоправности при склонении к самоубийству.

¹ Токарев А. Организаторы «групп смерти» могут избежать наказания из-за нового закона [Электронный ресурс] //URL: <https://opennov.ru/news/36323-organizatory-grupp-smerti-mogut-izbezhat-nakazaniya-iz-za-novogo-zakona> (дата обращения 02.09.2017).

Степанян Иван Сергеевич,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России,

**Конкуренция уголовно-правовых норм, предусматривающих
ответственность за участие граждан РФ в совершении актов
международного терроризма за пределами государства**

Опасность международного терроризма заключается в том, что он направлен на манипулирование гражданским населением путём устрашения. В конечном итоге подрывается устройство страны, идеология, целостность и неприкасаемость границ.

Противодействие терроризму должно быть согласованным и «обще-государственным». Для этого должны быть предприняты глобальные меры, начиная от проведения воспитательных бесед с молодым поколением (именно подростки более открыты для вербовки в террористические группировки посредством социальных сетей и СМИ) до уголовного преследования, осуждения и применения наказания к лицам, ведущих террористическую деятельность, направленную не только на подрыв конституционного строя государства, но и умышленное лишение жизни мирных жителей.

Интерес представляет введение в 2016 г. ст. 205 УК РФ, которая закрепила специальный состав по отношению к ст. 316 УК РФ (дифференциация ответственности). Однако, при этом имела место криминализация в части несообщения о преступлениях, не относящихся к особо тяжким (ч. 1 ст. 205, ст. 205, ч. 2 ст. 205, 360 УК РФ).

Анализ уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за угрозу совершения террористического акта, позволяет выделить две статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, конкурирующих между собой в силу наличия в них общего признака – угрозы совершения террористического акта. К таким статьям Уголовный кодекс Российской Федерации относит составы преступлений, предусмотренные ст. 205 УК РФ (террористический акт) и 207 УК РФ (заведомо ложное сообщение об акте терроризма).

Между тем, объективная сторона статьи 205 Уголовного кодекса Российской Федерации образует не только угрозу совершения террористического акта, но и фактическое совершение действий, которыми угрожает виновный. Мы считаем, что в данном случае речь должна идти не только об активных формах поведения преступника. На практике при квалификации террористического акта может возникнуть коллизия при совершении объективной стороны преступления путем бездействия (например, посредством невыполнения обязанностей по отключению определенных производственных или технологических процессов в добывающей промышленности). В силу чего, считаем, что следует корректировать ч. 1 ст. 205

УК РФ, путем замены понятия «действия» на «деяние», как это сделано в ч. 2 и ч. 3 ст. 205 УК РФ.

Неоднозначны мнения по поводу объединения законодателем деяний в объективной стороне, различных по степени общественной опасности: «совершение действий», указанных в ч. 1 ст. 205 УК РФ и «угроза их совершения». Санкции предусмотрены за оба деяния равнозначны. Некоторые авторы высказывают идею о тождественности угрозы террористического акта с заведомо ложным сообщением об акте терроризма, предусмотренного ст. 207 УК РФ. В связи с этим, существует мнение об изъятии угрозы террористического акта из диспозиции ст. 205 УК РФ и включении ее в ст. 207 УК РФ.¹

Статью 205 УК РФ в части угрозы совершения террористического акта необходимо отличать от статьи 207 УК РФ, объективную сторону которой, также, образует угроза совершения террористического акта, однако, как этот следует из диспозиции ч. 1 ст. 207 Уголовного кодекса Российской Федерации, субъект рассматриваемого состава преступления заведомо ложно сообщает о готовящихся действиях террористического характера, в то время как статья 205 УК РФ указанного признака не предусматривает. В этой связи, для правильного уголовного закона об ответственности за террористический акт, необходимо установить реальность высказанной угрозы.

Несмотря на отсутствия в тексте закона прямого указания на реальность угрозы как обязательное условие привлечения к уголовной ответственности по исследуемому составу, представляется необходимым доказывание «наличия у потерпевшего реальных оснований опасаться осуществления теракта»². Именно «реальность намерения, выразившаяся в конкретных действиях, отличает угрозу от высказывания в форме обнаружения умысла и придает ей уголовно-правовой характер».³

Исходя из анализа объективной стороны ч. 1 ст. 361 УК РФ, в которой сказано, что иные действия подвергают опасности свободу и неприкосновенность граждан РФ, можно заключить, что под иными действиями подразумеваются похищение человека, незаконное лишение свободы, захват заложника. Неприкосновенность личности в контексте ст. 361 УК РФ означает недопустимость физического воздействия на граждан РФ, ограничения их свободы.

¹ Максина С.В. Терроризм: Криминологические и уголовно-правовые аспекты: дис... - канд. юрид. наук. СПб., - 2003. С.37.

² Комментарий к Уголовному кодексу РФ с постановочными материалами и судебной практикой / под ред. С.И. Никулина. М.: Юрайт, 2001. С. 341

³ Кириллов И.А. Уголовно-правовой анализ терроризма в России // Уголовное право и современность: межвузовский сб. научных. тр. Вып. 4. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2000. С. 87.

Угроза совершения указанных действий – это психическое воздействие, выражающееся в запугивании, обещании совершить взрыв, поджог или иные общеопасные действия, подвергающие опасности жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность граждан Российской Федерации. Угроза должна быть реальной. Форма угроз значения для квалификации не имеет.

По конструкции объективной стороны состав преступления формальный, преступление окончено с момента совершения перечисленных действий вне зависимости от наступивших последствий. При этом ч. 1 ст. 361 УК РФ будет охватывать такие последствия, как причинение гражданам РФ вреда здоровью различной степени тяжести (легкого, средней тяжести, тяжкого).

Обязательным объективным признаком является место совершения преступления – «вне пределов Российской Федерации», то есть на территории иностранного государства или на нейтральной территории. Представляется, что акт международного терроризма будет налицо и в случае его совершения на территории дипломатического представительства, консульского учреждения иностранного государства, дислоцирующихся на территории Российской Федерации.

В случае совершения перечисленных выше деяний на территории Российской Федерации содеянное будет квалифицироваться по ст. 205 УК РФ. Несмотря на то, что в самой норме ничего не говорится о времени совершения данного преступления, считаем правильным утверждение о том, что «такое деяние должно иметь место в мирное время, т. е. при отсутствии состояния войны между государствами. В противном случае деяние, содержащее признаки акта терроризма, должно быть квалифицировано как соответствующее военное преступление».¹

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом и специальной целью, в качестве которой выступает нарушение мирного сосуществования государств и народов либо нарушение интересов Российской Федерации. Мотивы совершения данного преступления значения для квалификации не имеют.

Как следует из диспозиции части 1 ст. 205 УК РФ, обязательным признаком субъективной стороны рассматриваемого состава преступления является цель, к которой уголовный закон относит дестабилизацию деятельности органов власти или международных организаций либо воздействие на принятие ими решений. Именно на достижение преступной цели направлены противоправные действия виновного лица. Возможность достижения указанной цели равным образом обеспечивается как угрозой террористического акта, так и действиями по осуществлению такой угрозы.

¹ Международное уголовное право: учебник / А.В. Наумов [и др.]. М.: Юрайт, 2013. С. 249.

Часть 3 ст. 361 УК РФ предусматривает ответственность за действия, образующие акт международного терроризма, регламентированные ч. 1 данной нормы, повлекшие причинение смерти человеку. Примечательно, что законодатель не указывает форму вины по отношению к последствию в виде смерти человека.

В данном случае необходимо руководствоваться таким правилом квалификации преступлений, согласно которому, если в диспозиции статьи форма вины не конкретизирована, то соответствующее преступление может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности. Например А.И. Рарог, рассматривая вопрос о вменении квалифицирующих признаков, обращает внимание на то, что при отсутствии в диспозиции уголовно-правовой нормы прямого указания на неосторожное отношение к квалифицирующему последствию умышленного преступления, причинение такого последствия с умыслом (а тем более по неосторожности) полностью охватывается этой нормой и не требует дополнительной квалификации при условии, что в статье УК об умышленном причинении того же самого последствия закон не предусматривает более строгого наказания, чем за умышленное преступление, в котором данное последствие играет роль квалифицирующего признака.¹

Обращает на себя внимание тот факт, что ст. 361 УК РФ не предусматривает никаких других последствий кроме смерти человека. Отсюда возникает вопрос о том, как следует квалифицировать деяние в случае, если акт международного терроризма повлечет за собой значительный (крупный, особо крупный) имущественный ущерб или иные тяжкие последствия. С учетом того, что названные последствия в ст. 361 УК РФ не оговариваются, в случае их наступления содеянное должно квалифицироваться по совокупности преступлений.

Также хотелось бы коснуться статей 205.1 и 205.2 УК РФ. Анализ данных статей позволяет прийти к выводу, что содействие террористической деятельности и публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма представляет собой ничто иное, как виды соучастия в террористической деятельности.

Также хотелось бы отметить некоторые проблемы применения на практике положения, закрепленного в примечании ст. 205 УК РФ. В данном примечании сказано, что «лицо, участвовавшее в подготовке террористического акта, освобождается от уголовной ответственности, если оно своевременным предупреждением органов власти или иным способом способствовало предотвращению осуществления террористического акта и, если в действиях этого лица не содержится иного состава преступления». Лицо, которое участвует в подготовке террористического акта, автомати-

¹ Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. С. 165.

чески подпадает под склонение, вербовку, пособничество или организацию террористического акта, предусмотренного ст. 205.1 УК РФ, что еще раз подтверждает нелогичность выделения отдельного состава рассмотренной статьи. По нашему мнению, примечание, предусматривающее освобождение от уголовной ответственности за террористический акт вообще немислимо, поскольку терроризм представляет собой глобальную угрозу.

Таким образом, существует достаточное количество недостатков в уголовном законе, а в противодействии терроризму немаловажная роль принадлежит именно совершенствованию уголовного законодательства РФ об ответственности за терроризм и правоприменительной практики.

Собин Дмитрий Владимирович,
аспирант кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета

Пенализация нарушений Правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств: законодательные и правоприменительные аспекты

В Концепции государственной транспортной политики Российской Федерации определено, что транспорт есть важнейшая составная часть производственной инфраструктуры страны. Его устойчивое и эффективное функционирование является необходимым условием стабилизации, подъема и структурной перестройки экономики, обеспечения целостности, национальной безопасности и обороноспособности государства, улучшения условий и уровня жизни населения.

В этой ситуации особую актуальность получили законодательные и правоприменительные подходы к регламентации и реализации процесса пенализации нарушений правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, причиняющих существенный вред жизни и здоровью граждан. Проблемы наказуемости рассматриваемых преступлений органически связаны с процессами криминализации и декриминализации, лежащими в основе противодействия исследуемым преступлениям. Основной вопрос при криминализации состоит в том, «каким образом должна быть в данную историческую эпоху проведена демаркационная линия между преступным и непроступным, наказуемым или ненаказуемым. Этот вопрос является исходным и первоначальным, а потому решить его нужно раньше, чем будем говорить не только о применении наказаний, но и о предупреждении преступлений».

Законодательные решения о криминализации и декриминализации соответствующих деяний лежат в основе формирования уголовно-правовой политики, что требует особого внимания при их принятии. Рас-

сматриваемая деятельность законодателя, в первую очередь, должна отвечать требованиям принципа законности, исключающего применение закона по аналогии (ч. 2 ст. 3 УК РФ). При распространении на территории России опасных деяний, причиняющих существенный вред интересам граждан, государству, возникает необходимость соответствующего реагирования на эту ситуацию законодательных органов. Следовательно, решение законодателя о признании деяния преступным или, наоборот, не считать преступным уже предусмотренное уголовным законом деяние, т. е. признать соответствующую уголовно-правовую норму утратившей силу, в полной мере зависит от характера и степени общественной опасности этого деяния. В характеристике общественной опасности важную роль играет и распространенность соответствующих правонарушений. Например, в 2014 г. в России совершено почти 200 тысяч ДТП, в результате которых погибло около 27 тысяч человек и около 250 тысячам причинен тяжкий и средней тяжести вред здоровью, привлечено к административной ответственности 25,5 миллиона водителей. В 2016 г. за девять месяцев совершено 173694 ДТП, в результате которых погибло 20380 человек, а 221140 потерпевшим причинен тяжкий и средней тяжести вред здоровью.

Проблемам криминализации и декриминализации как естественному процессу уголовного законодательства в настоящее время уделяется чрезвычайно много внимания в теории, в законодательной практике. Причем нельзя не отметить, что особую активность в этом проявляет Верховный суд РФ. Так, председатель Верховного суда В. Лебедев в ряде интервью обращает внимание на необходимость пересмотра ряда уголовно-правовых норм на предмет декриминализации предусмотренных в них преступлений. Наиболее четко эту концепцию он изложил на совещании судей Сибирского Федерального округа 20 сентября 2016 г. Отмечено, что действующее уголовное законодательство «страдает» излишней криминализацией. Это касается, прежде всего, преступлений, не относящихся к категории тяжких. Суды ежегодно рассматривают уголовные дела в отношении 1 миллиона человек, из них примерно 550 тысяч преступников совершили преступления небольшой и средней тяжести, что составляет 55 % от общего количества осужденных в год. При этом В. Лебедев высказал две идеи. Во-первых, он считает, что целесообразно узаконить административную преюдицию, как один из элементов новой концепции уголовного законодательства. Во-вторых, ввести в систему уголовного законодательства понятие «уголовный проступок», как промежуточную категорию между преступлением и административным правонарушением. По мнению В. Лебедева, к уголовному проступку можно относить преступления небольшой и средней тяжести и не предусматривать за их совершение наказание в виде лишения свободы. Эти идеи, повторенные им 18 октября 2016 г. на внеочередном пленарном заседании Совета судей, были вынесены на обсуждение Всероссийского съезда судей.

Концепция Верховного суда представляет практический интерес, тем более что июльскими законами 2016 г. отдельные ее положения уже получили закрепление. Однако при реализации отмеченных предложений необходимо учитывать, во-первых, законодательное определение категорий преступлений (ст. 15 УК) и, во-вторых, особенность формулировки отдельных видов преступлений в Особенной части УК. Прежде всего, это относится к деяниям, сопряженным с нарушением правил безопасности дорожного движения или эксплуатации транспортных средств. По воле законодателя они отнесены к неосторожным преступлениям и, соответственно, к категории небольшой или средней тяжести. Так, 21 сентября 2010 г. инспектор ГИБДД УВД г. Кемерово погубил семью (мужа, жену и их восьмилетнюю дочь). На огромной скорости он просто «разметал» находившуюся на разделительной полосе семью и даже скорости после этого наезда на потерпевших не сбавил. В соответствии с законодательной оценкой совершенное деяние (ч. 5 ст. 264 УК РФ) отнесено к преступлению средней тяжести!

Еще более опасное преступление средней тяжести (ч. 5 ст. 264 УК РФ) было совершено 23 июля 2015 г. под Красноярском. Водитель автобуса с пассажирами нарушил правила дорожного движения. Автобус столкнулся с грузовой фурой, 11 человек погибли на месте, 44 пассажира получили ранения.

В санкции ч. 5 ст. 264 УК за совершение подобных преступлений установлены следующие наказания: 1) принудительные работы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, 2) лишение свободы на срок до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет. Минимальный предел санкции данной уголовно-правовой нормы не установлен. Следовательно, за гибель 11-ти человек и 44-х инвалидов суд может назначить виновному 2 месяца лишения свободы, не нарушив при этом требования ст. 60 УК о назначении наказания в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части. Более того, суд имеет право применить ст. 75, 76 или 762 УК, освободив лицо от уголовной ответственности (что в настоящее время получило широкое применение на практике). Кстати, санкция ч. 4 ст. 264 УК РФ более жесткая, за причинение смерти одному человеку водителем в состоянии опьянения установлен минимальный предел – два года лишения свободы, а также не предусмотрены принудительные работы. В то же время, для ситуации, когда погибают 11 человек и 44 человека становятся инвалидами, минимального предела наказания в санкции не установлено.

Анализ законодательного процесса, правоприменительной практики, криминологической характеристики и социально-экономических последствий нарушений правил безопасности дорожного движения или эксплуа-

тации транспортных средств позволяет сделать вывод об осложнении криминальной ситуации в рассматриваемой сфере. Поэтому реализация предложений Верховного суда РФ об отнесении подобных преступлений к категории «уголовных проступков» еще более ее усложнит. Чтобы этого не произошло, целесообразно вернуться к корректированию диспозиций и санкций ст. 264, а равно ст. ст. 263, 263.1, 266, 267 УК РФ.

При оценке оперативной обстановки в исследуемой сфере Л.А. Прохоров и М.Л. Прохорова употребили оборот «война на дорогах России». Мы бы несколько скорректировали это выражение. Война предполагает противодействие воюющих сторон, а в рассматриваемой ситуации есть только одна сторона – водители автомобилей, уничтожающие незащищенных людей. Рассмотренные выше факты довольно широко распространены, более того, они имеют тенденцию к количественному росту. Имеющий место либеральный подход законодателя к регламентации уголовной ответственности за убитых и искалеченных людей в сегодняшней ситуации, даже без реализации отмеченных нами предложений Верховного суда, трудно объяснить. Ведь, к сожалению, этот подход законодателя, соответственно, предопределяет и судебную практику назначения наказания.

В процессе криминализации вполне обоснованно на первый план выдвинуто объективное мерило, т. е. общественная опасность криминализируемых деяний. Как отмечают В.Л. Кондратюк и В.С. Овчинский, «криминализации могут подлежать лишь объективные проявления агрессии, экспансии и обмана, посягающие на жизнь, блага, систему. Власть при отделении преступного от неприступного должна опираться не на произвольные усмотрения, но на содержание поведения субъектов, содержание, измеренное и оцененное по всеобщей для человечества, имеющей этическую природу шкале добра и зла». Представляет интерес и мнение, высказанное С.В. Тасаковым и В.С. Тасаковым, что проявленный законодателем гуманизм в отношении лиц, виновных в совершении дорожно-транспортных происшествий и погубивших ни в чем не повинных людей, «вряд ли можно будет расценить как акт гуманизма в отношении потерпевших». Действительно, в сложившейся ситуации мы имеем дело с искаженным представлением о гуманизме, как принципе уголовного закона (ст. 7 УК РФ). Его воздействие законодатель и судебная практика распространяют не на потерпевших от преступления, а на преступников.

Таким образом, законодательные решения о пенализации, органически связанные с процессами криминализации и декриминализации соответствующих деяний, лежат в основе формирования уголовно-правовой политики, в том числе и противодействия дорожно-транспортным преступлениям, что требует особого внимания при их принятии. Во-первых, основной и имеющий громадную важность вопрос при пенализации нарушения правил дорожного движения состоит в том, каким образом должна быть в соответствующий исторический период с учетом сложившейся си-

туацией проведена «демаркационная линия между преступным и не преступным, наказуемым и ненаказуемым». При этом вполне обоснованно на первый план должно быть выдвинуто объективное мерило, т. е. общественная опасность криминализируемых деяний.

Во-вторых, реализация предложений Верховного Суда РФ о введения в УК РФ института «уголовный проступок», к которым будут отнесены и дорожно-транспортные преступления, еще более осложнит сложившуюся на дорогах криминальную ситуацию. Поэтому целесообразно вернуться к корректированию диспозиций ст. 264 УК в части исключения указания на неосторожную форму вины, а также установления конкретных минимальных и максимальных пределов санкций в сторону их повышения. При этом мы поддерживаем мнение Л.А. Прохорова и М.Л. Прохоровой о том, что необходимо законодательно изменить категорию этих преступлений, внося соответствующие коррективы в ст. 15 УК РФ. Нарушения правил дорожного движения, подпадающие под признаки частей 4, 5, 6 УК РФ, должны быть отнесены к категории тяжких или особо тяжких преступлений.

Таракина Кристина Эдуардовна,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

**Актуальные проблемы квалификации мошенничества
при получении выплат, совершенного лицом с использованием
своего служебного положения**

В настоящее время Уголовный кодекс Российской Федерации во многих составах преступлений закрепляет такой квалифицирующий признак, как использование лицом своего служебного положения.

Так, в ч. 3 ст. 159.2 УК РФ установлена ответственность за совершение мошенничества при получении выплат лицом с использованием своего служебного положения.¹

Законодательное закрепление понятия «служебное положение» в нормативно-правовых актах Российской Федерации отсутствует, в связи с чем в науке уголовного права существуют многочисленные споры, связанные с этим определением.

Так, С.А. Елисеев под использованием служебного положения в составе мошенничества и присвоения понимает использование для завладения чужим имуществом имеющихся у виновного полномочий по занимаемой должности (распорядительных, организационно-хозяйственных, кон-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 13.07.2015 с изм. и доп. от 06.07.2016 г.) // Доступ из справочной информационной системы Консультант Плюс

трольно-надзорных). Виновный может использовать и иные возможности, например, использовать для совершения преступления имеющуюся у него по службе информацию. Помимо этого к использованию служебного положения при мошенничестве также можно отнести использование виновным форменной одежды и атрибутики, служебных удостоверений.¹

По мнению Складова С.В. и Складовой Н.Д. совершение мошенничества с использованием лицом своего служебного положения может иметь место в случаях, если: 1) имущество находится в ведении лица; 2) лицо обладает определенными полномочиями в силу занимаемого служебного положения по распоряжению данным имуществом через других лиц; 3) лицо путем обмана или злоупотребления доверием использует свои полномочия для совершения хищения.²

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» дает разъяснения относительно понятия лиц, использующих свое служебное положение при совершении мошенничества, и рекомендует понимать под ним должностных лиц, обладающих признаками, предусмотренными примечанием 1 к ст. 285 УК РФ, государственных или муниципальных служащих, не являющихся должностными лицами, а также иных лиц, отвечающих требованиям, предусмотренным примечанием 1 к ст. 201 УК РФ (например, лицо, которое использует для совершения хищения чужого имущества свои служебные полномочия, включающие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности в коммерческой организации).³

По нашему мнению понятие «должностное лицо» не является тождественным понятию «служебное положение», которое по своему наполнению достаточно шире.

Например, А.П. Чирков рассматривает данный квалифицирующий признак с точки зрения понятия служащего. При этом под службой им понимается лишь управленческая и иная органически связанная с ней и обслуживающая ее деятельность, в которой выделяются два аспекта: профессиональный и управленческий.⁴

П.В. Агапов и А.Г. Безверхов определяют понятие «служащий» как «лицо, проходящее (несущее) службу в государственных, муниципальных,

¹ Елисеев С.А. Преступления против собственности по уголовному законодательству России (вопросы теории). – Томск: Изд-во Том.ун-та, 1999. – С. 173.

² Складов С.В., Складова Н.Д. Уголовная ответственность за хищение, совершенное лицом с использованием своего служебного положения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 10. – С. 25 - 28

³ П. 24 постановления Пленума ВС РФ от 27.12.2007 №51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 2, февраль, 2008.

⁴ Чирков А.П. Совершение преступлений с использованием служебного положения // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта, № 9 / 2006

общественных или частных организациях (учреждениях, предприятиях), обязанности которого выражаются в оказании платных услуг по специальности (квалификации) или выполнении своего долга перед Отечеством».¹ По мнению данных авторов, результатом деятельности служащего являются не материальные ценности, а оказание услуг технического, экономического, научного, социально-культурного, бытового и иного характера.

Судебная практика, безусловно, идет по направлению, указанному Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», где разъясняется понятие служебного положения.

Так, например, согласно приговору Мценского районного суда Орловской области Беляков А.А. совершил хищение денежных средств при получении субсидии, установленной законами и иными нормативными правовыми актами, путем представления недостоверных сведений, с использованием своего служебного положения в крупном размере при следующих обстоятельствах:

Беляков А.А., являясь генеральным директором ООО «<Я>» (далее ООО «<Я>», ООО, Общество), исполнял организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции в указанном Обществе, а именно:

- без доверенности действовал от имени Общества, представлял его интересы и совершал сделки;
- выдавал доверенности на право представительства от имени Общества, в том числе доверенности с правом передоверия;
- издавал приказы о назначении на должности работников Общества, об их переводе и увольнении, применял поощрительные меры и налагал дисциплинарные взыскания;
- осуществлял иные полномочия, не отнесенные ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» или Уставом к компетенции общего собрания участников Общества;
- распоряжался имуществом Общества, в том числе денежными средствами в пределах, установленных Уставом и действующим законодательством;
- открывал расчетный, валютный и другие счета Общества в банковских учреждениях,
- заключал договоры и совершал иные сделки;
- организовывал бухгалтерский учет и отчетность.

Беляков А.А., преследуя корыстную цель улучшения финансового состояния ООО «<Я>» за счет бюджетных денежных средств, выделяемых работодателю из средств бюджетов Российской Федерации и Орловской области в качестве субсидии в соответствии с Постановлением Правитель-

¹ Агапов П.В., Безверхов А.Г. «Использование служебного положения» как квалифицирующий признак общеуголовных преступлений // Следователь. 2001. № 2, С.4

ства РФ «О предоставлении в 2011 году субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов РФ на реализацию дополнительных мероприятий, направленных на снижение напряженности на рынке труда субъектов РФ» №1011 от 14 декабря 2009 года и постановлением Правительства Орловской области от 05 марта 2011 года №69 «О порядке финансирования и расходования бюджетных средств на реализацию Программы дополнительных мероприятий, направленных на снижение напряженности на рынке труда Орловской области на 2011 год», решил совершить хищение указанных средств.

Реализуя задуманное, достоверно зная о возможности получения бюджетных денежных средств, выделяемых на оборудование рабочего места трудоустроенного инвалида, многодетного родителя, родителя, воспитывающего ребенка-инвалида, Беляков А.А. обратился к директору Казенного учреждения Орловской области «Центр занятости населения Мценского района» (далее - КУ ОО «ЦЗН Мценского района») А.Л.А. с заявкой на участие в организации мероприятий по содействию в трудоустройстве незанятых инвалидов, предоставив при этом пакет необходимых документов, и заключил с КУ ОО «ЦЗН Мценского района» договор о возмещении работодателю затрат на оснащение специального рабочего места для трудоустройства инвалида, рабочего места для родителей, воспитывающих детей-инвалидов, многодетных родителей.

На основании приложения к указанному договору (смета затрат) Беляков А.А. обязался приобрести для обустройства рабочего места электрогазосварщика ООО «<Я>» бензиновый сварочный генератор стоимостью 51 000 рублей.

Продолжая реализовывать свой преступный умысел, направленный на хищение бюджетных денежных средств, Беляков А.А. не позднее Дата обратился к Г.И.А., не осведомленному о его преступных намерениях, с предложением о фиктивном замещении им должности электрогазосварщика ООО «<Я>». Получив от него устное согласие, Беляков А.А., находясь в офисе ООО «<Я>», заключил от имени возглавляемого им Общества с многодетным родителем Г.И.А. трудовой договор, а так же утвердил приказ №, согласно которым Г.И.А. был принят в ООО «<Я>» на должность электрогазосварщика на неопределенный срок.

В дальнейшем Беляков А.А. подготовил копии вышеуказанных трудового договора и приказа о назначении Г.И.А. на должность, а так же акт о целевом использовании предоставленной субсидии на возмещение работодателю затрат на оснащение специального рабочего места для трудоустройства многодетного родителя, приложением к которому являлись: квитанция к приходному кассовому ордеру, согласно которой ИП С.Н.К. получил от ООО «<Я>» через Белякова А.А. денежные средства в сумме 51 000 рублей и накладная, согласно которой ООО «<Я>» приобрело у ИП С.Н.К. бензиновый сварочный генератор стоимостью 51 000 рублей, со-

державшие недостоверные сведения о приобретенном оборудовании и понесенных затратах. При этом Беляков А.А. рабочее место многодетного родителя Г.И.А. не оборудовал, бензиновый сварочный генератор не приобрел, существование оборудованного рабочего места не менее 12 месяцев с даты трудоустройства многодетного родителя не обеспечил.

В последующем условия договора, Беляков А.А. не исполнил, полученными средствами субсидии в общей сумме 50 000 рублей распорядился по своему усмотрению.

Далее Беляков А.А., действуя по аналогичной схеме, путем обмана похитил денежные средства бюджета Орловской области в сумме 14 310 рублей и 271 890 рублей, принадлежащие бюджету Российской Федерации, распорядителем которых является Управление труда и занятости Орловской области, тем самым причинив имущественный ущерб на общую сумму 286 200 рублей, что является крупным размером.¹

На данном примере мы видим, что признание Белякова А.А. лицом, совершившим преступление, используя свое служебное положение, судом осуществляется на основании, имеющихся в уголовном деле сведений, характеризующих его организационно-распорядительные и административно-хозяйственные полномочия.

По нашему мнению, при квалификации мошенничества при получении выплат, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, необходимо установить, во - первых то, что лицо обладает определенными полномочиями, предоставленные ему на основании трудового договора, приказа о назначении на должность и должностными инструкциями, а во- вторых то, что именно благодаря своим полномочиям лицо имело возможность осуществить свое преступное намерение по незаконному получению социальных выплат.

В связи с чем предлагается изложить абзац первый п.24 Постановления Пленума Верховного Суда в следующей редакции: «Под лицами, использующими свое служебное положение при совершении мошенничества, присвоения или растраты (часть 3 статьи 159, часть 3 статьи 159.2 УК РФ часть 3 статьи 160 УК РФ), следует понимать должностных лиц, обладающих признаками, предусмотренными примечанием 1 к статье 285 УК РФ, государственных или муниципальных служащих, не являющихся должностными лицами, лиц, отвечающих требованиям, предусмотренным примечанием 1 к статье 201 УК РФ (например, лицо, которое использует для совершения хищения чужого имущества свои служебные полномочия, включающие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности в коммерческой организации), а также лиц, которые в результате предоставленных им на основании трудового договора либо должностных инструкций полномочий, совершили мошенничество,

¹ Приговор № 1-185/2015 1-7/2016 от 18 февраля 2016 г. по делу № 1-185/2015

присвоение или растрату. При этом обязательным является установление причинно – следственной связи между служебным положением лица и процессом совершения преступления».

Данные изменения расширяют круг лиц, совершающих мошенничество при получении выплат с использованием служебного положения, что позволяет избежать пробельных моментов в правоприменительной практике, связанных с возможностью виновного лица избежать уголовной ответственности и справедливого наказания.

Тарасенко Денис Владимирович,
адъюнкт
кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Жертва и ее роль в генезисе преступного поведения

В юридической литературе уже достаточно длительное время ведутся дебаты об определении понятия жертвы преступления. Этимология слова "жертва" еще до конца не выяснена, хотя большинство специалистов–языковедов считают, что оно образовалось от латинского слова "victim", что имеет то же значение и изначально носило ритуальный характер. Многие древние племена, народности и народы на ранней стадии своего развития задабривали своих богов, одаривая их человеческими, животными и другими материальными подношениями, именуя их жертвами¹.

Однако нас интересует не семантическое значение слова "жертва", а социальный смысл этого понятия. За социальными последствиями нанесенного лицу ущерба, В.И. Полубинский всех жертв разделяет на две группы: жертвы несчастных случаев и жертвы правонарушений. Хотя, как свидетельствует статистика, жертвами несчастных случаев ежегодно становится в несколько раз больше людей, чем потерпевших от преступлений.

Существует широкое определение понятия жертв. Жертва – это человек, пострадавший от неправомерных действий других лиц, собственного поведения, негативных жизненных обстоятельств или несчастного случая. При этом необходимо иметь в виду, что те же неправомерные действия, события, несчастные случаи в зависимости от условий, места и времени могут принести вред как отдельному человеку, так и группе людей сразу, как физическому, так и юридическому лицу². Ряд авторов, основываясь на положениях действующего уголовно–процессуального законодательства и материального права, утверждают, что жертвой преступления может быть

¹ Полубинский В.И. Виктимологические аспекты профилактики преступлений: Учеб. пособие. - М., 1980.

² Там же

только физическое лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред. Существует международное правовое понятие жертвы преступления. Оно дается в приложении к принятой 29 ноября 1985г. Генеральной Ассамблеей ООН Декларации "Основные принципы правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью". В этом документе указано, что жертвы это лица, которым индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, в нарушение существующих законов государства. В сферу воздействия права, в частности уголовно-процессуального закона, попадает далеко не каждая жертва преступления, а лишь та, которая официально признается участником уголовного процесса со всеми вытекающими отсюда последствиями. "Жертва преступления" – понятие более широкое, чем понятие "потерпевший от преступления". Жертвой преступления является лицо, которое претерпело моральный, физический или имущественный вред от противоправного деяния, независимо от того, признано оно в установленном законом порядке потерпевшим от данного преступления или нет. Другими словами, "жертва" – понятие виктимологическое, а "потерпевший" – уголовно-процессуальное.

В литературе отмечается, что жертвой преступления могут выступать как физические, так и юридические лица (социальные общности), которым непосредственно был причинен преступлением вред, а также члены семьи, близкие лица, родственники, иждивенцы первичных жертв. Никто не может быть застрахован от преступного посягательства, однако для разных людей вероятность стать жертвой преступления неодинакова. Возможность и даже "способность" стать жертвой преступления в условиях, когда такие события могли бы и не случиться, именуются виктимностью. Виктимность в криминологическом аспекте это – совокупность качеств личности, которая обуславливает ее неверное, неоптимальное поведение в криминогенной ситуации. В результате, у данного лица повышается вероятность стать жертвой преступления. В этом аспекте виктимность неразрывно связана с преступностью. Первые исследования социологов и криминологов в области криминальной виктимологии показали, что изучение виктимности является не просто новым штрихом в анализе механизма преступлений. По данным первых исследователей криминальной виктимологии, в значительном количестве случаев (от 50 до 70%), предупредив виктимность, удалось бы избежать совершение преступления или тяжких последствий преступного деяния. Данные результаты помогли сделать вывод, что гораздо более продуктивным могло бы быть устранение (или хотя бы уменьшение степени) виктимности человека.. С точки зрения виктимологии жертва преступления выступает одновременно в качестве основного объекта изучения и одного из главных инструментов познания преступни-

ков, преступлений и преступности. Поэтому жертва для виктимологии – это человек или союз людей в любой форме их интеграции, которым причинен преступлением моральный, физический или материальный ущерб.

Как известно, все, чем занимается человек, все его действия, представляют собой акт его поведения (волеизъявления). И если человек совершает преступление, то при анализе его действий нельзя рассматривать поведение преступника в отрыве от той конкретной ситуации, в которой он действовал.

Изучение только поведения преступника было бы неверным, потому что в значительном количестве преступлений ситуация не бывает нейтральной, потому что на нее имеет свое влияние поведение жертвы данного преступления. Анализируя преступление, мы не можем дать криминологическую характеристику до тех пор, пока не изучим все обстоятельства, которые в своей совокупности повлияли на совершение преступления.

Анализ связей взаимодействия, контроля, отношений между преступником и его жертвой помогает выяснить сущность и содержание отдельных элементов механизма преступного поведения, определить основные поведенческие характеристики виктимности¹. Жертва своим поведением, а также фактом своего существованием любую ситуацию может превратить в криминогенную, поскольку может повлиять на зарождение преступного умысла и мотивов. Сама жертва может спровоцировать причинение ей вреда. Роль жертвы в возникновении и развитии ситуации преступления нередко достаточно значительная (результаты социологических исследований показывают, что поводом, или хотя бы одним из условий возникновения передкриминальной ситуации, которая трансформировалась затем в преступление против личности, стало неправомерное или недостойное, неподобающее в морально-этическом плане, поведение потерпевшего), поэтому нужен анализ криминологически значимой роли жертвы и учет всех виктимологических обстоятельств, как исходной базы для конкретных выводов и обобщений. С виктимологической точки зрения, механизм преступного поведения представляет собой взаимосвязь внешних факторов, среди которых поведение потерпевшего является одним из главных, а внутренние стимулы, такие, как биологические и психологические, детерминируют решение совершить преступление².

По мнению Д.В. Ривмана в конечном счете наиболее значимым для виктимологического исследования остается вопрос о детерминации значения предкриминальных и криминальных ситуаций, и место, которое зани-

¹ Социология: Учебник / Под. ред. Г.В. Осипова, Ю.П. Коваленко, Н.И. Щипанова, Г.Г. Яновского. - М.: Мысль, 1990.

² Юрченко А.Ю. Роль виктимного поведения в механизме совершения тяжких насильственных преступлений против жизни и здоровья личности // Проблемы борьбы с насильственной преступностью. Х., 2001.

мает в их формировании и реализации будущая жертва, которая превратилась в реального потерпевшего. Причину значительного количества преступлений следует искать в определяющей роли конкретной жизненной ситуации. Нередко имеют место ситуации, в которых основное влияние на преступника имеет именно поведение потерпевшего и именно оно определяет дальнейшее развитие событий. Поведение потерпевшего может дать толчок к совершению преступления. К ситуациям, в которых поведение жертвы представляет объективную возможность совершения преступления, следует отнести также случаи отсутствия необходимой реакции на те или иные действия, которые могут быть преступными или неправомерными. Криминологическое значение имеет как положительное так и отрицательное поведение потерпевшего, которое также может привести к причинению вреда.

Конечно, поведение жертвы не может привести к преступлению само по себе. Оно взаимодействует с негативными факторами которые относятся к преступнику. Криминологическое значение виктимного поведения потерпевшего в подобных ситуациях очевидно: объективно отрицательное поведение является одной из криминологических составляющих механизма преступления¹. В юридической литературе предложены различные варианты классификации жертв преступлений. Очень важно изучать личность потерпевшего, поэтому все существующие классификации заслуживают внимания и представляют практический интерес. В каждом виде преступлений поведение жертв будет разным, но можно выделить общие типичные черты поведения потерпевших. Поэтому в зависимости от криминологического значения поведения жертвы и связи между преступником и потерпевшим существуют различные классификации жертв преступлений. Дело в том, что научно обоснованная классификация потерпевших дает возможность, с одной стороны, более целенаправленно вести теоретические исследования разнообразных проблем, а с другой – разрабатывать эффективные профилактические мероприятия в отношении тех граждан, чьи личностные качества и поведение указывают на повышенную способность стать жертвой преступных посягательств.

Для многих потерпевших от половых преступлений характерным является то, что они стали жертвами не случайно, это было обусловлено их поведением и личностными свойствами, условиями воспитания и образом жизни.

Виктимное поведение несовершеннолетних потерпевших в ряде случаев объясняется их неверным нравственным формированием, дефектами полового воспитания и тому подобное. Вследствие чего, попадая под влияние преступника, несовершеннолетние в ряде случаев проявляют нездоровый интерес, могут добровольно идти на контакт с ним, раздеваются,

¹ Ривман Д.В. Криминальная виктимология. - СПб.: Питер, 2002.

позволяют смотреть на свои половые органы и т.д. Для несовершеннолетних жертв полового насилия характерна и неразборчивость в выборе знакомых. В таких случаях несовершеннолетние (чаще всего девушка) не знают человека, который подходит к ней, но дает согласие, чтобы тот ее провел домой, разговаривает с ним. Истинные намерения этого мужчины она сначала не понимает. Дальнейшее развитие событий определяют характер поведения потерпевшей в данной ситуации. Если она уединяется с мужчиной, идет к нему домой, приглашает к себе – она делает шаг в рискованную для себя ситуацию. Особенно это касается случаев, когда девушки знакомятся с мужчинами, которые находятся в нетрезвом состоянии. В. С. Минская отмечает, что аморальное поведение потерпевших может выражаться в действии (совместное распитие спиртных напитков наедине с насильником, проявления ласки), но может быть и пассивным (недостаточно активное противодействие проявлениям сексуальных намерений). То и другое можно истолковывать как разрешение на вступление в половую связь. Вместе с тем даже такое поведение потерпевшей разными людьми толкуется по-разному. Для признания полового преступления спровоцированным важно установить не только наличие аморальных действий потерпевшей в рискованной для нее ситуации, но и то, что эти обстоятельства адекватно отразились в сознании насильника и повлияли на формирование его психического отношения к деянию. Только правильное представление виновного о ситуации и поведении потерпевшей делает участниками событий обоих.

Как известно, каждый человек воспринимает происходящие события, и особенно поступки конкретных людей субъективно, в зависимости от своих морально-психологических качеств, взглядов, представлений, установок. То что одному человеку может показаться аморальным, другому кажется вполне "нормальным", не выходящим за рамки общепринятого. Чаще всего, противодействие жертвы понимается преступником как мнимое или притворное кокетство. Поэтому всегда нужно различать и соотносить субъективное восприятие реальности преступником и потерпевшим лицом с объективной значимостью и содержанием реальности. Считается, что при провоцирующем поведении потерпевшей очень часто с ее стороны имеет место некая сексуальная игра, смысл которой осознается ею далеко не всегда. Такая игра характерна для тех случаев, когда будущая жертва допускает уединение с мужчиной, воспринимает его шутки, шалости, но на этом она хочет остановиться и не имеет желания вступать в интимную связь. Однако, как правило, мужчина не понимает этого, хочет объяснить поведение женщины другими причинами. Применяет насилие для преодоления ее сопротивления.

Понятно, что несовершеннолетние с повышенной виктимностью и ослабленными индивидуальными качествами, которые не могут оказать сопротивление преступнику, должны стать объектом особого внимания со

стороны государства и общества, ближайшего окружения, родных им людей. Вот почему самостоятельного анализа заслуживает вопрос о личности и поведении потерпевших от половых преступлений, их место в генезисе этих преступлений.

Несовершеннолетние жертвы полового насилия еще интересуют нас потому, что они имеют специфические психологические свойства, связанные с их возрастом. Они доверчивые, любознательные, наивные, не умеют адекватно реагировать на ситуацию, им присуща физическая слабость, у них преобладают процессы возбуждения над процессами торможения, что может способствовать стать жертвами насилия. Учитывая эти обстоятельства, в половых преступлениях против несовершеннолетних потерпевшие по нашему мнению не могут провоцировать преступление, каким бы не было их поведение. Все зависит только от преступника. Разумеется, никак нельзя отрицать провокационную роль аморального или неосторожного поведения жертвы, способствующие, часто даже в активной форме посягательству на их половую неприкосновенность. Такое поведение должно расцениваться как обстоятельство, смягчающее ответственность, но названную роль нельзя преувеличивать, фактически оправдывая насильника. Для науки, а следовательно, и для практики важным является не фиксация неправильных действий потерпевших и описание отдельных, пусть и существенных, их моментов. Главным представляется вопрос о том, почему они ведут себя таким образом, какие психологические особенности отличают эту категорию жертв половых преступлений, социально-психологическое взаимодействие между ними и преступниками, характер и содержание этого взаимодействия, и почему насильники не могут выйти из него, в чем причина их попадания в жесткую психологическую зависимость от такого рода ситуаций.

Наиболее общими недостатками виктимологических исследований являются:

1) искусственный разрыв между криминологической оценкой поведения преступника и виктимологической оценкой поведения жертвы. Такой разрыв ведет к гиперболизации роли поведения последней и унижению значения поступков преступника;

2) использование при оценке поведения потерпевшего и преступника нечетких жизненных представлений, противоречащим нормам и принципам морали и нравственности;

3) придание криминологического (виктимологического) значения таким сторонам поведения потерпевшего, которые фактически не могут способствовать совершению преступлений;

4) необоснованная оценка некоторых сторон поведения потерпевшего как обстоятельства, смягчающее вину преступника.

Перечисленные недостатки взаимосвязаны и обычно сопутствуют друг другу в том или ином исследовании. Но первый из них как бы про-

кладывает путь всем остальным. Особенно это относится к проблемам изнасилований. Именно при их изучении наиболее часто упускаются из виду морально–психологические дефекты преступника и потерпевшая становится едва ли не главным виновником совершенного в отношении нее преступления. Ошибочное толкование социальной сущности событий может также возникать из-за отсталых жизненных представлений и взглядов о взаимоотношениях полов. Такая нежелательная оценка происходит прежде всего при определении тех сторон поведения потерпевших, которые, по мнению исследователей, способствовали совершению преступлений. Виктимологический анализ изнасилований, как они думают, сводится к выявлению ряда негативных черт поведения жертв и отождествлению их с факторами, которые провоцируют насилие. Указанные авторы считают, что для правильной оценки поступков потерпевших от изнасилований необходимо осознать, на что направлено их поведение в сфере интимных отношений. Пути интимного сближения с представителями другого пола в различных социальных средах могут быть не однотипными. Но все они характеризуются выражением симпатий и привязанностью друг к другу. Интимные отношения – важный компонент личной жизни, что никогда не отвергался передовой моралью. Во всех случаях, когда женщина направляет свои усилия на то, чтобы привлечь внимание мужчин, желая интимной близости, можно говорить о "провокации" ею мужчины на эту близость, но никак не на изнасилование. Кроме того, взаимоотношения полов складываются так, что проявление симпатии и внимания женщины к мужчине и мужчины к женщине вовсе не предполагают обязательного интимного сближения. Стремление быть привлекательной, завладеть вниманием мужчины – естественное для женщины явление, и оно вовсе не означает, что она берет на себя перед ним какие-то обязательства интимного характера. Такое обращение нельзя рассматривать даже как "провокацию" на интимное сближение. Криминологическая оценка поведения потерпевшей от изнасилования должна исходить из признания за женщиной равного с мужчиной права на регулирование интимных отношений, права вести себя так, как она считает нужным и допустимым в любой ситуации, в том числе и "сексуально напряженной" или рискованной. Ситуация же перерастает в преступную только в тех случаях, когда, осознавая отказ женщины на вступление в половую связь, мужчина применяет насилие и угрозы насилия, чтобы преодолеть ее сопротивление. То, что для квалификации насильственных половых преступлений не имеет значения моральный облик потерпевшей, в частности, ее неверное обращение с мужчинами, что не относится непосредственно к ситуации, в которой было совершено преступление, общеизвестно. Уголовное право охраняет половую свободу любого лица независимо от того, как она эту свободу использует. Вместе с тем, оставление в тени вопросов, касающихся личности потерпевших, не способствует устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений и совершенствованию общественной нравственности. Это обстоятельство нельзя упускать из виду при рассмотрении уголовных дел.

Фефелов Василий Николаевич,
аспирант
кафедры криминалистики и правовой информатики
Кубанского государственного университета

К вопросу о криминалистическом анализе организованной преступной группы

Преступная группа как объект научного исследования давно привлекает внимание ученых-юристов разных научных направлений. Криминологов, к примеру, интересуют причины образования преступных групп, совершения ими преступлений и разработка мер, направленных на их профилактику.

Специалистов в области уголовного права - вопросы уголовной ответственности за преступления, совершенные преступной группой, более четкой правовой дифференциации вины соучастников групповых преступлений.

Криминалистическое же изучение преступных групп имеет конечной целью разработку рекомендаций по раскрытию, расследованию и предупреждению групповых преступлений.

Следует согласиться с мнением Д.Н. Лозовского, что понятие и структура криминалистической характеристики преступной группы до конца еще не разработаны. В литературе на этот счет можно встретить весьма спорные положения¹.

Важным признаком, указывающим на организованный характер преступной группы, является ее структурированность. Данный признак включает в себя следующие элементы: действие определенных правил и процедур, регулирующих членство в организованной преступной группе; стабильность состава группы; иные системы мер, обеспечивающих функционирование группы, в том числе в условиях опасности; распределение ролей между членами группы, иерархическое построение группы².

Хорошо организованные устойчивые преступные группы, не представляют собой простую численную совокупность ее членов, а приобретают новые качества, придающие им повышенную общественную опасность, затрудняющие их разоблачение. В свою очередь А.И. Гуров отмечает, что

¹ Лозовский Д.Н. Криминалистическое учение о методах расследования преступлений и его реализации в практики борьбы с организованной преступной деятельностью: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Санкт-Петербургский университет МВД Российской Федерации. Санкт-Петербург, 2011.

² Ильин И.С. Отдельные аспекты доказывания структурированности деятельности организованной преступной группы // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 3. С. 22.

эти особенности обуславливают включение в число элементов характеристики организованных преступных групп в качестве отдельного (как нам кажется, одного из основных) элемента¹.

В организованной преступной группе важнейшие управленческие функции осуществляет ее руководитель: занимается организацией деятельности и руководством группой в целом, разрабатывает "сценарий" конкретного преступления, определяет место, время и способ его совершения, осуществляет его подготовку, инструктаж исполнителей, контролирует ход преступной деятельности. Он решает кадровые вопросы: подбирает членов группы, распределяет роли между ними, обеспечивает преступную подготовку членов организации, осуществляющей координацию и контроль за их деятельностью, в том числе и за деятельностью исполнителей. Важной функцией руководителя является обеспечение безопасности организованной группы, защита ее от разоблачения и привлечения членов группы к уголовной ответственности. Последнее осуществляется путем установления связей с коррумпированными чиновниками, получения юридических и других консультаций. Руководитель также аккумулирует средства преступной группы, осуществляет хранение и определяет порядок их использования на нужды организации, занимается распределением доходов между участниками группы в соответствии с их положением и выполняемой работой².

Кроме лидера и исполнителей (активные участники) преступлений (при этом, в небольших по составу организованных преступных группах лидер часто является и соисполнителем преступления) в таких группах существуют и пассивные исполнители, например: водители; лица, отвечающие за оружие (выдающие его перед преступлением и изымающие его после); лица, сбывающие похищенное; и т.п.

В организованных преступных группах, занимающихся разнообразной преступной деятельностью, часто практикуется сознательное ограничение осведомленности исполнителей только своей ролью³. Члены такой группы распределяются по ролям в зависимости от потребностей группы и ее преступного профиля в соответствии с их личными качествами и возможностями. Одни из них занимают близкое к лидеру положение, участвуют в принятии определяющих преступную деятельность группы решений, остальные только выполняют указания руководства группы, находясь на второстепенных ролях.

Группа безопасности включает в себя две категории лиц: – члены сообщества, обеспечивающие конспирацию деятельности сообщества, а так-

¹ Гуров А.И. Профессиональная преступность. Прошлое и современность. М., 1990, С.72

² Марина В.К. Психологические аспекты структура организованных преступных групп корыстно-насильственной направленности // Проблемы законности. 2014. №1.

³ Осипкин В.Н. Организованная преступность. СПб. 1998. С.39

же осуществляющие разведывательную и контрразведывательную работу. Отдельные из них могут непосредственно участвовать в некоторых преступных акциях; – лица, формально не являющиеся членами преступной организации, но регулярно оказывающие ей полезные услуги (отдельные коррумпированные работники депутатского корпуса, федеральных и местных органов власти, правоохранительных органов, общественных организаций, а также юристы, журналисты, экономисты, врачи. В функцию группы безопасности входит выполнение определенных действий, в целом обеспечивающих наибольшую эффективность деятельности преступного сообщества: предотвращение проникновения в сообщество сотрудников органов ФСБ и МВД и других правоохранительных органов; тщательный анализ причин провалов, сопровождавшихся конфискацией наркотиков и арестами курьеров, держателей переправочных пунктов; обеспечение высокого социального престижа организаторов; консультации по правовым вопросам и создание условий, препятствующих эффективной борьбе правоохранительных и иных государственных органов с организованной преступностью; компрометация или нейтрализация сотрудников различных контролирующих и правоохранительных органов, активно противодействующих организованной преступности¹.

Выявление и анализ функциональной роли членов таких структур позволяет выявлять их место и роль в деятельности данной организации и в совершении конкретных преступлений, а также степень их уязвимости для психологического воздействия на них при расследовании. По результатам проведенного нами исследования установлено что, более 80% респондентов согласились с необходимостью установления функциональной роли каждого из членов организованной преступной группы.

Однако, как справедливо замечено, «место и роль каждого участника могут быть поняты не сами по себе, а только при наличии связи с другими элементами»². Действительно, любая организованная преступная структура, как сложное социально-криминальное построение, немыслима без существования многообразия связей ее членов между собой, группами членов, связей звеньев разного уровня между собой, между руководителями звеньев, между лидерами формирования и т.д. При этом, многие связи базируются на неписаном кодексе криминальной чести. Вместе с тем, можно выделить связи, характеризующие возникновение, развитие сообщества и его управление. Таковыми, например, могут быть генетические связи, а

¹ Анисимов Е.Б. К вопросу о структуре преступных сообществ, совершающих преступления в сфере незаконного оборота наркотиков //Вестник Томского государственного университета. 2007. № 303. С. 133-134.

² Криминалистика / Под ред. Ю.Г. Корухова. М., 2003. С. 9.

также связи, возникшие в ходе развития и управления организованной преступной группы¹.

Таким образом, учитывая все особенности организации и возможности организованной преступности, правоохранительным органам необходимо перейти на качественно новый уровень в своей деятельности, кардинально изменив тактику расследования преступлений, совершенных преступными сообществами.

Фарышев Евгений Васильевич,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

О некоторых профилактических мерах, применяемых к профессиональным преступникам в условиях изоляции от общества

Воспитательные мероприятия направлены на осознание осужденным себя полноценной личностью, но претерпевающей определенные ограничения за совершенное преступление, без чего невозможно искоренение неформальных норм. Для осознания осужденным себя полноценной личностью необходимо, во-первых, вежливо к нему относиться. В этом отношении интересен американский опыт: кодекс поведения заключенных в тюрьме требует, чтобы заключенные обращались к тюремным надзирателям или лицам, посещающим тюрьму, используя обращение «сэр» (к мужчинам) или «мэм» (к женщинам). Уважение, которое заключенные должны проявлять к тюремным надзирателям, не является односторонним. Если тюремный надзиратель обращается к заключенному или выкрикивают его имя на перекличке, то он использует обращение «мистер». С этой целью психолог пенитенциарного учреждения может выработать кодекс поведения сотрудников данного учреждения, который выступал бы как правовой обычай.

Во-вторых, воспитательной работой должны заниматься компетентные сотрудники. Компетентность сотрудников, занимающихся воспитательной работой с осужденными, исключает, с одной стороны, «заигрывание» с данными лицами, а с другой – жестокость по отношению к ним.

Помимо нейтрализации негативного влияния неформальных норм администрация учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, должна заполнить образовавшийся духовный вакуум, и в этом большую помощь могут оказать религиозные конфессии.

¹ Лозовский Д.Н. Методы расследования организованной преступной деятельности: монография. Санкт-Петербургский университет МВД России. Майкоп. 2010. С.78.

Работа по нейтрализации влияния осужденных - адептов криминальной идеологии на ранее не судимых и ранее судимых лиц проводится по-разному. В местах лишения свободы лидерство основано на харизматических качествах личности, естественном неравенстве: «...мнения практических работников подтверждают, что “лидеры” – это люди волевые, сильные, целеустремленные и обладают еще целым рядом качеств, подтверждающих на деле их лидирующее положение»¹. Совокупность качеств лидера можно даже назвать криминальным талантом.

Психолог в карантине по результатам тестирования должен из ранее не судимых лиц определять осужденных, обладающих задатками лидера. Оперативным работникам и начальникам отряда на данных лиц следует обращать особое внимание. С ними нужно проводить индивидуально-воспитательную работу с целью не допустить попадания под влияние осужденных, отрицающих социальную изоляцию.

В отношении ранее судимых лиц проводятся другие мероприятия. Во-первых, необходимо установить, какое место занимал осужденный в тюремной субкультуре, изменял ли субкультурную группу, и если да, то по какой причине, как ранее отбывал наказание. Во-вторых, эти материалы необходимо использовать для пресечения противоправной деятельности лиц, освободившихся из мест лишения свободы.

Выявив осужденных – адептов криминальной идеологии, необходимо принять меры по нейтрализации их отрицательного влияния на основную массу осужденных. Этот процесс нуждается в серьезном научном обеспечении.

По словам В.В. Тулегенова, к научному обеспечению предупредительно-профилактической работы, проводимой в отношении неформальных лидеров микросоциума осужденных, относятся система качеств, обуславливающая их естественное неравенство, социально-психологические законы, которым подчиняется механизм генезиса лидерства в микросреде осужденных, а также законы социального взаимодействия таких лидеров с микросоциумом осужденных и типология, которая детерминирована этими законами².

Нейтрализовать лидеров криминальной среды можно, изолировав в штрафной изолятор или единое помещение камерного типа под предлогом, что работу по благоустройству колонии в порядке ст. 106 УИК РФ они считают неприемлемой и не выполняют ее. За отказ от работы к ним можно применять дисциплинарные взыскания (водворять в штрафной изоля-

¹ Зуев Е.А. Криминальный лидер: особенности характеристики // Научный вестник Омской академии МВД России. 2016. № 1 (60). С. 14.

² Тулегенов В.В. Личность неформального лидера: понятие, социальное взаимодействие, типология и предупреждение // Вестник Владимирского юридического института. 2013. № 2 (27). С. 37.

тор, признавать злостными нарушителями и переводить в единое помещение камерного типа).

Данная тактика с успехом применяется на практике, ее можно назвать пассивной борьбой с осужденными. Несмотря на ее пассивность, в отношении осужденного она весьма действенна: время, проведенное в штрафном изоляторе, едином помещении камерного типа, заставляет его пересмотреть ценностные ориентации.

В карантине необходимо нейтрализовывать всех носителей криминальной идеологии, не допускать их распределения в отряды, так как это может отрицательно сказаться на оперативной обстановке в пенитенциарном учреждении.

Впоследствии данных осужденных необходимо переводить в строгие условия содержания, что соответствует актам международного права и действующему уголовно-исполнительному законодательству (ст. 120, 122, 124 УИК РФ).

Для исправления осужденных, находящихся в строгих условиях отбывания наказания, необходимо отдельно содержать лиц, являющихся злостными нарушителями в силу личностных качеств, от осужденных, отрицающих социальную изоляцию.

Если же в колонии осужденные – адепты криминальной идеологии не изолированы от основной массы осужденных, то следует лишить их основной функции – разрешения конфликтов.

Основной задачей неформальных лидеров является поддержание порядка, отвечающего неформальным нормам. Поскольку в местах лишения свободы существует обостренный спрос на справедливость, пусть и понимаемый по-своему, поскольку права заключенных постоянно попираются, поставляя пищу для возмущения, то существует потребность в защите нарушенной справедливости¹. Лидеры сообщества берут на себя эту важную роль. В связи с этим администрацией исправительных учреждений должна проводиться работа по поддержке осужденных и разрешению возникающих конфликтов.

В целях предупреждения правонарушений и получения достоверной информации об оперативной обстановке обязательно надо учитывать все факты нарушений установленного порядка отбывания наказания, особенно конфликты между осужденными, а не скрывать их, как это часто делают оперативные работники, так как последующий анализ помог бы прогнозировать возможные правонарушения. От грамотного разрешения конфликта во многом зависит оперативная обстановка в пенитенциарном учреждении.

¹ Барабанов Н.П. Криминальная субкультура осужденных в исправительных учреждениях: «воры в законе», «воровские группировки», лидеры уголовно-преступной среды, криминальные «авторитеты» // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 1. С. 18.

Для того чтобы грамотно нейтрализовать неформального лидера, необходимо знать его сильные и слабые стороны. К первым относятся, во-первых, харизматические качества личности. К своей криминальной карьере многие из осужденных готовятся еще с детства¹. Их харизма отчасти предопределена биологически, а отчасти сформирована асоциальным окружением. Несомненно, что сотрудникам пенитенциарных учреждений противостоит серьезный враг, недооценивать которого крайне опасно. Во-вторых, лидерство основано на доскональном знании криминального мира, неформальных норм поведения, принятых в преступной среде.

В-третьих, криминальные лидеры помимо знаний о преступной среде хорошо разбираются в психологии людей, сознательно дистанцирующихся от них, но, несмотря на это, могут завоевывать их симпатии.

В-четвертых, уголовные авторитеты вежливы, крайне редко употребляют в речи нецензурную брань, уважительно относятся к любому собеседнику, что заставляет окружающих уважительно относиться к ним.

В-пятых, отличительным качеством лидера является изощренный ум.

Таким образом, ведущая роль в предупреждении криминального профессионализма отводится нейтрализации лидеров осужденных отрицательной направленности, так как именно представители данной категории лиц выступают своеобразными генераторами криминальных идей в местах лишения свободы. Несмотря на то, что осужденные отрицательной направленности обладают харизмой, опытом жизни в криминальной среде, в арсенале правоприменителя имеется достаточно средств, позволяющих нейтрализовать негативное влияние указанных лиц. Таким образом, для повышения эффективности борьбы с профессиональной преступностью в пенитенциарных учреждениях необходимы:

введение режима содержания, который позволит изолировать профессиональных преступников от других заключенных;

установление более жесткого порядка в учреждениях с целью исключить мобильные телефоны, наркотики, оружие и т.п.;

усиление ответственности за преступления внутри учреждений: неподчинение требованиям администрации, дезорганизацию работы учреждений;

улучшение кадровой работы с администрацией учреждений, с установлением обязательной ротации через определенное время.

В индивидуальном предупреждении преступлений со стороны профессиональных преступников большая роль отводится контролю за их поведением. Контроль за профессиональными преступниками должен обеспечить условия, исключаящие их влияние на осужденных.

¹ Соловьев В.С., Тюрина И.Н. О проблемах эффективности принудительных мер воспитательного воздействия, связанных с особенностями личности несовершеннолетнего преступника // Законодательство. 2015. № 10. С. 70.

Хамхоев Билан Мухамедович,
адъюнкт кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России

**Производство допроса в ходе расследования преступлений,
совершаемых в период проведения крупных международных
и массовых спортивных мероприятий: организационные
и тактические аспекты**

Расследуя преступления, совершаемых в период проведения крупных международных и массовых спортивных мероприятий, органы предварительного следствия встречаются с рядом дополнительных правовых, процессуальных, криминалистических, организационных проблем и трудностей, которые обусловлены особенностями правового статуса иностранцев в РФ, особенностями социально-психологических свойств личности иностранцев, криминалистическими особенностями преступлений, которые совершаются иностранцами (в отношении них).

В данной статье нами будут рассмотрены особенности производства допроса, как наиболее часто встречаемого следственного действия по делам исследуемой категории.

В отношении иностранных граждан, не обладающих дипломатической привилегией и иммунитетом, предусмотрен порядок вызова на допрос повесткой в соответствии с требованиями статьи 188 УПК РФ. В то же время не рекомендуется вызывать повестками граждан, не пользующихся дипломатическим иммунитетом. Студенты, аспиранты вызываются на допрос, как правило, через деканаты по работе с иностранными учащимися вузов, где они обучаются. Иностранные специалисты, рабочие, представители торговых и иных организаций вызываются через руководителей министерств и ведомств, по линии которых они прибыли в Россию. В любом случае требуется информировать российские учреждения о том, что иностранный гражданин, прибывший в Россию по их инициативе, вызывается для дачи показаний по уголовному делу.

Когда иностранный гражданин сам предлагает явиться и дать показания по делу, то отказываться от встречи не следует, поскольку другой возможности допросить иностранного гражданина, особенно дипломатического сотрудника, может не представиться.

Если иностранный гражданин изъявит желание давать показания не на родном языке, который относится к числу редких, а на другом, более доступном, которым он владеет, его просьба подлежит удовлетворению. Если возникли сложности с предоставлением переводчика, то целесообразно допрашиваемому иностранцу предоставить возможность собственноручно написать показания. Последующий перевод производится уже в его отсутствие.

Переводчик должен быть привлечен в любом случае, когда у дознавателя возникают сомнения в достаточном уровне знания языка производства подозреваемым, свидетелем, потерпевшим.

О привлечении к участию переводчика дознаватель выносит постановление, в котором указываются полные данные лица, назначаемого переводчиком, и сведения о его образовании, о языках, которыми он владеет.

В качестве переводчика недопустимо привлекать родственников допрашиваемого, либо лиц, в отношении которых имеются основания полагать, что они лично, прямо или косвенно, заинтересованы в исходе уголовного дела.

Изучение протоколов и иных процессуальных документов, составленных в присутствии переводчика, показывает, что в них часто не отражаются данные о компетенции переводчика, разъяснении ему прав и обязанностей, предупреждении об ответственности по статье 307 УК РФ за заведомо неправильный перевод, разъяснении иностранцу права отвода переводчика, о языке перевода. Не всегда соблюдается порядок удостоверения подписью переводчика каждой страницы показаний иностранца. Порой отсутствует в протоколах подтверждение иностранца о том, что сделанный ему в устной форме перевод понятен и соответствует его показаниям.

Нередко в уголовном деле одни процессуальные действия выполняются с участием переводчика, другие – без него, что может послужить в дальнейшем основанием для признания таких доказательств недопустимыми.

Протоколы допросов иностранцев с участием переводчика следует выполнять от первого лица. Особенно важно указать в конце протокола, прочитан ли он иностранцем самостоятельно либо переведен переводчиком.

Многие иностранные граждане владеют русским языком, и допрос их проводится без участия переводчика. В данном случае большинство ошибок встречается при оформлении отказа допрашиваемого от услуг переводчика. Нередко дознаватели забывают записать в протоколе, почему допрос проводится без переводчика. Причем запись об этом должна быть в самом начале протокола, и здесь необходимо отражать причину отказа (обучение, длительное проживание, общение и т.д.).

В то же время, лицо не всегда может вразумительно объяснить причины своего отказа от помощи переводчика или сформулировать основания отвода.

Помимо переводчика при допросе подозреваемого должен присутствовать защитник и, по просьбе допрашиваемого, сотрудник консульского или дипломатического представительства его страны. Все переговоры о месте, времени допроса с участием этих лиц ведутся только через МИД России.

Ходатайства подозреваемого иностранного гражданина о присутствии на допросе дипломатического или консульского сотрудника рас-

сматриваются в соответствии с главой 15 УПК РФ. При полном или частичном отказе в удовлетворении ходатайства дознаватель обязан мотивировать это специальным постановлением. При удовлетворении ходатайства просьба о присутствии представителя направляется через МИД России. В случае необходимости провести повторный или дополнительный допрос процедура такого вызова повторяется.

Подготовка к допросу должна включать в себя составление плана. Целесообразно наиболее существенные вопросы заранее перевести на тот язык, на котором будут даваться показания. Если предполагается предъявлять при допросе документы, то та часть их содержания, которая существенна для дела, также может быть заблаговременно переведена. То же относится и к вещественным доказательствам: заранее должен быть сделан перевод их наименований и обозначений на них, фрагментов протоколов осмотра или обыска, в ходе которого они были обнаружены. Такой заблаговременный перевод обеспечит необходимый тактический эффект при внезапном для допрашиваемого предъявлении этих объектов.

Допрос иностранного гражданина целесообразно помимо протокола фиксировать с помощью аудио-, видео- записи. Это тем более важно при проведении очной ставки между иностранными гражданами или с участием иностранного гражданина.

При допросе иностранного гражданина, не пользующегося иммунитетом, в качестве свидетеля или потерпевшего, дознаватель предупреждает его об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний, что удостоверяется его подписью в протоколе допроса. Если допрашивается лицо, обладающее иммунитетом, то, очевидно, предупреждать его об ответственности за отказ давать показания, не имеет смысла. Что же касается ответственности за дачу заведомо ложных показаний, то это возможно, поскольку вопрос о такой ответственности будет решаться дипломатическим путем, т.е. предупреждение приобретает тактический смысл. Следует также иметь в виду, что присяга, принятая в ряде стран как средство подтвердить правдивость показаний, по законодательству России не допускается, что и должно быть разъяснено иностранному гражданину.

Формулировка вопросов, которые задаются допрашиваемому после свободного рассказа, не должна допускать различных толкований. Следует избегать идиоматических выражений, пословиц и поговорок, смысл которых недоступен допрашиваемому и не может быть точно разъяснен при переводе.

Проведенный анализ позволил сформулировать ряд рекомендаций, направленных на совершенствование деятельности сотрудников подразделений следствия и дознания по раскрытию и расследованию преступлений, совершенных иностранными гражданами (в отношении иностранцев) на территории Российской Федерации.

Хурум Мариет Аслановна,
аспирантка кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета

**Преступления, связанные с получением и разглашением
конфиденциальной информации, в уголовном законодательстве
советского периода**

Вопросы обеспечения уголовно-правовой защиты неприкосновенности конфиденциальной информации традиционно стояли на повестке дня российского государства. Не стал исключением и XX в., олицетворивший собой главным образом советский период в истории государства и права страны.

Поскольку установление новой государственности проходило в сложных социально-политических условиях, усугубляющихся внешней интервенцией, постольку в первую очередь советское правительство принимало меры по противодействию контрреволюционным проявлениям. Это в полной мере отразилось и на содержании уголовного законодательства Советской России. Общее понятие контрреволюционного преступления впервые было дано в ст. 57 УК РСФСР 1922 г.¹ В ней устанавливался уголовно-правовой запрет на действия, направленные на оказание помощи внешним силам, осуществляющим враждебную по отношению к нашей стране деятельность. К таковым в этой норме были отнесены: интервенция, блокада, шпионаж, финансирование прессы. При этом приведенный перечень не был исчерпывающим. Таким образом, в законе шла речь о шпионаже, предполагавшем незаконное манипулирование конфиденциальной информацией – сведениями, особо значимыми для государства и его безопасности.

По мере укрепления государственности в уголовном законодательстве советского периода происходит криминализация измены Родине (чего не было осуществлено в УК РСФСР 1922 г.) и размежевание ее со шпионажем. Так, уже в УК РСФСР 1926 г. устанавливалась уголовная ответственность за измену Родине (ст. 58.1а–58.1г.)². Показательно, что ответственность за данное преступление предусматривалась в разных статьях Уголовного кодекса в зависимости от его субъекта (военнослужащего или гражданского лица).

Следующий шаг в развитии уголовного законодательства в сфере охраны государственной тайны был связан с принятием 8 июня 1934 г. За-

¹ Уголовный кодекс РСФСР редакции 1922 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241523> (дата обращения – 07 сентября 2017 г.).

² Уголовный кодекс РСФСР 1926 года. Официальный текст с изменениями по состоянию на 1 марта 1957 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://avkrasn.ru/article-683.html> (дата обращения – 07 сентября 2017 г.).

кона об уголовной ответственности за измену Родине. В нем под изменой понимались действия, совершенные гражданином СССР в ущерб военной мощи Советского государства, независимости или неприкосновенности его территории.

Дальнейшее расширение криминализации и пенализации в рассматриваемой сфере, объективно обусловленное требованиями военного времени, происходит в период Великой Отечественной войны. Так, 19 апреля 1943 г. Президиумом Верховного Совета СССР был издан специальный Указ, которым устанавливались наказания в виде смертной казни через повешение и каторжных работ для немецко-фашистских преступников и их пособников, виновных в злодеяниях против советского народа. Пособники немецко-фашистских преступников из числа граждан СССР приравнивались к изменникам Родины, совершившим указанное преступление в форме перехода на сторону врага.

В 50–60-е гг. XX века уголовное законодательство СССР и РСФСР, предусматривающее уголовную ответственность за измену Родине и шпионаж, продолжало свое развитие и совершенствование. Так, 25 декабря 1958 г. Верховный Совет СССР принял Закон «Об уголовной ответственности за государственные преступления»¹, в статьях 1 и 2 которого предусматривалось наказание за измену Родине и шпионаж. При этом были представлены развернутые дефиниции указанных деяний, включавшие широкий круг альтернативных действий, составляющих, соответственно, либо измену Родине, либо шпионаж. В ст. 1 содержалось понятие измены Родине: «Деяние, умышленно совершенное гражданином СССР в ущерб государственной независимости, территориальной неприкосновенности или военной мощи СССР: переход на сторону врага, шпионаж, выдача государственной или военной тайны иностранному государству, бегство за границу или отказ возвратиться из-за границы в СССР, оказание иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против СССР, а равно заговор с целью захвата власти».

В ст. 2 Закона «Об уголовной ответственности за государственные преступления» было представлено понятие шпионажа: «Передача, а равно похищение или собирание с целью передачи иностранному государству, иностранной организации или их агентуре сведений, составляющих государственную или военную тайну, а также передача или собирание по заданию иностранной разведки иных сведений для использования их в ущерб интересам СССР, если шпионаж совершен иностранцем или лицом без гражданства».

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г.² воспроизвел положения Закона СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления» в ст. 64 «Измена Родине», и ст. 65 «Шпионаж».

¹ URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_36447.html (дата обращения – 07 сентября 2017 г.).

² URL: <http://base.garant.ru/3983891/7/> (дата обращения – 17 сентября 2017 г.).

В 80-х гг. XX в. на волне обострения холодной войны Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 января 1984 г.¹ Закон СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления» был дополнен статьей 13¹ «Передача иностранным организациям сведений, составляющих служебную тайну». В последующем эта норма была введена в УК РСФСР – ст. 76¹ «Передача иностранным организациям сведений, составляющих служебную тайну». В ней были криминализованы следующие действия: передача или собирание с целью передачи иностранным организациям или их представителям экономических, научно-технических или иных сведений, составляющих служебную тайну, лицом, которому эти сведения были доверены по службе или работе или стали известны иным путем. В данной норме была осуществлена дифференциация уголовной ответственности в зависимости от причиненного этими деяниями ущерба. Так, в ч. 2 ст. 76¹ УК РФ устанавливалось более строгое наказание за те же действия, причинившие крупный имущественный ущерб государственным или общественным организациям либо повлекшие иные тяжкие последствия.

Таким образом, в уголовном законодательстве советского периода была расширена криминализация деяний, посягающих на сохранность конфиденциальной информации, в данном случае составляющей служебную тайну. Нужно отметить, что подобные нормы ранее присутствовали в отечественном законодательстве конца XIX в.

В советский период все субъективные права личности, в том числе право на неприкосновенность частной жизни, на личную и семейную тайну, были существенным образом ограничены². Вплоть до середины 90-х гг. XX в. они носили «усеченный» характер и не могли реализовываться в полной мере. Об этом отчетливо свидетельствует содержание советских Конституций. Так, ни в Конституции РСФСР 1918 г., ни в Конституции СССР 1924 г. почти не уделялось внимания личным правам граждан. Такая же ситуация, как отмечают А.Г. Кибальник, С.В. Кузьмин и И.Г. Соломоненко, характеризует и уголовное законодательство молодой Советской республики³.

Конституция СССР 1936 г. стала первой Конституцией, в которой был закреплён широкий перечень личных прав и свобод. Безусловно, размещение положений о правах и обязанностях граждан в конце Конституции 1936 г. говорит о том, что государство не придавало им большого значения. Однако уже сам факт закрепления таких прав, как свобода совести (ст. 124), неприкосновенность личности (ст. 127), неприкосновенность жи-

¹ URL: <http://poisk-zakona.ru/274521.html> (дата обращения - 17 сентября 2017 г.).

² Трофимова В.Е. Уголовное законодательство России об охране личной и семейной тайны: становление, этапы развития // Молодой ученый. 2013. №3. С. 375.

³ Кибальник А.Г., Кузьмин С.В., Соломоненко И.Г. Тайна в уголовном праве. Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2000. С. 25.

лица и тайна переписки (ст. 128), свидетельствовал об определенном прогрессе. Важной особенностью является и то, что «Конституция не ограничивалась формальным фиксированием прав граждан, а переносила центр тяжести на вопрос о гарантиях этих прав, на средства их осуществления»¹.

Вместе с тем правовой статус личности в советском государстве связывался в первую очередь с природой общества и государства. Особенно явно такой подход просматривается при анализе нормативных положений о защите неприкосновенности частной жизни человека. Так, например, Ю.И. Стецовский обращает внимание на то, что приказом НКВД СССР от 29 декабря 1939 г. было предписано стенографировать все без исключения международные телефонные разговоры сотрудников иностранных посольств и иностранных корреспондентов, а также решением директивных органов была введена цензура всей входящей и исходящей международной корреспонденции².

Вслед основному закону государства советские уголовные кодексы также оставляли за рамками своего внимания вопросы обеспечения защиты частной жизни человека. Так, УК РСФСР 1922 г. не признавал объектом правовой охраны отношения в сфере обеспечения неприкосновенности сведений, составляющих личную и семейную тайну³.

По словам Г.Н. Борзенкова, ответственность за диффамацию не могла иметь место в те годы, когда считалось, что в социалистическом обществе частная жизнь должна быть открыта для критики и самокритики⁴. Некоторые советские юристы решительно выступали против применения мер государственного принуждения к тем лицам, которые распространяют сведения о частной жизни других: «Противоречило бы моральному сознанию советского гражданина и запрещение разглашать правдивые сведения, порочащие другое лицо, хотя бы и относящиеся к частной жизни потерпевшего, так как личная жизнь советского человека не может быть только его «частным» делом»⁵.

В основе концепта взаимодействия личности и государств в рассматриваемый период лежала идея о том, что у человека не должно было быть никаких тайн от власти. Стремление же к личному пространству расценивалось как «буржуазный пережиток» и всячески презирилось.

¹ См.: Стецовский Ю.И. Право на свободу и личную неприкосновенность. Нормы и действительность. М.: Дело, 2000. С. 390.

² Цит. по: Блоцкий В.Н. Конституционное обеспечение права человека на неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 31.

³ Кибальник А.Г., Кузьмин С.В., Соломоненко И.Г. Указ. соч. С. 25.

⁴ Борзенков Г. Если задета честь // Человек и закон. 1998. № 1. С. 33.

⁵ Солодкин И.И., Филановский И.Г. Ответственность за оскорбление, клевету и побои. М.: Изд-во Госюриздат, 1959. С. 23.

Первые советские уголовные кодексы 1922 и 1926 гг., направленные, в первую очередь, на защиту государства и борьбе с контрреволюцией, не содержали норм о преступлениях против личной и семейной тайны. Кардинальные изменения в рассматриваемой сфере произошли лишь с принятием УК РСФСР в 1960 г. В преддверии «оттепели» все более пристальное внимание государство стало обращать на права личности. С учетом конституционных положений в Кодекс была впервые в истории советской российской государственности включена глава «Преступления против политических и трудовых прав граждан». В ней была предусмотрена система преступлений, посягающих на неприкосновенность конфиденциальной информации: нарушение тайны переписки (ст. 135); нарушение неприкосновенности жилища граждан (ст.136). Помимо этого, несколько позже были криминализованы нарушение личной и семейной тайны посредством посягательства на тайну усыновление (ст.124.1), нарушение врачебной тайны (ст.128.1).

В рассматриваемый период был заложен фундамент для последующей криминализации, которая отсутствовала в УК РСФСР 1960 г., за нарушение адвокатской тайны, тайны вкладов. Так, из статей уголовно-процессуального кодекса и Закона об адвокатуре вытекала адвокатская тайна. Что касается вопроса тайны вкладов, то она гарантировалась государством, что было предусмотрено в ст. 5 Устава государственных трудовых сберегательных касс СССР, утвержденного постановлением Совета Министров от 11 июля 1977 г.¹ На работников государственных трудовых сберкасс СССР была возложена обязанность хранить в тайне сведения о вкладчиках и других клиентах, о совершенных ими операциях и состояниях счетов по вкладам.

Вместе с тем в рассматриваемый период, так же как и сейчас, государство не обеспечивало защиту тайны исповеди, поскольку служители культа не наделяются иммунитетом в рамках рассмотрения уголовного дела по существу и могут быть допрошены в качестве свидетеля, в том числе и в отношении ставшей им известной информации в ходе исповеди. Тайна исповеди формально существовала, но государство в период «развитого социализма» относилось к ней безразлично, осуждение к разглашению тайны исповеди могло быть только в моральном плане². Кроме того, государство совершенно игнорировало необходимость обеспечения, в том числе и уголовно-правовыми мерами, неприкосновенности личной или семейной тайны.

¹ Уголовное право: учебник / под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой. М.: Новый юрист, 1999. С. 566.

² Макеев П.Н. Уголовная ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни. М.: Норма, 2006. С. 28.

Недостатком в области защиты частной жизни человека, ее информационного аспекта в социалистический период являлось и то, что она предоставлялась только гражданам РСФСР¹.

Развитие уголовно-правовой охраны конфиденциальной информации о частной жизни личности было осуществлено в связи с ратификацией СССР 23 марта 1976 г. Международного пакта от 16 декабря 1966 г. о гражданских и политических правах. Согласно его предписаниям (ст. 17) никто не может подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным или незаконным посягательствам на неприкосновенность его жилища или тайну его корреспонденции или незаконным посягательствам на его честь и репутацию и каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств.

Принятая 7 октября 1977 г. Конституция СССР вобрала в себя основные прогрессивные положения названного Международного пакта. Так, ст. 54–56 Конституции СССР 1977 г. гражданам СССР были гарантированы неприкосновенность личности, жилища, а также охрана законом личной жизни, тайны переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений. В ст. 57 Конституции СССР 1977 г. было оговорено, что уважение личности, охрана прав и свобод граждан – обязанность всех государственных органов, общественных организаций и должностных лиц.

Вслед за новыми положениями Конституции СССР в УК РСФСР была осуществлена криминализация деяний, связанных с нарушением тайны переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений.

Развитие отечественного уголовного законодательства об обеспечении сохранности конфиденциальной информации в советский период отличается следующей спецификой:

– с начала 1917 г. по 1960 г. следует констатировать регресс уголовно-правовой охраны личности в целом и от посягательств на неприкосновенность тайны частной жизни в особенности, поскольку произошел идеологический сдвиг в сторону утраты личностью права на конфиденциальность жизни, а ее правовой статус в указанный период связывался в первую очередь с природой общества и государства;

– первые советские уголовные кодексы 1922 и 1926 гг. вполне соответствовали духу времени и не содержали норм о преступлениях против личной и семейной тайны, и лишь в УК РСФСР 1960 г. была включена глава «Преступления против политических и трудовых граждан», в которой предусматривались такие преступления, как нарушение тайны переписки (ст. 135); нарушение неприкосновенности жилища граждан (ст. 136); нарушение тайны усыновления (ст. 124.1), врачебной тайны (ст. 128.1);

¹ Трофимова В.Е. Уголовное законодательство России об охране личной и семейной тайны: становление, этапы развития // Молодой ученый. 2013. №3. С. 376.

– иная ситуация складывалась в советское время относительно уголовно-правовой охраны государственной тайны: уже первые советские уголовные законы содержали понятие контрреволюционного преступления (ст. 57 УК РСФСР 1922 г.), к которому наряду с другими действиями относился и шпионаж;

– в 80-е гг. XX в. произошло расширение границ уголовно-правовой охраны сохранности конфиденциальной информации от преступных нарушений за счет включения в систему государственных преступлений посягательств на служебную тайну (ст. 76.1. УК РСФСР 1960 г.).

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что советский период становления уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере обеспечения неприкосновенности конфиденциальной информации следует охарактеризовать в целом как противоречивый и в определенной степени регрессивный. Во главе формирования уголовно-правового запрета стояла не социальная обоснованность и общественная опасность деяния, а господствующие идеологические установки. Все это существенным образом искажало содержание уголовно-правовых норм об охране конфиденциальной информации. Лишь к середине XX в. удалось «переломить» ситуацию и вернуться к уже наработанному опыту досоветского периода криминализации посягательств на информацию о частной жизни личности; служебную информацию (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.). Что касается криминализации посягательств на неприкосновенность коммерческой или банковской тайны, то в советский период она осуществлена не была.

Шапарь Мария Александровна,

адъюнкт

кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Историко – правовой анализ возникновения и развития социальной адаптации осужденных в России

Социальная адаптация лиц, отбывающих и отбывших уголовные наказания в местах лишения свободы, является весьма актуальной и важной задачей, стоящей перед уголовно-исполнительной системой Российской Федерации.

Социальная адаптация в России существует примерно около двух столетий корни этого понятия глубоко уходят в историю этой связи хотелось бы проанализировать исторический аспект ее развития по отношению к осужденным, а также вспомнить какие меры предпринимались обществом в борьбе с рецидивной преступностью.

Содержание осужденных в тюрьмах, социальная адаптация и помощь преступникам не интересовала власть на протяжении длительного периода Российской истории. С.В. Познышев писал: «Тюрьмы, существуют с незапамятных времен, но предметом более и менее серьезного общественного внимания и объектом научного изучения они стали сравнительно недавно, не ранее конца XVIII века и начала XIX»¹.

Переломным моментом в истории России в вопросах оказания помощи осужденным, изменения условий содержания в тюрьмах является приход к власти Екатерины II. Она одна из первых стала интересоваться вопросами содержания осужденных, оказания им помощи. «В этот период ее усилиями в России начинает формироваться идея исправления преступников. Данная идея должна была реализовываться через утвержденный Екатериной II «Наказ», в котором содержались нормы, способствующие нравственному исправлению заблудших»².

В это время начинают зарождаться первые признаки проявления социальной адаптации в отношении осужденных.

Представляет определенный интерес появление таких учреждений, как отдельные смирительные дома, которые в 1775 году были учреждены для мужчин и женщин порочного поведения не совершавшие преступлений, однако допустившие нарушение правопорядка. «Смирительные дома являлись профилактическими учреждениями «для ограждения общества от великих предерзостей, добронравие повреждающих, и по тому бывают нужны для общего благочестия и спокойствия семей»³.

Важно отметить, что одним из нововведений в оказании помощи осужденным в 1785 году являлось перечисление денежных средств в государственную казну, а с 1788 определение точной суммы кормовых денег, с учетом болезни осужденного она возрастала.

Впервые в истории Екатерина II обратила внимание на необходимость соблюдения прав осужденных в тюрьмах и оказания им помощи. Разработанный проект «Положение о тюрьмах» при его реализации должен был изменить коренным образом ситуацию в тюрьмах, отношение к преступнику, однако не нашел своего практического применения.

«В 1817 году в России филантропом Уолтером Вальтером Веннингом, были обследованы тюрьмы Санкт-Петербурга. По результатам обследования мест заключения был составлен доклад об их состоянии и записка с предложениями, как улучшить содержание тюрем. В результате этой работы 19 июля 1819 года Александр утвердил правила для Общества попечительского о тюрьмах. Целью общества провозглашалось нравственное воздействие на заключенных и улучшения состояния тюрем.

¹ Познышев С.В. Очерки тюремноведения.- М.: 1915. С.- 46.

² Смыкалин А.С. От реформ Екатерины II к судебной реформе 1864 года // Российская юстиция. - М.: Юрид. лит., 2001, № 3. - С.- 41

³ Никитин В.Н. Тюрьма и ссылка. - СПб., 1889.- С.-7.

Исполнительными органами были мужские и женские комитеты, члены которых имели право посещать тюрьмы в любое время, осматривать их и доводить свои замечания до начальства. Первая статья устава общества определяла его задачу как нравственное исправление преступников, в статьях уделялось внимание религиозным вопросам воспитания преступников»¹. Следовательно, впервые закрепленная на законодательном уровне социальная адаптация имела форму патроната.

«Сначала общество занималось исключительно вопросами морального совершенствования заключенных, однако вскоре переключило внимание на хозяйственные вопросы тюремной части. Помощь общества распространялась на тюрьмы, рабочие и смиренные дома, съезжие дворы.

В 1827 году намечается положительная тенденция в вопросах социальной адаптации и оказания помощи осужденным. В Санкт-Петербурге членами комитета оказывалась помощь лицам, освободившимся из тюрьмы, не только одеждой, пищей, деньгами, различными ходатайствами предметами, но и обустройством для них особого убежища².

«О расширении функций патроната свидетельствует тот факт, что с 1842 года открываются приюты для девочек, матеря которых находились в местах лишения свободы. Дважды в неделю детей приводили в тюрьму на свидание с родителями, что очень положительно влияло на психическое состояние женщин. В 1872 году дамским комитетом было открыто на собственные средства «Убежище», цель которого как было написано в уставе, заключалась в том, чтобы «предохранять освобождаемых из заключения женщин от совершения новых преступлений, вызываемых нуждой и беспомощностью. Все женщины были трудоустроены, им выдавались рекомендации для устройства на работу в частные дома и другие благопристойные заведения»³.

Таким образом, в первой половине XIX века меры социальной адаптации стали выходить за рамки пенитенциарного периода.

К 1863 в России действовало 64 мужских комитета в столицах, губернских, областных и портовых городах, 2 женских в столицах, 25 женских отделений в губернских городах и 431 мужское отделение в уездных городах. Смертность в заведениях, подведомственных обществу, составляла чуть более 2%⁴.

В 1864 году отмечаются первые шаги в деле патроната после судебных реформ, которые вызвали общее стремление изменить подход к тю-

¹ Веннинг Вальтер. <http://funeral-spb.ru/necropols/smolenskoel/venning/>

² Реабилитация бывших заключенных в России: 1819-1918г. URL: <http://www.miloserdie.ru>

³ Иванова Г.М. Женщины в заключении (Историко-правовой аспект). URL: <http://www.owl.ru/library/042t.htm>

⁴ Большая Российская Энциклопедия. Попечительное о тюрьмах общество. URL: <http://encblago.lfond.spb.ru/showObject.do?object=2823335121>

ремной практике. В Санкт-Петербурге открылось благотворительное общество «Рабочий дом» для тех, кто вышел из тюрьмы, больниц, для малолетних, где оказывалась помощь тем, кто в ней нуждается.

Последующий этап развития патроната относится к 70-м годам прошлого столетия. В 1875 г. Санкт-Петербургский комитет Общества попечительного о тюрьмах основал «Убежище для освобождаемых из мест заключения», которое предусматривало отделение для несовершеннолетних. Целью учреждения было обеспечить освобождающихся пищей и работой. Общество попечительное о тюрьмах не справлялось с этой задачей, в связи с чем, в России стали появляться специальные общества покровительства лицам, освобождаемым из тюрем.

На дальнейшее развитие патроната оказали влияние изменения в деятельности Общества попечительного о тюрьмах.

«В мае 1893 г. были учреждены Мужской и Дамский благотворительно - тюремные комитеты, в обязанности которых входило и попечение об освобождаемых из мест заключения. Деятельность комитетов включала в себя следующее: 1) оказывать содействие в приискании средств к жизни лицам, освобождаемым из-под стражи или отбывшим срочное заключение, принятием их на поруки, определением на места, помещением за счет комитетов в ночлежные дома, дома трудолюбия, приюты и другие заведения; 2) призывать детей лиц, поступивших в места заключения, впредь до освобождения родителей из-под стражи; 3) оказывать возможную помощь находящимся на свободе семействам заключенных и осужденных в ссылку; 4) заботиться о выкупе лиц, заключенных за долги, и помогать их семействам¹».

В этот период наметилась тенденция оказания помощи осужденным не только в местах лишения свободы, но и после освобождения. Таким образом, патронатная деятельность благотворительных тюремных комитетов стала распространяться не только на осужденных, но и на семьи заключенных, что повлекло создание приютов для детей арестантов, для добровольно следующих за преступниками в Сибирь жен и детей, для несовершеннолетних преступников с целью вывода их из общих мест заключения. В 1895 г. были упразднены тюремные комитеты Общества попечительного о тюрьмах в Москве. В остальных местностях продолжали действовать комитеты и отделения Общества.

Уже в 90-е годы XIX в. в обществе формируется стремление не только помочь отбывшим наказание в первые дни пребывания на свободе, но, что значительно важнее, вернуться к честной жизни. Развитие патроната находится в тесной связи с изменением отношения к преступнику, тюремному делу, с поисками средств борьбы с преступностью. Перед админи-

¹ Реабилитация бывших заключенных в России: 1819-1918 гг. URL: <http://www.miloserdie.ru>.

страцией тюрем и обществом стояла задача по перевоспитанию преступников.

В 90-х годах патронат получает дальнейшее развитие в столицах и постепенно переходит в провинцию: в 1895 г. учреждаются общества патроната в Ярославле, в 1896-в Перми, Киеве, Кронштадте, Гомеле и других городах.

«Сильное влияние на развитие патроната оказало принятие в 1908 г. Нормального Устава обществ покровительства лицам, освобождаемым из мест заключения (патроната). Затем потребность в соответствующих обществах особенно возросла после принятия 22 июня 1909 г. Закона об условном досрочном освобождении»¹. Поскольку целый ряд обществ патроната создавался именно в связи с вступлением Закона в силу, постольку эти общества преследовали цель контроля за лицами, освобожденными в соответствии с Законом, и их поддержки. В ряде статей Закона (ст. 5, 7, 12) содержались прямые указания на необходимость патроната. Под влиянием Закона общества патроната возникают практически повсеместно и создают учреждения патронатного характера, предназначенные для лиц различных категорий.

Уже к концу XIX в. общество нацелено на оказание помощи освободившимся от наказания в первые дни пребывания их на свободе и возвращению к нормальному образу жизни, патронат развивается параллельно с изменениями в обществе по отношению к преступности и поисками борьбы с ней.

К 1905 г. Перед учреждениями Общества попечительного о тюрьмах стояла задача адаптировать лиц, освободившихся из мест заключения к жизни вне тюрьмы, заботиться о детях лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, в оказании помощи семьям осужденных к лишению свободы и к ссылке.

В 1908 г. министром юстиции был утвержден примерный устав обществ патроната, что способствовало их возникновению и стандартизации деятельности.

Закон от 24 декабря 1912 г. обязал все общества патроната, благотворительности подчиняться контролю Главного Тюремного Управления. Они должны были отчитываться о своей деятельности и материальных ресурсах.

«Важно отметить, что деятельность Благотворительно-тюремных комитетов в Петербурге, Москве заключалась в оказании помощи семьям

¹ Россия. Законы и постановления. Закон об условном досрочном освобождении, с изложением рассуждений, на коих он основан : (Собр. узак. 1909 г. № 126, ст. 1216) / Под ред. Д.А. Коптева. - Неофиц. изд. - Санкт-Петербург : Г.Г. Ходунов, 1909. - [1], VI, 374, II С.- 5, 6.

заклученным, устройстве их семей, в содержании ежедневных и воскресных школ, приютов для тех, кто освобождился»¹.

«В 1917 году происходит трансформация пенитенциарной политики в политику исправительно-трудовую, появляются идеи об исправлении осужденных – главная цель наказания привлечение к общественно - полезному труду, как ведущему средству исправления. Постановлением Народного комиссариата юстиции от 24 января 1918 года «О тюремных рабочих командах» в тюрьмах вводится общественно-полезный труд, который провозглашался одним из основных средств исправления осужденных²». Впервые в советском законодательстве закрепляется положение о необходимости оказания материальной поддержки освобожденным. «Из оплаченной работы заключенного две трети записывались за осужденным и выдавались ему при освобождении³».

Таким образом, проведенный историко-правовой анализ показал, что «социальная адаптация осужденных» в форме патроната возникло примерно в VII веке. В этот же период впервые рассматривается вопрос о раздельном содержании заключенных с учетом гендерных особенностей. В VIII веке рассматриваются вопросы соблюдения норм гигиены в тюрьмах и содержания заключенных, меняется правовой их правовой статус. Патронат перестает носить характер благотворительности и рассматривается обществом, как общесоциальное направление, способствующее снижению роста рецидивной преступности и стабилизации порядка в обществе. Функции патроната расширяются, они распространяются не только на заключенных, но и на членов их семей, открываются приюты для освободившихся из мест лишения свободы, а также женщин и детей.

Нельзя не отметить, что данный исторический опыт является положительным и может быть использован в настоящее время в Российской Федерации, как один из методов в решении вопроса по снижению уровня рецидивной преступности.

В связи с чем, считаю целесообразным функционирование на территории всех муниципальных образований Российской Федерации центров, способных принять для временного проживания освободившихся из мест заключения и членов их семей. Как показывает исторический опыт, эта мера является самой эффективной, при ее использовании возможно снижение уровня рецидивной преступности среди лиц, отбывших наказание в местах лишения свободы, что остается актуальным и в настоящее время.

¹ Антонян Ю.М. Наказание и исправление преступника. Москва 1992г. С.-230.

² Из истории исправительно-трудовых учреждений РСФСР. Сборник документов. Москва, 1960, С.-23.

³ Из истории исправительно-трудовых учреждений РСФСР. Сборник документов. Москва, 1960. С.23.

Шевченко Анна Валерьевна,
адъюнкт
кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Проблемы защиты детей от доведения до самоубийства

По данным Всемирной организации здравоохранения ежегодно во всем мире более 1,6 миллиона человек теряют жизнь в результате насилия. Насилие создает огромное бремя для национальной экономики и обходится странам в миллиарды долларов США ежегодно в виде расходов на медико-санитарную помощь, правоохранение и потерю производительности.¹ Однако куда большим бременем становится проникновение насилия в общественное сознание, подмена понятий и идеологии общества. Насилие поражает общество, становится регулятором общественных отношений, способом решения проблем. Это неизбежно влияет на сознание людей и в виду специфических психо-эмоциональных и физиологических свойств особенно чревато последствиями для детей.

В последние годы для России актуальной является проблема детских суицидов. Согласно данным ВОЗ, Россия по показателю подросткового суицида занимает четвертое место в мире (три первые – Индия, Китай и США). Общее количество суицидов приближается к миллиону в год. К 2020 году прогнозируется рост данного показателя в полтора раза.²

Мерой законодательного воздействия на противоправные действия, направленные на доведение лица до самоубийства является установление уголовной ответственности за такое деяние. Так, частью 1 статьи 110 Уголовного кодекса Российской Федерации предусмотрена уголовная ответственность за доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего; пунктом «а» части 2 указанной статьи установлена уголовная ответственность за то же деяние, совершенное в отношении несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного.³

Характер и степень общественной опасности доведения до самоубийства определяет непосредственный объект – жизнь человека, характер

¹ Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. [Электронный ресурс]. URL: http://www.who.int/violence_injury_prevention/ (дата обращения: 01.09.2017).

² Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs398/ru> (дата обращения: 01.09.2017).

³ Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: принят 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 29.07.2017).-URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 05.06.2017).

посягательства, а в современном обществе – еще и способ совершения преступления, массовость и неопределенный круг лиц, на которых преступление оказывает воздействие.

Законодательно в качестве способа совершения преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ закреплено применение угроз, жестокого обращения или систематическое унижение достоинства потерпевшего. Очевидно, что способ совершения преступления носит насильственный характер и предусматривает применение как физического, так и психического насилия.

На практике доказать наличие психического воздействия на жертву преступления довольно непросто, в связи с чем имеет место ряд судебно-следственных ошибок и наличие статистических данных, не соответствующих действительности. Большинство правоприменителей и криминологов относят данный вид преступлений к высоколатентным.

Следует отметить, что в современном информационном обществе преобладают иные формы воздействия на человека, приводящие к тяжким последствиям в виде самоубийства. Общедоступность различного рода информации, отсутствие цензуры со стороны государства, подмена общечеловеческих ценностей элементами так называемой «массовой культуры» привело к тому, что человек стал жертвой, заложником информационных технологий и современных достижений. С одной стороны мы живем в развитом информационном пространстве, с другой – «Интернет» стал неотъемлемой частью нашей жизни, а кому-то даже заменил реальность.

Рассуждая об особенностях современного информационного пространства и его влияния на психику человека, А.Н. Игнатов справедливо отмечает, что поскольку человек связан с окружающей средой многочисленными информационными связями, которые в основном устанавливаются на уровне подсознания человека, основным элементом психического насилия по праву может считаться информация. Передача информации может осуществляться вербальным и невербальным путем. То есть, осуществление передачи соответствующей информации возможно как в словесной форме (через форму (ссора, крик и др.) и через содержание (угроза, ругань и др.), так и в форме открытого и имплицитного (скрытого) поведения через: движения и позы тела, жесты, мимические выражения, постоянное повторение моделей поведения. Кроме того, осуществление насильственного воздействия на психику человека возможно с помощью образов (тексты, телеинформации, слайд-шоу), языка цифр, звукового воздействия, сигналов, запахов, гипноза и тому подобное.¹

Манипуляция сознанием стала нормой коммуникативного взаимодействия сегодня. Человек становится все более зависимым от потока со-

¹ Игнатов А.Н. О насилии, его видах и их уголовно-правовом отражении // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2016. №4 (37). С. 59-65.

циально значимой информации, теряет свою активную, ответственную роль в социальном процессе. Информационные технологии все больше влияют не только на все сферы жизнедеятельности, а и на интеллект современного человека, его мировоззренческие установки. Это обусловлено способом подачи информации (подается «готовая», кем-то осмысленная информация, что сводит к минимуму или полностью исключает рефлексию), отсутствием обратной связи с источником информации, воздействием вне сознания и, как следствие, приводит к неспособности контролировать указанные процессы.¹ В особенности это касается детей, которые в виду психо-эмоциональных и возрастных особенностей еще в большей степени подвержены информационному влиянию и не способны оказывать ему сопротивление.

Ярким подтверждением изложенного является информационное воздействие на детей посредством сети «Интернет», приводящее к самоубийствам. Действительно, на сегодняшний день актуальной является проблема отрицательного влияния на детей сети «Интернет», вступления подростков в «закрытые группы» в социальных сетях, после общения в которых у них возникают мысли о суициде. Организация работы по профилактике совершения преступлений в отношении несовершеннолетних и принятию мер по противодействию распространения в сети «Интернет» запрещенной информации является одним из приоритетных направлений деятельности МВД России и территориальных органов на региональном и районном уровне.

Согласно данным МВД по Республике Крым, за 9 месяцев 2016 года в территориальные органы МВД по Республике Крым поступило 12 сообщений о совершенными попыток суицида и 7 сообщений о совершении несовершеннолетними суицидов с летальным исходом. За аналогичный период 2017 года поступило 113 заявлений и сообщений о попытках совершения суицида и 5 заявлений о совершении суицида несовершеннолетними лицами, из них 38 сообщений о выявленных несовершеннолетних, состоящих в группах социальных сетей, побуждающих их к причинению вреда своему здоровью, самоубийству. Поступившие сообщения зарегистрированы в Книге учета сообщений о преступлениях, материалы переданы в следственные подразделения Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Крым для принятия решения в порядке ст.ст. 144-145 УПК РФ. Возбуждалось 6 уго-

¹ Игнатов А.Н. Кризис духовной сферы как фактор детерминации экстремизма, терроризма и криминального насилия в целом // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. №3 (41). С. 48-50.

ловных дел по ст. 110 УК РФ. Судебного решения нет ни по одному факту по причине недостаточности доказательств.¹

С целью ограничения доступа несовершеннолетних к запрещенной информации в 2017 году территориальными органами МВД России направлено 7 ходатайств в Роскомнадзор о блокировке соответствующих сайтов. Согласно данным Роскомнадзора за 2017 год, ежедневно в России блокируется от 50 до 90 «групп смерти» в сети. Однако подобные группы создаются вновь, при этом участники заблокированных групп автоматически переносятся в новые.²

Отделом организации деятельности участковых уполномоченных полиции и по делам несовершеннолетних МВД по Республике Крым проведен мониторинг оперативных сводок, связанных с суицидами несовершеннолетних, который показал, что некоторые из погибших детей состояли в «группах смерти» социальных сетей. Отмечено, что участились случаи попыток суицидов после посещения ряда сайтов сети «Интернет», которые пропагандируют суицидальное поведение («Синий кит», «50 дней до самоубийства», «Киты плывут вверх», «Разбуди меня в 4.20», «Тихий дом», «Море китов», «Я в игре», «50 дней до моего...», «Дом китов», «Беги либо умри», и др.). Вход на указанные сайты несовершеннолетние осуществляют в вечернее и ночное время, рисуют на страничке бабочек, китов, единорогов, при этом в ходе переписки в сети с незнакомыми людьми получают указания о членовредительстве. Обязательным условием является привлечение в группу 5 сверстников. Совершенные акты членовредительства ребенок фотографирует и в качестве доказательства отправляет администратору игры. Часть лиц посещают подобного рода сайты из любопытства, однако при попытке выхода начинают получать в свой адрес угрозы о возможной расправе с родственниками с указанием адресов места проживания и требованиями совершения суицида, снятого на видео онлайн.³

Для преодоления в обществе проблемы детских суицидов, которые по сути своей являются результатом насильственного воздействия на психо-эмоциональную сферу, необходим комплексный подход. Это обусловлено тем, что существующая система общественных отношений определя-

¹ Данные ООД УУП и ПДН МВД по Республике Крым о суицидах и попытках их совершения среди несовершеннолетних на территории Республики Крым по состоянию на 15.09.2017.

² Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций [Электронный ресурс]. URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs398/ru> (дата обращения: 01.09.2017).

³ Данные ООД УУП и ПДН МВД по Республике Крым о суицидах и попытках их совершения среди несовершеннолетних на территории Республики Крым по состоянию на 15.09.2017.

ется рядом факторов (социокультурных, политических, правовых, религиозных и т.д.). Только комплексный подход обеспечит ожидаемые результаты.

Следует отметить, что суицидальные проявления у детей довольно часто бывают импульсивными, ситуативными и не планируются заранее. Своевременная психологическая помощь, внимательное отношение к подросткам, попавшим в трудную жизненную ситуацию, помогли бы избежать трагедий. Решаются на такой шаг, как правило, замкнутые, ранимые, страдающие от одиночества и чувства собственной ненужности подростки, утратившие смысл жизни. Данная проблема присуща как неблагополучным семьям, так и семьям с внешними признаками социального и финансового благополучия.

Несовершеннолетние, оставшиеся без надзора родителей, попечителей более подвержены риску совершения в отношении них преступлений, правонарушений, в связи с чем необходимой мерой является проведение профилактических мероприятий с несовершеннолетними, их родителями, опекунами (попечителями), а также лицами, их заменяющими. К проведению указанных мероприятий целесообразно привлекать специалистов различных сфер деятельности: культуры, спорта, средств массовой информации.

Практически во всех материалах доследственных проверок по фактам попыток несовершеннолетних покончить жизнь самоубийством отсутствуют какие-либо сведения о психологической реабилитации и помощи подросткам, пытавшимся расстаться с жизнью. Одной из главных проблем на сегодняшний день остается то, что услуги психолога недоступны во многих населенных пунктах. В связи с изложенным, необходимо инициировать вопрос о введении в штатное расписание общеобразовательных учебных заведений должностей психологов.

Кроме того, для защиты детей от доведения до самоубийства целесообразно реализовать следующие мероприятия:

- рассмотреть вопрос об упрощенном порядке блокировки интернет-сайтов администрирования, которые осуществляют деятельность по распространению антисоциального контента;
- координацию действий субъектов профилактики возложить на комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав;
- обеспечить проведение тестирования несовершеннолетних с целью определения склонности к суицидальному поведению;
- рассмотреть вопрос о задействовании к профилактическим мероприятиям специалистов, обладающих достаточным уровнем технических и психолого-педагогических знаний для отслеживания и вступления в группы «смертников» с целью оказания им в последующем психологической помощи.

И, конечно же, не стоит забывать о правовой составляющей. Так, полагаем целесообразным ужесточение наказания за доведение до самоубийства. С одной стороны, возможна критика данного утверждения. Очевиден

и научно обоснован тот факт, что тяжесть наказания не сдерживает преступных мотивов. С другой же стороны, криминализация деяния и установление сурового наказания демонстрирует позицию государства, а также определяет ценность объекта уголовно-правовой охраны. Не стоит забывать и о том, что степень тяжести преступления определяет правовые основания для использования оперативно-розыскных возможностей в структуре методики его раскрытия.

Кроме того, несмотря на дополнение УК РФ статьями, устанавливающими уголовную ответственность за склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (статья 110.1 УК РФ) и за организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110.2 УК РФ)¹, вопрос, связанный, с привлечением виновных к уголовной ответственности на практике остается достаточно непростым. Это обусловлено и спецификой способа совершения преступления и несовершенством законодательной конструкции статей УК, устанавливающих ответственность за доведение до самоубийства.

Юрпалова Диана Николаевна

Роль факторов природной среды в ситуации совершения дорожно-транспортных преступлений женщинами

Без глубокого научно-обоснованного комплексного исследования факторов детерминации преступности в сфере безопасности дорожного движения и механизма совершения соответствующих преступных деяний невозможна разработка комплекса эффективных мер противодействия им и обеспечения безопасности в данной сфере.

Преступность как социальное явление представляет собой сложную систему, элементарной составляющей которой являются отдельные акты поведения людей.² Преступное поведение личности, в том числе неосторожное, включает в себя ее виновные действия, совершенные в определенном месте и в конкретный промежуток времени. Помимо всего прочего, совершенному преступлению всегда сопутствует ситуация, которая является выражением внешних обстоятельств происшествия, образующих объ-

¹ Федеральный закон от 07.06.2017 N 120-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_217848/ (дата обращения 15.09.2017).

² Игнатов А.Н. Природные факторы детерминации преступности: постановка проблемы // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 23. С. 22-27.

ективную действительность, или же выражением условий жизнедеятельности неосторожного преступника, благодаря которым происходит его детерминация. Указанные понятия находятся в тесном взаимодействии, а равно оказывают непосредственное влияние друг на друга. Без учета особенностей конкретных ситуаций, подчас невозможно понять причины и механизм неосторожного преступного поведения личности, поэтому определение роли ситуации в дорожно-транспортном происшествии немало важно.¹ Кроме того, условия конкретной внешней среды обуславливают закономерности выбора и реализации способа совершения преступления.²

Обоснованно выделяют следующие основные факторы, влияющие на безопасность дорожного движения: связанные с человеком, с транспортным средством, с дорогой и внешней средой. Таким образом, на дорогах существует сложная динамическая система, включающая в себя совокупность элементов: человек, автомобиль, дорога, функционирующих в определенной среде. Эти элементы единой дорожно-транспортной системы находятся в определенных отношениях и связях друг с другом и образуют целостность. Они формируют факторы риска, которые могут привести к ДТП. К факторам, связанным с внешней средой, увеличивающим потенциальный риск дорожно-транспортных происшествий, относятся темное время суток, неблагоприятные погодные условия, опасное состояние дорожного покрытия, перегруженность дороги транспортными средствами, проведение дорожно-ремонтных работ. Эти факторы взаимосвязаны с дорожными, они увеличивают число дорожно-транспортных происшествий, усиливая нагрузку на психику человека и требуя от него принятия решений в нестандартных ситуациях. Большинство данных факторов носят природный, не зависящий от человека характер.³

Как можем видеть, исследователи традиционно рассматривают факторы ситуации совершения дорожно-транспортных преступлений с точки зрения комплекса факторов, связанных с человеком, с транспортным средством, с дорогой и внешней (природной) средой.

При этом факторы природной среды преимущественно сводятся к климатическим факторам местного масштаба. Так, А.А. Байбарин и Е.О. Ефимова отмечают, что провоцирующие ситуации, вынуждающие водителя принимать решение, при автодорожном преступлении могут быть созданы и под влиянием условий окружающей природной среды (например, сильный туман, ухудшающий поле видимости для водителя, или же

¹ Байбарин А.А., Ефимова Е.О. Роль личности и ситуации при совершении дорожно-транспортных преступлений // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2013. № 4. С. 54-61.

² Игнатов А.Н., Пахомов С.В. Влияние качественно-пространственных особенностей местности на выбор и реализацию способа совершения преступления // Общество и право. 2016. № 3 (57). С. 143-147.

³ Позднышов А.Н., Смирнова Е.С. Анализ основных факторов, влияющих на безопасность дорожного движения // Юристъ-Правоведъ. 2012. № 2 (51). С. 28-33.

зимний гололед, приводящий водителя в состояние напряженности). Также немаловажно влияние среды и на асфальтовое покрытие дорог, которое периодически размывается из-за осадков и приводит к появлению выбоин и ям на трассе.¹

Однако, рассматривая роль природной среды в детерминации преступного поведения, прежде всего, нужно учитывать разделение соответствующих факторов на две основные группы: региональные (климат, температура воздуха, время года и другие, в первую очередь, метеорологические факторы) и общепланетарные космического происхождения (обусловленные влиянием солнечной и геомагнитной активности, вариациями космических лучей и т.д.) – космофизические факторы. И, как отмечает А.Н. Игнатов, если исследование планетарных факторов и их влияния на преступность, начиная еще с Ч. Ломброзо, получило более-менее широкое распространение, хотя бы на уровне накопления эмпирического материала, то исследования роли космических факторов в детерминации преступности на сегодняшний день находятся на недопустимо низком уровне.²

Важнейшая особенность гелиогеофизических факторов состоит в выраженной глобальной составляющей вариаций радиации, параметров электромагнитного и акустического фона места существования. Биологические процессы на всех уровнях системной организации, от молекулярного до социального, динамично связаны с физическими естественными факторами, прежде всего гелиогеофизическими (ГГФ) и метеорологическими. В современных исследованиях установлено существование связей биологических процессов разных уровней с ГГФ и связанными с ними слабыми естественными электромагнитными полями и акустическими колебаниями, которые проникают в жилые здания и вглубь тела. Сегодня учеными получены экспериментальные доказательства экологического значения ГГФ, которые определяют параметры электромагнитного и акустического естественного фона и модулируют показатели электромагнитных полей (ЭМП) антропогенного происхождения в среде существования, которое увеличивает степень влияния гелиогеофизических вариаций на физиологические процессы. Влияние планетарных ГГФ также зависит от географической широты, особенностей локального ландшафта и местных метеорологических показателей.³

В отличие от локальных погодных факторов, космофизические факторы действуют практически повсеместно в биосфере. Основными действующими факторами космической погоды являются процессы за пределами Солнечной системы и на Солнце: электромагнитное излучение и по-

¹ Байбарин А.А., Ефимова Е.О. Роль личности и ситуации при совершении дорожно-транспортных преступлений // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2013. № 4. С. 54-61.

² Игнатов А.Н. Природные факторы детерминации преступности: постановка проблемы // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 23. С. 22-27.

³ Игнатов А.Н., Григорьев П.Е. Влияние гелиогеофизических факторов на состояние преступности // Общество и право. 2016. № 2 (56). С. 189-196.

токи частиц в межпланетном пространстве. При взаимодействии с оболочками Земли (магнитосфера, ионосфера) эти факторы в конечном итоге преобразуются в экологически значимые изменения электромагнитного, акустического и радиационного фона околоземного пространства. В некотором приближении можно рассматривать действие космической погоды на среду обитания как следствие активности трех ее каналов: космических лучей (вариаций потоков частиц высокой энергии, приходящих, в основном, из-за пределов Солнечной системы), ионосферного (вариаций электромагнитных полей от всего Солнечного диска) и магнитосферного (вариаций Солнечного ветра и «вмороженных» в него магнитных полей).¹

Таким образом, говоря о влиянии факторов природной среды на состояние преступности, прежде всего, необходимо учитывать влияние планетарных гелиогеофизических факторов, которые, являясь одним из первичных экологических факторов, действуют повсеместно. Солнечные и геофизические вариации не принуждают совершать противоправные действия и не препятствуют им. Эти естественные явления мобилизуют, активизируют или, наоборот, в зависимости от уровня и динамики, принуждают к снижению активности все связанное с психомоторной деятельностью человека. Указанный принцип в полной мере относится как к отдельным индивидуальным актам преступного поведения, так и к преступности в целом.²

Современные исследования свидетельствуют об установлении определенных аспектов зависимости состояния преступности (отдельных ее видов) в разных странах мира от космических факторов.³ Российскими учеными установлены, в частности, закономерности зависимости количества ДТП от солнечной и геофизической активности, при увеличении которой нормальное функционирование организма, в частности его центральной нервной системы, становится затруднительным (увеличивается время реакции, появляется заторможенность, медлительность, ухудшается сообразительность и т.п.). Следует отметить, что указанное касается практически здоровых людей.⁴

Рассматривая роль факторов природной среды в ситуации совершения дорожно-транспортных преступлений, как и в ситуации иных видов

¹ Игнатов А.Н. Природные факторы детерминации преступности: постановка проблемы // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 23. С. 22-27.

² Киселев С.Л. Теоретические основы гелиогеофизического прогнозирования преступности и чрезвычайных ситуаций: дис. ... д-а юрид. наук. М., 2000.

³ Игнатов А.Н., Григорьев П.Е. Влияние гелиогеофизических факторов на состояние преступности // Общество и право. 2016. № 2 (56). С. 189-196.

⁴ Киселев С.Л. Теоретические основы гелиогеофизического прогнозирования преступности и чрезвычайных ситуаций: дис. ... д-а юрид. наук. М., 2000.

Василик П.В., Галицкий А.К. Влияние гелиофизических факторов на организм: статистика транспортных происшествий и проблема прогнозирования // Кибернетика и вычислительная техника. К., 1991. № 90. С. 8-11

преступлений, следует учитывать, прежде всего, следующее. В процессе формирования и жизнедеятельности любая личность воздействует на окружающий ее мир и изменяет его. То есть существует взаимосвязь между поведением индивида и его воздействием на окружающий мир и влиянием окружающего мира на жизнедеятельность и поведение индивида. Все социально-психологические явления и процессы, которые играют роль в детерминации преступности, формируются и существуют под влиянием факторов природной (естественной) среды, поэтому указанные факторы (прежде всего, гелиогеофизического порядка) играют роль объективного условия. При этом в зависимости от ситуации совершения отдельного преступления, эти факторы наряду с другими могут формировать конкретную жизненную ситуацию совершения преступления. С другой стороны, факторы природной среды могут играть роль субъективной предпосылки, которую особенно ярко можно проследить в случаях совершения преступлений лицами с аномалиями психики.¹

Роль факторов природной среды в ситуации совершения дорожно-транспортных преступлений непосредственно женщинами определяется, в том числе, и психофизиологическими особенностями лиц женского пола, а также состоянием организма конкретного индивида.

Так, здоровый и больной организмы по-разному реагируют, например, на солнечные и геомагнитные бури. Чем плачевнее состояние организма, тем раньше он ощущает наступивший дискомфорт и тем губительное его действие на него. Ослабленный разными заболеваниями, в первую очередь нервно-психическими, наркотически зависимый организм может быть доведен, по крайней мере, до стрессового состояния. Это, в конце концов, будет или может оказывать содействие созданию благоприятных условий для совершения преступления.²

Таким образом, роль факторов природной среды в ситуации совершения дорожно-транспортных преступлений женщинами определяется тем, что указанные факторы играют роль объективного условия. При этом в зависимости от ситуации совершения конкретного преступления, данные факторы наряду с другими могут с одной стороны формировать конкретную жизненную ситуацию совершения преступления, а с другой стороны могут играть роль субъективной предпосылки в зависимости от индивидуальных психофизиологических особенностей и состояния организма.

¹ Игнатов А.Н. Природные факторы детерминации преступности: постановка проблемы // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 23. С. 22-27.

² Киселев С.Л. Теоретические основы гелиогеофизического прогнозирования преступности и чрезвычайных ситуаций: дис. ... д-а юрид. наук. М., 2000.

Яловая Ольга Сергеевна,
адъюнкт
кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Виктимологические особенности корыстных преступлений, совершаемых в отношении женщин

Проблема профилактики корыстной преступности всегда признавалась одним из перспективных направлений криминологических исследований и была предметом изучения многих ученых. В то же время, виктимологические аспекты, а тем более особенности поведения женщин во время совершения в отношении них корыстных преступлений, учеными практически не изучались, что негативно повлияло на профилактическую работу правоохранительных органов в этой сфере.

Как свидетельствуют официальные статистические данные, в связи с социально-экономическими неурядицами, на сегодня можно наблюдать существенное увеличение числа преступлений корыстной направленности, потерпевшими от которых являются лица женского пола. Такие преступления становятся более дерзкими и опасными, а тот факт, что жертвами преступники целенаправленно выбирают женщин, на сегодня является очевидным. Изложенное выше обуславливает необходимость проведения углубленного анализа виктимологических особенностей корыстных преступлений, совершенных в отношении женщин.

Корыстная преступность охватывает значительное количество разнообразных по своему характеру и направленности уголовно-наказуемых деяний, а потому раскрыть их виктимологические особенности в рамках статьи объективно невозможно. В связи с этим, предлагаем сосредоточить основное внимание на виктимологической характеристике наиболее распространенных из них, в частности краж и мошенничеств, поскольку именно их состояние и динамика определяют характер и направленность всех других корыстных преступлений, совершенных в отношении женщин.

Начиная анализ виктимологических особенностей корыстной преступности, в первую очередь, следует отметить, что значительная доля зарегистрированных в России преступлений имеют корыстный характер. При этом наибольшая количество в структуре всей преступности (а не только корыстной!) традиционно приходится на кражи. Даже сегодня, учитывая позитивные тенденции уменьшения количества совершаемых в России краж, количество пострадавших от них продолжает оставаться стабильно высоким, как и доля женщин среди них. Конечно, реальное количество пострадавших от краж женщин значительно превышает их официально зарегистрированное количество. При этом причины латентности как корыстной, так и насильственной и корыстно-насильственной преступно-

сти, несколько похожи и связаны, прежде всего, с нежеланием потерпевших обращаться в правоохранительные органы из-за недоверия к их деятельности, собственное безрассудное поведение, стыд, нежелание проведения дальнейшего расследования и тому подобное. Вместе с тем, каждая разновидность преступной деятельности, в том числе кражи, характеризуются собственной иерархией причин латентности, что обусловлено рядом как объективных, так и субъективных факторов. Ученые по-разному оценивают значение детерминанты личностных качеств и поведения жертв краж, так, например, Д.В. Ривман отмечает, что кражи не могут быть отнесены к наиболее виктимологически обусловленным преступлениям¹. Однако, мы не можем полностью согласиться с таким подходом. Действительно, возраст, социальный статус, характер поведения и личностные качества потерпевших при совершении краж играют гораздо меньшее значение, чем, например, при совершении преступлений против жизни и здоровья личности. В то же время, эти признаки иногда имеют решающее влияние на формирование преступного умысла, поскольку создают условия, которые способствуют, облегчают и даже провоцируют кражи. И особенно четко это проявляется во время совершения таких посягательств в отношении женщин.

При этом характер влияния виктимологических особенностей женщин, которые стали жертвами рассматриваемых преступлений, зависят, прежде всего, от их разновидностей. Так, несмотря на то, что скрытность хищения чужого имущества является определяющим признаком всех краж, то по другим признакам (способ совершения преступления, личность и поведение преступника и жертвы, ситуативный компонент криминологического механизма и тому подобное) они существенно отличаются друг от друга². Очевидно, что наиболее виктимологически обусловленными и, одновременно, наиболее латентными являются карманные кражи, доля которых в общей структуре преступности, по неофициальным данным, составляет от 5-7 %. При этом, как отмечают некоторые ученые, процент женщин, потерпевших от карманных краж, более чем в два раза превышает долю пострадавших мужчин. Повышенный уровень виктимности женщин при совершении этого преступления можно объяснить тем, что женщины более легкомысленны и безрассудны, чем мужчины, которые, кстати, становятся жертвами карманных воров, как правило, находясь в состоянии алкогольного (наркотического) опьянения. Кроме того, женщины, в подавляющем большинстве случаев, имея при себе значительные суммы денег, проводят в магазинах, на рынках, предприятиях бытового обслуживания и тому подобное значительно больше времени, где и привлекают внимание преступников. Относительно квартирных краж, краж из автомобиля, краж авто-

¹ Ривман Д. В. Криминальная виктимология / Ривман Д. В. – СПб. : Питер, 2002.

² Ривман Д. В. Виктимология / Д. В. Ривман, В. С. Устинов. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2000.

транспорта и т.д., то виктимологические особенности поведения женщин при их совершении в криминологической литературе почти не исследовались, поскольку считается что они практически не влияют на выбор преступником объекта посягательства. Вместе с тем, по нашему мнению, полностью исключать виктимологическое влияние в данном случае нельзя. Ведь довольно часто выбор предмета посягательства обусловлен виктимным поведением его обладательницы. Кроме изложенного, к виктимологическим особенностям женщин, которые стали жертвами воров, необходимо относить также и их пассивность, что способствует или может способствовать их повторной виктимизации и проявляется в нежелании сотрудничать с правоохранительными органами. Так, в подавляющем большинстве случаев причинение незначительного материального ущерба вызывает у женщин желание поскорее о нем забыть и практически не побуждает к активным действиям, направленных на поиск преступника. Конечно, довольно часто найти вора, а тем более привлечь его к ответственности, бывает крайне затруднительно. Вместе с тем, установление личности преступника нужно не только для того, чтобы возместить нанесенный ущерб, а главным образом, для того, чтобы предотвратить повторное совершение преступления этим же лицом, вовлечение в преступную деятельность других лиц, а также перерастания корыстных посягательств в корыстно-насильственные и насильственные.

Несмотря на то, что доминирующее положение среди преступлений против частной собственности граждан занимают кражи, в последние годы особое беспокойство вызывает состояние и динамика другого корыстного преступления – мошенничества, заключающийся в противоправном завладении чужим имуществом или приобретении права на имущество путем обмана или злоупотребления доверием. Отметим, что в отличие от краж, где выбор жертвы довольно часто является ситуативным и редко зависит от ее личностных качеств и поведения, при совершении мошенничеств, в большинстве случаев, решающее значение имеют личностные качества потерпевших: доверчивость, наивность, внушаемость, неосведомленность, элементарная безграмотность и тому подобное. Именно эти обстоятельства и объясняют тот факт, что жертвами мошенничества становятся, как правило, лица женского пола. Так, по разным данным, количество женщин, которые стали жертвами мошенничества, колеблется в пределах от 69 до 72 %. По этому поводу в научной литературе отмечается, что с 74 % фактов негативного поведения жертв мошенничеств, 16 % приходится на долю мужчин, остальные 58 % – на женщин. При этом можно наблюдать одну довольно интересную тенденцию: уровень негативного поведения женщин возрастает по мере их «старения». Какие же личностные качества лиц женского пола обуславливают их повышенную виктимность при совершении мошеннических действий? На основании анализа научной литературы, изучении уголовных дел, мы пришли к выводу, что такими качествами ча-

ще всего выступают следующие: 1) женщины, как правило, имеют при себе значительные суммы денег, дорогие вещи, драгоценности и другие материальные ценности, а потому являются более материально привлекательным для преступников; 2) женщины более коммуникабельны, а потому их гораздо легче склонить к сомнительным взаимоотношениям с незнакомыми или малознакомыми лицами, которые навязывают необходимость приобрести определенные товары, получить разнообразные услуги (например, гадание, лечение у народных целителей и тому подобное); 3) женщинам свойственны определенные психологические особенности, которые достаточно удачно используются преступниками. Так, по данным некоторых социологических исследований, женщины легче поддаются обману, поскольку при принятии решений руководствуются преимущественно чувствами, эмоциями, ощущениями, тогда как мужчины опираются на рациональную сторону дела. Кроме того, женщины, как отмечается в научной литературе, более мечтательны, эмоциональны, кроткие, слабые и к тому же в два раза чаще страдают от депрессий и тревожно-фобических расстройств. Также важное виктимологическое значение имеют способы совершения мошенничеств в отношении женщин, поскольку выбор одного из них зависит не только от умения, ловкости, убежденности и осведомленности мошенника, но и от безграмотности, наивности и доверчивости потенциальной жертвы преступления.

Мошенничествам, так же как другим корыстным преступлениям, характерна относительно высокая степень латентности, что обусловлено объективными и субъективными обстоятельствами. К первым можно отнести: недостатки в работе правоохранительных органов, их неспособность или невозможность доказать факт совершения мошенничества, установить лицо, его совершившее, а также быстрые темпы совершенствования существующих и выработку новых способов и приемов совершения мошенничества. Общеизвестно, что появление новых общественных отношений обуславливает появление новых разновидностей мошенничества, поскольку преступники значительно быстрее начинают использовать изменения в общественной жизни, чем законодатель криминализирует новые способы мошеннических действий. Кроме того, иногда самим потерпевшим требуется некоторое время, чтобы осознать обман. При этом наиболее активно совершенствуются способы мошенничества в сфере предоставления разнообразных услуг населению: строительство, обмен валют, приобретение продуктов питания, товаров народного потребления, промышленных товаров, автомобилей и т.д. Особую актуальность на сегодня приобретают также мошеннические действия, связанные с кредитованием, инвестированием и участием в строительстве жилья, создания различных фиктивных фирм, «помогающих» гражданам оформить заграничный паспорт, визу, выехать за границу, получить туристическую путевку, трудоустроиться.

Виктимное поведение женщин ставших жертвами корыстных преступлений, можно классифицировать следующим образом:

1. Провокационное поведение, обусловлено корыстной мотивацией. Так, желание как можно быстрее обогатиться, приобрести определенные вещи по низким ценам, получить бесплатный, на первый взгляд, подарок, использовать определенную ситуацию для получения собственной выгоды или с целью избежать денежных затрат и тому подобное, свидетельствует о корыстолюбии, жадности, мелочности, иногда, противоправности поведения потерпевшей, а следовательно, о ее корыстной заинтересованности. Женщины, которым свойственны указанные личностные характеристики, значительно чаще вступают в криминологически опасные отношения, чем мужчины, а потому, как правило, остаются обманутыми преступниками. Конечно, такие потерпевшие сознательно нарушают моральные нормы, в основе их поведения лежит откровенный эгоизм и пренебрежение к общественным интересам. В то же время, некоторые жертвы обмана могут находиться в очень трудном положении, например, при совершении квартирных афер или медицинского мошенничества. К сожалению, действующее уголовное законодательство не учитывает моральную позицию потерпевших при оценке степени общественной опасности мошенничества. Вместе с тем, обман «хитрого и жадного дельца», который «клянул на приманку» незаконного обогащения, существенно отличается от обмана лица, которое пытается купить лекарства в ситуации крайней необходимости.

1.2. Сознательное провокационное поведение женщины без какой-либо корыстной мотивации свойственно для 5,2 % женщин, ставших жертвами корыстных преступлений. Этот тип поведения характеризуется сравнительно меньшей общественной опасностью, поскольку не предусматривает непосредственной корыстной мотивации. В то же время, он проявляется в других заведомо провокационных действиях женщин таких, например, как сознательное восхваление дорогими предметами домашнего обихода, бытовой техникой, драгоценностями, деньгами и т.; приглашение в дом незнакомых или малознакомых лиц; пребывание в состоянии сильного алкогольного или наркотического опьянения; совместное употребление с незнакомыми или малознакомыми лицами спиртных напитков, наркотических веществ, обуславливающих несостоятельность женщины не только противодействовать преступнику, но и осознавать опасность посягательства; неразборчивость в половых отношениях; совершение иных действий аморального характера, в результате которых преступники получают возможность свободного доступа в жилище и личных вещей потерпевшей.

2. Безответственно-безразличное поведение, что создает объективную возможность совершения преступления. Количество пострадавших женщин, которым характерен этот тип поведения, составляет 35,8 %. На первый взгляд, такое поведение и у женщин, которые стали жертвами насильственных преступлений, и у женщин, потерпевших от корыстных

преступлений, является одинаковым. Действительно, как и в первом, так и во втором случае потерпевшая лично создает благоприятные условия для совершения преступного посягательства, ускоряющие формирование преступного умысла и облегчающие его реализацию. Однако тщательное исследование дает возможность обнаружить целый ряд различий, которые наиболее уместно рассматривать в рамках подтипов безответственно-равнодушного поведения.

2.1. Излишне доверчивое поведение (12,7 %), которое обычно присуще молодым девушкам или женщинам преклонного возраста и проявляется в открытости во время общения с незнакомыми или малознакомыми людьми, невнимательности, наивности, неосведомленности, безграмотности и тому подобное. Некритичность и неоправданную доверчивость женщин подтверждает тот факт, что почти половина квартирных краж совершается преступниками, которые знакомы с потерпевшей, например, соседями, родственниками, сотрудниками, другими знакомыми, в том числе и случайными. Излишне доверчивое поведение характерно также и для мошенничества, особенно для тех его разновидностей, которые связаны с гаданием, «снятием порчи», разнообразными приворотами и другой деятельности народных целителей и гадалок. Уже не одно десятилетие процветает и так называемый «цыганский гипноз», ориентированный преимущественно на молодых девушек, беременных женщин и женщин, имеющих маленьких детей.

2.2. Небрежное поведение женщины-жертвы преступления (8,9 %), что заключается в игнорировании ею элементарными правилами безопасности. Обычно такое поведение проявляется в отсутствии надежных дверей, кодовых замков, домофонов, сигнализации, оконных решеток, сейфов и т. п. и попытке сэкономить на их установке. К этой разновидности поведения относится также и привычка носить кошелек, мобильный телефон или другие дорогие вещи в легкодоступных местах, в том числе в карманах верхней одежды, боковых карманах сумок или в сумках без надежных застежек и т.д.

Халатное отношение к сохранности собственного имущества и пренебрежение элементарными правилами безопасности достаточно быстро замечается преступником. Разумеется, отсутствие возможности обеспечить надежную охрану своего имущества через определенные финансовые трудности нельзя расценивать как небрежность или беспечность потерпевшей, в отличие от сознательного нежелания тратить средства на свою защиту.

2.3. Безопасное поведение (7,5 %), что заключается в нарушении морально-этических норм и личном создании потенциальной жертвой условий, благоприятных для совершения корыстного преступления. В частности, безопасное поведение женщин, ставших жертвами корыстных преступлений, может выражаться в следующих действиях: оставление посто-

ронного лица в квартире наедине; оставление дорогих вещей, чемоданов, сумок, мобильных телефонов, кошельков и т. п. без присмотра или под присмотром посторонних лиц; оставление открытыми окон, балконов или входной двери; оставление ключей, документов или других ценных вещей в автомобиле; нахождение в состоянии алкогольного опьянения, в местах значительного скопления людей или других общественных местах.

Следует отметить, что небрежное и безопасное поведение женщин, ставших жертвами корыстных преступлений, в подавляющем большинстве случаев, проявляется во время совершения краж.

2.4. Пассивное (или инертное) поведение женщин (6,7 %), обусловлено, прежде всего, отсутствием со стороны жертвы необходимой реакции на совершенное преступление. Потерпевшие от преступления женщины, в силу разных обстоятельств, не всегда обращаются в правоохранительные органы с соответствующими заявлениями, хотя именно такое обращение дало бы возможность разыскать преступников и вернуть похищенные вещи, а также исключило бы совершение подобных преступных посягательств в будущем. Зная об этом еще до начала кражи или мошенничества, преступник сознательно избирает такой способ совершения преступления, при котором потерпевшая не будет обращаться в правоохранительные органы, поскольку возбуждение уголовного дела будет противоречить ее интересам, а расследование обстоятельств преступления вскроет такие стороны ее жизни, которые она ценит значительно выше, чем утраченное имущество. В заключение заметим, что пассивное поведение женщин, потерпевших от корыстных преступлений, обуславливается не только их пассивностью и инертностью, но и такими качествами, как равнодушие и пренебрежение интересами других лиц, правовой нигилизм и безграмотность, эгоизм и некритичность и тому подобное.

3. Позитивная, социально-одобрительное поведение женщины, что вызывает у преступника намерение совершить преступление (7,5 %). Такое поведение не содержит провокационных элементов и направленно на недопущение совершения преступления, прекращение уже начатого посягательства и активное сопротивление преступнику. Как показывают результаты проведенного исследования, в подавляющем большинстве случаев такое поведение женщин обусловлено необходимостью принятия активных мер с целью личной защиты и защиты имущества от преступлений. В то же время, преступник может воспринимать действия потенциальной жертвы как неопровержимое свидетельство ее материальной привлекательности, и активизировать противоправное посягательство. Кроме того, довольно часто пострадавшие с позитивным поведением даже не могут предсказать или предположить возможность совершения в отношении них преступления в той или иной обстановке, что обусловлено вычурностью и законспирированностью действий преступников. Иными словами, адекватное поведение женщины, что соответствует общепринятым социальным

нормам, не всегда ограждает ее от возможного преступного посягательства. Например, истинные мотивы хорошо знакомого человека или родственника, которые одалживают деньги или вещи, могут быть обнаружены женщиной только после отказа вернуть одолженное в установленный срок. Также довольно часто женщин вводит в заблуждение деятельность различных коммерческих фирм, компаний, посреднических структур или лиц, которые, маскируясь под легальной деятельностью, преследуют преступные намерения.

4. Нейтральное поведение, которое характеризуется отсутствием какой-либо провокации со стороны женщины и не влияет на выбор преступником объекта посягательства (44,8 %). Такое поведение заключается в соблюдении женщиной правовых норм и норм морали, а также в вполне адекватных действиях в условиях конкретной жизненной ситуации, однако при этом наиболее часто обуславливает совершение корыстных посягательств. Активизировать преступную деятельность могут следующие разновидности нейтрального поведения женщины-жертвы.

4.1. Отсутствие потерпевшей на месте происшествия (29,1 %). В этой ситуации женщина лишена возможности своевременно получить информацию о преступном посягательстве, и поэтому не способна влиять на ход преступного акта и его прекращение. Такой вид нейтрального поведения характерен, как правило, потерпевшим от квартирных краж, краж из автотранспорта, угонов и прочее. По мнению некоторых ученых, говорить о виктимности потерпевшего лица в подобных случаях неуместно, поскольку отсутствует непосредственный контакт преступника и его жертвы. По нашему мнению, полностью исключать влияние виктимологических факторов в этой ситуации нельзя, поскольку выбор жертвы преступления (несмотря на ее непосредственное отсутствие на месте происшествия) довольно часто является целенаправленным. Конечно, довольно часто преступники выбирают будущую жертву случайно, а вот предмет посягательства – целенаправленно. В частности, их может привлечь красивый дом, дорогие окна, двери, гардины, и другие вещи, которые могут свидетельствовать о достатке, а следовательно – о наличии в доме дорогих и ценных предметов. Однако, в любом случае, обеспечение сохранности имущества, как уже отмечалось, полностью возлагается на его обладательницу.

4.2. Пребывания женщины, независимо от ее социального статуса и уровня достатка, в определенное время в определенном месте (12,7 %), тоже может обусловить совершение в отношении нее корыстного преступления. Например, это может быть проезд в «час пик» в общественном транспорте, пребывания в местах значительного скопления людей (на остановках, в магазинах, на рынках. Повышает вероятность совершения корыстных преступлений также и посещение футбольных матчей, концертов, дискотек, демонстраций, митингов и других массовых мероприятий. Так, по данным некоторых криминологических исследований, наиболее часто

мошенничество совершается в крупных магазинах и супермаркетах (23 %); у специализированных магазинов (20 %); в пунктах обмена валюты (10 %); в других местах (17 %). Относительно карманных краж, то они совершаются в основном в общественном транспорте (29 %); на рынках (27 %); в магазинах (13 %); в других местах (21 %). При этом не лишним будет напомнить, что женщины проводят в этих местах значительно больше времени, а потому чаще становятся жертвами таких преступлений.

4.3. Совершение внезапного, неожиданного посягательства (1,5 %), когда женщина не имеет возможности отреагировать должным образом (например, во время краж из сумок, чемоданов, карманов и т.д.). В таких случаях потерпевшая, как правило, даже не подозревает о намерениях преступника, в связи с чем не применяет никаких мер самозащиты. Также бывают случаи, когда с момента совершения преступления до момента его обнаружения потерпевшим проходит много времени, а потому применять любые защитные действия уже поздно. Однако, в любом случае, пострадавший имеет возможность повлиять на дальнейший ход событий. В частности, она может способствовать розыску преступника, обратившись за помощью к правоохранительным органам, а также принять все необходимые меры с целью устранения подобных случаев в будущем.

В подавляющем большинстве случаев жертвами корыстных посягательств становятся женщины в возрасте от 25 до 45 лет (как правило, именно они обладают значительными материальными ценностями и часто находятся в общественных местах), однако, в последние годы наметилась тенденция к постепенному увеличению количества пострадавших от таких преступлений среди молодых девушек и пожилых женщин. В первом случае это объясняется не только наличием у девушек определенных психологических характеристик (невнимательность, легкомыслие, притупленное чувство опасности и тому подобное), но и, прежде всего, увеличением у них материальных ценностей, в частности дорогих мобильных телефонов, портативных компьютеров, другой техники, дорогой одежды, драгоценностей и тому подобное. В свою очередь, для женщин пожилого возраста свойственна растерянность, замедление реакций, доверчивость, внушаемость и в то же время, замкнутость и отчужденность. Последние привлекают преступников также и наличие физиологических возрастных изменений: физическая слабость, уменьшение ловкости, ухудшение зрения, слуха и тому подобное.

Также следует отметить, что при выборе объекта посягательства при совершенных краж и мошенничествах, преступники обязательно учитывают не только поведение потерпевшей, но ее материальную привлекательность. Именно этим можно объяснить тот факт, что среди женщин, потерпевших от корыстных преступлений, большую часть составляют предприниматели, работники торговли, развлекательных заведений, заведений общественного питания, государственные служащие и другие лица, которые

владеют, как правило, дорогими вещами, бытовой техникой, драгоценностями, наличными и т.д.

Завершая рассмотрение корыстных преступлений, совершенных в отношении женщин, стоит еще раз подчеркнуть тот факт, что личностные качества женщин и особенности их поведения иногда имеют решающее значение при выборе их в качестве объекта посягательства.

Некоз А.С.,
Судья Черемховского городского суда Иркутской области,
соискатель
Российского государственного университета правосудия

К вопросу о признаках соучастия в преступлении

Общей точкой едва ли не всех современных рассуждений о соучастии в преступлении является тезис о том, что соучастники совместно совершают общее для них преступление, в то время как правовая оценка действий каждого из соучастников является в известной мере автономной и независимой. В этом, представляется, состоит главное теоретическое противоречие конструкции соучастия. С одной стороны, соучастники совершают одно, общее для всех преступление. С другой стороны, в действиях каждого из соучастников, имеется свой самостоятельный состав преступления. Единство преступления при множестве составов – вот, на наш взгляд, та характеристика соучастия, которая порождает и проблемы в правоприменении, и многочисленные теоретические споры.

Единство преступления стоит понимать как его социальную характеристику, никак не связанную с уголовно-правовой квалификацией. Квалификация – индивидуальная оценка действий каждого из соучастников; единство преступления – общая характеристика их действий как общего поведенческого акта.

В традиционном понимании признаков соучастия единство преступления связывается с совместностью. Это комплексная характеристика, включающая в себя объективные и субъективные компоненты. Совместность, с объективной стороны, предполагает, что соучастники своими взаимосвязанными действиями сообща причиняют вред охраняемым законом общественным отношениям. О совместном совершении преступления свидетельствуют, в частности, такие обстоятельства, как: взаимосвязанный характер поведения соучастников, общий для всех соучастников преступный результат, причинная связь между действиями каждого из соучастников и преступным результатом. С субъективной стороны совместность предполагает общий умысел соучастников и умышленный характер их действий.

Только при наличии этих признаков можно констатировать наличие факта соучастия и уже после этого приступить к юридической оценке (квалификации) действий каждого из них, учитывая при этом, что согласно ч. 1 ст. 34 УК РФ, ответственность соучастников преступления определяется характером и степенью фактического участия каждого из них в совершении преступления.

Яркой иллюстрацией рассматриваемого противоречия и образцом его надлежащего разрешения можно считать одно из последних известных дел, ставших предметом разбирательства в Верховном Суде РФ.

Материалами дела было установлено, что Гамзатов совершал развратные действия в отношении не достигшей шестнадцатилетнего возраста дочери своей бывшей супруги. Супруга угрожала предать эти сведения огласке. С целью скрыть ранее совершенное преступление Гамзатов решил убить свою бывшую супругу. Реализуя задуманное, он обратился к своему брату Маламагомедову с предложением лишить жизни потерпевшую. В обоснование своей просьбы он рассказал Маламагомедову о том, что бывшая супруга ведет разгульный образ жизни, вступает в беспорядочные половые связи с различными мужчинами и тем самым позорит его, Гамзатова. Маламагомедов согласился с предложением и совершил убийство потерпевшей выстрелом из пистолета, переданного ему лично Гамзатовым. Суд первой инстанции квалифицировал содеянное Гамзатовым в этой части как организацию убийства с целью скрыть другое преступление (ч. 3 ст. 33, п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ), а действия Маламагомедова – как исполнение неквалифицированного убийства (ч. 1 ст. 105 УК РФ). Апелляционная инстанция (Верховный Суд РФ) не согласилась с такой оценкой, указав следующее. Исходя из положений ч. 3 ст. 34 и ч. 3 ст. 33 УК РФ, в их взаимосвязи, и учитывая, что организатор сам непосредственно не выполняет объективную сторону общественно опасного деяния, он несет уголовно-правовую ответственность лишь за то преступление, к совершению которого склонил исполнителя, но со ссылкой на ст. 33 УК РФ. Из анализа приведенных норм уголовного закона следует, что обстоятельства, известные организатору, но неизвестные исполнителю, не являются квалифицирующими признаками преступления как для исполнителя, так и для его соучастника, включая и организатора уголовно наказуемого деяния. Приговором суда установлено, что цель, которой в действительности руководствовался организатор убийства Гамзатов, была скрыта от исполнителя Маламагомедова, и, следовательно, этот субъективный признак в данном случае не влияет на правовую квалификацию, поскольку Гамзатов исполнитель Маламагомедова к квалифицированному убийству не склонял. При таких данных судебная коллегия переквалифицировала действия Гамзатова с ч. 3 ст. 33, п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 3 ст. 33, ч. 1 ст. 105 УК РФ как

организация убийства из-за неприязни¹. Рассматривая это же дело по надзорному представлению заместителя Генерального прокурора РФ, Президиум Верховного Суда РФ пришел, однако к иным выводам. В постановлении, в частности, отметив следующее. При квалификации действий организатора преступления ч. 3 ст. 34 УК РФ следует истолковывать во взаимосвязи с положениями ст. 5, ч. 1 ст. 34, ч. 5 ст. 34 и ст. 36 УК РФ. По смыслу закона юридическая оценка действий организатора, подстрекателя, пособника производна от квалификации действий исполнителя преступления при наличии у них всех единого умысла на совершение конкретного преступления и при совершении исполнителем именно этого преступления. В тех случаях, когда исполнителем преступления совершается преступление, которое не охватывалось умыслом организатора, подстрекателя, пособника последние не подлежат ответственности за эксцесс исполнителя и их действий следует квалифицировать за фактически совершенное ими преступление, исходя из направленности умысла. Таким образом, нормы действующего уголовного закона не препятствуют квалификации действий соучастников и исполнителей преступления по разным статьям и разным частям одной и той же статьи Особенной части УК РФ, в зависимости, в том числе, от мотива из преступного поведения, от целей, которые они преследовали, участвуя в преступлении. С учетом этих аргументов, Президиум Верховного Суда РФ констатировал неправильное применение уголовного закона в решении Судебной коллегии Верховного Суда РФ, отменил апелляционное определение и направил дело на новое рассмотрение². При новом рассмотрении Судебная коллегия Верховного Суда учла эти доводы Президиума и квалифицировала действия Гамзатовым как организацию убийства с целью скрыть другое преступление (ч. 3 ст. 33, п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ)³.

И хотя это дело напрямую касается организаторства, а не подстрекательства, общая логика рассуждения высшей судебной инстанции представляется приемлемой и для решения вопросов, связанных и с иными видами соучастия. Таким образом, еще раз повторим: общее преступление и самостоятельная квалификация – вот основы понимания института соучастия вообще и подстрекательства, в частности, в действующем российском уголовном праве.

Важно обратить внимание еще на один момент: преступление соучастников не только должно быть общим для всех; это общее преступление должно найти свое выражение в объективной реальности, иными словами, оно должно быть непосредственно совершено или должно быть, как

¹ Верховный Суд РФ. Дело № 20-АПУ16-14. Апелляционное определение от 18.08.2016 г.

² Верховный Суд РФ. Дело № 27-П17. Постановление Президиума от 29.03.2017 г.

³ Верховный Суд РФ. Дело № 20-АПУ17-5. Апелляционное определение от 18.05.2017 г.

минимум, начато. Под непосредственным совершением преступления Верховный Суд РФ традиционно признает выполнение лицом объективной стороны состава преступления¹, что может иметь место лишь в ситуации, когда свое участие в общем преступлении реализует (начнет реализовывать) исполнитель преступления, поскольку именно он, в отличие от иных соучастников, непосредственно выполняет преступление (см. ч. 2 ст. 33 УК РФ). Таким образом, конструкция соучастия с необходимостью требует, чтобы общее для нескольких лиц умышленное преступление было хотя бы начато.

Из этого вытекает два значимых тезиса.

Первый, крайне важный, отражает начала сохраняющейся акцессорности нормативной и теоретической конструкции соучастия. Суть его состоит в том, что в отсутствие по каким-либо причинам исполнителя преступления действия иных лиц (организаторов, подстрекателей, пособников) не могут быть квалифицированы как соучастие в преступление. Согласно положениям ч. 5 ст. 34 УК РФ, они должны быть оценены как приготовление к преступлению. Судебная практика строго придерживается этого правила². Действия подстрекателя, которые по независящим от него причинам не увенчались наличием действий исполнителя (например, подстрекателю не удалось склонить исполнителя к совершению преступления, либо после выраженного согласия на участия, исполнитель добровольно отказался от совершения преступления) не могут квалифицироваться как собственно подстрекательство.

Уголовный закон предусматривает две возможности для их правовой оценки:

а) на основе применения институтов общей части, с учетом требований акцессорности соучастия и принимая во внимание общественную опасность содеянного, оно может быть квалифицировано как приготовление к преступлению (разумеется, когда речь идет о преступлениях тяжких или особо тяжких);

б) на основе применения институтов особенной части, исходя из требований теории самостоятельной и независимой от исполнителя ответственности соучастников, как отдельное преступление, соучастие *suigeneris*.

В любом случае, «классическое» подстрекательство как проявление соучастия в преступлении в данном случае отсутствует.

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за IV квартал 2013 г. (Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 235-П13) // БВС РФ. – 2014. – № 9.

² Верховный Суд РФ. Дело № 5-УД 15-82. Определение суда кассационной инстанции от 19.01.2016 г.; Дело № 51-АПУ13-4. Апелляционное определение от 14.05.2013 г.; Дело № 50-Д 12-33. Определение суда надзорной инстанции от 19.07.2012 г.; Определение суда надзорной инстанции по делу № 50-Д 12-40 от 19.07.2012 г.

В этой связи представляется недостаточно обоснованной имеющаяся практика квалификации действий подстрекателей при наличии добровольного отказа исполнителя от доведения преступления до конца как подстрекательства к приготовлению.

Так, по одному из дел, судом было установлено, что М. с целью единоличного владения и пользования квартирой, где помимо него были зарегистрированы и проживали его бывшая жена Д., дочь М. и Н. (муж дочери), решил организовать их убийство по найму и предложил своему знакомому Г. оказать содействие в поиске исполнителей данного преступления, сообщив, что за совершение убийств указанных лиц передаст Г. и исполнителям денежное вознаграждение в размере 45 тыс. долларов США. Г. дал согласие. Через некоторое время М. получил от Г. сообщение о том, что убийства потерпевших совершены, М. договорился о встрече. С указанной целью М. встретился с Г., а также с А. и Ф., представленными ему в качестве лиц, совершивших убийства. После получения личных документов потерпевших М. передал Г. часть денежного вознаграждения в сумме 600 тыс. рублей, пообещав оставшуюся сумму денег выплатить позже. Преступление не было доведено до конца по не зависящим от осужденного обстоятельствам, так как Г., А. и Ф. действовали в рамках оперативного эксперимента. После передачи денег М. был задержан. Указанные действия М. квалифицированы Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ по ч. 4 ст. 33, ч. 1 ст. 30, пп. «а», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ как подстрекательство к приготовлению к убийству¹.

Надо признать, что такая практика является весьма распространенной. Однако, как уже было отмечено, она не в полной мере соответствует требованиям закона и теоретическим представлениям о конструкции соучастия.

Второй тезис, на который надо обратить внимание, состоит в уточнении параметров оценки соучастия при неоконченном преступлении исполнителя. Речь, в частности, идет о том, насколько можно говорить о соучастии в случае, когда исполнитель преступления совершил только подготовительные действия. Согласно ч. 1 ст. 30 УК РФ такие действия не признаются «непосредственно направленными на совершение преступления». О «непосредственности» действий говорит только ч. 3 ст. 30 УК РФ (покушение); непосредственность, как уже отмечалось, признается и неотъ-

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за II квартал 2009 г. (определение № 5-О09-18) // БВС РФ. – 2009. – № 11. Аналогичное решение см.: Приговор Верховного Суда Республики Татарстан от 29.11.2011 г. по делу № 2-54/ 2011 [Электронный ресурс]: <https://rospravosudie.com/court-verhovnyj-sud-respubliki-tatarstan-respublika-tatarstan-s/act-100602387> (дата обращения - 10.10.2017); Приговор Оренбургского областного суд от 30.03.2011 г. по делу № 2-13/2011 [Электронный ресурс]: <https://rospravosudie.com/court-orenburgskij-oblastnoj-sud-orenburgskaya-oblast-s/act-100603002> (дата обращения - 10.10.2017).

емлемой характеристикой действий исполнителя (ч. 2 ст. 33 УК РФ). Системное толкование этих правовых норм позволяет предположить, что соучастие в преступлении может иметь место только при наличии действий исполнителя, которые характеризуются непосредственным совершением преступления, что свойственно только покушению или оконченному преступлению. В связи с чем, в ситуации, когда действия исполнителя представляют собой только приготовление к преступлению, организатор, подстрекатель и пособник не могут нести ответственность за соучастие в приготовлении к преступлению. Но такое предположение вступает в противоречие с предписаниями цитированной ранее ч. 5 ст. 34 УК РФ. Таким образом, непосредственность как характеристику действий исполнителя преступления нельзя трактовать подчеркнуто ограничительно (в смысле ч. 3 ст. 30 УК РФ¹); «непосредственность» действий исполнителя включает также и приготовление к преступлению.

Но такое решение требует, на наш взгляд, дополнительных обоснований, которым отечественная наука не уделяет должного внимания. Дело в том, что как известно, приготовление не является обязательным этапом совершения преступления. В связи с этим действия исполнителя по приготовлению к преступлению могут быть как заранее оговорены с иными соучастниками, так и неоговоренными. В первом случае решение вопроса об ответственности подстрекателя (а равно организатора и пособника) за соучастие в приготовлении к преступлению не вызывает трудностей, поскольку ситуация демонстрирует общность действий и взаимную осведомленность всех соучастников о содержании действий исполнителя. Во втором случае, когда сам факт приготовительных действий и их содержание не оговариваются соучастниками, самостоятельные приготовительные действия исполнителя, по факту, не осознаются и не предвидятся иными соучастниками, что потенциально может быть рассматриваемо с учетом положений закона об экссессе исполнителя (ст. 36 УК РФ), за который, как известно, иные соучастники ответственности не несут. В основе таких рас-

¹ Важно отметить, что одной из тенденций современной судебной практики является расширительное толкование границ объективной стороны преступления. Напомним в этой связи п. 13² постановления Пленума Верховного Суда РФ № 14 от 15.06.2010 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами». Введенный в 2015 году он гласит: «Если лицо в целях осуществления умысла на незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, незаконно приобретает, хранит, перевозит, изготавливает, перерабатывает эти средства, вещества, растения, тем самым совершает действия, направленные на их последующую реализацию и составляющие часть объективной стороны сбыта, однако по не зависящим от него обстоятельствам не передает указанные средства, вещества, растения приобретателю, то такое лицо несет уголовную ответственность за покушение на незаконный сбыт этих средств, веществ, растений».

суждений – разумное представление о том, что состав оконченного преступления, на выполнение которого собственно и состоялся общий умысел соучастников, и состав приготовления к преступлению – это разные и самостоятельные составы деликтов. Между тем, как показывает анализ судебной практики, она не уделяет внимания этим нюансам соучастия. Вне зависимости от того, оговаривались или не оговаривались соучастниками приготовительные действия, сам по себе факт прекращения преступной деятельности исполнителя на стадии приготовления влечет за собой квалификацию содеянного всеми соучастниками как соучастия в неоконченном преступлении. Здесь в качестве аргумента наиболее часто упоминается о том, что состав оконченного преступления «объемлет собой», включает в себя состав неоконченного преступления, а соответственно сговор на совершение оконченного преступления включает в себя по умолчанию и сговор на совершение неоконченного преступления.

Вместе с тем, такое устоявшееся мнение, на наш взгляд, может быть и должно быть оспорено. Тому – два аргумента.

Во-первых, в ситуации, когда исполнитель совершает неоговоренные и потому не осознаваемые иными соучастниками приготовительные действия, он выходит за границы общего умысла, совершая эксцесс, за который и должен нести самостоятельную ответственность. Остальные лица, участвовавшие в преступлении, выполняют действия, в результате которых по независящим от них причинам задуманное преступление не совершается в виду отсутствия исполнителя. Следовательно, в соответствии с ч. 5 ст. 34 УК РФ они должны нести ответственность за приготовление к преступлению, но без применения норм, составляющих институт соучастия.

Во-вторых, состав приготовления к преступлению (ч. 1 ст. 30 УК РФ) справедливо рассматривать в качестве состава с альтернативными действиями, общее правило квалификации которого гласит: выполнения одного действия достаточно для квалификации содеянного как преступления, выполнения всех действий не образует множественности¹. Следовательно, если сам по себе сговор подстрекателя с потенциальным исполнителем, без каких-либо дополнительных действий с его стороны уже образует приготовление (подчеркнем – не подстрекательство к приготовлению и не исполнение приготовления, а именно приготовление – без применения норм института соучастия), то все последующие приготовительные действия исполнителя, как альтернативные действия состава, не образуют нового преступления, они являют собой продолжение выполнения уже оконченного с момента сговора состава приготовления к преступлению. Потому они не могут изменить юридическую оценку содеянного как приготовления и на стороне самого исполнителя, и на стороне подстрекателя.

Проиллюстрируем сказанное следующей ситуацией. А. подстрекает Б. к исполнению преступления. Б., в свою очередь, не ставя в известность

¹ Совокупность преступлений: проблемы теории и практики квалификации. / под ред. Ю.Е. Пудовочкина. – М.: РГУП, 2016. – С. 115.

А., вступает в сговор с В., привлекая его в качестве соисполнителя. На этом этапе преступная деятельность пресекается правоохранительными органами. Преступное поведение исполнителя состоит, с одной стороны, в том, что он согласился с предложением А. участвовать в преступлении (здесь уже приготовление окончено), и с другой стороны, в том, что продолжил приготовление, вступая в сговор на совершение преступления с В., приислав его в качестве соучастника. Действия Б. по отношению к В. находятся за пределами первоначального сговора и являют собой эксцесс. Они не могут учитываться при оценке поведения А., который, со своей стороны, лишь вступил в сговор с Б., что может быть квалифицировано лишь как приготовление к преступлению. Эксцессные действия Б. также состоят в приготовлении в форме сговора, но уже на совершение преступления группой лиц, что должно отразиться на квалификации действий Б. и В.

С учетом сказанного, можно заключить, что акцессорность соучастия, зависимость самой этой конструкции от наличия и действий исполнителя преступления, требует: а) чтобы исполнитель совершил оконченное преступление или хотя бы покушение на преступление, являющееся общим для всех соучастников; в) чтобы в ситуации взаимной осведомленности о необходимости приготовительных действий исполнитель совершил хотя бы приготовление к преступлению. Если же факт и содержание приготовительных действий соучастниками не оговаривается, если приготовление является результатом самостоятельной и независимой криминальной активности исполнителя преступления, то пресечение его деятельности на этапе приготовления не может создавать оснований для квалификации содеянного с учетом института соучастия; содеянное всеми участниками в этом случае должно квалифицироваться как приготовление к преступлению.

Панова Наталья Владимировна,
Судья Московского областного суда,
соискатель

Российского государственного университета правосудия

**Незаконное участие в предпринимательской деятельности:
официальная уголовная статистика
и фактическая распространенность**

Как известно, к числу обязательных критериев криминализации общественно опасных деяний относится достаточная степень их распространенности, так как «уголовное право регулирует форму реакции общества и государства на такие общественно опасные поступки индивидов, которые ... представляют собой проявления некоторых общих тенденций и закономерностей». С другой стороны, криминализуемое деяние не должно быть

излишне распространенным, поскольку «любая попытка криминализировать слишком распространенные формы поведения была бы ... дисфункциональной, так как результат вышел бы за пределы практических возможностей уголовной юстиции и тем самым была бы возведена в норму безнаказанность деяний, объявленных преступными».¹

Соответственно, для того, чтобы решить, оправданно ли установление уголовной ответственности за незаконное участие в предпринимательской деятельности, необходимо выяснить степень распространенности соответствующих деяний. Решение этой задачи осложняется известной недоверенностью официальных статистических данных, которые отражают не столько фактическое состояние преступности, сколько результаты деятельности правоохранительных органов по борьбе с ней. Впрочем, это не означает, что мы должны отказаться от использования данных официальной уголовной статистики, поскольку они, безусловно, представляют немалую ценность как для статистико-криминологического анализа преступности, отдельных ее сегментов и проявлений, так и с точки зрения выяснения социальной обусловленности и эффективности уголовно-правовых норм.

Официальная статистика демонстрирует нам следующие показатели применения ст. 289 УК РФ (таблица 1).

Таблица 1. Показатели регистрации преступлений, предусмотренных ст. 289 УК РФ, лиц, выявленных и осужденных по ст. 289 УК РФ

Годы	Кол-во зарегистрир. прест., предусм. ст. 289 УК РФ	Темпы роста (к 1997 г.)	Темпы прироста (к предыдущему году)	Кол-во выявл. лиц, соверш. прест., предусм. ст. 289 УК РФ	Темпы роста (к 1997 г.)	Темпы прироста (к предыдущему году)	Кол-во лиц, осужденных по ст. 289 УК РФ	Уд. вес осужденных по ст. 289 УК РФ в общем кол-ве выявленных лиц
1997	17	0 %	-	3	0 %	-	1	33,3 %
1998	25	47,1 %	47,1 %	9	200 %	200 %	1	11,1 %
1999	38	123,5 %	52 %	10	233,3 %	11,1 %	2	20 %
2000	43	152,9 %	13,2 %	25	733,3 %	150 %	2	8 %
2001	351	1964,7 %	716,3 %	20	566,7 %	- 20 %	2	10 %
2002	18	5,9 %	- 94,9 %	8	166,7 %	- 60 %	2	25 %
2003	67	294,1 %	272,2 %	10	233,3 %	25 %	1	10 %
2004	44	158,8 %	- 34,3 %	7	133,3 %	- 30 %	5	71,4 %

¹ Основания уголовно-правового запрета (криминализация и декриминализация). М., 1982. – С. 218-219.

2005	31	82,4 %	- 29,5 %	8	166,7 %	14,3 %	2	25 %
2006	49	188,2 %	58,1 %	23	266,7 %	37,5 %	4	17,4 %
2007	44	158,8 %	- 10,2 %	23	666,7 %	109,1 %	5	21,7 %
2008	42	147,1 %	- 4,5 %	25	733,3 %	8,7 %	3	12 %
2009	29	70,6 %	- 31 %	21	600 %	- 16 %	1	4,8 %
2010	19	11,8 %	- 34,5 %	15	400 %	- 28,6 %	4	26,7 %
2011	26	52,9 %	36,8 %	20	566,7 %	33,3 %	5	25 %
2012	23	35,3 %	- 11,5 %	15	400 %	- 25 %	4	26,7 %
2013	16	- 5,9 %	- 30,4 %	19	533,3 %	26,7 %	2	10,5 %
2014	17	0 %	6,3 %	11	266,7 %	- 42,1 %	4	36,4 %
2015	27	58,8%	58,8%	18	500%	63,6%	3	16,6%
2016	23	35,3%	-14,8%	20	566,7%	11,1%	4	20%

Приведенные статистические данные показывают, что динамика показателей регистрации преступлений, предусмотренных ст. 289 УК РФ, является волнообразной. В период с 1997 г. по 2001 г. число зарегистрированных фактов незаконного участия в предпринимательской деятельности стабильно росло, причем в 2001 г. был отмечен резкий всплеск регистрации этого преступления (716,3 % по отношению к предыдущему году), который был связан с масштабными прокурорскими проверками исполнения законодательства о государственной и муниципальной службе, проведенными в 2001 гг. Затем в 2002 г. зафиксировано не менее стремительное сокращение (- 94,9 % по отношению к 2001 г.) количества зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 289 УК РФ, которое можно объяснить как снижением активности прокурорского надзора, так и вступлением в силу нового УПК РФ, существенным образом изменившим процессуальный порядок возбуждения уголовного дела и производства предварительного расследования. В 2003 г., когда практика применения нового уголовно-процессуального законодательства была уже в основном наработана, вновь наметился прирост (на 272,2 %) числа зарегистрированных фактов незаконного участия в предпринимательской деятельности, который, впрочем, продолжался недолго, сменившись снижением в 2004 г. (- 34,3%). В 2004 – 2008 гг. показатели регистрации рассматриваемого преступления сохранялись примерно на одном уровне, после чего в 2009 г. вновь было отмечено их снижение (- 31 % по отношению к 2008 г.), которое продолжилось и в 2010 – 2013 гг.; после чего вновь последовал рост в 2014 – 2016 гг.

Если оценивать приведенные данные в целом, можно заключить, что ежегодно правоохранительными органами в среднем (если не брать в расчет показатели 2001 г., которые можно рассматривать как некую флуктуацию) регистрируется не более 20-40 преступлений, предусмотренных ст. 289 УК РФ. При этом лиц, причастных к незаконной предпринимательской деятельности, выявляется еще меньше (максимальное число лиц, выявленных за совершение этого преступления в период с 1997 по 2016 гг., составило 25). Что же касается лиц, осужденных по ст. 289 УК РФ, то их коли-

чество вообще измеряется единичными показателями и не превышает 5 человек в год, тогда как в отдельные годы (в 1997, 1998, 2003, 2009 гг.) за незаконное участие в предпринимательской деятельности осуждалось всего одно (!) лицо. При этом общее количество лиц, осужденных по ст. 289 УК РФ, за двадцать лет (с 1997 по 2016 гг.) составило 57.

Таким образом, если руководствоваться исключительно данными официальной уголовной статистики, можно было бы заключить, что распространенность фактов незаконного участия в предпринимательской деятельности довольно невысока. Однако такой вывод явился бы ошибочным, так как вышеприведенные статистические данные, по справедливому мнению подавляющего большинства (94,7 %) опрошенных нами экспертов, совершенно не отражают фактическую распространенность деяний, указанных в ст. 289 УК РФ. Это связано с тем, что преступление, предусмотренное ст. 289 УК РФ, характеризуется высоким уровнем латентности, о чем свидетельствует ряд обстоятельств.

Во-первых, это подтверждается данными опроса экспертов, 90,8 % из числа которых отметили высокий уровень латентности незаконного участия в предпринимательской деятельности. Во-вторых, об этом же говорят результаты опроса лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, проведенные Н.И. Муравьевой. Оценивая распространенность фактов участия должностных лиц в управлении или деятельности коммерческих организаций, субъекты предпринимательства указали, что сталкиваются с подобными фактами часто (42 %) и очень часто (17 %).¹ В-третьих, высокая латентность рассматриваемого преступления отмечается в специальных научных исследованиях, авторы которых справедливо указывают, что незаконное участие в предпринимательской деятельности является «одним из самых распространенных и латентных должностных преступлений».² При этом подобные утверждения подкрепляются расчетами. Так, по результатам исследования, проведенного коллективом автором под руководством С.М. Иншакова, расчетный коэффициент латентности незакон-

¹ Муравьева Н.И. Незаконное участие в предпринимательской деятельности и коррупция // Совершенствование борьбы с организованной преступностью, коррупцией и экстремизмом. Под ред. А.И. Долговой. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2008. – С. 174.

² Борков В.Н. Роль нормы о незаконном участии в предпринимательской деятельности в системе предупреждения коррупции // Международные юридические чтения: материалы ежегодной научно-практической конференции (Омск, 22 мая 2009 г.). – Омск: Изд-во Омск.юрид. ин-т, 2009. Ч. III. – С. 7. См. также: Муравьева Н.И. Криминологическая обстановка в сфере незаконного участия в предпринимательской деятельности // Актуальные проблемы развития правовой системы государства: российский и международный опыт. Сборник научных трудов. – Новосибирск: Изд-во НГУ-ЭУ, 2008. – С. 325-327.

ного участия в предпринимательской деятельности составляет 25 пунктов,¹ а по данным А.Л. Карабанова и С.К. Мелькина, соотношение зарегистрированных и фактически совершаемых преступлений, предусмотренных ст. 289 УК РФ, составляет 1:40.²

С учетом столь высокого уровня латентности преступления, предусмотренного ст. 289 УК РФ, можно утверждать, что незаконное участие должностных лиц в предпринимательской деятельности является вовсе не редкостью, как следует из официальной статистики, а широкомасштабной практикой, которая в силу своей общественно опасности и распространенности требует уголовно-правового противодействия.

В то же время, признавая социальную потребность в уголовно-правовом противодействии незаконному участию должностных лиц в предпринимательской деятельности, нельзя не отметить, что высокий уровень латентности рассматриваемого преступления существенно снижает эффективность ст. 289 УК РФ, поскольку не позволяет добиться неотвратимости уголовной ответственности. Как отмечается в уголовно-правовой литературе, «если преступление заведомо для общества является безнаказанным, то это приносит непоправимый вред эффективности не только данной, но и других норм уголовного права, ибо нарушается уважение к закону, подрывается его авторитет и общее предупредительное воздействие».³ В этой связи огромное значение приобретает исследование причин латентности рассматриваемого преступления, равно как и факторов латентности коррупции в целом.

Поиск и детальное изучение этих причин, разработка мер по их нейтрализации – это задача самостоятельного научного исследования. В рамках же настоящей статьи можно лишь контурно обозначить основные детерминанты, обуславливающие латентность незаконного участия в предпринимательской деятельности, выделив среди них следующие:

- уклонение лиц, которым известно о фактах незаконного участия в предпринимательской деятельности, от сообщения соответствующих сведений правоохранительным органам (это обстоятельство отметили 77 % экспертов);

- сложность выявления, фиксации и доказывания признаков состава предусмотренного ст. 289 УК РФ преступления (ее отметили 71,1 % экспертов), которая, в свою очередь, связана: а) с несовершенством законода-

¹ Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности: монография / под ред. С.М. Иншакова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011. – С. 519.

² Карабанов А.Л., Мелькин С.К. Современные проблемы противодействия коррупции: уголовно-правовой и криминологический аспекты. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – С. 42.

³ Эффективность действия правовых норм. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1977. – С. 137.

тельного описания признаков состава соответствующего преступления;¹ б) с отсутствием у оперативных и следственных работников достаточных теоретических знаний, позволяющим им правильно квалифицировать соответствующие деяния;² в) с невозможностью использовать весь арсенал оперативно-розыскных мероприятий для выявления и доказывания этого преступления, поскольку оно относится к категории преступлений небольшой тяжести; г) с тем, что «выявление и раскрытие фактов незаконного участия в предпринимательской деятельности требует большой аналитической работы, которой, как правило, практические работники не уделяют необходимого внимания вследствие ее трудоемкости»;³

- наличие у ряда должностных лиц, незаконно участвующих в предпринимательской деятельности, уголовно-процессуальных иммунитетов, существенно затрудняющих привлечение их к уголовной ответственности (на эту причину указали свыше 38,8 % экспертов).⁴ В частности, иммунитетом от уголовного преследования обладают депутаты Государственной Думы РФ, из числа которых, по некоторым данным, не менее 80 депутатов активно участвуют в бизнесе.⁵ Так, за 2009 г. доход депутата Л. Симановского, являющегося акционером газодобывающей компании ООО «Новатэк», составил более 1 млрд 184 млн рублей, В. Груздев, являющийся совладельцем сети магазинов «Седьмой континент», за этот же период заработал более 936 млн рублей, Г. Аникеев – свыше 859 млн рублей. Причем информация об этом является достоянием общественности, поскольку опубликована на официальном сайте Государственной Думы РФ и неоднократно озвучивалась средствами массовой информации;⁶

- недооценку общественной опасности рассматриваемого преступления со стороны сотрудников правоохранительных органов, их низкая заинтересованность в его выявлении и раскрытии (об этом упомянули 31,6 % экспертов), связанная с тем, что незаконное участие в предприниматель-

¹ Муравьева Н.И. Криминологические детерминанты незаконного участия в предпринимательской деятельности // Политика и право: проблемы интеграции и пути их решения. Труды международной научно-практической конференции. – Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2008. Вып. 2. – С. 129.

² Ендольцева А.В., Елисов П.П., Потовиченко Н.И. Незаконное участие в предпринимательской деятельности // Российский следователь. – 2002. – № 4. – С. 23.

³ Ендольцева А.В., Елисов П.П., Потовиченко Н.И. Незаконное участие в предпринимательской деятельности // Российский следователь. – 2002. – № 4. – С. 27.

⁴ Следует заметить, что отмеченный фактор является существенным препятствием для борьбы с коррупцией в целом, о чем свидетельствуют результаты опроса сотрудников правоохранительных органов, проведенного Российской криминологической ассоциацией (См.: Преступность в России начала XXI века и реагирование на нее / Под ред. А.И. Долговой. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2004. – С. 59.).

⁵ См.: Сулакшин С.С., Максимов С.В., Ахметзянова И.Р. и др. Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России. Монография в 2-х томах. Т. 1. – М.: Научный эксперт, 2008. – С. 143.

⁶ См., например: Доходный Ряд // Новая газета. – 2010, 9 июня.

ской деятельности относится к категории преступлений небольшой тяжести. Как справедливо отмечается в уголовно-правовой литературе, «занижение санкции ст. 289 УК РФ приводит к отражаемой в социальной психологии работников правоохранительных органов нерентабельности применения этой статьи на практике, поскольку затраты на выявление, раскрытие и расследование данного преступления не окупаются степенью возможной уголовной ответственности виновного»;¹

- сокрытие соответствующих преступлений сотрудниками правоохранительных органов (этот фактор отметили 27,6 % экспертов). Так, по расчетам авторского коллектива под руководством С.М. Иншакова, в структуре латентных преступлений, предусмотренных ст. 289 УК РФ, на укрытые преступления приходится примерно 30 %.²

Полагаем, что устранение отмеченных факторов или, по крайней мере, минимизация их негативного воздействия, способны внести ощутимый вклад в обеспечение неотвратимости уголовной ответственности за незаконное участие в предпринимательской деятельности.

Аникин Виталий Александрович,
адвокат

Краснодарской краевой палаты адвокатов

О предмете преступления, предусмотренного ст. 233 УК РФ

Конструктивным признаком деяния, предусмотренного ст. 233 УК РФ («Незаконная выдача либо подделка рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ»), выступает, как известно, предмет преступления. В качестве такового выступают рецепты, а также иные документы, дающие право на получение этих средств и веществ.

Что касается рецепта, то он является единственным документом, при предъявлении, которого лицо имеет право получать и потреблять наркотические средства и психотропные вещества в медицинских (лечебных) целях.

Как отмечается в специальной литературе, рецепт, предполагаемый в ст. 233 УК РФ, представляет собой «официальный документ, который составляется на бланке особого образца, имеет специфические атрибуты, не присущие обычному рецептурному бланку, и подлежит особому учету»³.

¹ См.: Гаухман Л. Проблемы уголовной ответственности должностных лиц по УК РФ 1996 года // Уголовное право. – 1999. – № 4. – С. 7.

² Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности: монография / под ред. С.М. Иншакова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011. – С. 519.

³ Прохорова М.Л. Наркотизм: уголовно-правовое и криминологическое исследование. СПб., 2002. С. 170.

Таким образом, следует констатировать, что на означенные рецепты распространяется специальный режим их оформления и выдачи. Это вполне обосновано свойствами препаратов, для выписывания которых предназначается соответствующий документ, и необходимостью строгого контроля за этой деятельностью, поскольку в результате ее ненадлежащего осуществления рецепт может попасть в руки недобросовестных лиц либо наркоманов или граждан, допускающих немедицинское потребление наркотических средств или психотропных веществ.

Нормативное понятие рецепта содержится в Федеральном законе от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ (ред. от 29 июля 2017 г.) «Об обращении лекарственных средств», в ст. 4 («Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе») которого определено: «Рецепт на лекарственный препарат – письменное назначение лекарственного препарата по установленной форме, выданное медицинским или ветеринарным работником, имеющим на это право, в целях отпуска лекарственного препарата или его изготовления и отпуска»¹.

Федеральный закон от 08.01.1998 г. № 3-ФЗ (ред. от 03.07.2016 г.) «О наркотических средствах и психотропных веществах»² в ч. 1 ст. 26 определяет, что рецепты, содержащие назначение наркотических средств или психотропных веществ, выписываются на специальных бланках.

Таким образом, рецепт на наркотический или психотропный препарат представляет собой особую разновидность обычного рецепта, обладающую рядом специфических черт.

Во-первых, его отличает внешняя форма, в которую облекается рецепт. Последняя согласно ч. 2 названной статьи Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» устанавливается федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения, по согласованию с федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел.

В качестве такого документа выступает приказ Министерства здравоохранения РФ от 1 августа 2012 г. № 54н (ред. от 21.04.2016 г.) «Об утверждении формы бланков рецептов, содержащих назначение наркотических средств или психотропных веществ, порядка их изготовления, распределения, регистрации, учета и хранения, а также правил оформления»³.

¹ См.: Об обращении лекарственных средств: Федеральный закон от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ (ред. от 29 июля 2017 г.) // URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/12174909/paragraph/12:0>.

² См.: О наркотических средствах и психотропных веществах: Федеральный закон от 08.01.1998 г. № 3-ФЗ (ред. от 03.07.2016 г.) // СПС «КонсультантПлюс» – 2017.

³ См.: Об утверждении формы бланков рецептов, содержащих назначение наркотических средств или психотропных веществ, порядка их изготовления, распределения, регистрации, учета и хранения, а также правил оформления: приказ Министерства здравоохранения РФ от 1 августа 2012 г. № 54н (ред. от 21.04.2016 г.) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_134211/.

Форма соответствующего рецептурного бланка представлена в приложении 1 к названному приказу. Именуется такой бланк как «специальный рецептурный бланк на наркотическое средство или психотропное вещество».

Во-вторых, специфично назначение, содержащееся в таком рецепте. Он предназначен для выписывания не обычного лекарственного препарата, а наркотического или психотропного¹. Нормативное определение последних тоже содержится в ст. 4 Федерального закона «Об обращении лекарственных средств».

В соответствии с п. 8) названной статьи «наркотические лекарственные средства – лекарственные препараты и фармацевтические субстанции, содержащие наркотические средства и включенные в [Перечень](#) наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, в соответствии с законодательством Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации, в том числе [Единой конвенцией](#) о наркотических средствах 1961 года».

Согласно п. 9) «психотропные лекарственные средства – лекарственные препараты и фармацевтические субстанции, содержащие психотропные вещества и включенные в [Перечень](#) наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, в соответствии с законодательством Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации, в том числе [Конвенцией](#) о психотропных веществах 1971 года».

В соответствии с приказом Министерства здравоохранения РФ от 1 августа 2012 г. № 54н на рецептурном бланке по форме № 107/у-НП «Специальный рецептурный бланк на наркотическое средство или психотропное вещество» выписываются наркотические средства или психотропные вещества, внесенные в Список II Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 1998 г. № 681², зарегистрированные в установленном порядке в Российской Федерации в качестве лекарственных препаратов для медицинского применения, за исключением лекарственных препаратов в виде трансдермальных терапевтических систем.

¹ См. также: Федоров А.В. Ответственность за незаконную выдачу либо подделку рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ, по ст. 233 УК РФ // Наркоконтроль. 2014. №3 // URL: <http://lawinfo.ru/catalog/6653/6877/3/7747> (дата обращения – 02.09.2017 г.).

² См.: Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации: утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 1998 г. № 681(ред. от 29 июля 2017 г.) // URL:<http://base.garant.ru/12112176/>.

В Списке II Перечня, в частности, значатся глутетимид (ноксирон), кодеин, морфин, омнопон, тебаин, тримеперидин (промедол), этилморфин и др.

В-третьих, установлены особые правила оформления специального рецептурного бланка на наркотическое средство и психотропное вещество. Приказом Министерства здравоохранения РФ от 1 августа 2012 г. № 54н определен круг лиц, имеющих право на такое действие, содержание документа, внешний порядок (заполняется разборчиво, четко, чернилами, шариковой ручкой или с применением печатающих устройств) и др. (п.п. 2-10).

В п. 10.1 особо оговорен порядок заверения рецептов на наркотическое средство и психотропное вещество. В частности, в нем отмечается, что при первичном выписывании пациенту рецепта на наркотический (психотропный) лекарственный препарат в рамках оказания медицинской помощи при определенном заболевании такой рецепт заверяется:

1) подписью и личной печатью врача либо подписью фельдшера (акушерки);

2) подписью руководителя (заместителя руководителя) медицинской организации или руководителя (заместителя руководителя) структурного подразделения медицинской организации либо лицом, уполномоченным руководителем медицинской организации (в случае отсутствия в структурном подразделении медицинской организации должности заведующего (заместителя заведующего) структурным подразделением) (с указанием его фамилии, имени, отчества);

3) печатью медицинской организации либо структурного подразделения медицинской организации «Для рецептов».

Что касается иных документов, дающих право на получение наркотических средств и психотропных веществ, то их исчерпывающего перечня закон не содержит. Как отмечается в специальной литературе, под ними, «применительно к ст. 233 УК РФ, понимаются документы, являющиеся основанием для получения наркотических средств или психотропных веществ в целях последующих действий с ними (их законного оборота)»¹.

В соответствии с п. 33 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 г. № 14 (ред. от 16 мая 2017 г.) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» к таким документам «относятся те из них, которые являются основанием для выдачи (продажи) наркотических средств или психотропных веществ и других действий по их законному обороту. Такими документами могут являться, в частности, лицензия на определенный вид деятельности, связанной с оборотом наркотических средств или психотропных веществ, заявка медицинского учреждения на получение этих средств или веществ для использова-

¹ См.: Федоров А.В. Указ.соч.

ния в лечебной практике, выписка из истории болезни больного, товарно-транспортная накладная и т.п.»¹.

В любом случае вменения преступления, предусмотренного ст. 233 УК РФ, правоприменителям необходимо устанавливать наличие соответствующего предмета, указанного в диспозиции нормы, как признака, носящего конститутивный характер для названного в ней посягательства.

Горовой Владислав Викторович,
капитан внутренней службы
научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России
Мухлынин Дмитрий Николаевич,
подполковник внутренней службы, старший
научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России

**О необходимости расширения перечня оснований
для постановки подозреваемых, обвиняемых и осужденных
на профилактический учет**

Наиболее яркой профилактической мерой охранительного порядка является постановка осужденного на профилактический учет, которая активно используется в настоящее время. Включив профилактический учет в систему мер пенитенциарной профилактики, законодатель тем самым предполагает возможность развития данной правовой процедуры для ее совершенствования. Вместе с тем в Уголовно-исполнительном Кодексе Российской Федерации (далее УИК РФ), указанная мера не раскрывается, не определено ее содержание и цели, остаются дискуссионными основания и конкретные правовые последствия его применения к осужденным.

Детальную регламентацию деятельности сотрудников учреждений УИС по постановке на профилактический учет регулирует утвержденная приказом Министерства Юстиции Российской Федерации от 20.05.2013 № 72 «Инструкция по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы» (далее Инструкция). Данная Инструкция классифицирует деятельность сотрудников учреждений УИС по профилактике правонарушений среди подозреваемых, обвиняемых и осужденных на общую и индивидуальную. При проведении общей профилактики необходимо своевременно реагировать на динамику изменения правонарушений, как в количественном, так и в качественном значении, на изменения, происходящие в количественном составе подозре-

¹ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 г. № 14 (ред. от 16 мая 2017 г.) // URL:<http://base.garant.ru/1356161/>.

ваемых, обвиняемых и осужденных и их отношения к соблюдению действующего законодательства РФ, а так же в обеспечении изоляции и надзора за ними, привлечении их к труду, размещении в жилых помещениях, материально-бытовом и медицинском обеспечении учреждения УИС. Индивидуальная профилактика правонарушений заключается в ведении соответствующей работы с лицами, поставленными на профилактический учет, путем проведения непрерывной, целевой, и дифференцированной работы, при проведении которой необходимо большое внимание уделять их индивидуальным особенностям и общественной опасности, совершенным ими преступлениям и правонарушениям, а также иных особенностей, имеющих значение для выбора методов и средств воспитательного и исправительного воздействия. Согласно п. 23 Инструкции индивидуальная профилактика включает в себя работу с лицами, поставленными на профилактический учет... Инструкцией предусмотрено, что на профилактический учет могут быть взяты подозреваемые, обвиняемые и осужденные: Склонные к совершению побега; Лидеры и активные участники группировок отрицательной направленности, а так же лица, оказывающие негативное влияние на других подозреваемых, обвиняемых и осужденных; Организующие и провоцирующие групповое противодействие законным требованиям администрации; Склонные к употреблению и приобретению наркотических веществ, психотропных средств, сильнодействующих медицинских препаратов и алкогольных напитков; Признанные судом, нуждающимися в лечении от наркомании и алкоголизма; Склонные к совершению суицида и членовредительства; Организующие или активно участвующие в азартных играх с целью извлечения материальной или иной выгоды; Склонные к систематическому нарушению правил внутреннего распорядка; Изучающие, пропагандирующие, исповедующие либо распространяющие экстремистскую идеологию; Отбывающие наказание за дезорганизацию нормальной деятельности исправительных учреждений, массовых беспорядков; Склонные к нападению на представителей администрации и иных сотрудников правоохранительных органов; Склонные к посягательствам на половую свободу и половую неприкосновенность.

Несмотря на наличие, столь обширного перечня категорий профилактического учета, на которые могут быть взяты подозреваемые, обвиняемые или осужденные, содержащиеся в учреждениях УИС, он не является исчерпывающим. При подробном рассмотрении данного перечня становится очевидным, что подозреваемые, обвиняемые и осужденные, имеющие склонность к совершению ряда правонарушений не охватываются данным перечнем. Следствием такой недостаточности перечня категорий профилактического учета является отсутствие у сотрудников учреждения УИС возможности ведения индивидуальной профилактической работы в отношении правонарушителей.

Как показывает практика подозреваемые, обвиняемые и осужденные нередко совершают правонарушения, предусмотренные ст. 7.17 Кодекса об Административных правонарушениях (далее КоАП РФ) «уничтожение или повреждение чужого имущества» и ст. 20.1 КоАП РФ «мелкое хулиганство», но согласно Инструкции такие подозреваемые, обвиняемые и осужденные на профилактический учет не ставятся. Отсутствие возможности их постановки на профилактический учет не позволяет сотрудникам УИС использовать в отношении подозреваемых, обвиняемых и осужденных предусмотренные п. 23 Инструкции меры индивидуальной профилактики, что негативно сказывается на всей оперативно-служебной деятельности учреждения УИС. Поскольку это ведет к причинению вреда казенному имуществу на сотни тысяч рублей, а также оказывают отрицательное влияние на подозреваемых, обвиняемых и осужденных, с которыми они содержатся, помимо этого, отсутствие мер профилактического характера ведет к увеличению числа подобных нарушений.

Проведя анализ нормативного обеспечения и правоприменительной практики исправительных учреждений по постановке осужденных на профилактический учет, С.Н. Андреев выделил определенные перспективные направления по совершенствованию данной деятельности, среди которых выделяется нормативно-правовое обеспечение. Так, по мнению автора целесообразно рассмотреть вопрос о внесении изменений и дополнений в Инструкцию. В частности, необходимым было бы расширить перечень оснований постановки осужденных на профилактический учет.

В целях противодействия совершению подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными правонарушений предусмотренных ст. ст. 7.17, 20.1 КоАП РФ необходимо внести в п. 24 Инструкции изменения, дополнив возможностью постановки на профилактический учет подозреваемых, обвиняемых и осужденных: склонных к мелкому хулиганству и склонных к умышленному причинению вреда чужому имуществу.

Считаем, что принятие данных изменений в Инструкцию позволит сотрудникам учреждений УИС предупреждать совершаемые подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными административные правонарушения, предусмотренные ст. ст. 7.17, 20.1 КоАП РФ, а так же уменьшить количество случаев причинения умышленного вреда казенному имуществу и уменьшить негативное воздействие на других подозреваемых, обвиняемых и осужденных.

Головин Андрей Вячеславович,
МУ МВД России «Мытищинское»
Шорникова Лала Витальевна,
ГУ МВД России по Московской области

**О некоторых вопросах организации противодействия преступлениям,
связанным с незаконным оборотом наркотических средств
и психотропных веществ**

В последнее десятилетие в мире произошли значительные изменения во всех сферах жизнедеятельности общества, в том числе в обороте наркотиков.

Увеличиваются темпы роста преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, повышается уровень преступной подготовки лиц, к ним причастных. По различным оценкам, в настоящее время до четверти преступлений, совершаемых в социальном сегменте сети Интернет в России, – это деяния, связанные с оборотом наркотиков¹.

Президентом Российской Федерации деятельность преступных организаций и группировок, в том числе транснациональных, связанная с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, определена одной из основных угроз государственной и общественной безопасности².

Противостоять наркоугрозе на соответствующем уровне возможно только выработкой соответствующего алгоритма работы всех подразделений органов внутренних дел, организацией эффективного взаимодействия с заинтересованными ведомствами³. Необходимость взаимодействия определена общностью задач в данной сфере, наличием в каждой службе собственных сил и средств для участия в предупреждении и раскрытии наркопреступлений, возможностью достижения максимально эффективных результатов только при комплексном использовании сил и средств.

Определяющую роль здесь играет Инструкция по организации совместной оперативно-служебной деятельности подразделений органов

¹ Соловьев В.С. Соловьев В.С. Преступность в социальных сетях Интернета (криминологическое исследование по материалам судебной практики) // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 10, № 1. С. 63.

² Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности РФ» [Электронный ресурс] // <http://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (дата обращения: 25.08.2017).

³ Некрасов Д.Е., Бадалянц Э.Ю., Ишук Я.Г., Чистотина О.Н., Шкабин Г.С. Преступность в Рязанской области и противодействие ей: криминологические и уголовно-правовые аспекты. Рязань, 2012. С. 57.

внутренних дел Российской Федерации при раскрытии преступлений и расследовании уголовных дел¹.

Опыт практической работы и научные труды, изученные авторами², позволяют сделать вывод, что наиболее значимые результаты в раскрытии преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков могут быть достигнуты путем:

1. Обеспечения безусловного личного контроля руководителем за своевременным обменом информацией по линии незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ между службами и подразделениями территориальных органов внутренних дел, как расположенных в одном субъекте, так и в сопредельных.

2. Организации незамедлительной проверки полученной оперативно-значимой информации о причастности к сбыту наркотических средств, а при ее подтверждении – проведения оперативно-розыскных мероприятий по установлению, задержанию и привлечению к уголовной ответственности наркосбытчиков, а в некоторых случаях предоставление информации другим подразделениями с целью проведения профилактических мероприятий³.

3. Выезда следственно-оперативной группы на места происшествий и проведения комплекса первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий⁴, направленных на раскрытие преступления по «горячим следам», в том числе – составление планов-схем мест преступлений, использование фото- и видеосъемки, проведение опроса свидетелей, отработки и постановки задержанных на учет в подразделения оперативно-розыскной информации, проверки данных лиц по ПТК «Розыск-Магистраль», направление запросов в территориальные подразделения Интерпола при задержании граждан иностранных государств.

4. Участия оперативного сотрудника подразделений по контролю за оборотом наркотиков в сборе первоначальных материалов на месте происшествия и проведении доследственной проверки в порядке статей 144-145 УПК РФ при выявлении административных правонарушений, связан-

¹ Приказ МВД России от 29.04.2015 № 495.

² Актуальные вопросы в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков / О.А. Кислый, А.М. Потапкин // Актуальные вопросы теории и практики организационно-розыскной деятельности органов внутренних дел: Сборник научных статей кафедры ООРД часть № 1. – М.: Академия управления МВД России, 2016. С. 126-131.

³ Ищук Я.Г. Оперативно-розыскная профилактика: проблемы законодательного регулирования // Сборник материалов Регионального круглого стола «Проблемы применения уголовного закона при осуществлении оперативно-розыскной деятельности» / Под редакцией Е.Н. Билоуса, Г.С. Шкабина. 2015. С. 90.

⁴ Кислый О.А. Некоторые правовые аспекты взаимодействия оперативных и следственных подразделений органов внутренних дел // Образование. Наука. Научные кадры. 2017. № 3. С. 51-54.

ных с незаконным оборотом наркотиков, а также по фактам смертей граждан от передозировки.

5. Организации взаимодействия подразделений наркоконтроля с органами предварительного расследования по уголовным делам, возбужденным по преступлениям, связанным с незаконным оборотом НС и ПВ, и впоследствии приостановленным.

Именно тесное взаимодействие сотрудников подразделений наркоконтроля и следователей, их согласованные действия, позволяет повысить эффективность работы по раскрытию наркопреступлений.

Указанное взаимодействие должно осуществляться через проведение комплекса оперативно-розыскных мероприятий, подготовку поручений о производстве отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, учитывающих особенности совершенного преступления. В данном направлении также необходимо:

- использовать возможности спецаппарата, проводить своевременную отработку связей задержанных и первоначальной информации о сбытчиках наркотических средств (с обязательным установлением примет), опросы родственников и соседей задержанного, жильцов близлежащих подъездов и домов, проверку лиц, состоящих на учетах в наркологическом диспансере и оперативных учетах;

- проводить осмотры телефонов граждан, умерших от передозировки наркотических средств, для установления лица, сбывшего наркотики и лиц, которым может быть известно, кто мог совершить данное преступление, а также детализаций телефонов задержанных и оперативно-технических мероприятий по ним;

- ориентировать территориальные органы внутренних дел на прилегающих территориях с целью установления свидетелей и лиц, причастных к преступлению, а также организовывать инструктажи и информирование о приметах подозреваемых нарядов, заступающих на дежурство, подразделений обеспечения безопасности дорожного движения - о лицах, совершивших наркопреступления, имеющих во владении и пользовании транспортные средства;

- контролировать получение, проверку и направление для дальнейшей отработки в подразделения наркоконтроля информации о лицах, предоставляющих помещения для употребления наркотических средств, адресах наркопритонов.

Таким образом, высокая результативность выявления и раскрытия наркопреступлений и установления лиц, причастных к наркосбыту, может быть достигнута лишь комплексным подходом к решению задачи использования в борьбе с этим видом преступлений всех сил и средств подразделений органов внутренних дел, постоянного совершенствования организации и тактики их деятельности.

Канкулов Анзор Хусенович,
эксперт ЭКЦ МВД России
по Кабардино-Балкарской Республике

К вопросу предупреждения нарушения прав человека в условиях мест принудительного содержания органов внутренних дел

В условиях мест принудительного содержания тема предупреждения прав, свобод и законных интересов лиц, в них содержащихся, в условиях гуманизации и демократизации общественных отношений, является особо значимой.

Посягательств со стороны сотрудников органов внутренних дел по отношению к гражданам, чьи права и свободы они призваны защищать, в условиях мест принудительного содержания органов внутренних дел вызывает повышенный отрицательный резонанс в обществе.

Актуальность темы обеспечения прав человека в условиях мест принудительного содержания органов внутренних дел обуславливается, с одной стороны, наличием фактов грубейших их нарушений со стороны сотрудников данных учреждений, с другой стороны, сложностью общественного контроля за их соблюдением. Об остроте проблемы свидетельствуют и решения Европейского суда по правам человека по обращению российских граждан о неправомерных действиях сотрудников полиции во время их пребывания в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, мест исполнения административного ареста, в помещениях для временного содержания при дежурных частях органов полиции.

Изучение фактов нарушений прав, свобод и законных интересов лиц в условиях мест принудительного содержания свидетельствует, что в числе их детерминант: недостатки законодательного, иного нормативного правового характера; недостатки в организационно – управленческой деятельности органов внутренних дел; отсутствие должного контроля за правоммерностью помещения граждан в такие учреждения, за условиями их содержания. Безусловно все это требует принятия соответствующих эффективных мер реагирования.

С точки зрения прав, свобод и законных интересов граждан, места принудительного содержания органов внутренних дел занимают ключевое место в структуре последних. Их деятельность в данном направлении является приоритетной. Отсюда она должна быть достаточно высоко урегулирована на законодательном, нормативном правовом и организационно – управленческом уровнях. Их повышенная значимость обуславливается, с одной стороны тем, что их применение непосредственно влияет на правовое положение лица, во вторых, ограниченными возможностями защищать свои права и свободы, отстаивать законные интересы в условиях физиче-

ского ограничения свободы при помещении в места принудительной изоляции.

Анализ законодательных и нормативных правовых актов, регламентирующих правовое положение лиц в местах принудительного содержания органов внутренних дел, позволяет классифицировать их права и законные интересы следующим образом.

Личные неимущественные права, направленные на индивидуализацию личности лица:

- получать информацию о своих правах и обязанностях, режиме содержания под стражей, дисциплинарных требованиях, порядке подачи предложений и жалоб;
- обращаться с просьбой о личном приеме к начальнику места содержания и лицам, контролирующим деятельность места содержания;
- обращаться с предложениями, заявлениями и жалобами;
- пользоваться литературой и изданиями периодической печати из библиотеки места содержания;
- отправлять религиозные обряды в помещениях места содержания, иметь при себе религиозную литературу, предметы религиозного культа;
- раздельное размещение отдельных категорий лиц;
- индивидуальное спальное место;
- ежедневное трехразовое питание.

Личные неимущественные права, направленные на обеспечение личной неприкосновенности:

- на личную безопасность;
- на восьмичасовой сон в ночное время;
- пользоваться ежедневной прогулкой;
- пользоваться собственными постельными принадлежностями, другими вещами и предметами;
- минимальная санитарная площадь в специальном помещении на одного человека.

Личные неимущественные права, направленные на обеспечение неприкосновенности и тайны личной жизни:

- хранить при себе документы и записи, касающиеся вопросов реализации своих прав и законных интересов;
- вести переписку и пользоваться письменными принадлежностями;
- заключать и расторгать брак, участвовать в иных семейно-правовых отношениях;
- получение юридической помощи.

Законные интересы:

- раздельное размещение курящих и некурящих;
- отбывание административного ареста в помещениях для одиночного содержания;

- совместное содержание в отдельном помещении специального учреждения супруга, супруги, родителей, детей, усыновителей, родных братьев, родных сестер, дедушки, бабушки, внуков и иностранного гражданина, находящегося в специальном учреждении для иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации в форме принудительного выдворения, депортации или реадмиссии.

Приведенные права и законные интересы лиц, находящихся в местах принудительного содержания, в целом можно отнести к категории специальных или особенных. Особенность их заключается в том, что они основаны на незыблемых конституционных правах и свободах и определяют формы реализации отдельных из них с учетом особенностей правового режима того или иного вида места принудительного содержания органов внутренних дел.

Возможность реализации своих прав, свобод и законных интересов лиц в условиях нахождения в местах принудительного содержания органов внутренних дел основывается, прежде всего, на нормах Конституции Российской Федерации, в соответствии с которыми ряд прав и свобод граждан не могут быть ограниченными ни при каких условиях (ч.2 ст. 56).

В числе таких прав и свобод: право на жизнь (ст. 20); невозможность умаления достоинства личности; запрет на пытки, насилие, другое жестокое или унижающее человеческое достоинство обращение или наказание, проведение медицинских, научных или иных опытов без добровольного согласия (ст.21); неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайне, защите своей чести и доброго имени (ч. 1 ст. 23); сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия (ст. 24); свобода совести, свобода вероисповедания (ст. 29); право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской или иной, не запрещенной законом экономической деятельности (с. 1 ст. 34); право на жилище (ч.1 ст.40); на судебную защиту прав и свобод (ст. 46); запрет лишения права на рассмотрение дела гражданина в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом, право на рассмотрение дела судом с участием присяжных заседателей в случаях, предусмотренных федеральным законом (ст. 47); получение квалификационной юридической помощи (ст.48); признание лица невиновным, пока его невиновность не будет доказана приговором суда (ч. 1 ст. 49); запрет обвиняемого доказывать свою невиновность (ч. 2 ст. 49); толкование неустранимых сомнений в виновности лица в пользу обвиняемого (ч. 3 ст. 49) запрет свидетельствовать против супруга и близких родственников (ст. 51); обеспечение государством потерпевшего доступа к правосудию и компенсации причиненного ущерба (ст. 52); возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов

государственной власти или их должностных лиц (ст. 53); обратная сила закона, устанавливающего или отягчающего ответственность (ст. 54).

В указанных конституционных нормах находят реализацию нормы международного права, регламентирующими права, свободы и законные интересы лиц в местах принудительного содержания. Такими актами международного права прежде всего являются:

- Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (Резолюция 34/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1979 г.). Кодекс устанавливает, что при выполнении своих обязанностей должностные лица по поддержанию правопорядка уважают и защищают человеческое достоинство и поддерживают и защищают права человека по отношению ко всем лицам (ст.2); они вправе применять силу только в случае крайней необходимости и в той мере, в какой это требуется для выполнения их обязанностей (ст. 3); ни одно должностное лицо по поддержанию правопорядка не может осуществлять, подстрекать или терпимо относиться к любому действию, представляющему собой пытку или другие жестокие, бесчеловеческие или унижающие достоинство виды обращения и наказания (ст. 5); должностные лица обеспечивают полную охрану здоровья задержанных или лиц и принимают немедленные меры по обеспечению оказания медицинской помощи в случае необходимости (ст.6).

- международные стандарты, касающиеся подозреваемых и обвиняемых, заключенных под стражу (Резолюция Комитета министров Совета Европы №(65)11). Принята представителями Министерств 9 апреля 1965 г.). Стандарты устанавливают в том числе правовые средства защиты прав содержащихся под стражей: ограничение срока заключения под стражу, установленное законом или судебным органом; право на обжалование в судебный орган; право на информирование заключенного о своих правах и условиях их осуществления (п.1).

- Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (приняты на 1 конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 30 августа 1955г.). В стандартах содержатся нормы, устанавливающие, что лица, арестованные или находящиеся в заключении по обвинению в уголовном преступлении и содержащиеся в полицейских участках, считаются невиновными и с ними следует обращаться соответственно (ст. 84);

- Конвенция против пыток и других жестоких бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (принята Резолюцией генеральной Ассамблеи ООН 39/46 от 19 декабря 1984г.). Конвенция определяет понятие пытки, обязывает государства-участников конвенции включить все акты пыток в свое национальное уголовное законодательство.

В докладе Европейского комитета по предупреждению пыток отмечается, что Комитет придает особую важность тем правам лиц, задержанных полицией: право их информировать о факте своего задержания третью

сторону по своему усмотрению; право доступа к адвокату и право требовать медицинского осмотра врачом (п. 36).

Правовое положение указанных лиц регламентируются также отраслевым законодательством и ведомственными нормативными правовыми актами, регламентирующими условия и порядок содержания граждан в данных местах.

Приведенные законодательные установления нашли свое отражение в одном из основных нормативных правовых актах, каковым является Правила внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел, утвержденных приказом МВД России от 22 ноября 2005г. №950.

Нормы, содержащиеся в нем можно классифицировать на следующие группы:

- нормы, обеспечивающие реализацию законодательных установлений;
- нормы, дополняющие перечень прав и законных интересов, установленных в законодательстве.
- нормы, детализирующие (конкретизирующие) законодательные установления.

Можно выделить и еще одну группу норм, содержащихся в правилах. Таковыми являются нормы, являющиеся аналогичными нормам, закрепленным в законе.

Значимой нормой является определение условий для привлечения подозреваемых и обвиняемых к труду. Правила запрещают их принудительный труд, за исключением поддержания чистоты и порядка в камерах. Правило 108 предоставляет администрации изолятора возможность для привлечения всех желающих подозреваемых и обвиняемых к труду.

По желанию подозреваемого, обвиняемого они могут выполнять в помещении или на территории изолятора работы на возмездной или безвозмездной основе, если для этого имеется соответствующая потребность и условия. Администрация может предоставить ему эту возможность (п. 109).

Учитывая значимость темы принудительного труда¹, конституционность права гражданина на труд, представляется целесообразным норму, предусматривающую привлечение подозреваемых и обвиняемых к труду закрепить в Федеральном законе «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

¹ Гришко А.Я. Реализация гражданских прав осужденных: история, состояние, обеспечение // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2007 №2. С.4-10.

Олейников Александр Анатольевич,
начальник отдела по расследованию организованной преступной
деятельности в кредитно-финансовых учреждениях
в сфере компьютерной информации
следственной части ГСУ ГУ МВД России по Краснодарскому краю

**Проблемы законодательного определения юридического статуса лица,
имущество которого подлежит конфискации, и его закрепление
в нормах УК РФ**

Многие международно-правовые акты, регламентирующие допустимость конфискации имущества, как меры противодействия преступности, определяют обязанность государств в принятии законодательных мер обеспечения возможности на стадии предварительного расследования изымать и (или) накладывать арест на имущество, правомерный характер происхождения которого ставится следственными органами под сомнение.

При этом, такое изъятие и (или) арест имущества не отождествляется с конфискацией имущества, влекущей переход права собственности на такое имущество в пользу государства. Будучи регламентированным как уголовно-процессуальная мера обеспечения возможности отправления правосудия, изъятие и (или) наложение ареста на имущества, так же как и конфискация имущества, осуществляется только по решению суда.

Представляется, что регламентация в законодательстве такой меры, как наложение судом ареста на имущество, в известной степени, исключает самоуправство и произвол в ходе предварительного расследования, способствует нейтрализации коррупционного противодействия осуществлению правосудия и эффективного предварительного расследования, позволяет обеспечить сохранность имущества, которое вследствие последующей конфискации обеспечит возмещение ущерба, причиненного в результате совершения преступления, на максимально ранних стадиях способствует пресечению финансирования преступной деятельности и пользования полученными преступным путем доходами.

Таким образом, действовавшая до вступления в силу Федерального закона от 25.12.2008 № 280-ФЗ редакция ст. 104.1 УК России, регламентировавшая конфискацию имущества не на основании обвинительного приговора, а на основании решения суда в полной мере соответствовала общим направлениям международной уголовной политики в области осуществления изъятия и (или) ареста имущества, когда имеются основания полагать, что это имущество получено в результате совершения преступления.

Вместе с тем, юридические последствия такого изъятия, именуемого конфискацией, не укладываются в рамки международных уголовно-правовых стандартов в противодействии преступности. Конвенции и международные договоры регламентируют обязанность проведения на стадии

предварительного расследования не конфискации, а именно ареста, или изъятия имущества, которые не влекут перехода права собственности на это имущество к государству, а лишь ограничивают право его владельца пользоваться и распоряжаться арестованным имуществом. Представляется, что существовавшая и существующая на сегодняшний день регламентация, позволяющие на стадии предварительного расследования конфисковать имущество, - есть проявление фискальных интересов, мера, «недостойная государства»¹. По нашему глубокому убеждению, основанному на анализе истории становления и развития отечественного уголовного законодательства о конфискации имущества, оценке мнений известных ученых, высказанных в различные периоды относительно допустимости признания конфискации имущества, средством поправления бюджета, на оценке положений международно-правовых актов, регламентирующих основания и порядок конфискации имущества, последняя не может иметь целью обогащение кого-либо, в том числе, государства, а может лишь преследовать предупредительно-восстановительные функции уголовного правосудия, заключающиеся в восстановлении причиненного ущерба, пресечении возможности пользоваться доходами от преступной деятельности, предупреждении совершения посредством использования такого имущества новых преступлений.

Таким образом, с нашей точки зрения, проведение на стадии предварительного расследования изъятия или ареста имущества, подлежащего в соответствии со ст. 104.1 УК России конфискации, есть необходимая, значимая и в международно-правовом смысле обязательная для России уголовно-процессуальная мера принуждения. Вместе с тем, отождествление такой меры с конфискацией имущества, как иной мерой уголовно-правового характера, с нашей точки зрения недопустимо по следующим основаниям:

1. Конфискация имущества как мера уголовно-правового характера применяется исключительно по решению суда и только к лицу, признанному судом виновным, или, как минимум, совершившим запрещенное уголовным кодексом России деяние, в то время, как уголовно-процессуальная мера изъятия или наложения ареста на имущество может назначаться при достаточных к тому основаниях при подозрении лица в совершении преступления, влекущего уголовно-правовые последствия в виде конфискации имущества;

2. Конфискация имущества как мера уголовно-правового характера состоит в переходе права собственности на конфискуемое имущество к государству. При недоказанности в установленном законом порядке преступного происхождения имущества или стремления виновного использовать такое имущество в качестве орудий или средств совершения преступления или для финансирования преступной деятельности, такая конфиска-

¹ Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. М. 2000г. С. 173.

ция противоречит задачам и целям уголовного правосудия и презумпции невиновности. переход права собственности означает результат реализации уголовной ответственности, допустимой только в отношении виновного лица. Изъятие же имущества подразумевает временные ограничения права пользования и распоряжения имуществом, в отношении преступного происхождения которого имеются обоснованные подозрения. При этом, такая мера уголовно-процессуального принуждения есть не рекомендация, а обязательства международно-правового характера, невыполнение или ненадлежащее выполнение которых влечет самые неблагоприятные последствия для авторитета России как партнера в межгосударственных отношениях как уголовно-правового, так и общеправового характера.

3. Международно-правовые акты, регламентирующие конфискацию имущества, ставшие основой для определения общих начал конфискации имущества в уголовном праве России, строго различают и разграничивают конфискацию имущества как меру уголовно-правового характера и изъятие (арест) имущества, которое может быть впоследствии конфисковано, как уголовно-процессуальную меру, назначаемую в процессе предварительного расследования. Такие различия между содержанием конфискации имущества и его арестом, изъятием, замораживанием буквально определяются положениями Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции¹, Конвенция против транснациональной организованной преступности², Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности³ и многими другими международно-правовыми актами, на международном уровне регламентирующими законотворческую и правоприменительную деятельность в сфере конфискации имущества. Таким образом, представляется, что определяемые международно-правовыми актами различия в институтах конфискации имущества как уголовно-правовой и уголовно-процессуальной мер, должны находить отражение и в национальном законодательстве России, в связи с чем, отождествление несинонимичных, с точки зрения международного уголовного права, понятий конфискации и изъятия (ареста) имущества — недопустимо.

Одной из действенных, на наш взгляд, мер в противодействии организованной преступности является широко применяемая в зарубежных странах и регламентируемая как допустимая в международном уголовном праве презумпция противоправного характера происхождения имущества. Так, при наличии обоснованных подозрений полагать, что имущество лица получено им в результате совершения преступления, производится арест и (или) изъятие такого имущества как уголовно-процессуальная мера, применяемая на стадии предварительного расследования. При этом, бремя до-

¹ Собрание законодательства РФ. 26 июня 2006 г. N 26. Ст. 2780.

² Бюллетень международных договоров. 2005. N 2. С. 3 - 33.

³ Собрание законодательства РФ. 20 января 2003 г. N 3. Ст. 203.

казывания правомерного характера происхождения имущества возлагается на его владельца. Лицо не признается подозреваемым, ему не предъявляется обвинение, однако, такое лицо не может распоряжаться и пользоваться принадлежащим ему имуществом до момента принятия решения о снятии ареста. Такое решение о наложении ареста на имущество может стать как последствием заявления кого-либо о совершенном лицом преступлении, создающем основания для конфискации имущества, так и последствием установления явных расхождений в декларируемых доходах и фактических расходах налогоплательщика, так и реализацией результатов оперативно-розыскной деятельности правоохранительных органов.

Представляется, что данная мера, являясь вынужденным шагом в противодействии организованной преступности, вполне соответствует презумпции невиновности, исходя из ее буквального толкования. Так, в соответствии со ст. 49 Конституции России, «каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда». Очевидно, что при подобном подходе, исключаящем предъявление обвинения как такового, в ситуациях, когда государство не привлекает лицо к уголовной ответственности и не конфискует имущество в уголовно-правовом порядке, не может вестись и речи о придании лицу, в отношении которого избрана подобная уголовно-процессуальная мера, статуса обвиняемого. В свете сказанного, положения ч.2 ст. 49 Конституции России о том, что «обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность» и ч. 3 названной статьи об обязательности толкования в пользу обвиняемого всех неустранимых сомнений в его виновности, исключаются сами собой: лицо не обвиняется в совершении преступления, но его право собственности ограничивается в части пользования и распоряжения имуществом.

Безусловно, такая мера представляется, на первый взгляд, не вполне привычной для России, однако, подобного рода правоограничения, уже существуют в действующем законодательстве и достаточно эффективно способствуют предупреждению противоправного поведения. Так, например, в ст. 1.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях были внесены дополнения ограничивающие токование презумпции невиновности в отношении дорожно-транспортных административных правонарушений в случае их фиксации работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи¹. В случае административного правонарушения выявленного подобным образом, виновным в его совершении признается владелец транспортного средства, если не докажет своей непричастности к

¹ Федеральный закон от 24.07.2007 № 210-ФЗ

правонарушению. Безусловно, такое положение КоАП противоречит презумпции невиновности, но статистика дорожно-транспортных правонарушений свидетельствует о действенности данной меры предупредительного воздействия в отношении правонарушений, являющихся причиной ежегодной гибели и увечья сотен тысяч людей. Таким образом, представляется, что в условиях захлестнувшей Россию волны коррупции, деятельности организованных преступных групп, преступлений террористического характера, наркомании, такие меры, характеризующие ограничение излишне расширительного толкования презумпции невиновности, представляются как вызванные крайней необходимостью и, будучи признанными допустимыми в мировом сообществе и положительно зарекомендовавшие себя в правоприменительной деятельности в зарубежных странах, могут быть применены в российском законодательстве, определяющем процессуальные основы противодействия преступности.

Однако, считаем, что такие меры не могут иметь места в отечественном уголовном праве и возможны к применению только в рамках уголовно-процессуального законодательства. В соответствии с вышеизложенным, считаем, что положения п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК России о конфискации предметов, принадлежащих обвиняемому, требуют замены слова «обвиняемому» словом «осужденному». Осознавая необходимость проведения специального уголовно-процессуального исследования допустимости ареста имущества как уголовно-процессуальной меры, применение которой сопровождается возложением обязанности на владельца имущества доказать правомерный характер его происхождения, а также констатируя факт того, что такое исследование выходит за рамки предмета уголовно-правовой регламентации конфискации имущества в правовой системе России, мы воздерживаемся от предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в данной области.

Часть 3 ст. 104.1 УК России предусматривает возможность конфискации имущества переданного осужденным другому лицу (организации), если лицо, принявшее имущество, знало или должно было знать, что оно получено в результате преступных действий.

С учетом приведенных выше рассуждений, нами было предложено отказаться от уголовно-правовой регламентации подлежащего конфискации имущества, как добытого преступным путем и изложить ч.3 ст. 104.1 УК России в следующей редакции:

«Имущество, указанное в частях первой и второй настоящей статьи, подлежит конфискации, если лицо знало или должно было знать, что оно получено в результате противоправных действий или бездействия, запрещенных настоящим Кодексом».

Вместе с тем, с нашей точки зрения, данная норма и в такой редакции не вполне соответствует общим направлениям международной уголовной политики в области конфискации преступных доходов, а также по-

ложениям национального законодательства о вине, как одной из составляющих основания уголовной ответственности, к формам реализацией которой, безусловно, относится и конфискация имущества.

Соглашаясь с общими направлениями международной уголовной политики о противодействии использованию имущества, полученного в результате совершения преступления, считаем, что конфискации может применяться только без ущерба для третьих лиц.

Так, Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности¹ в ч.1 ст. 6 «Преступления, связанные с отмыванием средств» определяет, что криминализации подлежат только умышленные преступления, связанные с легализацией, приобретением, владением или использованием преступно полученного имущества: «Каждая Сторона принимает законодательные и другие необходимые меры с целью квалифицировать в качестве преступлений в соответствии со своим внутренним правом, при наличии умысла... (далее перечень криминализируемых деяний)».

Кроме того, п. с) ч. 1 ст. 6 названной Конвенции определяет, что криминализации подлежат «приобретение, владение или использование имущества, если в момент его получения было известно, что оно является доходом, добытым преступным путем». Представляется, что данная позиция (пусть и не в полном объеме, относительно «владения» и «использования»), но нашла отражение в отечественном законодательстве в ст. 175 УК России, регламентирующей наказуемость заранее не обещанных приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем. Такая криминализация допускается анализируемой Конвенцией в национальных законодательствах только «при соблюдении своих конституционных принципов и основных концепций своей правовой системы»² и представляется вполне приемлемой, поскольку не противоречит теории отечественного уголовного права.

Вместе с тем, регламентация ч.3 ст. 104.1 УК России о конфискации имущества лица, которое должно было знать о преступном происхождении имущества, основывается на ч.3 ст. 6 анализируемой Конвенции. Так, в п. «а» названной нормы определяется, что «Каждая Сторона может принять такие меры, которые она сочтет необходимыми, чтобы квалифицировать в качестве преступлений, согласно ее внутреннему законодательству, все или некоторые действия, указанные в пункте 1 настоящей статьи, в любом из следующих случаев (или во всех этих случаях), когда преступник:

а) должен был предполагать, что имущество является доходом, полученным преступным путем».

¹ Бюллетень международных договоров. 2003. N 3. С. 14 - 46.

² Бюллетень международных договоров. 2003. N 3. С. 14 – 46// Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности // ст. 6, п. «b», абз. 2.

Таким образом, с одной стороны, Конвенция регламентирует возможность установления Конфискации имущества только за умышленные преступления, с другой – допускает конфискацию имущества и в случае, если лицо «должно было предполагать, что имущество является доходом, полученным преступным путем».

Представляется, что подобная регламентация противоречива и не вполне согласуется с представлениями об умысле и в целом о вине в российском уголовном законодательстве. Как прямой, так и косвенный умыслы предполагают не способность к осознанию, а реальное осознание фактического характера происходящего, желание, безразличное отношение или сознательное допущение общественно опасного результата поведения. В связи с этим, статья 175 УК России и определяет в качестве составообразующего признака заведомую осведомленность виновного о преступном характере происхождения имущества.

Обязанность осознания характеризует лишь один из видов вины – преступную небрежность. Так, лицо, должное осознавать, что приобретает имущество, добытое преступным путем, не может нести ответственности за такое приобретение, если в действительности не осознавало факта преступного происхождения имущества. При наличии объективных данных, свидетельствующих об объективной возможности и субъективной способности такого осознания, его вина характеризуется неосторожностью в виде небрежности, что исключает умысел и, соответственно, основания уголовной ответственности за приобретение или сбыт, заведомо добытого преступным путем, имущества.

Вместе с тем, буквальный перевод п. «а» ч. 3 ст. 6 анализируемой Конвенции «oughttohaveassumedthatthepropertywasproceeds», определяя «дух закона», свидетельствует не только об умышленной вине, но и о неосторожности, даже в виде небрежности по отношению к осознанию преступного характера полученных доходов. Так, слово «ought», переводится с английского как «долженствование», что на наш взгляд, означает объективную возможность и субъективную способность осознания преступного характера происхождения имущества.

Невиновное поведение вменяемого лица не должно влечь каких бы то ни было уголовно-правовых последствий. Между тем, уголовный кодекс России определяет только объективную возможность такого осознания: «должно было знать». С нашей точки зрения, положения ч. 3 ст. 104.1 УК России, определяющие возможность конфискации имущества лица, не способного осознать, что приобрело имущество, добытое преступным путем, нуждаются в дополнении соответствующими признаками. С учетом предложенных выше дополнений, нами предлагается следующая редакция данной нормы:

3. Имущество, указанное в частях первой и второй настоящей статьи, подлежит конфискации, если лицо знало или могло и должно было знать,

что оно получено в результате противоправных действий или бездействия, запрещенных настоящим Кодексом».

В противном случае нарушается один из основных принципов допустимости регламентации конфискации имущества в международном уголовном праве – ее применение без ущерба для прав третьих лиц.

Северин Анатолий Игоревич,
адвокатская Палата Краснодарского края
адвокатский кабинет Северин А.И.

**Правовое регулирование борьбы с преступлениями, связанными
с деятельностью частных детективных и охранных организаций,
в зарубежном законодательстве**

Законы о частной детективной деятельности приняты лишь некоторыми странами СНГ (Молдова (Закон Республики Молдова о негосударственной детективной и охранной деятельности от 04.07.2003 г. М 283-XV), Кыргызстан (Закон КР «О частной детективной и охранной деятельности в Кыргызской Республике» от 01.07.1996 г. № 35).

В Модельном уголовном кодексе для стран-участников СНГ в главе 29 «Преступления против порядка осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности» существует статья, предусматривающая уголовную ответственность частных охранников и детективов¹.

Ст. 285 указанного кодекса устанавливает, что превышение руководителем или служащим частной охранной или детективной службы полномочий, предоставленных им в соответствии с лицензией, вопреки задачам своей деятельности, если это деяние совершено с применением насилия или угрозой его применения, является преступлением средней тяжести. Далее же рассматриваемая статья говорит, что в случаях если данное преступление совершено с применением оружия или же специальных средств, а равно в случае, если данным деянием были причинены тяжкие последствия, то такое преступление относится к категории тяжких.

Возможно именно потому, что подобная норма была включена в Модельный кодекс, она нашла свое отражение и в некоторых уголовных кодексах государств - бывших республик СССР и, прежде всего в Уголовном кодексе РФ 1996 года, вступившем в действие с 1 января 1997 г. Уголовный кодекс РФ 1996 г. воспринял концепцию о недопустимости отождествления публичной (государственной и муниципальной) службы и службы в коммерческих организациях и общественных объединениях и о различной социальной сущности правонарушений, совершаемых государственными (муниципальными) служащими и служащими иных организаций. Следствием этого стало появление в Уголовном кодексе двух само-

стоятельных глав, посвященных преступлениям против интересов службы в коммерческих и иных организациях (гл. 23 разд. VIII «Преступления в сфере экономики») и преступлениям против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (гл. 30 разд. «Преступления против государственной власти»). В свою очередь в ст. 203 Уголовного кодекса РФ предусматривается ответственность частных детективов и работников частных охранных организаций, имеющих удостоверение частного охранника.

"Преступления в сфере экономики», в которую входит и ст. 297, предусматривающая уголовную ответственность за превышение полномочий служащими частных охранных или детективных служб¹.

Текст части первой данной статьи был абсолютно идентичен статье 203 УК РФ до внесения в последнюю изменений Федеральным законом от 22.12.2008 г. № 272-ФЗ, а различия заключались лишь в санкциях. Если за совершение данного деяния российский законодатель предусматривал наказание в виде ограничения свободы на срок до двух лет, либо ареста на срок до шести месяцев, либо лишения свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет либо без такового (в старой ред. УК РФ), то Уголовный кодекс Республики Таджикистан предусматривал более мягкую санкцию.

Согласно рассматриваемой статье, наказание за совершение данного деяния назначается в виде исправительных работ на срок до двух лет либо лишения свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет. Следует заметить, что в УК РФ лишение права на занятие определенной деятельностью или на занятие определенных должностей выступало как факультативное наказание к лишению свободы, в то время как в таджикском кодексе лишение свободы могло наступать только вместе с ним.

В ныне действующей ред. ст. 203 УК РФ российский законодатель предусмотрел санкцию за данное преступление в виде штрафа в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо ограничение свободы на срок до двух лет, либо лишение свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двух лет. Как можно заметить санкция рассматриваемой нормы стала практически идентичной Таджикскому Уголовному кодексу.

Так же следует отметить, что в Таджикском Уголовном кодексе, в сравнение с российским, к причинению тяжких последствий добавилось

¹ Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 31.05.1998 г.

еще и совершение данного преступления с применением оружия и специальных средств, что соответствует подобной норме в модельном кодексе (что было сделано в Российском Уголовном кодексе лишь только в конце 2008 года), а говоря о санкциях второй части статьи, следует сказать, что Таджикский Уголовный кодекс устанавливает наказание за деяние в виде лишения свободы на срок от пяти до восьми лет, а российский - на срок от трех до семи лет, обязывая суд назначить факультативное наказание в виде лишения права заниматься определенной деятельностью или занимать определенные должности на срок до трех лет.

Уголовный кодекс Республики Казахстан от 16 июля 1997 г. № 167-1¹ подобную норму включил в главу восьмую «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях». Однако субъектом преступления, предусмотренного статьей 230 Уголовного кодекса Казахстана, является лишь руководитель или служащий частной охранной службы, о превышении же полномочий частными служащими детективных служб ничего не говорится. Квалифицирующие признаки превышения полномочий частными охранниками аналогичны квалифицирующим признакам, установленным в ч. 2 ст. 297 УК Республики Таджикистан.

Санкции статьи 230 УК Республики Казахстан аналогичны санкции ст. 203 УК РФ в старой редакции, т.е. до внесения в нее изменений ФЗ № 272-ФЗ в 2008 г. В Уголовном кодексе Республики Кыргызстан от 1 октября 1997 г. № 68 норма об ответственности за превышение полномочий служащими частных детективных служб помещена в главу 23 «Преступления против интересов службы в негосударственных предприятиях и организациях». В отличие от УК Республики Казахстан статья 223 УК Республики Кыргызстан в качестве субъекта данного преступления называет только лишь служащих частных детективных служб, оставляя за рамками статьи частных охранников. Уголовно-наказуемым признается превышение полномочий частными детективами, если данное деяние было совершено с применением насилия или угрозой его применения. Законодатель не выделяет такие признаки объективной стороны состава преступления, как совершение деяния вопреки задачам своей деятельности и превышение полномочий определенных в лицензии, а так же незначительно видоизменяет санкцию, но оставляет оба квалифицирующих признака, как применение оружия, так и причинение тяжких последствий².

В Уголовном кодексе Республики Молдова от 18 апреля 2002 г. № 985-XV уголовная ответственность работников частных охранных и детективных служб не выделена в отдельную статью, а включена в состав статьи 336, предусматривающей ответственность за превышение служебных полномочий. В свою очередь ст. 336 УК Республики Молдова поме-

¹ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 16.07.1997 г. № 167-1.

² См.: Уголовный кодекс Кыргызской республики от 01.10.1997 г. № 68. См.: Уголовный кодекс Республики Молдова от 18.04.2002 г. № 985-XV.

щена в главу XVI, объединяющую в себе преступления, совершенные лицами, управляющими коммерческими, общественными и иными негосударственными организациями².

Часть 2, рассматриваемой статьи УК Республики Молдова, в качестве субъектов превышения прав и полномочий, предоставленных законом, называет работников частной службы обеспечения безопасности или частной детективной и охранной организации. Уголовно-наказуемым данное деяние признается, только если оно было совершено с применением насилия или угрозой его применения.

В качестве квалифицирующего признака УК Республики Молдова в отличие от рассмотренных выше уголовных кодексов, впервые называет признак организованной группы: если данное действие совершено «в интересах организованной группы или преступной организации» (п. «а» ч. 3 ст. 336 УК Республики Молдова). Представляется, что выделение данного признака вполне объяснимо и необходимо, в связи с тем, что в настоящее время существует такая тенденция, как сращивание частной охранно-сыскной деятельности с организованной преступностью, которое имеет достаточно разнообразные стороны своего проявления. Поэтому⁷ данное положение УК Республики Молдова следовало бы учесть нашим законодателям при совершенствовании ст. 203 УК РФ.

Другим квалифицирующим признаком превышения полномочий частными детективами и охранниками по УК Республики Молдова являются тяжкие последствия (п. «б» ч. 3 ст. 336).

Без должного внимания УК Республики Молдова оставляет признак применения оружия и специальных средств.

Уголовных кодексах Украины, Белоруссии, прибалтийских государств, Закавказских республик нормы, устанавливающей ответственность за превышение полномочий частными детективами или работниками частных охранных организаций отсутствуют.

Однако, следует обратить внимание на то, что в Уголовном кодексе Украины, Уголовном кодексе Республики Беларусь¹ и Уголовном кодексе Узбекистана есть отдельные нормы, устанавливающие ответственность за нарушение обязанностей по охране имущества, которые помещены в главы, включающие преступления против собственности.

Так, в ст. 197 УК Украины установлена уголовная ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение лицом, которому поручено хранение или охрана чужого имущества, своих обязанностей, если это повлекло тяжкие последствия для собственника имущества. Статья 220 УК Белоруссии уголовно-наказуемым признает недобросовестное исполнением лицом, которому поручена охрана имущества, своих обязанностей, по-

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 г. № 275-З. Уголовный кодекс Республики Узбекистан утвержден Законом РУ от 22.09.1994 г. № 2012-ХП.

влекшее хищение, уничтожение или повреждение этого имущества в особо крупном размере, при отсутствии признаков должностного преступления.

В ст. 172 УК Узбекистан установлена уголовная ответственность за недобросовестное отношение лица к исполнению своих обязанностей по охране имущества, если данное деяние повлекло расхищение, повреждение или уничтожение и причинившее крупный ущерб при отсутствии признаков должностного преступления.

Субъектом рассматриваемых преступлений может быть частный охранник, которому и поручена охрана чужого имущества. Однако, данные нормы нельзя признать совершенными в силу того, что лица, которым поручена охрана чужого имущества могут не только не исполнять, ненадлежащее исполнять или недобросовестно исполнять свои обязанности, но также и превышать или злоупотреблять своими служебными обязанностями, вследствие которых и могут быть нарушены права и законные интересы граждан или организаций.

Отсутствуют нормы об уголовной ответственности частных детективов и работников частных охранных организаций и в законодательстве стран дальнего зарубежья. При этом следует обратить внимание на то, что частные правоохранительные службы в США, Великобритании, Франции и многих других странах, получили достаточно широкое распространение и в целом, подверглись необходимости нормативного регулирования.

Большинство частных детективов и охранников в западных странах работают в различных агентствах, бюро, ассоциациях, которые осуществляют как охранные функции, так и частный сыск. Их деятельность, права и обязанности, основные виды предоставляемых услуг в различных странах регулируются по-разному. В США отсутствует единый федеральный закон о частной детективной и охранный деятельности. Регламентация частных детективных и охранных услуг отнесена к юрисдикции штатов.

Определенные особенности имеет институт частных охранников и детективов в Великобритании, где также не имеется никаких специальных правовых норм и положений, регулирующих деятельность частных охранных и детективных служб¹. Однако, некоторые охранные компании являются своего рода полицейскими участками в миниатюре. Охранники частных охранных предприятий Великобритании выполняют функции, схожие с полицейскими, начиная от активного патрулирования отдельных объектов, и заканчивая арестами некоторых преступников, в случае, если они стали свидетелями уголовно-наказуемых преступлений, совершая который правонарушитель нарушает общественный порядок.

Во Франции деятельность частных охранно-сыскных бюро регулируется Законом № 891 от 28 сентября 1942 года. В Португалии деятельность негосударственной правоохранительной системы регламентируется

¹ Крысин А.В. Безопасность предпринимательской деятельности. М.: Финансы и статистика. 1996. С. 29.

Законом № 276/93 от 10 августа 1993 года. Наиболее распространенными видами услуг, которые предоставляют частные детективные и охранные фирмы за рубежом, являются: охрана и патрулирование, обеспечение сигнализаций различного рода, обеспечение безопасности транспортировки ценных грузов и обеспечение безопасности физических лиц. Требования, предъявляемые к лицам, желающим оказывать детективные и охранные услуги, в ряде зарубежных стран также имеют свои особенности. Например, в Португалии кандидаты на службу в указанные структуры должны иметь португальское гражданство, достигнуть совершеннолетия, представить документ об отсутствии судимости, а также справку о соответствующем психическом и физическом состоянии, подтвержденным медицинским обследованием. В других государствах перечень требований к лицам, желающим заниматься частной охранной и детективной деятельностью, значительно уже. Так, во Франции, для того чтобы получить лицензию на создание частного сыскного бюро или охранной фирмы, достаточно быть французским гражданином и не иметь судимости. В США для оказания охранных или сыскных услуг отсутствуют единые требования. Так, в 19 штатах не требуется получение лицензии на частную охрану, в 34 штатах наличие лицензии требуется при оказании детективных услуг. В Великобритании, кандидат на должность охранника без права ношения оружия должен пройти лишь краткий курс подготовки, и тест государственного образца, состоящий из пятидесяти вопросов. Для получения возможности пользоваться оружием охраннику надо еще пройти тридцатичасовой подготовительный курс, преподаваемый в специализированных академиях¹.

В целом следует согласиться с тем, что законодательная база частных правоохранительных служб далека от совершенства, вследствие чего одни нормативные акты не согласованы или противоречат другим. Главная же опасность заключается в правонарушениях, которые совершают частные детективы и охранники с использованием своих служебных полномочий или с их нарушением. Большая часть злоупотреблений на службе, допускаемых указанными лицами, связана с посягательствами на права человека².

Однако, законодательство зарубежных стран не предусматривает ни отдельной статьи, ни группы уголовно-правовых норм, либо особой главы, посвященных ответственности как данных лиц, так и ответственности за преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях.

Так, в США привлечение к уголовной ответственности за деяния рассматриваемой категории лиц осуществляется на общих основаниях. Наиболее распространенным преступлением, совершаемых частными охранниками и детективами, можно выделить нарушение неприкосновенности частной жизни (privacy) (ст. 250.12 Примерного Уголовного кодекса США).

¹ См.: Асанов Р.Ф. Указ. соч. С. 52.

² См.: Кузнецов А.П., Изосимов С.В. Указ. соч.

Во Франции, согласно Закону № 80-1058 от 23 декабря 1980 года, всякое нарушение положений Закона № 891 от 1942 года, определяющего компетенцию частных детективов и охранников, требования к сотрудникам охранно-сыскных агентств и т.д., карается наказанием в виде тюремного заключения сроком от 1 года до 3 лет и штрафом от 6 до 40 тысяч франков по усмотрению суда. Точно такому же наказанию подлежит лично руководитель бюро, если он прибегает к услугам частных агентов, которые не отвечают требованиям Закона № 891. В случае, если нарушение законодательных актов было допущено руководителем бюро, то суд может принять решение о закрытии данного бюро на срок от 3 месяцев до 5 лет. Более того, на основании Закона № 80-1058 от 1980 г. компетентные административные органы страны могут вынести решение о временном закрытии охранно-сыскного бюро, если один из его частных агентов стал объектом уголовного преследования.

Португальский Закон № 276/93 о частных службах безопасности к противоправным относит следующие действия:

- 1) выполнение частными фирмами безопасности функций, не предусмотренных концепцией частной безопасности или запрещенных законом;
- 2) выполнение функций по обеспечению частной безопасности без соответствующего разрешения;
- 3) невыполнение обязанностей по применению специальных средств;
- 4) применение оружия сотрудниками частных фирм безопасности, не прошедшими соответствующей подготовки, и т.д.

Законом предусмотрена система штрафов за совершение вышеперечисленных незаконных действий. Кроме того, закон оговаривает, что в случае если сотрудник частной фирмы безопасности совершит преступление с использованием служебных полномочий, то данное обстоятельство будет рассматриваться как отягчающее при определении размера и вида уголовной ответственности¹.

Иными словами, в случае совершения частным охранником или частным детективом преступления, при выполнении своих служебных обязанностей, применение уголовно-правовых санкций осуществляется на общих оснований, без учета специфики данного субъекта уголовно-правовых отношений.

В республики Болгария установленная уголовная ответственность за злоупотребление доверием, если кто сознательно причинит вред имуществу, вверенному ему для управления или охраны (ст. 217 УК Болгарии).

Таким образом, как показал анализ, законодательство зарубежных государств стран Дальнего и Ближнего зарубежья также не отличается совершенством правового регулирования данного института.

Уголовная ответственность за превышение полномочий служащими частных детективных и охранных служб предусмотрена лишь в некоторых уголовных кодексах стран СНГ (Таджикистан, Казахстан, Кыргызстан, Молдова) и в действующем Уголовном кодексе РФ, которые наконец-то криминализировали превышение полномочий частными охранниками и детективами. В связи с тем, что данная норма является новой и не имеет исторического и зарубежного опыта регулирования, ее применение на практике вызывает определенные трудности или вообще данная норма не применяется, что является в свою очередь следствием ее несовершенства.

Подводя итог, изложенному в первой главе диссертационного исследования представляется возможным сделать следующие выводы.

Во-первых, на сегодняшний день частные охранные и детективные организации по своей численности, используемым силам и средствам, интеллектуальному потенциалу и специальной подготовленности, уровню организованности, дисциплинированности и управляемости представляют собой действительно мощную силу, способную к выполнению целого ряда общественно полезных функций. Практика взаимодействия органов внутренних дел с частными детективными и охранными структурами в охране общественного порядка и предупреждении правонарушений с учетом перемен, происходящих в стране, еще только формируется. Многие формы и направления этого взаимодействия не могут считаться вполне сложившимися и устойчивыми. Однако конечной целью взаимодействия частных охранно-сыскных структур с правоохранительными органами должно стать повышение уровня обеспечения общественного порядка, снижение уровня криминальных проявлений в обществе.

В условиях становления и развития частных охранно-сыскных организаций, с учетом особых целей и задач их деятельности, в условиях криминализации значительной ее части, уголовная ответственность за превышение полномочий ее сотрудниками является объективной необходимостью. Поэтому, появление в Уголовном кодексе РФ статьи, содержащий состав преступлений, предусматривающего ответственность за превышение полномочий сотрудником негосударственной правоохранительной системы, стало одним из средств повышения эффективности борьбы с различного рода нарушениями в рассматриваемой сфере. Однако, высокий уровень латентности данного вида преступлений свидетельствует о том, что действующее уголовное законодательство, устанавливающее ответственность сотрудников негосударственных правоохранительных структур не является в настоящее время эффективным средством борьбы с данным видом преступлений.

Во-вторых, отечественный опыт законодательного регулирования частной охранной деятельности свидетельствует о его слабой развитости в досоветский период и вообще отсутствии в годы советской власти. Однако

и опыт зарубежных государств также не отличается совершенством правового регулирования данного института.

Уголовная ответственность за превышение полномочий служащими частных детективных и охранных служб предусмотрена лишь в некоторых уголовных кодексах стран СНГ (Таджикистан, Казахстан, Кыргызстан и Молдова) и в действующем Уголовном кодексе РФ, которые наконец-то криминализировали превышение полномочий частными охранниками и детективами. В связи с тем, что данная норма является новой и не имеет исторического и зарубежного опыта регулирования, ее применение на практике вызывает определенные трудности или вообще данная норма не применяется, причиной чего является, прежде всего, определенные пробелы и недостатки в правовом регулировании уголовной ответственности за превышение полномочий сотрудниками частных охранно-сыскных структур и несовершенство самой законодательной конструкции ст. 203 Уголовного кодекса РФ.

Трюхан Дмитрий Викторович,
старший следователь следственного отдела
по расследованию преступлений в сфере экономики
СУ УВД России по г. Владикавказу

Особенности освобождения от уголовной ответственности за ограничение конкуренции

Решение вопроса об освобождении от уголовной ответственности за преступление содержащие признаки недопущения, ограничения или устранения конкуренции основано на положениях закрепленных в примечании 3 к ст. 178 УК РФ. Как и многие нормы гл. 22, ст. 178 УК РФ подверглась существенной редакции, в частности это коснулось возникновения примечания устанавливающего основания освобождения от уголовной ответственности за совершение предусмотренного ст. 178 УК РФ преступления. Следует также отметить, что действующая редакция данной нормы была осуществлена в 2015 году в связи с вступлением в юридическую силу ФЗ от 8 марта 2015г. №45-ФЗ¹ внесшим элемент состязательности для соучастников в разоблачение осуществляемой ими преступной деятельности. В настоящее время 3-е примечание к ст. 178 УК РФ представлено в следующем виде «Лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно первым из числа соучастников преступления добровольно сообщило об этом

¹ О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 8 марта 2015г. №45-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 10. – ст. 1415.

преступлении, активно способствовало его раскрытию и (или) расследованию, возместило причиненный этим преступлением ущерб или иным образом загладило причиненный вред и если в его действиях не содержится иного состава преступления».

Обращаясь непосредственно к содержанию проблем применения нормы, отметим, что отсутствие судебной практики по уголовным делам по ст. 178 УК РФ, в части применения специального основания освобождения от уголовной ответственности предусмотренного в примечании 3 анализируемой нормы не позволяют провести анализ собственно правоприменительных проблем. Поэтому анализ в рамках данного диссертационного исследования будет носить сугубо теоретический характер.

В сформулированном законодателем примечании, по нашему мнению, представляется возможным выделить пять условий необходимых для освобождения лица от уголовной ответственности:

- а) сообщение первым из числа соучастников о совершении преступления;
- б) добровольный характер сообщения о совершенном преступлении;
- в) активное способствование раскрытию и (или) расследованию преступления;
- г) возмещение причиненного преступлением ущерба или иное заглаживание причиненного вреда;
- д) отсутствие в действиях лица состава другого преступления.

Говоря о первом из них, а именно необходимости первоочередного сообщения о совершенном преступлении из числа всех соучастников, указывает на существенную новацию данной редакции исследуемой нормы, основанную на принципиально новом подходе законодателя к формулированию условий составляющих специальные основания освобождения от уголовной ответственности. Полагаем, данное условие призвано стимулировать преступника к действиям по изобличению остальных соучастников преступной деятельности.

Наряду с тем, что лицо, рассчитывающее на освобождение от уголовной ответственности, должно поторопиться с сообщением в органы власти о совершенном преступлении и изобличить лиц его совершивших, действия данного должны быть добровольными.

Понимание добровольного характера прекращения лицом осуществления преступной деятельности, неразрывно связано с возможностью выбора поведенческой модели, т.е. лицо должно иметь возможность выбора, продолжить преступную деятельность либо скрывать наступившие общественно-опасные последствия или отказаться от совершения преступления и заявить о нем в компетентные органы.

Если проводить аналогию со смежными правовыми институтами данное поведение лица охватывается признаками явки с повинной, которая в свою очередь является межотраслевым правовым институтом и опреде-

ляется в нормах уголовного и уголовно-процессуального права. С точки зрения уголовного права явка с повинной – это обстоятельство, смягчающее наказание (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ), условие освобождения от уголовной ответственности (ч. 1 ст. 75, ч. 3 ст. 78 УК РФ) или от отбывания наказания (ч. 2 ст. 83 УК РФ). С позиций уголовно-процессуального права – повод для возбуждения уголовного дела (п. 2 ч. 1 ст. 140 УПК РФ). И хотя у этих двух понятий много общего, у них есть и существенные различия. Уголовно-правовое явление, именуемое явкой с повинной, может возникнуть в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности.

Характеризуя явку с повинной как уголовно-правовое понятие, Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении от 22.12.2015 № 58 (ред. от 29.11.2016) указывает: «Под явкой с повинной, которая в силу пункта «и» части 1 статьи 61 УК РФ является обстоятельством, смягчающим наказание, следует понимать добровольное сообщение лица о совершенном им или с его участием преступлении, сделанное в письменном или устном виде»¹.

Добровольное сообщение лица о совершенном им или с его участием преступлении признается явкой с повинной и в том случае, когда лицо в дальнейшем в ходе предварительного расследования или в судебном заседании не подтвердило сообщенные им сведения.

В рассматриваемом контексте добровольное сообщение лица о совершенном им преступлении, предусмотренном ч.1 ст. 178 УК РФ, целиком укладывается в содержание условий его освобождения от уголовной ответственности по ч.1 ст.75 УК РФ. Таким образом, даже в отсутствии специального основания освобождения от уголовной ответственности (примечание 3 к ст. 178 УК РФ) лицо, совершившее преступление ч.1 ст.178 УК РФ может быть освобождено от уголовной ответственности по общему основанию. Однако следует согласиться и с тем, что освобождение лица от уголовной ответственности по специальному основанию является для него более предпочтительным, поскольку оно предполагает безусловное освобождение от ответственности в то время как общее основание оставляет место судебному усмотрению.

Способствование раскрытию преступления предполагает активное содействие лица в проведении предварительного расследования (не разделяем позиции Л.В. Иногамовой-Хегай, относительно того, что лицо не обязано в данном случае способствовать расследованию преступления, поскольку, в отличие от ч. 1 ст. 75 УК РФ, на это обстоятельство не указывается в анализируемом примечании²). Как представляется, такое способ-

¹ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 29.11.2016) // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»

² Иногамова-Хегай Л.В. Тенденции уголовной политики в сфере борьбы с экономическими преступлениями // Преступления в сфере экономики: российский и европейский опыт / отв. ред. А. И. Рарог. – М., 2009. – С. 118.

ствование невозможно без признания себя виновным, однако, как указано в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013г. № 19, «признание лицом своей вины без совершения действий, предусмотренных указанной нормой (т.е. ч. 1 ст. 75 УК РФ.), не является деятельным раскаянием». Иными словами, в дополнение к признанию себя виновным лицо также должно совершать иные действия, как-то давать признательные и подробные показания, изобличать возможных соучастников, указывать на письменные и вещественные доказательства и т.д.

Возмещение ущерба или иное заглаживание вреда, причиненного в результате действий, предусмотренных статьей, с учетом характера преступления, предполагает преимущественно денежное возмещение реального ущерба и упущенной выгоды потерпевшему. Вместе с тем данное условие содержит в себе неясный момент, связанный с источником возмещения ущерба или иного заглаживания вреда. Очевидно, что нарушения антимонопольного законодательства в основном имеют место в процессе деятельности юридических лиц и в основном к ответственности привлекаются их руководители и иные субъекты внутри структуры юридических лиц. На кого должна быть в таких случаях возложена обязанность выполнить это условие: на виновное лицо или на организацию, получившую фактически выгоду от действий виновного? Ответ на данный вопрос мы получаем из п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016г. № 48¹ где говорится, что «возмещение ущерба и (или) денежное возмещение, предусмотренные ст. 761 УК РФ, могут быть произведены не только лицом, совершившим преступление, но и по его просьбе (с его согласия) другими лицами».

В литературе высказываются следующие соображения по этому вопросу: «не ясно, кто именно должен совершать действия по выполнению ее условий – организация или непосредственно подлежащий уголовной ответственности ее руководитель? Понятно, что формалистский подход к этому вопросу приведет к невозможности в большинстве случаев применения «программы»: действительно, трудно себе представить, что руководитель организации сможет из собственных средств возместить причиненный ущерб (сумму, начинающуюся с 1 млн. руб.) или перечислить незаконно полученный доход (сумму, начинающуюся с 5 млн. руб.). И это при том, что доход от монополистической деятельности получала организация, а не он сам, не говоря уже о том, что сами нарушения являлись действиями последней. Чтобы такое толкование не привело к абсурдным результатам на практике, представляется, что «программа освобождения от уголовной ответственности» должна применяться к руководителю как субъекту уголовной ответственности, если в результате его действий организация воз-

¹ О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016г. №48 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

местила ущерб или перечислила незаконно полученный доход»¹. С высказанным мнением трудно согласиться, поскольку лицо подлежащее освобождению от уголовной ответственности должно лично, за свой счет выполнить действия, составляющие деятельное раскаяние, поскольку в противном случае последнее будет отсутствовать. Безусловно потерпевшего вряд ли будет интересовать источник денежных средств из которого будут компенсированы его финансовые убытки, понесенные в результате совершенного в отношении него преступления. По всей вероятности законодатель и судебная практика руководствовались подобными соображениями, допуская возможность использования виновным различных финансовых источников (как собственных, так и принадлежащих третьим лицам) для возмещения, причиненного преступлением имущественного ущерба.

В целом же оценивая примечание 3 к ст. 178 УК РФ, мы полагаем его наличие в уголовном законе излишним. К ч. 1 ст. 178 УК РФ применима ч. 1 ст. 75 УК РФ; что же касается ч. 2 и 3 ст. 178 УК РФ, то, на наш взгляд, санкция ч. 2 ст. 178 УК РФ без ущерба для пенализации данной нормы может быть снижена в части ее верхнего предела до 5 лет лишения свободы с тем, чтобы перевести преступление в категорию средней тяжести и охватить его ч. 1 ст. 75 УК РФ. Применительно к ч. 3 ст. 178 УК РФ, на наш взгляд, освобождение от уголовной ответственности ввиду насильственной природы преступления вряд ли целесообразно; однако с учетом обстоятельств дела у суда всегда остается возможность прибегнуть к освобождению от наказания.

Чич Бислан Еристович,
заместитель руководителя следственного отдела
по Майкопскому району следственного управления
Следственного комитета Российской Федерации по Республике Адыгея
аспирант 1-го курса Московской Академии
Следственного комитета Российской Федерации г. Майкоп

Недопущение ошибок на стадии возбуждения уголовного дела в контексте уголовной политики государства

Одним из стратегических приоритетов в государственно-правовой политике можно с уверенностью назвать обеспечение эффективной защиты прав и законных интересов личности, общества и государства. По справедливому утверждению исследователя, все направления государственно-

¹ Егорушкин А.В., Полякова Е.А., Хохлов Е.С. Антимонopolное законодательство: очередной этап реформы / под ред. Е. С. Хохлова. – М., 2010. – С. 130; См. также: Денисова А. В. Уголовно-правовая защита конкуренции // Российская юстиция. – 2012. – № 11. – С. 25.

правовой политики исходят из приоритета права и свобод человека в правовом государстве и основываются на праве¹. Однако само по себе провозглашение идеи о приоритете прав человека мало что значит без их надежного обеспечения, а также без защиты правовыми средствами. Эффективность уголовно-правовой охраны основных прав и свобод человека и гражданина зависит одновременно от постановки и реализации задач уголовной политики в данной сфере, содержания соответствующих норм Уголовного кодекса Российской Федерации и практики их применения². Главными целями уголовной политики является защита прав и свобод граждан, конституционных основ государственного строя от противоправных посягательств. Именно уголовная политика определяет концепции борьбы с преступностью; ответственность государства и правоохранительных систем перед обществом; стратегии и специфику реализации данной политики в новых условиях и в связи с новыми задачами, ориентированными на новые ценностные установки в современном социуме³.

Реализация уголовной политики - задача государственных органов, а именно, органов осуществляющих предварительное следствие и правосудие. Очевидно, что уголовная политика не может быть противопоставлена другим направлениям единой государственной политики, поскольку стабилизация криминогенной обстановки возможна лишь в результате действия всего комплекса экономических, социальных, идеологических, воспитательных и правовых мер⁴. Деятельность современного государства ориентирована на достижение центральной цели – защиты человека, общества и государства. Именно для ее достижения государство выстраивает свою политику, затрагивая и стратегию национальной безопасности.

Обеспечение государственной и общественной безопасности осуществляется путем повышения эффективности деятельности правоохранительных органов и специальных служб, органов государственного контроля (надзора), совершенствования единой государственной системы профилактики преступности, в первую очередь среди несовершеннолетних, и иных правонарушений (включая мониторинг и оценку эффективности правоприменительной практики), разработки и использования специальных мер, направленных на снижение уровня криминализации общественных отношений⁵.

¹ Дивин И.М. К вопросу о государственной правовой политике современной России в сфере административного судопроизводства // Российская юстиция. – 2016. – № 5. С. 41-44

² Амрахов Н.И. Права и свободы человека и гражданина как объект уголовно-правовой охраны: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2006. с. 11

³ Назаров А. Д. Следственные ошибки в досудебных стадиях уголовного процесса. Красноярск, 2000. С. 138.

⁴ Бородин С.В. Концепция уголовно-правовой политики через призму системного подхода // Российская юстиция. - 2014. - № 3. С. 51-54.

⁵ Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ.- 04.01.2016. –№ 1 (часть II). - Ст. 212.

Очевидно, что все действия органов государственной власти, ведущих предварительное расследование, начиная с принятия заявления о совершении преступления, проведения проверки, возбуждения уголовного дела (отказа в возбуждении уголовного дела) и заканчивая вынесением приговора, должны носить объективный характер и строго соответствовать закону. В таких действиях недопустимы ошибки. В противном случае нивелируется значение уголовно-процессуальной деятельности в целом, появляется отрицательное отношение общества к органам, ведущим предварительное расследование.

Всякая ошибка в общеупотребительном значении представляет собой неправильность, неточность, погрешность, ляпсус, недочет, промах, неверную мысль, неверный или ложный шаг, неправильное действие или бездействие и т.п. В словарях русского языка ошибка трактуется как неправильность в действиях, поступках, высказываниях, мыслях¹. В уголовном процессе ошибки могут иметь место при принятии процессуальных решений и производстве процессуальных действий².

Российское уголовно-процессуальное законодательство и законодательство, регулирующее особенности осуществления надзора за деятельностью органов предварительного расследования, нацелено на максимальное устранение недостатков при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности. Вместе с тем, именно недостатки и ошибки, допускаемые дознавателями и следователями до стадии возбуждения уголовного дела, ведут также к проблеме «укрывательства» преступлений, неполноты, необъективности доследственных мероприятий, неизобличению виновных. При этом значительно возрастают коррупционные риски, так как в доследственной стадии облегчается возможность умышленного «решения вопросов» до возбуждения уголовного дела со ссылкой на непрофессионализм дознавателей, следователей, прокуроров, надзирающих за органами предварительного следствия со стороны всех этих же должностных лиц.

Анализ причин отмен процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовных дел на протяжении нескольких лет в органах Следственного комитета Российской Федерации позволяет выделить ряд недостатков (ошибок), характерных как для всех отмененных решений, так и для решений, принятых по отдельным видам преступлений.

Общими ошибками, характерными для всех доследственных проверок и допускаемых на стадии до возбуждения уголовного дела является неполнота проведенных проверок, выражающаяся в следующих недостатках:

- в отсутствии в материалах объяснений лиц, которые могут обладать какой-либо информацией о происшествии или охарактеризовать потерпевших;
- необходимость проведения дополнительных исследований;

¹ Ожегов. С.И. Словарь русского языка. М., 1987. С. 419.

² Назаров А. Д. Следственные ошибки в досудебных стадиях уголовного процесса. Красноярск, 2000. С.8.

- необходимость приобщения различных документов;
- недостаточность данных о контактах лиц, в отношении которых проводятся проверки.

В целях исключения ошибок, допускаемых на стадии до возбуждения уголовного дела, требуется создание действенного уголовно-процессуального механизма взаимодействия между различными правоохранительными органами. Так, прежде всего, необходимо принять ряд организационных мер, а именно:

- повысить результативность взаимодействия с территориальными подразделениями МВД в целях незамедлительного информирования о фактах совершения преступлений;
- обеспечить эффективное проведение первоначальных проверочных мероприятий (осмотров, опросов очевидцев, соседей, родственников потерпевших) на месте происшествия, в том числе с привлечением сотрудников территориальных подразделений МВД;
- наладить взаимодействие с экспертными учреждениями, отслеживать производство экспертных исследований в целях незамедлительного предоставления запрашиваемых экспертами дополнительных сведений и своевременного получения заключений экспертов;
- исключить факты отмены прокурорами постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел по формальным основаниям.

Очевидно, что уголовно-процессуальный механизм устранения и недопущения ошибок является одним из государственно-правовых средств поддержания режима законности и обеспечения господства права в государстве и обществе и представляет собой часть более широкого организационно-правового механизма устранения ошибок, включающего в себя не только процессуальные, но и иные организационные, по сути, компоненты. Согласимся с исследователем¹, отмечающим также, что государственно-правовые средства поддержания режима законности и обеспечения господства права в целом заданы и соответственно представлены в правовой политике государства, а организационно-правовой механизм (включая уголовно-процессуальный) – в уголовной политике. Именно поэтому уголовно-процессуальный механизм устранения ошибок должен рассматриваться в контексте уголовной политики с учетом наличия иных (не процессуальных) организационно-правовых компонентов (или механизмов). Ведь государство обязано гарантировать законное и обоснованное применение мер пресечения и соблюдение принципов уголовного судопроизводства.

¹ Назаров А. Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы // Дисс... докт. юрид. наук. СПб., 2017. С. 131.

Содержание

Савенко И.А. Особенности ответственности за провокацию взятки либо коммерческого подкупа.....	3
Сичкаренко А.Ю. «Транспортное» хулиганство: особенности квалификации.....	10
Соболев В.В. Социально-правовой и социокультурный аспекты участия народа в отправлении правосудия.....	13
Соловьев В.С. Вопросы обеспечения криминологической безопасности социального сегмента сети Интернет.....	20
Стешич Е.С. Факторы, влияющие на оценку уровня криминальной смертности.....	26
Стрилец О.В. Взаимосвязь принципов уголовного и уголовно-исполнительного права в рамках современной уголовной политики.....	31
Танага И.В. Виктимологический портрет личности жертвы при захвате заложников.....	36
Токарчук Р.Е. Теоретические основы применения института малозначительности деяния при квалификации превышения пределов обстоятельств, исключающих преступность деяния и преследующих общественно полезные цели.....	39
Чахов Г.Н. Специфические черты формирования мотивации насильственного поведения несовершеннолетних в современной России.....	45
Шадрин О.Ю. Характерные черты современного терроризма и основные направления борьбы с ним.....	49
Шалагин А.Е. Криминологическая характеристика и предупреждение насильственной преступности.....	53
Урда М.Н. Особенности формирования уголовной политики противодействия незаконной миграции.....	58
Яковлев В.В. О проблемах реализации стратегии противодействия коррупции в России.....	62
Гришко Н.А. Учет личностных особенностей женщин, совершающих преступное насилие в семейно-бытовой сфере, в его профилактике.....	66
Заева О.П. Проблемы, связанные с привлечением лица в качестве обвиняемого.....	70
Кустова Н.К. Основные критерии отграничения прикосновенности к преступлению от соучастия и иных форм совместного совершения преступления.....	75
Норец А.М. Прокурорский надзор по защите прав несовершеннолетних на примере города Краснодар.....	81
Свиридов Д.А. Уголовная политика Республики Беларусь в сфере экономической деятельности.....	85

Табакowa Н.А. О необходимости проведения системных уголовно-правовых и криминологических исследований в сфере выпуска и обращения ценных бумаг.....	89
Алимпиев А.А. О некоторых вопросах противодействия массовым беспорядкам уголовно-правовыми средствами.....	91
Ахриев М.Т. Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты изъятия электронных носителей информации.....	95
Бадамшин С.К. Современная культура и формирование личности субъектов преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием СМИ.....	98
Байдин А.Н. Оборудование для изготовления или переработки сильнодействующих или ядовитых веществ как предмет преступления, предусмотренного ст. 234 УК РФ.....	103
Бацаев Б.Б. Принудительные меры медицинского характера в российском уголовном праве.....	109
Береза О.А. Бланкетность как особенность уголовного права.....	113
Гаджималикова З. Х. Анализ соотношения понятий «вовлечение в террористическую деятельность» и «пособничество».....	120
Гамаюнова В.П. Уголовно-правовые средства противодействия незаконной миграции.....	124
Гутнов Г.В. Право на свободу собраний как объект уголовно-правовой охраны: конституционное содержание и пределы....	130
Иванов А. Ю. Объект реабилитации нацизма.....	139
Кашкарова Н.А. Анализ дорожно-транспортной аварийности и травматизма как основа планирования профилактических мероприятий.....	142
Кештова Ж.А. Проблемы квалификации признаков субъективной стороны угона.....	147
Крюк В.С. Проблемы внутрисемейного насилия в отношении детей. Бить нельзя любить: где поставить запятую?.....	151
Кузьмина О.Н. Назначение судебного штрафа как новый вид освобождения от уголовной ответственности.....	158
Луговенко Т.С. Криминологическая характеристика лиц, вовлекающих молодежь в экстремистскую и террористическую деятельность.....	161
Мальковский Д.В. Общие уголовно-правовые признаки нецелевого расходования бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов.....	167
Медведев Н.В. Проблемы противодействия преступлениям в сфере незаконного оборота оружия, совершаемым с использованием интернет-ресурсов.....	178
Москвичев А.А. Уголовная ответственность за содержание игорного притона или систематическое предоставление помещения для проведения азартных игр.....	183

Москвичев С.А. Современный подростковый буллинг: причины и формы его проявления.....	186
Мукажанов А.К. вопросу об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по делам о хулиганстве.....	189
Пучнина М.Ю. Уголовно-правовые меры противодействия деятельности сообществ суицидальной направленности («групп смерти») в сети Интернет.....	192
Степанян И.С. Конкуренция уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за участие граждан РФ в совершении актов международного терроризма за пределами государства.....	196
Собин Д.В. Пенализация нарушений Правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств: законодательные и правоприменительные аспекты.....	200
Таракина К.Э. Актуальные проблемы квалификации мошенничества при получении выплат, совершенного лицом с использованием своего служебного положения.....	204
Тарасенко Д.В. Жертва и ее роль в генезисе преступного поведения.....	209
Фефелов В.Н. К вопросу о криминалистическом анализе организованной преступной группы.....	216
Фарышев Е.В. О некоторых профилактических мерах, применяемых к профессиональным преступникам в условиях изоляции от общества.....	219
Хамхоев Б.М. Производство допроса в ходе расследования преступлений, совершаемых в период проведения крупных международных и массовых спортивных мероприятий: организационные и тактические аспекты.....	223
Хурум М.А. Преступления, связанные с получением и разглашением конфиденциальной информации, в уголовном законодательстве советского периода.....	226
Шапарь М.А. Историко-правовой анализ возникновения и развития социальной адаптации осужденных в России.....	232
Шевченко А.В. Проблемы защиты детей от доведения до самоубийства.....	238
Юрпалова Д.Н. Роль факторов природной среды в ситуации совершения дорожно-транспортных преступлений женщинами.....	243
Яловая О.С. Виктимологические особенности корыстных преступлений, совершаемых в отношении женщин.....	248
Некоз А.С. К вопросу о признаках соучастия в преступлении.....	257
Панова Н.В. Незаконное участие в предпринимательской деятельности: официальная уголовная статистика и фактическая распространенность.....	264

Аникин В.А. О предмете преступления, предусмотренного ст. 233 УК РФ.....	270
Горовой В.В., Мухлынин Д.Н. О необходимости расширения перечня оснований для постановки подозреваемых, обвиняемых и осужденных на профилактический учет.....	274
Головин А.В., Шорникова Л.В. О некоторых вопросах организации противодействия преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ.....	277
Канкулов А.Х. К вопросу предупреждения нарушения прав человека в условиях мест принудительного содержания органов внутренних дел.....	280
Олейников А.А. Проблемы законодательного определения юридического статуса лица, имущество которого подлежит конфискации, и его закрепление в нормах УК РФ.....	285
Северин А.И. Правовое регулирование борьбы с преступлениями, связанными с деятельностью частных детективных и охранных организаций, в зарубежном законодательстве.....	292
Трюхан Д.В. Особенности освобождения от уголовной ответственности за ограничение конкуренции.....	300
Чич Б.Е. Недопущение ошибок на стадии возбуждения уголовного дела в контексте уголовной политики государства.....	304

Научное издание

**УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА
И КУЛЬТУРА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ**

Материалы
Международной научно-практической конференции
(15 сентября 2017 г.)

Том II

В авторской редакции
Компьютерная верстка *Н. А. Никитиной*

ISBN 978-5-9266-1334-3

Подписано в печать 15.12.2016. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 18,2. Тираж 150 экз. Заказ 647.

Краснодарский университет МВД России.
350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.